

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ
ЭТНОГРАФИЯ

3

1 9 2 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ССР

Москва. Ленинград.

Редакционная коллегия:

Редактор профессор С. П. Толстов,
заместитель редактора И. И. Потехин,
члены редколлегии: М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Ул. Фрунзе 10.

Подписано к печати 10. VIII. 1949 г. Печ. листов 14^{1/2} Заказ 2309
А-09129 Уч.-изд. л. 23,4 Тираж 2175 экз.
2-я типография Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

В. К. СОКОЛОВА

ПУШКИН И НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

*Там русский дух...
Там Русью пахнет!*

А. С. Пушкин

Эти с детства всем знакомые стихи великого русского поэта могут служить прекрасным эпиграфом ко всему его творчеству. Поэзия Пушкина глубоко национальна. Пламенный патриот, страстно любивший свою родину и свой народ, Пушкин «с надеждой упованья» ждал «минуты вольности святой», он верил, что «Россия вспрянет ото сна» и русский народ навсегда уничтожит рабство и самовластие. Вера в могучие силы и светлое будущее русского народа помогла Пушкину правильно понять русский национальный характер и с поражающим мастерством раскрыть его в своих произведениях.

На литературу Пушкин всегда смотрел, как на серьезное общественное дело; по его мысли, она должна воспитывать общество, направлять его.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я свободу
И милость к падшим призывал!..

восклицал он в «Памятнике». Он боролся за литературу, высоко идейную, правдиво изображающую жизнь. Главным достоинством литературы он считал народность, которую видел не во внешней передаче отдельных черточек народного быта и языка, а в глубоком проникновении в суть народного духа, народной психологии. «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и поверьй, и привычек, принадлежащих исклучительно какому-нибудь народу», — пишет он в заметке 1826 г.¹ И он старался уловить это неповторимое своеобразие национального характера и передать его в своих произведениях. Внимательно наблюдает он быт народа, изучает его поэзию, обычай, верования. «Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая в угоду государственной идее «народности» и лицемерным тенденциям придворных поэтов», — писал А. М. Горький². Везде, куда бы ни бросало Пушкина царское самодержавие, он не упускает случая знакомиться с народом. Сосланный на юг, по дороге на Кавказ слушает он песни донских казаков, беседует с Н. Н. Раевским о Разине и затем на материале так называемых «разбойничьих» песен создает поэму «Братья-разбойники». На Кавказе наблюдает он быт северокавказских горцев, в Молдавии — молдаван и цыган, песню которых, услышанную здесь, он перевел и включил в поэму «Цыгане». Здесь же он жадно слушает рассказ о национально-освободительной борьбе греков и сербов с турками. Осо-

¹ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, 1937, стр. 52.

² А. М. Горький, История русской литературы. М., 1939, стр. 98.

бенно же близко соприкасается Пушкин с народом во время михайловской ссылки. В Михайловском он превращается в настоящего ученого-этнографа: изучение народной жизни, запись песен и преданий становится на время его основным занятием. «Вечером слушаю сказки и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!» — пишет он брату в ноябре 1824 г.³ О том же пишет он П. А. Вяземскому и Д. М. Шварцу. С тетрадкой и карандашом бродит он по окрестностям, разговаривает с крестьянами, наблюдает их жизнь. Его можно видеть на праздниках и на ярмарках, где он производил свои записи. «Придет в народ, тут гулянье, а он сядет на земь, соберет к себе нищих слепцов, они ему песни поют, стихи сказывают», — вспоминал кучер Пушкина. Много сказок, песен и пословиц услышал он от своей няни Арины Родионовны, одаренной большим поэтическим талантом.

Мастерица ведь была,
И откуда что брала!
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины,
Православной старины...

Так позднее характеризовал Пушкин ее мастерство. Созданный им образ Арины Родионовны, как и образ Ирины Федосовой в очерке Горького, — самые блестящие в русской фольклористике характеристики творцов и носителей народной поэзии. Несколько сказок Арины Родионовны сохранилось в записи Пушкина. Они наряду с услышанными им от других сказочников, а также с напечатанными русскими сказками послужили потом Пушкину основой его собственных сказок.

Прогрессивный характер пушкинского фольклоризма и его связь с передовыми общественными течениями эпохи, со взглядами декабристов уже отмечались в русской литературе. Пушкина интересуют в первую очередь произведения, помогающие понять мировоззрение народа и его отношение к господствующим классам, — сказки о барах и попах, сатирические песни. Пушкин первый записал песню о «сынке Разина», говорящую о предстоящей расправе народа с «губернаторами», первый собирает песни и предания о Пугачеве, а когда в 1836 г. французский литератор Леви Веймар попросил его перевести для французского издания несколько народных русских песен, то он перевел прежде всего «разбойничьи» и исторические песни, в том числе две (из одиннадцати переведенных) — о Степане Разине. Им самим был создан целый цикл песен о Разине — «единственном поэтическом лице нашей истории» — по его определению. Именно эти песни Пушкин считал подлинным выражением русского народного духа. «Разбойничьи» и исторические песни яснее всего разоблачали реакционную, созданную крепостниками — представителями официальной народности и славянофилами — легенду о русском народе как покорном, богобоязненном, обожающем своего царя и помещика. Поэтому и в плане обещанного Киреевскому предисловия к сборнику песен Пушкин на первое место поставил песни исторические — о Грозном, Степане Разине, Петре I и др. Показательно, что Пушкин называет здесь и песни о Меньшикове; их очень немного, но они дают резко отрицательную характеристику Меньшикову, что, повидимому, и заставило Пушкина на них остановиться особо. О том, как хорошо Пушкин понимал и умел вскрывать классовую сущность произведений фольклора, говорит его толкование некоторых русских пословиц. Он показывает их классовую направленность и пытается выяснить время и обстоятельства их возникновения.

³ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. Академии Наук, т. XIII, стр. 121.

«Апология пытки, пословица палача», — говорит он по поводу пословицы «кнут не архангел, души не вынет, а правду скажет». И дальше: «Бог даст день, бог даст и пищи. — Этой пословицей бедняк утешал однажды голодную жену. — Да, — отвечала она, — пищи, пищи, да с голоду и умри»⁴.

Фольклор является для Пушкина и важнейшим историческим источником. Он проверяет официальные исторические документы показаниями устной народной летописи. Когда он задумал писать историю Пугачева (переименованную потом по высочайшему повелению в «Историю Пугачевского бунта», ибо «разбойники истории не имеют»), то отправляется в Оренбург, в места событий. Там он беседует с казаками, хорошо помнившими Пугачева и сочувствовавшими ему. «Уральские казаки (особливо старые люди) доныне привязаны к памяти Пугачева», — пишет Пушкин в «Замечаниях» к «Истории Пугачева». — «Грех сказать, говорила мне 80-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал.... — Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович»⁵. Такие рассказы, по понятным причинам, не нашли места в «Истории», но Пушкин счел себя обязанным хотя бы в «Замечаниях» сказать о действительном отношении народа к Пугачеву.

В области собирания и использования фольклора Пушкин был передовым деятелем, смело пролагающим новые пути. Познание народного быта, истории и искусства народа нужно было ему для борьбы с реакционной идеологией и крепостничеством, для создания новой, реалистической, подлинно народной литературы. Не архаика, не пережитки глубокой старины интересуют его, а современная жизнь, современное положение и взгляды крестьянина. Повидимому, в Болдине записывает Пушкин песню об Аракчееве, проклинающую ненавистного народу временщика:

Ты, Ракчеев господин,
Всю Россию разорил,
Бедных людей прослезил,
Солдат гладом поморил.

Таких острых современных песен почти нет в собраниях XIX и начала XX в. И причиной этому — не только цензурные условия, но и отбор самих собирателей, желавших в силу своих классовых позиций скрыть недовольство народа существующим порядком.

Большое место в записях Пушкина занимают свадебные песни (некоторые из них вошли в «Русалку»). Они интересовали его как материал, прекрасно рисующий семейную жизнь народа и особенно положение женщины в семье. В «Путешествии из Москвы в Петербург» он говорит о несчастной семейной жизни русских крестьян, вступающих в брак по принуждению господ, и ссылается в подтверждение своих слов на русские песни. «Вообще несчастие жизни семейной есть отличительная черта в нравах русского народа. Шлюсь на русские песни: обыкновенное их содержание — или жалобы красавицы, выданной замуж насилино, или упреки молодого мужа постылой жене. Свадебные песни наши унылы, как вой похоронный»⁶. И дальше Пушкин передает короткий, но чрезвычайно выразительный разговор со старой крестьянкой. «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж? — По страсти, — отвечала старуха, — я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь». «Таковые страсти обыкновенны», — заключает он. Так везде у Пушкина за поэзией стоит действительная жизнь. Свадебной поэзией занимались и славянофилы и представители

⁴ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, 1937, стр. 385, 386.

⁵ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. Академия Наук, т. IX, ч. I, стр. 373.

⁶ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, 1937, стр. 244—245.

«официальной народности». Но для них это обряд, созданный господствовавшими классами древней Руси, сохраняющий черты старорусского боярского быта; Пушкин же видит в свадебных песнях отражение современных семейных отношений русского крестьянства. Собранные им материалы объективно обличают крепостнический строй.

Высказывания Пушкина о грустном характере русских семейных и свадебных песен, делавшиеся им неоднократно («от ямщика до первого поэта мы все поем уныло»), совпадают с высказываниями декабристов и Белинского. А. Бестужев в «Полярной звезде» на 1825 г. говорил о богатстве русских песен, о свежести чувств и сердечности, отличающих их, и при этом замечал: «Но беды стечества и туманное небо проливаются на них какое-то уныние». Грустный характер русских лирических песен отмечал и Белинский, но, утверждает он, «Это грусть души крепкой, мощной, несокрушимой». Таким образом, для декабристов, Пушкина, Белинского грусть и уныние отнюдь не основная исконная черта русского народного характера, а результат тяжелых испытаний, выпавших на его долю, результат его бесправного положения. Это «могло бы обес- силить и уничтожить всякий другой народ, все это только закалило русский народ»⁷, — воскликнул Белинский, пламенно веривший в силы и светлое будущее русского народа. Верил в это и Пушкин, не случайно он всю жизнь интересовался народными восстаниями.

Пушкин верил, что «прекрасная заря» взойдет «над отечеством свободы просвещенной», принесет счастье и просвещение не только русскому народу, но и всем народам России.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой
И назовет меня всяк сущий в ней язык,—

писал он в «Памятнике» и во время своих поездок наблюдал жизнь и нравы «ныне диких» еще народов, стремясь понять своеобразие их быта и культуры. Хорошо были знакомы ему лучшие труды русских путешественников-этнографов. В «Истории Пугачева» Пушкин использует сведения о калмыках, сообщенные ему Иакинфом Бичуриным, а в примечании дает очень высокую оценку трудов этого выдающегося русского ученого: «Самым достоверным и беспристрастным известием о побеге калмыков обязаны мы отцу Иакинфу, коего глубокие познания и добросовестные труды разлили столь яркий свет на сношения наши с востоком. С благодарностью помещаем здесь отрывок из неизданной еще книги о калмыках»⁸. В библиотеке Пушкина находились книги, подаренные ему Бичуриным, а в списке книг, взятых им из библиотеки Полотняного завода, на первом месте значилось описание Китая.

Незадолго до смерти Пушкин задумал писать статью о Камчатке. Для нее он делает заметки и выписки из книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», причем особенно подробно останавливается на материалах, характеризующих взаимоотношения коренного населения и поселившихся там казаков и их отношения с начальством, отмечая случаи возмущения местного населения жестокостями при сборе ясака, бунт казаков, выведенных из терпения самовластьем и жестокостью Атласова, и т. п. Стремясь понять мировоззрение камчадалов, он выписывает их предания, легенды, поверья.

Близкое знакомство с жизнью и поэзией народа раскрыло Пушкину богатый духовный мир русского человека, дало ему возможность создать художественную энциклопедию русской жизни на определенном историческом этапе. Его многочисленные образы русских людей — «русская душа» Татьяна и «Филиппьевна седая» в «Евгении Онегине»,

⁷ В. Г. Белинский, Полное собр., соч., т. VI, СПб., 1903, стр. 477.

⁸ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. Академии Наук, IX, ч. I, стр. 95.

Петр I, Разин и Пугачев, народ в «Борисе Годунове» и многие другие — различные, но все они раскрывают разные стороны русского народного характера, его лучшие черты. Известно, как широко включал Пушкин фольклор в свои художественные произведения и даже письма, как мастерски использовал он для характеристики образов народные песни и пословицы. Его замечательные сказки показывают, насколько глубоко постиг великий русский поэт самую сокровенную суть русской народной поэзии, как великолепно смог передать ее идейный смысл и поэтическую прелест.

Первым опытом творческого использования народной сказки явилась баллада «Жених», написанная еще в Михайловском и напечатанная в 1825 г. с подзаголовком «простонародная сказка». «Эта баллада и со стороны формы и со стороны содержания насквозь проникнута русским духом и о ней в тысячу раз больше, чем о «Руслане и Людмиле», можно сказать «здесь русский дух, здесь Русью пахнет», — писал Белинский⁹. Революционеру-демократу Белинскому «Жених» показал, насколько глубоко стал понимать Пушкин русский народ, а современные заумные критики Кукулевич и Лотман с усердием, достойным лучшего применения, «доказывают», что Пушкин здесь рабски копирует сказку Гримма и только придает ей «национальный колорит»¹⁰.

Подобные попытки свести всю творческую работу Пушкина над созданием сказок к простому пересказу иностранных источников и тем оторвать творчество великого поэта от народной почвы, повторявшиеся в работах проф. М. К. Азадовского и других¹¹, должны быть решительно осуждены. Сам Пушкин всегда выступал против понимания народности как внешнего «национального колорита» и еще в 1826 г. в заметках о народности литературы писал: «Один из наших критиков, кажется, полагает, что народность состоит в выборе предметов из отечественной истории, другие видят народность в словах, т. е. радуются тем, что, изъясняясь по-русски, употребляют русские выражения»¹². Не в этих внешних чертах, а в передаче «особенной физиономии» каждого народа, его образа мыслей и чувствований видел Пушкин подлинную народность. И при создании своих сказок он шел не от внешнего, не от отдельных деталей содержания и формы, а пытался раскрыть внутренний смысл русской сказки, донести до читателя ее основную мысль, сделать ее предельно ясной.

Сказки Пушкина открывают духовный мир русского крестьянина, показывают его отношение к современной русской действительности, к различным классам и социальным группам. Трезвая оценка народом различных жизненных явлений, меткий юмор, острая сатира даны в них с необычайным блеском. «Во всех этих сказках насмешливое, отрицательное отношение народа к попам и царям Пушкин не скрыл, не затушевал, а напротив оттенил еще более резко», — отмечал А. М. Горький¹³. Пушкин не искажает и не усложняет сказки, не запутывает ее сюжета, а стремится к простоте и ясности изложения. Наглядной иллюстрацией к словам Горького может служить работа Пушкина над сказкой «О попе и его работнике Балде». Пушкин слышал эту сказку в Михайловском, вероятно, от Арины Родионовны, он записал коротко ее сюжет, сохраняя при этом отдельные меткие выражения, использованные им потом в его сказке. Передавая сказку, Пушкин точно следует записанному им ва-

⁹ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. XII, 1926, стр. 75 (Статья о Пушкине).

¹⁰ А. М. Кукулевич и Л. М. Лотман, Из творческой истории баллады Пушкина «Жених». — «Пушкин. Временник», т. VI, 1941, стр. 72—91.

¹¹ М. К. Азадовский, Источники сказок Пушкина. — «Пушкин. Временник», т. I, Л., 1936. То же в его книге «Литература и фольклор» и в комментариях к различным изданиям сказок Пушкина.

¹² А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, стр. 51.

¹³ А. М. Горький, История рус. литературы, М., 1939, стр. 99.

рианту, сохраняет все его детали, но изменяет концовку. В услышанной Пушкиным сказке «поп, видя Балду, бежит и берет его в мешке вместо сухарей, утопляет ночью попадью вместо его и проч.» (запись Пушкина), а затем следует рассказ об излечении Балдой царской дочери, одержимой бесом. Этот последний эпизод снижает социальную остроту сказки и слишком удлиняет, запутывает ее. Пушкин выбрасывает все это и заканчивает свою сказку краткой, но выразительной сценой расчета Балды с попом. Сказка приобрела большую социальную остроту, ее основная мысль — неизбежность расправы народа со своими угнетателями — выявила со всей четкостью.

Так как для Пушкина самое важное в сказках было показать современную русскую действительность и социальные взаимоотношения, то он, естественно, останавливается в первую очередь на сказках сатирических и бытовых. И здесь мы опять имеем перекличку с высказываниями Белинского, который особенно высокоставил именно сатирические сказки. «В них,— говорил он,— виден быт народа, его домашняя жизнь, его нравственные понятия и этот лукавый русский ум, столь наклонный к иронии, столь простодушный в своем лукавстве»¹⁴. Образы пушкинских сказок — тупой, упрямый царь Додон, предпочитающий спокойно царствовать «лежа на боку», и скупой поп, «толоконный лоб», жестокая барыня, какой становится превратившаяся в дворянку жадная старуха,— находят полное соответствие в русских сатирических сказках и показывают истинное отношение народа к господствующим классам. Все они были живым отображением реальной действительности, так же как и положительные образы этих сказок, воплотившие лучшие черты народа. Вместо покорных, прославляющих батюшку царя и доброго помещика крестьян сентimentальных повестей и стихов, Пушкин показал в них действительного русского крестьянина.

Оптимизм фольклора, вера в конечное торжество справедливости, победу народа пронизывают все пушкинские сказки. Они как бы учат народ, как надо действовать. Нарисовав в сказке «О золотом петушке» казнь петушком Додона, Пушкин весьма недвусмысленно замечает: «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Цензура не пропустила этих слов, как и слов: «Но с царем опасно вздорить», — уж очень прозрачно намекалось здесь на русское самодержавие и его неизбежную гибель, а о том, как опасно вздорить с царями, Пушкин хорошо знал и по опыту своих современников, и по собственному опыту, который он и обобщил здесь.

«В творчестве истинно народном, эстетика — учение о красоте всегда тесно связана с этикой — учением о добре», — писал А. М. Горький в предисловии к книге «Баллады о Робин Гуде»¹⁵. Отлично понимал это и Пушкин, никогда не признававший искусства ради искусства. И в сказках он более чем где-либо подчеркивает этическую основу народного искусства. Мораль его сказок проста, ясна и сама собой вытекает, как и в народной сказке, из незамысловатого и правдивого рассказа.

Найденный С. М. Бонди черновик сказки о золотой рыбке показывает, как настойчиво старался Пушкин не только передать социальный смысл русской народной сказки, но еще больше заострить его. В этом черновике увидели только «римскую папу» и посчитали его неоспоримой уликой Пушкина в использовании гrimmовской сказки. А между тем он очень интересен, но совсем с другой стороны,— он раскрывает идеиный замысел сказки, который Пушкиным из-за цензурных условий не мог быть осуществлен полностью, и указывает, может быть, на один из возможных источников этой сказки, но только не немецкий, а русский.

«Сказка о золотой рыбке» была задумана Пушкиным не только в

¹⁴ В. Г. Белинский, Полное собр. соч., т. VI.

¹⁵ «Баллады о Робин Гуде». М., 1919. Предисловие, стр. 10.

плане моральном — осуждение за жадность и непомерные, все возрастающие требования, но и в плане социальном. Отношение старухи к мужу и окружающему миру коренным образом меняется вместе с продвижением ее вверх по социальной лестнице и приобретением все большего богатства и власти. Пушкин не затушевывает, а подчеркивает здесь классовые противоречия, классовый антагонизм крестьянства и помещиков. Ставши дворянкой, старуха живет в своем поместье, окруженная крепостными служами, «она бьет их, за чупрун таскает», а мужа посыпает служить на конюшне. Затем в сказке дана расправа царской стражи со стариком-крестьянином, осмелившимся войти в царский дворец и обратиться к царице. Кстати сказать, в гrimmовской сказке, в которой хотят видеть источник сказки Пушкина, на классовые противоречия нет даже и намека, в русских же бытовых и сатирических сказках они даны очень ярко.

Но картина русской социальной жизни в сказке Пушкина получилась неполной, в ней отсутствует духовенство, занимающее такое большое место в народной сатире. Пушкин не смог показать отношения народа к попам из-за цензурных соображений (вспомним, что Балда смог появиться в печати только после смерти Пушкина и то в искаженном виде, с заменой попа купцом Кузьмой Остолопом, и только в 1882 г. удалось напечатать подлинный пушкинский текст). Еще Л. Н. Майков высказал предположение, что Пушкин, желая видеть свою сказку в печати, не смог кончить ее так, как кончаются аналогичные русские сказки — старик и старуха просят сделать их святыми или богами¹⁶. Первоначальные наброски Пушкина показывают, как настойчиво старался он сохранить этот мотив, как пытался обойти цензуру. Отсюда и «римская папа», и латинский монастырь с латинскими монахами, поющими латинскую обедню. Но латинский монастырь (хотя бы и с явным намеком на русский) был диссонансом в русской сказке; Пушкин чувствует это и, набросав всего лишь четыре строчки, отказывается от этого варианта и пробует найти другое решение, используя образы древнерусской литературы («перед нами вавилонская башня» и т. д.). Но и этот вариант с его книжно-религиозными образами не соответствовал духу настоящей народной сказки, Пушкин отбрасывает и его, оставив лишь последнюю просьбу старухи сделать ее владычицей морскою (первоначально было «А хочу быть владычицей солнца», т. е. намек на желание стать богом).

Таким образом, черновик Пушкина раскрывает его работу над сказками, показывает, как бережно старался он сохранить их смысл. Из того же черновика мы видим, что сказка первоначально начиналась: «На Ильмене на славном озере». Это упоминание едва ли случайно. Оно вызывает в памяти былину о Садко, где в Ильмень-озере вылавливается рыбка — золоты перья, приносящая богатства, где большую роль играет царь морской и дается картина бушующего моря. Возможно, однако, что Пушкин здесь использовал какую-то местную легенду об Ильмень-озере, которую он мог услышать в Михайловском.

Отбор Пушкиным сказок и приемы их обработки, так же как и отбор им песен, показывают, что Пушкин сумел понять и передать действительные воззрения, стремления и надежды вольнолюбивого народа. И когда великий русский поэт обращался к поэзии зарубежных народов, то он и там искал прежде всего произведения, показывающие силу и патриотизм народа. Певец свободы, мечтавший увидеть русский народ неугнетенным «и рабство падшее», с сочувствием относился к национально-освободительной борьбе порабощенных народов. Его волнует борьба греков, к которым он обращает пламенный призыв: «Восстань, о Греция, восстань!». Высоко оценивает он героические песни современ-

¹⁶ См. Л. Н. Майков. Сказка о рыбаке и рыбке Пушкина и ее источники. «Журнал Мин. нар. просвещения», 1892, май, стр. 146—157.

ных греков, собранные Фориэлем и переведенные частично на русский язык Гнедичем. «Песни греческие прелесть», — пишет он 23 февраля 1825 г. Н. И. Гнедичу¹⁷, подарившему ему свой перевод. Книга Фориэля, пронизанная пафосом освободительной борьбы и обрушающаяся на тех, кому «пыль старинных городов и храмов Греции дороже современной жизни», была близка Пушкину по своим установкам и не могла не вызвать его сочувствия. Очень показательно, что из книги Мериме Пушкин переводит в первую очередь песни, говорящие о патриотизме и самоотверженности сербов и черногорцев, об их героической борьбе с врагами родины («Гайдук Хризич», «Бонапарт и черногорцы» и др.), а сам сочиняет песни о современных вождях восставших сербских патриотов — Георгии Черном и воеводе Милоше.

Ненависть к рабству и угнетению во всех формах, в каких бы они ни проявлялись, помогла Пушкину разглядеть истинную сущность американской демократии, прикрывающую ложь и лицемерие правящих классов. «С изумлением увидели, — пишет он в статье «Джон Теннер», — демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстью к довольству (comfort)... рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не знающем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие.... Такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами»¹⁸.

Записки Джона Теннера о быте и обычаях североамериканских индейцев он считает особенно цennыми, потому что «они будут свидетельствовать перед светом о средствах, которые американские штаты употребляли в XIX столетии к распространению своего владычества»¹⁹. Они показывают, как гибнут индейцы, безжалостно истребляемые американскими колонизаторами, гибнут «через огонь и меч, или от рома и ябеды». «Цивилизация европейская, вытеснив их из наследственных пустынь, подарила им порох и свинец; тем и ограничилось её благодетельное влияние»²⁰, — иронически замечает Пушкин, и, выписывая целые страницы из книги Теннера, предоставляет читателю самому судить, «какое улучшение в нравах дикарей приносит соприкосновение цивилизации»²¹. Пушкин разоблачает колониальную романтику, созданную реакционными писателями. «Шатобриан и Купер оба представили нам индейцев с их поэтической стороны и закрасили истину красками своего воображения»²², — и с негодованием осуждает «явную несправедливость и бесчеловечие американского Конгресса». Статья о Джоне Теннере — блестящий образец использования этнографических описаний для борьбы против рабства и колониального угнетения. Она звучит злободневно и сейчас, когда банкиры из Уолл-стрита мечтают при помощи всей тех же приёмов установить господство над всем миром.

Отношение Пушкина к народной поэзии, сказавшееся как в отборе материала и истолковании его, так и особенно в его творческом использовании, резко противостоит концепциям представителей лагеря дворян-крепостников. В борьбе двух направлений в русской этнографии и фольклористике — демократического и реакционного — Пушкин целиком примыкает к первому. Наследник Радищева и декабристов, он развивает и углубляет их взгляды: ближе декабристов стоит он к народу, лучше

¹⁷ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. Академии Наук, т. XIII, стр. 145.

¹⁸ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academie», т. VIII, 1936, стр. 234—235.

¹⁹ Там же, стр. 236.

²⁰ Там же, стр. 245.

²¹ Там же, стр. 251.

²² Там же, стр. 235.

понимает его нужды. Многие мысли Пушкина о народной поэзии непосредственно перекликаются с высказываниями Белинского. С гениальной прозорливостью умел великий поэт выделить произведения, выражающие подлинно народные идеалы и стремления.

В борьбе за реализм и народность литературы, за высокую идейность и простоту, Пушкин опирался на народную поэзию. «Но есть у нас свой язык; смелее — обычаи, песни, сказки и проч.»²³ — ободрял он русских писателей, призывая их отказаться от подражания иностранным образцам. «Читайте простонародные сказки, молодые писатели, чтобы видеть свойства русского языка!»²⁴ — обращался он к молодым писателям (с такими же призывами обращался постоянно к советским писателям и А. М. Горький) и показывал своим творчеством, как надо использовать богатейшие поэтические сокровища, созданные народом.

Поэзия Пушкина, глубоко уходящая своими корнями в народную почву, близка и любима всеми народами Советского Союза, всем прогрессивным человечеством. В борьбе с темными силами реакции великий поэт с нами. Вместе с ним мы говорим:

Ты, солнце святое, гори!
 Как эта лампада бледнеет
 Пред ясным восходом зари,
 Так ложная мудрость мерцает и тлеет
 Пред солнцем бессмертным ума.
 Да здравствует солнце, да скроется тьма.

²³ А. С. Пушкин, Полное собр. соч., изд. «Academia», т. IX, стр. 33.

²⁴ Там же, стр. 96.

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА

С. А. ТОКАРЕВ

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМ ЭТНОГЕНЕЗА *

Проблемы этногенеза — происхождения отдельных народов — принадлежат к числу самых интересных, но и самых сложных проблем этнографии.

Огромная работа, проделанная советскими исследователями за последние годы по вопросам этногенеза как народов нашей страны, так отчасти и зарубежных, — позволяет, думается нам, подвести некоторые итоги и на основе их поставить некоторые общие вопросы.

1

Как ставилась проблема происхождения народов в прошлом? Если попытаться свести к основным принципам различные способы решения подобных вопросов у старых авторов — античных, средневековых, буржуазных, то можно установить здесь три главных метода: а) «генеалогический» принцип, б) отыскание «предков» и в) идея «праородины».

Первый из этих трех «методов» (если его можно так назвать) является наиболее примитивным и еще в полном смысле донаучным. Происхождение определенного народа разъясняется путем возведения его генеалогии к легендарному родоначальнику. Этот прием можно найти у некоторых античных авторов. В раннесредневековой литературе, проникнутой библейскими представлениями, тоже встречается подобная трактовка этногенетической проблемы. В литературе нового времени эта наивная точка зрения совершенно исчезает.

Более научный вид имеет второй способ постановки проблемы происхождения данного народа: попытки отождествить его с тем или иным древним народом, иначе говоря, — поиски «предков». Так поступали, например, со славянами. В XVI—XVIII вв. имела широкое хождение идея о том, что славяне являются потомками древних сарматов (Мартин Кромер); другие считали их вандалами (Альберт Кранц), гетами, фракийцами, иллирийцами и пр.¹ Против таких теорий приходилось бороться еще Добровскому и Шафарику. В наши дни как курьез вспоминается, что американских индейцев некоторые считали остатками пропавших десяти колен израильтян, — а ведь в это серьезно верили; Лафито же считал их потомками древних греков и римлян. Когда в Европе появились цыгане, ученый мир Европы терялся в догадках о их происхождении и высказывались предположения, что цыгане — потомки или древних египтян, или «сигиннов», упоминаемых Геродотом, или легендарных атлантов и т. д.

* Печатается в порядке обсуждения. Ред.

¹ См. L. Niederle, Slovanské starožitnosti, I, sv. I, Praha, 1902, глава 2.

В отличие от генеалогической точки зрения, эту «теорию предков» отнюдь нельзя сбрасывать со счетов. Прежде всего ведь и в новой литературе далеко не редкость подобное решение этногенетической проблемы. Так, хорошо известны утверждения, что современные осетины суть потомки древних аланов, черкесы — потомки зихов, якуты — не то саков, не то гуннов, или курыканов, уйголов и пр., мордва — потомки буртасов, коми-зыряне или коми-пермяки — биармийцев, секлеры — гуннов.

Мы отнюдь не можем считать все подобные взгляды неверными. Напротив, они нередко имеют серьезные основания. Так, например, трудно было бы что-либо возразить против достаточно убедительно доказанной исторической связи между древними булгарами и современными чувашами, древними аланами и современными осетинами, древними венедами и позднейшими славянами, древними албанцами и нынешними азербайджанцами. Но, во-первых, даже самая прямая историческая связь еще далеко не есть тождество, — а это не всегда помнят. Все современные народы являются продуктом длительного и сложного исторического процесса. Во-вторых, необходимо дать себе отчет в том, что даже вполне убедительное сближение современного народа с древним еще очень мало помогает понять его происхождение. Это — скорее объяснение известного через неизвестное. Ведь современные народы нам почти всегда лучше известны, чем древние. Вот почему даже твердо доказанная связь, например, нынешних чувашей с древними булгарами — отнюдь не есть ответ на вопрос о их происхождении. Чуваши нам хорошо знакомы — и их антропологический тип, и язык, и культура; о древних же булгарах мы, кроме названия и некоторых остатков материального быта, знаем очень мало. Можно ли поэтому считать «булгарскую теорию» (даже вполне признавая ее обоснованность) решением проблемы этногенеза чувашского народа? Скорее, наоборот, — эта теория может служить ответом на вопрос о том, кто такие были булгари. И в самом деле, не кто иной, как академик Марр, дал анализ древнебулгарского языка, исходя именно из чувашского. Наконец, в-третьих, и что самое важное, — в числе современных народов нет ни одного, который бы не был смешанным по своему происхождению. Указание И. В. Сталина о том, что все новейшие нации сложились «из людей различных рас и племен»², в известной мере можно распространить на все вообще народы. Есть только народы более и менее смешанного происхождения, но нет или почти нет народов, избежавших смешения. Исключения крайне редки. Поэтому никогда нельзя безоговорочно сближать ни один современный народ ни с одним древним.

Таким образом, признавая полную законность попыток выяснения исторических связей между современными и древними народами, мы ни в коем случае не можем удовлетвориться ими в решении вопросов этногенеза. Такие попытки представляют собой в лучшем случае лишь первый шаг в изучении этих вопросов.

Третий прием, весьма часто пускаемый в ход, когда ставится вопрос о происхождении отдельных народов, состоит в поисках «прапородины». Подобный оборот мысли сам по себе является тоже достаточно элементарным, и не мудрено, что он встречается и у раннесредневековых авторов. «Откуда пришел» тот или иной народ, почему-либо привлекший к себе внимание, — так очень часто ставился вопрос о его происхождении. Еще средневековые авторы писали о приходе венгров с востока, из Приуралья. В середине XVII в. исследователи камчадалов —

Крашенинников и Штеллер — выдвигали предположение о переселении этого народа из Монголии³.

Наиболее оживленные поиски «прародины» развернулись в связи с вопросом о происхождении индоевропейцев. Предлагались, как известно, самые различные решения этого вопроса, но все они сводились по существу лишь к отысканию того места на географической карте, откуда было возможно наиболее правдоподобным образом вывести предков индоевропейских народов. Подобных попыток было сделано так много, что на карте Европы и Азии мало осталось мест, свободных от чьих-либо гипотез о наличии именно здесь индоевропейской прародины. Как ни странно это может показаться, но именно к этим поискам прародины оказалась по существу сведенной вся проблема этногенеза индоевропейцев. Почти то же произошло — только в меньшем объеме, с меньшим обилием и разнообразием гипотез — с проблемой урало-алтайского этногенеза.

Если говорить об этногенезе отдельных народов, то можно напомнить поиски прародины тунгусов (в Маньчжурии, Северном Китае), тех же якутов (в Прибайкалье, на верхнем Енисее, в Средней Азии), древних этрусков (в Передней Азии, в Альпах, даже в Египте и Индии), полинезийцев (в Индокитае, Индии и вплоть до Месопотамии).

Поиски прародины неизбежно связаны с миграционными построениями, но это не одно и то же. Последние чаще всего выступают в виде попыток установить тот путь, каким данный народ передвинулся с прародины на место теперешнего обитания. Установление прародины еще не означает само по себе определение пути миграции. Так, большинство исследователей видит прародину якутов в Прибайкалье, но по вопросу о путях переселения их на среднюю Лену мнения исследователей расходятся: одни ведут якутов вниз по Лене, другие — через Ангару и Енисей, вверх по его правым притокам. Полинезийцев почти все выводят из Юго-восточной Азии, но одни направляют их «южным» путем, через Меланезию, другие — «северным» через Микронезию.

В советской науке установилось отрицательное отношение к научной ценности всех этих построений, связанных с отысканием прародины и путей миграции. Но не все наши исследователи дают себе ясный отчет, в чем собственно заключается методологический порок подобных построений.

Некоторые считают, — и такие заявления нередко слышатся и в устных и в печатных выступлениях, — что никаких миграций вообще не бывает и что понятие «прародины» есть фикция. Но это, конечно, недоразумение. Нельзя серьезно отрицать существование миграций народов, которые происходят на наших глазах и происходили во все времена человеческой истории⁴. Правда, самый характер миграционных движений, равно как и их результаты, бывают весьма различны в зависимости от конкретных исторических условий. Заселение Америки европейскими иммигрантами не похоже на русскую колонизацию Сибири и еще более не похоже на переселение калмыков из Центральной Азии на берега Волги, хотя эти три миграционные волны хронологически, по крайней мере частично, совпадают. Заселение Полинезии морским народом, пришедшим с запада, привело к образованию изумительно однородной культуры на всем ее громадном протяжении. Миграция же древнего населения Северной Азии в Америку через Берингов пролив имела последствием, напротив, появление чрезвычайно разнообразных этнических культур Северной, Центральной и Южной Америки. Для нас не подле-

³ С. Крашенинников, Описание земли Камчатки, т. II, стр. 10.

⁴ Ср. вполне правильное возражение Е. Ю. Кричевского против «гипертрофированного автохтонизма» и огульного отрицания всяких миграций и связей между народами (Е. Кричевский, О роли межплеменных сношений в древнейшей истории, «Краткие сообщения ИИМК», XIII, 1946, стр. 3—5).

жит сомнению, что миграционные движения в целом ряде случаев должны приниматься во внимание при изучении этногенетического процесса на определенной территории.

Менее ясно обстоит дело с понятием «прародины». Здесь все зависит от того, как употреблять этот термин. Одно дело, когда ищут «прародину» не реально существующего народа, а теоретически реконструируемого «пранарода». В этом случае исследователь вращается в мире фиктивных понятий. Так, например, поиски «прародины индоевропейцев» уже по одному тому являются бесплодным занятием, что такого «пранарода» никогда не существовало. Другое дело — когда есть основания предполагать, что территория, где происходило формирование определенной, реально существующей народности, не совпадает с территорией ее теперешнего обитания. Такую территорию трудно назвать иначе как прародиной данной народности. Где бы ни происходил процесс формирования еврейского народа — в Палестине или в Аравии, — во всяком случае эта прародина евреев совсем не совпадает с огромным ареалом нынешнего их расселения. То же можно сказать об арабах, цыганах, армянах: для каждого из этих народов с большей или меньшей точностью может быть указана его прародина. Не будет также никакой ошибки сказать, что прародина калмыков находится в Джунгарии, прародина монголов — в Забайкалье, прародина маньчжур — в бассейне Уссури и т. д.

Таким образом, употребление понятия «прародина» само по себе вполне законно, совершенно так же, как законно пользование понятием «миграции». Методологический порок миграционных теорий и теорий «прародины» заключается вовсе не в том, что они признают бесспорный факт существования прародины и миграций, а совершенно в другом: в том прежде всего, что эти теории незаконно подменяют проблему формирования народа вопросом о его пространственном перемещении. На самом деле проблема этногенеза не только не исчерпывается задачей отыскания прежнего места обитания народа и путей его переселения, но и ставится в совсем ином плане. Проблема этногенеза является, с нашей точки зрения, чрезвычайно сложной задачей отыскания тех элементов, из которых составилась данная народность и ее культура, и тех исторических процессов, в результате которых складывался и развивался народ. В этой сложнейшей проблеме момент географических передвижений должен, конечно, учитываться, но далеко не как первостепенный. Второй существенный порок миграционных теорий состоит в том, что эти теории обычно механически понимают самый процесс миграции, рассматривая его как чисто пространственное передвижение. Согласно миграционной концепции, народ, переселяясь даже на значительное расстояние, остается самим собой и, самое большое, лишь теряет по пути некоторые элементы своей культуры или заимствует новые. Так, например, если стать на традиционную точку зрения «южного происхождения якутов», то этот народ таким, как он есть, обитал некогда далеко на юге, в Прибайкалье, а потом переселился в полном составе на среднюю Лену, лишь незначительно обогатив свой культурный инвентарь за счет заимствований у аборигенов-тунгусов: представление весьма наивное и плохо согласующееся с фактами. Наконец, третий грех миграционистов состоит в том, что они очень часто предполагают наличие миграций даже в тех случаях, когда говорить о таковой нет никаких оснований. Так, без каких либо оснований многие буржуазные исследователи полагали, что прародиной китайцев была какая-то западная страна — не то Кашгария, не то даже Месопотамия или Элам⁵. Из новейших теорий этого типа можно указать на статью

⁵ См. об этих теориях Н. Н. Чебоксаров, К вопросу о происхождении китайцев, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 54 и др.

акад. Джавахишвили⁶, где этот автор пытается доказать, что предки грузин «могли действительно попасть на свою позднейшую родину лишь с юга», ибо — такова логика автора — они не могли прийти с севера. Во всех подобных предположениях по существу не больше оснований, чем в упомянутой выше гипотезе ученых XVIII в. о происхождении камчадалов из Монголии.

Во многих случаях в основе этих ошибочных миграционных построений лежит своеобразное qui pro quo: исследователи наивно принимают часть за целое и наличие в составе данного народа и его культуры отдельных элементов чужеземного происхождения рассматривают как доказательство миграции целого народа. Примеров этому можно привести сколько угодно. Со временем Кастрена принято было считать, что самоеды (ненцы) переселились некогда с юга, из Саяно-Алтайской горной области, и лишь недавно советский исследователь Г. Н. Прокофьев доказал, что в действительности только один из элементов, вошедших в состав самоедских народов и их культуры, связан с Южной Сибирью, другой же, не менее важный элемент, имеет автохтонное арктическое происхождение; культура ненцев, составившаяся из этих разнородных компонентов, сформировалась на месте ее теперешнего бытования⁷. Приблизительно то же можно предполагать о якутах, в культуре которых невозможно отрицать южные скотоводческие элементы, но у которых налицо и бесспорно древние, чисто местные элементы таежной культуры, совершенно игнорировавшиеся старой миграционной теорией. Другие примеры — волжско-камские татары, современные узбеки, североафриканские арабы и многие другие народы, в составе которых имеются кочевнические степные пришлые элементы, но они растворены в местной стихии. Плоская миграционная теория никоим образом не объясняет происхождения этих народов.

Итак, миграционная концепция, которую можно назвать вульгарно-миграционной, как и теория «прадороги», не является пригодной основой для правильной постановки проблемы этногенеза. Отрицание ее в современной советской науке вполне законно. Повторим для ясности, что это отнюдь не означает отрицания факта самих миграций и не ведет к обязательному признанию автохтонности всех народов на их теперешней территории. Конечно, слишком далеко идут исследователи, пытающиеся, например, доказать автохтонность японцев на их островах (Богаевский)⁸ или австралийцев на материке Австралии (А. М. Золотарев)⁹.

3

Принципиальную основу разработки школой советской этнографии вопросов этногенеза составляет прежде всего сталинское учение об историческом характере всех современных наций, и их смешанном происхождении. Это учение, с учетом исторической специфики, должно быть основой при исследовании вообще всех современных народностей, в том числе и тех, которые еще не консолидировались как нации.

Чрезвычайно важными для разработки советского учения об этногенетическом процессе являются те методологические выводы, которые вытекают из классических работ акад. Марра. Для нашей проблемы наиболее важной стороной учения Н. Я. Марра является то, что оно разби-

⁶ «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 47—48 и др.

⁷ Г. Н. Прокофьев, Этногенез народностей Обь-Енисейского бассейна, сборник «Советская этнография», III, 1940, стр. 67 и др.

⁸ Б. Богаевский, Археология на службе у японского империализма, «Сообщения ГАИМК», 1932, № 5—6, стр. 20.

⁹ А. Золотарев, Проблема австралийской культуры, «Сообщения ГАИМК», 1931, № 2.

вает те непроницаемые преграды, которые воздвигала старая лингвистика между народами разных языковых групп. Марр доказал своими работами, что в действительности, вместо этих перегородок, между народами, говорящими даже на самых, казалось бы, отдаленных языках, существуют глубокие исторические связи, проявляющиеся в единстве корнеслова. Другой важный вывод из работ Марра состоит в признании скрещенного происхождения всех современных языков. Это учение о скрещенности языков прекрасно согласуется со сталинским учением о смешанном происхождении современных наций и составляет глубокую и прочную основу советских работ в области этногенетической проблемы.

Советская наука решительно отвергает понимание этнических групп как неподвижных и неизменных сущностей с извечно пребывающими свойствами. Она смотрит на эти группы как на продукты исторического развития. Этнические группы — племена, народы, нации — возникают в ходе истории, изменяются и изменяют свои признаки и особенности, сливаются и распадаются. Советская наука «изучает не метафизический, раз навсегда установленный «этнос», — совершенно справедливо указывает А. Д. Уdal'цов, — но процессы этногенеза в жизни племен и народов, протекающие на основе развития производительных сил и производственных отношений, исторически развивающихся все более тесных взаимных сношений и объединений, скрещений и культурных влияний»¹⁰.

Самый процесс этногенеза мы рассматриваем тоже не как однократный акт, в результате которого как бы в один прием формируется народность, в дальнейшем остающаяся навсегда или надолго неизменной, а как перманентный процесс, в ходе которого происходит хотя бы и медленное и незаметное, но непрерывное изменение этнического облика данной группы. Если, например, русский (великорусский) народ сформировался в основном в XIV—XV вв., то это никоим образом не значит, что с того времени он существует без изменений. Между русским народом XVI в. и русским народом XX в. не меньшая, если не большая разница, даже с чисто этнографической точки зрения, чем между русскими XVI в. и кривичами или вятичами IX в. Но эти медленные и постепенные изменения в этническом облике могут в известные моменты сменяться резкими и коренными сдвигами, в ходе которых в короткое время складывается новая народность. На такие «переломные, критические периоды», случающиеся в истории народов, указывает вполне справедливо тот же А. Д. Уdal'цов¹¹. Эти критические периоды часто совпадают с узловыми моментами в развитии самого общества, с моментами смены социально-экономических формаций. Так народы древности (египтяне, сумеры, ассирийцы, персы, эллины, римляне и др.) сформировались на основе племенных групп одновременно и в связи с процессом становления классового рабовладельческого строя и первых государств. Так нации современной Европы образовались из средневековых народностей и областных этнических групп в эпоху и в связи с переходом от феодализма к капитализму.

В периоды «этнического кризиса», когда в короткое время меняется этнический облик народа или, можно сказать, возникает новый народ, — очень важную роль в этом процессе играет этническое скрещение. Оно представляет собой амальгамацию разных этнических групп, чаще близких и родственных между собой, но иногда и неродственных. Из разноплеменного и разноязычного конгломерата образуется единое целое. Так, в эпоху объединения Египта создава-

¹⁰ А. Д. Уdal'цов. Теоретические основы этногенетических исследований, «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 302; то же см. «Известия АН СССР, Серия истории и философии», 1, № 6.

¹¹ Там же.

лась из племенных групп «номов» египетская народность, в эпоху формирования греческих городских республик из ионийцев, ахейцев, дорийцев, эолийцев сложилась эллинская народность. В новое время так складывалась французская нация — из областных феодальных групп пикардийцев, нормандцев, бургундцев, лотарингцев, овернцев, гасконцев и др.; итальянская — из тосканцев, романцев, калабрийцев, пьемонтцев, ломбардцев, венецианцев и пр. Однако нельзя превращать скрещение, как это делают некоторые, в универсальный инструмент этногенеза. Оно прежде всего является не самостоятельным, а производным фактором, а кроме того, наряду со скрещением, бывает и обратный процесс — разветвление, играющее тоже известную роль в этногенетическом процессе.

Самый характер этнических образований не одинаков на разных стадиях исторического развития. Для первобытной эпохи характерно племя. Племя возникает отнюдь не на грани доклассового и классового общества, как полагают некоторые. Как этнокультурная группа племя существует с самого начала человеческой истории; оно было, вероятно, формой антропогенетического процесса. В раннеклассовую эпоху на основе скрещения племен возникают народы, как более сложные образования. Народ как этническая единица сохраняет свое значение и в дальнейшем, вплоть до наших дней. В эпоху разложения феодализма и развития капиталистического строя формируются нации. Классическое определение и анализ нации как исторической категории дал И. В. Сталин, указавший и на исторические условия становления наций. Нации, как и народы, продолжают существовать и в наши дни и, вероятно, просуществуют еще долгое время даже после победы коммунизма во всем мире.

И. В. Сталин отметил тот характерный факт, что разные нации формировались разновременно: одни раньше, другие позже. В Западной Европе большинство наций сложилось еще до образования национальных государств или одновременно с этим. В Центральной же и Восточной Европе (Австро-Венгрия, Россия) образование государств, напротив, предшествовало становлению наций, будучи ускорено внешними причинами. Многие народы России консолидировались как нации в новейшее время: таковы, наприме́р, грузины, еще в середине XIX в. не составлявшие единой нации, а делившиеся на обособленные народности — кахетинцев, карталинцев, имеретинов, мегрелов и др.; таковы армяне, латыши, литовцы. Некоторым народам нашей страны только Великая Октябрьская социалистическая революция дала возможность сложиться в нации, ликвидировать пережитки племенной раздробленности. Так, на наших глазах завершается становление как наций узбеков, туркмен, хакасов, бурят.

Составляя одну из важнейших проблем этнографической науки, этногенетический процесс, однако, интересует далеко не одних этнографов. Напротив, вопросами происхождения отдельных народов занимались и занимается ученые разных специальностей: историки, лингвисты, археологи, антропологи. Больше того: этнографы до сих пор значительно отстают от своих собратьев в постановке и решении вопросов этногенеза целого ряда народов, в особенности европейских. Вследствие этого создается значительная неполнота освещения этих проблем. Хотя в целом советская наука, используя прежние работы и идя своим собственным путем, сделала бесспорно очень много для выяснения вопросов происхождения разных народов, как древних, так в особенности современных, — тем не менее проблема этногенеза не разрешена до конца до сих пор ни для одного народа.

Казалось бы, в наиболее благоприятном положении находятся в этом отношении народы Европы — итальянцы, испанцы, французы, немцы, англичане и др. По ним собраны хорошие исторические источники, непосредственно документирующие процесс формирования этих народов, — и мы говорим в этих случаях, что процесс этногенеза протекает здесь «на глазах истории». Языки этих народов изучены, с точки зрения их происхождения и истории, достаточно подробно. Широко привлечены и археологические памятники, а в последнее время — трудами, в частности, советских ученых — выяснен в значительной мере и расовый состав европейских народов. В наименьшей степени применялся здесь анализ этнографического материала, т. е. прежде всего культурного инвентаря. Он изучен, правда, по некоторым странам весьма тщательно, но мало можно указать обобщающих работ (типа исследований Мейтцена, Хаберланда), где данные материальной и духовной культуры европейских народов использовались бы для выяснения вопросов их этногенеза. И именно в силу этого отставания этнографического анализа проблема происхождения народов Европы еще далеко не может считаться разрешенной.

Изучение этногенеза народов ССР и внеевропейских народов сделало за последние годы большие успехи. Но и здесь многое остается неясным и опять-таки прежде всего с этнографической стороны.

Немного можно найти примеров, когда процесс формирования народности освещен в большей или меньшей степени непосредственными письменными источниками: в таком счастливом положении находится вопрос о происхождении узбеков, калмыков, отчасти зарубежных монголов. С известными оговорками это можно сказать и о последних этапах формирования восточнославянских народов — о становлении русской, белорусской и украинской наций. В этих случаях привлечение данных антропологии, археологии, языка, анализ культуры можно считать второстепенной задачей, ибо эти данные лишь подтверждают непосредственно засвидетельствованный процесс.

Но от таких сравнительно благоприятных случаев следует отличать те, когда исторические источники дают лишь *к а ж у щ и е с я* опорные точки. Мы имеем в виду те случаи, когда исследователь имеет перед собой в письменном источнике не свидетельство о реальном историческом процессе, а лишь чисто формальные данные, например *н а з в а н и я* народов. Делать какие-либо выводы из совпадения или сходства названий — дело весьма рискованное, даже если совпадение может считаться не случайным. Неосторожное пользование подобного рода чисто словесными сближениями ведет к большой ошибке: исследователь невольно подменяет изучение реального процесса становления народа проследиванием истории его наименования.

Необходимость сугубо осторожного использования древних свидетельств о названиях народов делается еще более очевидной, если учесть, что название народа, даваемое ему соседями или, тем более, отдаленными народами, очень часто не совпадает с его самоназванием и нередко имеет случайное происхождение. Известны многочисленные факты, когда под одним названием смешиваются совершенно различные народы, когда название одного переносится на другой, а иногда получает весьма неопределенное значение. Известно, например, что «остяками» русские называли в Сибири три совершенно различных народа, принадлежащих к трем разным языковым группам: хантов, селькупов и кетов. Название «юкагиры» было в XVII в., повидимому, собирательным обозначением для целого конгломерата племен, вероятно, разнозычных (шоромбайцы, ходынцы, чуванцы, анаулы). Под названием «киргизов» в XIX и начале XX в. фигурировали как настоящие киргизы, так и казахи — совсем другой народ. А кого только не называли прежде «татарами»! Не только самые разнообразные тюркоязычные народы (азер-

байджанцев, северокавказских тюрков, шорцев, тубаларов, хакасов, чулымцев и других в Сибири), но иногда и монголоязычные («брацких татар» — бурят) и даже палеоазиатские (гиляков: Крузенштерн); в западноевропейской же литературе в число «татар» заносились порой и русские. При такой неряшлиности в этнической номенклатуре даже в новейшее время — чего можно требовать от античных авторов (получавших притом свои сведения зачастую из вторых и третьих рук), когда они говорят о «скифах», «сарматах», «массагетах», «германцах» и т. д.? И много ли при этих условиях можно извлечь из их сообщений, если только не подкреплять их иными источниками?

5

Археологические источники часто используются как вспомогательный материал при решении этногенетических проблем, но в качестве главной основы для такого решения фигурируют редко. Это и понятно. Мертвые памятники культуры, даже при наиболее благоприятных обстоятельствах, при достаточном обилии и хорошей изученности, еще далеко не позволяют решать вопрос об этнической принадлежности их древних носителей. Этнографам хорошо известны факты, когда одна и та же (или весьма сходная) материальная культура свойственна народам, совершенно различным по языку и по происхождению,— особенно, если эти народы живут рядом и в сходных условиях. Примеров этому можно привести множество: папуасы и меланезийцы Новой Гвинеи, племена калифорнийских индейцев, принадлежащие к нескольким совершенно различным языковым группам, эскимосы и береговые чукчи и коряки, нивхи и ульчи (в меньшей степени и нанайцы), кеты и селькупы, карелы и их русские соседи, эстонцы и северные латыши, наконец, современные мадьяры и соседние с ними славянские народы. Во всех этих случаях материальная культура соседних, но чуждых друг другу по языку народов так близка, что, попадись памятники этой культуры на глаза археологу, он едва ли поколебался бы приписать их одному и тому же народу.

Не менее часты и обратные случаи, когда отдельные географические группы одной и той же народности обнаруживают такие различия, что, если бы не знать, что перед нами один народ, предположить это было бы трудно. Что, например, общего в материальной культуре северозападных и восточных башкир? Первые — издавна оседлые земледельцы, во многом близкие марийцам, чувашам и мордве, вторые — в недавнем прошлом кочевники-скотоводы — близкие к казахам. Едва ли археолог, увидев впоследствии культурные остатки этих двух групп, признал бы их принадлежащими одному и тому же народу. Весьма значительны также различия в культуре между южными и северными якутами, между береговыми и кочевыми чукчами, между такими же группами коряков, между горными и равнинными таджиками и т. д.

Вот почему изучение одних только археологических памятников, хотя бы и очень тщательное, не может само по себе дать достаточно бесспорных указаний на этногенетический процесс. Хотя современные археологи порой весьма уверенно говорят о «славянской», «восточно-финской» и тому подобной керамике I тысячелетия н. э., о «славянских височных кольцах», о принадлежности полей погребения славянам и т. п., но по существу это не более как предположения, вероятные лишь в той мере, в какой они подкрепляются другими источниками; ни погребения, ни горшки не могут ничего сказать нам о том, на каком языке разговаривали их обладатели или создатели; нет ничего неправдоподобного в том, что одинаковая керамика могла принадлежать славянским и финским племенам.

Зато в тех случаях, когда археологические материалы используются

в сочетании с данными письменных и других источников, этногенетический процесс получает более верное и полное освещение. Примером могут служить ценные работы Арциховского, Рыбакова, посвященные памятникам восточнославянских племен, уточняющие и углубляющие картину восточнославянского этногенеза. Очень много для понимания этногенетического процесса дают раскопки советских археологов в разных районах Сибири: работы В. Н. Чернецова на Оби¹², С. В. Киселева в Саяно-Алтайских горах¹³, А. П. Окладникова на Лене¹⁴ проливают новый свет на происхождение хантов и манси, алтайцев и хакасов, бурят, эвенков, якутов. Особенno важны раскопки Окладникова, ибо они освещают как раз ту сторону процесса якутского этногенеза, которая до сих пор оставалась в тени: развитие аборигенного субстрата, влившегося в состав якутской народности.

Наконец, блестящим примером того, что может дать археология для понимания этногенетического процесса, служат новейшие раскопки С. П. Толстова в Приаралье (1937—1940 и 1945—1948 гг.) и основанные на них прекрасные исследования его в области древней и средневековой истории Средней Азии¹⁵. В этих исследованиях, где мастерски использован и документальный, и языковой, и этнографический материал, автором прослеживаются на широком историческом фоне процессы формирования и развития народов Средней Азии, их этнические и культурные связи с народами Восточной Европы, Южной Сибири, Центральной и Южной Азии.

6

Антропологические данные старая буржуазная наука применяла в решении вопросов этногенеза в большинстве случаев неправильно и неудачно. Это и не могло быть иначе до тех пор, пока существовало смешение расы и народности. Характерным примером бесплодности такого оперирования данными антропологии служит известная «кельто-славянская» теория французских антропологов Катрафажа, Брука, Топинара и других — теория, против которой весьма убедительно выступали Богданов, Анучин, Нидерле и ряд других ученых. Впоследствии этот ошибочный метод выродился в антинаучные фантазии немецко-фашистских расистов — Гюнтера и компаний.

Напротив, советская антропология перенесла вопрос в совершиенно иную плоскость. Применение метода расового анализа при сплошном или выборочном антропологическом обследовании больших групп населения и крупных территорий дало чрезвычайно успешные результаты. За последние годы такими обследованиями покрыта значительная часть территории СССР: работы А. И. Ярхо среди тюркских народностей Сибири, Средней Азии и Кавказа, работы Г. Ф. Дебена и М. Г. Левина у разных народов Сибири и Севера, Н. Н. Чебоксарова — среди русского и нерусского населения Севера, Т. А. Трофимовой — над ископаемым

¹² В. Н. Чернцов, Очерк этногенеза обских угров, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941 и др.

¹³ С. В. Киселев, Советская археология Сибири периода металла, ВДИ, № 1 (2), 1938; его же, Древняя история южной Сибири, Докл. и сообщ. Ист. фак. МГУ, в. 5, 1947 и др.

¹⁴ А. П. Окладников, Археология и основные вопросы древней истории Якутии, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941; его же, Исторический путь народов Якутии, Якутск, 1943; его же, Древняя письменность якутов, Якутск, 1942; его же, Ленские древности, вып. 1, 2, Якутск, 1945—1946; его же, Археологические памятники и древние культуры на Нижней Лене, «Ученые записки Якутского гос. пед. ин-та», 1, 1944; его же, Археологические исследования 1940—1943 гг. в долине р. Лены и древняя история северных племен, «Краткие сообщения ИИМК», XIII, 1946, и др.

¹⁵ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948.

и современным материалом по народам Восточной Европы, Л. В. Ошанина и В. В. Гинзбурга — по народам Средней Азии и ряд других исследований — в огромной степени прояснили картину расового состава населения Советского Союза. Они показали прежде всего и самым бесспорным образом, что одни и те же расовые элементы входят в состав самых различных народов, очень далеких друг от друга по языку и культуре, и что один и тот же расовый тип может распространяться на чрезвычайно большой территории, независимо от этнического состава ее населения. Эти исследования показали тем самым как нельзя более наглядно смешанный состав и происхождение всех народов¹⁶.

Однако совершенно ясно, что антропологические исследования освещают только одну сторону проблемы: они дают понятие лишь о происхождении самого населения, его физического состава. Но ведь в понятие народности входит и язык и культура, о происхождении и развитии которых антропологический материал не может дать ни малейшего представления. Таким образом, работа антрополога должна непременно сочетаться с лингвистическим и чисто этнографическим анализом, чтобы привести к сколько-нибудь полным результатам¹⁷.

7

Что касается лингвистических исследований в области проблем этногенеза, то и здесь можно указать на то же закономерное явление: когда эти исследования производятся в увязке с данными других источников, в особенности с этнографическими, они дают весьма положительные результаты; если же исследователь забывает о необходимости такой увязки, он неизбежно суживает проблему и дает одностороннее ее решение: этногенез подменяется глоттогенезом.

Язык является важнейшим, но не единственным этническим признаком. Нередки случаи, когда разные народы говорят на одном и том же языке; наиболее известные примеры — языки английский, испанский, арабский, на каждом из которых говорит большое число народов. Можно вспомнить еще сербов и хорватов, датчан и норвежцев, якутов и долган, татов-мусульман и татов-евреев, коми-зырян и коми-пермяков и ряд других примеров. Нельзя не указать и на другое обстоятельство: различия между диалектами языка одного и того же народа нередко бывают так велики, что мы можем говорить в сущности о наличии разных языков. Так обстоит дело с лужицкими сербами, у которых, как известно, два самостоятельных, даже литературных языка. Еще более яркий пример — мордовский народ, говорящий на двух друг другу непонятных языках — мокшанском и эрзянском.

Хорошо известны многочисленные факты несовпадения языковой принадлежности с национальным самосознанием, что относится и к отдельным индивидам и к целым группам, — факты, учитываемые в статистике большинства современных государств и заставляющие придавать очень большое значение самому понятию национального или этнического само-

¹⁶ В недавно опубликованной прекрасной сводной работе Г. Ф. Дебеца «Палеоантропология СССР» (Л., 1948) собран весь известный в настоящее время материал по антропологии и скопаемым человеческим рас на территории нашей страны. Автор делает осторожные, но весьма существенные выводы из этого материала, имеющие большое значение для изучения этногенеза отдельных этнических групп СССР: славян и финнов, тюркских народов и др.

¹⁷ Хороший пример умелого сочетания антропологического материала с данными археологии, этнографии и частью языка представляют работы Н. Н. Чебоксарова, посвященные этногенезу китайцев и других народов Восточной Азии: «К вопросу о происхождении китайцев» («Советская этнография», 1947, № 1), «Основные направления расовой диференциации в Восточной Азии» (Труды Института этнографии, Новая серия, т. II, 1947).

сознания. Так, эльзасцы говорят на диалекте немецкого языка, но считают себя французами. Большинство ирландцев говорит по-английски, но национальное ирландское самосознание у них сильно развито. Галисийцы составляют часть испанского народа, но их речь — диалект португальского языка. Маленькая группа истро-румын сохранила доныне свой романский язык, но считает себя хорватами. Наконец, евреи в очень многих странах совершенно утратили свой прежний язык и говорят на языках окружающего населения, однако у них в большинстве случаев сохраняется сознание своей этнической обособленности.

Но даже и в случаях совпадения границ языка с границами народности характеристика последней далеко не исчерпывается языком, ибо народность характеризуется множеством разнообразных признаков. Вот почему выяснение происхождения языка проливает свет на истоки формирования данной народности, но само по себе не разъясняет их до конца.

Как один из многих примеров, показывающих, что может дать лингвистика для понимания этногенеза народов, напомним проблему чувашского этногенеза.

Вопрос о происхождении чувашей до сих пор решается главным образом на основании данных языка: эти последние еще в XIX в. привели исследователей к правильному заключению об исторической связи чувашей с волжскими булгарами, но дальше этого дела тогда не пошло. Н. Я. Марр, пользуясь теми же данными языка, прощупал гораздо более древние корни чувашской (и булгарской) народности, протянув нити и к другим народам Восточной Европы. Однако до тех пор, пока не будет подвергнут серьезному анализу этнографический материал — культура чувашей, вопрос о происхождении этого народа не может быть до конца разрешен.

Выше говорилось уже о том крупном принципиальном значении, которое имеют для решения проблем этногенеза в советской науке работы Н. Я. Марра. Но, помимо их большой общеметодологической ценности, лингвистические исследования акад. Марра дают много важного материала и для освещения этногенеза отдельных народов Европы, Азии, Африки: трудно и перечислить все те народы, языков которых касался так или иначе в своих работах Н. Я. Марр и на происхождение которых эти работы проливают в той или иной мере свет. Приходится лишь пожалеть, что в настоящее время в среде советских лингвистов эти традиции великого советского ученого находят себе далеко недостаточное продолжение.

Следует отметить, что во многих случаях и не только у буржуазных лингвистов, но и у советских исследователей замечается некоторое смешение проблем этногенеза и глоттогенеза. Так, например, вопрос о происхождении славянских народов в работах целого ряда буржуазных лингвистов оказался суженным и подмененным проблемой возникновения и развития славянских языков. Так получилось у Шахматова, у Соболевского, Эндзелина, Лэр-Славинского и других. Работы эти могут представлять сами по себе большой интерес, но проблему славянского этногенеза они так же мало решают, как названные выше чисто антропологические и археологические исследования.

Подобное смешение проблем этногенетической и глоттогенетической отмечается и по отношению к более широкому кругу — индоевропейских народов. Но здесь положение несколько иное. Само понятие «индоевропейский» относится по существу только к языкам¹⁸⁻²⁰. Но в буржуазной

¹⁸⁻²⁰ См. М. И. Артамонов, Археологические теории происхождения индоевропейцев в свете учения Н. Я. Марра, «Вестник Ленинградского ун-та», 1947, № 2, стр. 99 и др.

литературе уже больше 100 лет упорно ставится вопрос об «индоевропейцах» как о гипотетическом «пранароде». Десятки исследователей — от Гримма до Шрадера — занимались поисками местообитания этих загадочных «индоевропейцев» и старались определить их уровень развития, культурный инвентарь и даже общественный строй. Все это делалось почти исключительно на основании языкового материала, который при том анализировался порочным формально-сравнительным методом. В результате получались совершенно фиктивные построения, не отвечающие никакой реальности. Здесь особенно отчетливо видно, к чему приводит превышение лингвистами своих возможностей, когда они берутся самостоятельно решать проблемы этногенеза.

Даже и в современной советской литературе индоевропейская проблема не получила достаточной ясности. Советские исследователи отказались от миража «индоевропейского пранарода» и от поисков его «прародины», но самое понятие «индоевропейцы» еще продолжает употребляться в несколько неопределенном значении. Это можно сказать даже о некоторых работах таких видных советских ученых, как А. Д. Уdal'цов и С. П. Толстов, ибо в них нет должной ясности, — говорят ли авторы об индоевропейских языках или об «индоевропейцах»²¹.

К лингвистическим исследованиям в области проблем этногенеза примыкает хорошо известная и часто используемая группа источников — топонимика, т. е. местные названия. Всем известно, какую крупную роль играл и играет топонимический материал в исследованиях этногенеза славян, кельтов, финнов, иранцев и других народов²². Хотя в каждом случае применение топонимического метода вызывало много споров, однако принципиальная сторона дела здесь совершенно ясна и не возбуждает сомнений. В данной связи мы можем не останавливаться особо на этом вопросе.

8

Мы видим, что без привлечения этнографического материала ни один вид источников не дает возможности полного решения проблемы этногенеза. Понять происхождение народа — это не значит установить историческую преемственность его названия или найти местность, где раньше жили его предки, или проследить эволюцию остатков древних культур на теперешней его территории; это не значит также выяснить историю языка, на котором он говорит, или, наконец, установить, из каких расовых элементов данный народ сложился. Все это нужно и важно, но всего этого совершенно недостаточно. Чтобы понять происхождение народа, необходимо также, и в особенности, выяснить генезис и развитие того культурного облика, которым по преимуществу характеризуется каждый данный народ. Культурный облик во всей его совокупности, включая сюда, конечно, и язык и все исторические традиции, — вот что отличает один народ от другого, что придает каждому из них индивидуальность. Следовательно, проблема этногенеза состоит по преимуществу в выяснении элементов этого культурного облика. Каково происхождение этих элементов, где их исторические корни, как и силу каких условий эти элементы сложились в некое целое, как они видоизменялись в ходе развития народа, — вот круг вопросов, к разрешению которых должна сводиться по существу трактовка про-

²¹ См. статьи С. П. Толстова и А. Д. Уdal'цова, «Краткие сообщения» Института этнографии, I, М., 1946.

²² См., например, А. Соболевский, Русско-скифские этюды, Л., 1924; его же, Названия населенных мест и их значение для русской исторической этнографии, «Живая старина», ч. 3-я, вып. 4, 1893; С. Б. Веселовский, Топонимика на службе у истории, Исторические записки, 17, 1945; А. И. Попов, Топонимика Белозерского края, «Ученые записки Ленинградского гос. ун-та, Серия востоковедческих наук», вып. 2, 1948, и многие другие.

блем этногенеза. Ясно, что первую и главную роль должна здесь играть именно этнография, хотя и все другие дисциплины, о которых выше шла речь, должны в полной мере вносить свои вклады в решение этих проблем.

Между тем, как уже говорилось, использование собственно этнографических источников при разработке вопросов этногенеза у нас, к сожалению, сильно отстает, по крайней мере, когда дело касается народов, имеющих свою писаную историю. Как это ни странно, но при решении этих, казалось бы, сугубо этнографических вопросов, об этнографии иногда попросту забывают. Дело доходит до курьезов. В учебнике «История СССР», изданном для исторических факультетов в 1939 г. (т. I, стр. 81), по вопросу о происхождении славян говорится, что этот вопрос «может быть решен только общими усилиями археологов, лингвистов и историков», причем об этнографах странным образом позабыто. Совершенно такое же забвение этнографии мы находим в тезисах А. Д. Удальцова о «теоретических основах этногенетических исследований», где перечисляются «приемы исследований»: археологический, антропологический, лингвистический и исторический²³. Это, конечно, не случайно, и виноваты здесь только сами этнографы. Действительно, ни в вопросе о происхождении славян вообще, ни в вопросе о происхождении русского, украинского, белорусского народов и ряда других этнография в сущности не сделала пока почти ничего и все эти вопросы решались и, увы, продолжают решаться помимо участия этнографов.

Зато советскими, а частью еще и дореволюционными этнографами проделана большая работа по вопросам этногенеза более отсталых, «бесписьменных» народов, как СССР, так и зарубежных. Здесь накопился известный опыт, который было бы своевременно подытожить, чтобы попытаться применить его и к изучению происхождения славянских и других высококультурных народов.

Какими материалами, вообще говоря, располагает этнографическая наука и какими методами она пользуется при постановке и решении вопросов этногенеза? Что дает сам по себе этнографический материал для разработки этих вопросов? Мне думается, что этот материал можно разделить на три главные группы: 1) этногенетические легенды, т. е. собственные предания данного народа о своем происхождении или о своем прошлом, 2) родоплеменной состав народа и названия входящих в него подразделений и 3) материальная и духовная культура народа и анализ ее элементов. Порядок, в каком здесь названы эти три группы источников, приблизительно отвечает возрастающей степени их познавательной ценности. Рассмотрим коротко каждый из этих трех видов источников, которые могут быть названы этнографическими в собственном смысле слова.

9

Предания народов об их собственном происхождении — хорошо известный источник, который раньше, чем какие-либо другие, начал использоваться при постановке вопросов этногенеза. Ведь и библейские рассказы и мнения ряда античных авторов о прошлом того или иного народа — о происхождении еврейского народа, греческих племен, города Рима и его жителей — основаны были почти целиком на устных преданиях. То же относится и к арийцам Индии, к китайцам и другим древним народам Азии.

²³ См. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 302. Впрочем, в полном тексте доклада (статьи) А. Д. Удальцова этнографический «прием» исследования упоминается наряду с другими («Известия АН СССР», I, № 6, стр. 253).

Современная этнография располагает обширным фондом этногонических преданий у народов всех частей света. Она широко использует этот источник, однако не преувеличивает его ценности. Правда, и сейчас еще не редкость встретить в литературе недостаточно критическое пользование этногоническими легендами, однако серьезные исследователи обычно не впадают в подобную ошибку.

Следует отметить прежде всего один факт, еще не разъясненный в нашей науке,— крайнюю неравномерность развития этногонических преданий у разных народов: в то время как у одних народов мы находим богатые и, по крайней мере по видимости, очень точные предания о своем прошлом, у других народов их почти нет. Так, например, хорошо известны многочисленные легенды полинезийцев о переселениях их предков, легенды, поражающие точностью генеалогий, имен, мест, счета поколений; соседние же и близкие по культуре меланезийцы представляют в этом отношении самый разительный контраст, ибо у них не существует ровно никаких исторических преданий; исследователи не раз с некоторым удивлением отмечали, что меланезийцы помнят только те события, которые произошли на глазах живущего поколения, а все, что было раньше, их совершенно не интересует. Этот факт едва ли объясним одним различием в уровне общественно-культурного развития: и наличие и отсутствие этногонических преданий наблюдается на самых различных исторических ступенях.

Неодинаковы, далее, и самый характер преданий, а вместе с тем и степень их ценности как источника. У наиболее отсталых народов, как австралийцы, андаманцы, бушмены, предания о прошлом сводятся в большинстве к мифам тотемического типа, где говорится о происхождении племен и их подразделений от фантастических зоо-антропоморфных «предков». Однако и в этих мифах можно найти историческое зерно: оно состоит в рассказах о переселениях этих предков. Эти рассказы о переселениях содержат в себе вполне определенные географические указания; прослеживая и проверяя их при помощи других данных, мы убеждаемся, что в тотемических мифах сохранились смутные воспоминания о древних путях передвижений племен. Например, пути скитаний тотемических предков, упоминаемые в мифах австралийцев, суть, видимо, не что иное, как те направления, по которым шло некогда заселение материка Австралии или по которым происходило — а частью и происходит — культурное общение. Аналогичные предания находим мы у североамериканских индейцев, и в них тоже из-под мифологической оболочки можно прощупать историческую основу. У более развитых народов, как полинезийцы, мифологический элемент в преданиях может почти или совсем отсутствовать.

Этногонические предания сводятся к трем основным мотивам: генеалогические легенды о происхождении от «предка»; рассказы о переселениях; предания об автохтонах — прежних жителях данной страны. Эти мотивы нередко сочетаются, то по два, то все три.

Если прежние этнографы нередко принимали за чистую монету эти предания, то накопленный советскими исследователями опыт позволяет и здесь выделить историческое зерно. Хорошим примером могут служить этногонические легенды якутов. Прежние авторы слишком буквально верили якутским преданиям об Омогое и Элле, предках якутского народа, переселившихся из Прибайкалья на среднюю Лену, и на этом строили целую теорию «южного происхождения якутов», подкрепленную, правда, и другими фактами. С другой стороны, легенды якутов о прежних обитателях их страны понимались тоже буквально, как воспоминания об исчезнувших аборигенах. Критическое изучение преданий, с привлечением всех прочих источников, дает возможность взглянуть на вопрос иначе. И легенды о переселении Омогоя и Эллея, и рассказы о древних наследниках края — сартолах, тагусах и пр.— отражают лишь

разные стороны одного и того же этногенетического процесса, в котором из разнообразных аборигенных и пришлых элементов сложилась современная якутская народность. «Омогой» и «Эллэй» являются такими же «предками» этой народности, как и сартолы и тагусы. Аналогичный пример найдем у ненцев: их легенды о «сиртя» — древнем исчезнувшем народе, который оставил после себя развалины подземных жилищ, представляют собой, как это хорошо показал Г. Н. Прокофьев, смутное воспоминание об аборигенном слое, вошедшем в состав современного ненецкого народа²⁴. Нечто сходное дают эвенкийские и бурятские предания.

Есть случаи, когда этногенетические легенды, даже при самом строгом критическом к ним отношении, остаются важнейшим источником для суждения о происхождении данного народа. Наиболее яркий пример — полинезийцы. Современная наука, в особенности после работ Форнандера, Перси-Смита и Питера Бёка, признала большую ценность за легендами этого народа, говорящими о переселениях предков. Предания, рассказываемые на разных, далеких один от другого островах, совпадают нередко даже в подробностях, в именах, в счете поколений. Они, кроме того, подтверждаются данными языка, анализом культуры²⁵. Приходится в значительной мере принимать всерьез эти полинезийские легенды, и едва ли имела бы шансы на успех любая теория этногенеза полинезийцев, если бы она противоречила этим легендам.

Напротив, встречаются случаи, когда этногенетические легенды имеют очень слабую историческую основу или совсем ее лишены, будучи рождены каким-то недоразумением. Например, часть венгерского народа, секлеры, доныне сохраняют предание о своем происхождении от гуннов Аттилы; по этому вопросу в литературе велась и продолжает вестись полемика, но никто до сих пор не доказал, что в основе этой легенды лежит исторический факт²⁶. Еще более характерные факты, можно найти на Кавказе, где упорно держится, например, легенда о западноевропейском происхождении кубачинцев²⁷ или об египетском происхождении черкесов — легенды, основанные на недоразумении. Известны факты, когда подобные легенды имеют литературное происхождение или когда они сочинялись преднамеренно с определенной целью. Можно напомнить басню о происхождении цыган из Египта, пущенную в ход, вероятно, самими цыганскими предводителями и долго державшую в заблуждении общественное мнение Европы. Аналогичного происхождения и легенда, обращающаяся среди караимов, о происхождении этого народа от древнего израильского царства.

Резюмируя сказанное, следует признать, что этногенетические предания сами по себе составляют далеко не первостепенного значения источник для проблемы происхождения народов. Лишь в редких случаях он выступает на первый план (полинезийцы), но и тогда необходимо строгое критическое отношение к этногенетическим преданиям и проверка их при помощи других источников. Чаще же историческое зерно удается обнаружить лишь при помощи анализа в свете общего нашего понимания этногенетического процесса.

²⁴ Г. Прокофьев, Этногенез народностей Обь-Енисейского бассейна, стр. 70.

²⁵ Peter H. Buck (Te Rangi Hiroa), *Vikings of the Sunrise*, 1938; J. Weckler, *Polynesians, explorers of the Pacific*, Washington, 1943.

²⁶ P. Hunfalvy, *Ethnographie von Ungarn*, стр. 186—190, 200—202; B. Homant, *Der Ursprung der Siebenbürger Székler*, *Ungar. Jahrb.*, II, 1522, Н. 1; K. Schünemann, *Zur Herkunft der Siebenbürger Schékler*, *Ungar. Jahrb.*, IV, 1924, Н. 3—4.

²⁷ Н. Яковлев, Языки и народы Кавказа, 1930, стр. 27*.

Вторая группа чисто этнографических материалов, используемых для решения проблем этногенеза, это то, что можно назвать генеонимикой, т. е. родоплеменные деления внутри данного народа и их названия. Здесь перед нами, бесспорно, более «объективный» и более надежный источник.

Речь идет прежде всего о том, не раз отмечавшемся в советской литературе факте, что названия родоплеменных делений разных народов нередко оказываются одними и теми же на более или менее обширной территории или повторяются у народов, удаленных друг от друга. Так, например, род Иргит, Иркит встречается у тувинцев, у хакасов (сагайцев), у алтайцев, и даже в далекой Якутии, на р. Яне еще в XVII в. встречалась «Эргитская волость». Род Мундус известен на Алтае и у тянь-шанских киргизов. В Средней Азии можно указать целый ряд названий родов, повторяющихся одинаково у казахов, узбеков, у каракалпаков и в меньшей степени у туркмен. Уже один этот факт одноименности родовых делений у разных народов,— факт, настолько часто отмечаемый, что его никоим образом нельзя считать случайностью, ведет к очень важным выводам о происхождении народов, о которых идет речь. Они оказываются составленными, по крайней мере, отчасти, из одних и тех же этнических элементов. Отсюда естественен вывод об исторической общности происхождения этих народов, об их взаимном родстве. Разумеется, этот вывод подлежит каждый раз проверке на других свидетельствах.

Не менее интересен и обратный, нередко регистрируемый факт: несходство родовых делений у определенных народов. Так, например, если перечисленные выше народы Средней Азии (казахи, каракалпаки, узбеки, отчасти туркмены) имеют в значительной части одинаковые названия родов, то, напротив, киргизы имеют свой совершенно особый родовой состав, нисколько не сходный с родовым составом упомянутых выше народов. Понятно, что этот факт представляется очень важным для уяснения вопроса о происхождении киргизов.

Но самое существенное обстоятельство состоит в другом: в возможности определить, из каких же именно компонентов складывалась та или иная народность. Дело в том, что очень многие из родовых делений оказываются при ближайшем рассмотрении остатками целых племен или народов, хорошо известных в истории; об этом свидетельствует совпадение названий. Такое совпадение повторяется десятками раз и при условиях, делающих совершенно невероятным элемент случайности. К тому же совпадения названий нередко подтверждаются прямыми свидетельствами исторических источников.

Так, например, пишущему эти строки уже приходилось отмечать²⁸, что в числе родовых делений у алтайцев встречаются роды Кыпчак, Майман (Найман), Меркит, Теелес, Кергеш, Тербет, Чорос, Кыргыз, Ойрот, Монгол и другие названия, известные любому историку тюрко-монгольских народов Азии. Приходилось при этом и указывать на те выводы, какие получаются из этой одинаковости названий для проблемы этногенеза алтайцев. Но такой метод отнюдь не нов, ибо по отношению, например, к казахам он был применен и с аналогичными результатами еще в 1890-х гг. Аристовым²⁹ и А. Харузином³⁰, а первый из этих авторов распространил довольно удачно тот же метод на целый ряд тюркских народов³¹.

²⁸ С. А. Токарев, Докапиталистические пережитки в Ойротии, М., 1936, стр. 84—86.

²⁹ См. «Живая старина», IV, вып. 3—4, 1894.

³⁰ «Этнографическое обозрение», XXVI, 1895, № 3.

³¹ «Живая старина», VI, вып. 3—4, 1896 г.

Родовой состав народов, сохранивших родо-племенные пережитки, очень хорошо показывает смешанное их происхождение. В числе родовых делений алтайцев есть наряду с тюркскими роды монгольского, самоедского и даже палеоазиатского происхождения. Не менее пестра картина родового состава узбеков: здесь мы находим и роды чисто тюркские — Кыпчак, Минг, Карлук, Кыргыз, Тюрк, Уйгур, Канглы, и роды — несомненно монгольского корня — Мангыт, Джалаир, Найман, Ктай, Татар, Чагатай, Могол, Кунград (Хонкират) и др., а также роды возможно финно-угорского происхождения — Маджар. Монгольскую номенклатуру родов в составе узбекского народа недавно исследовал Номинханов³². С. П. Толстовым очень хорошо проанализирована родовая структура туркмен, не менее, если не более, пестрая³³. Чрезвычайно интересная работа проведена недавно Т. А. Жданко по родовому составу каракалпаков в связи с проблемой происхождения этого народа³⁴.

Еще более широкое значение имеют исследования Г. М. Васиlevич в отношении тунгусской генеонимики; в составе ее она показала наличие древних этнонимов Центральной и Северной Азии, которые исторически оформлялись и в тюркские и в монгольские этнические группы: таковы этнонимы кимо, киле, бая, дул и др.³⁵ Особо следует отметить недавно вышедшую чрезвычайно интересную работу Л. П. Потапова о происхождении сагайцев³⁶: исследовав детально родовой состав этой небольшой этнической группы (части хакасского народа), автор установил происхождение каждого отдельного рода; большинство их оказалось исторически связано с шорцами — небольшой соседней народностью, живущей в верховьях р. Томи. При этом, что самое интересное, Л. П. Потапов не ограничился одним анализом родовых названий, но использовал предания, обычаи каждого отдельного рода, а также прямые исторические данные. Того же по существу стиля небольшой, но весьма содержательный этюд Б. О. Долгих «О родоплеменном составе и распространении энцев»³⁷, где тщательным образом выясняется происхождение отдельных родовых групп этой маленькой северной народности.

Изучение генеонимики дает интересное представление о том времени, когда происходил процесс формирования данной народности, — по крайней мере позволяет установить *terminus post quem*. Чтобы не ходить далеко, возьмем приведенные выше примеры: монгольские по происхождению роды, вошедшие в состав узбекского и других народов Средней Азии (Чагатай, Кунград, Джалаир, Могол и др.), не могли появиться здесь раньше XIII в., они, очевидно, заброшены сюда вторжением Чингисхановых орд; следовательно, процесс включения этих родов в состав тюркоязычных народов Средней Азии, их тюркизация и ассимиляция происходили в этот или в более поздний период времени, а следовательно, и самий процесс формирования названных народов происходил, по крайней мере в этой своей части, в тот же период времени, т. е. в XIII в. или позже.

Метод изучения генеонимики, разумеется, в сочетании с другими источниками дает, таким образом, хорошие результаты. Однако применение этого метода, как это нетрудно видеть, весьма ограничено: он

³² Ц. Д. Номинханов, Следы монгольских племен и родов XIII века, тезисы сим. сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 314.

³³ С. П. Толстов, Родовые деления туркмен (рукопись).

³⁴ См. «Краткие сообщения» Института этнографии, VI.

³⁵ Г. М. Васиlevич, Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов, «Советская этнография», 1946, № 4.

³⁶ Л. П. Потапов, Этнический состав сагайцев, «Советская этнография», 1947, № 3.

³⁷ См. «Советская этнография», 1946 № 4.

пригоден лишь там, где народ сохранил по крайней мере пережитки родоплеменных делений или где последние засвидетельствованы хотя бы старыми источниками. Но и в этих случаях генеонимики не всегда дает нужные для нас указания: очень часто, особенно на ранних стадиях развития рода носят не собственные имена, а тотемические обозначения, которые, разумеется, совершенно бесполезны для нашей проблемы; ведь из того, что у целого ряда племен и народов Австралии, Меланезии, Северной Америки встречается, например, род Ворона, Змеи, Волка и т. п., нельзя сделать абсолютно никаких выводов о родстве или общем происхождении этих народов. Практически изучение родовой номенклатуры с интересующей нас точки зрения дало до сих пор положительные результаты только для группы тюрко- и монголоязычных кочевых и полукочевых народов Азии и Восточной Европы. Можно считывать получить аналогичные результаты отчасти и в отношении тунгусо-маньчжурских и некоторых уgroфинских народов.

Необходимо указать и на возможность ошибок от слишком смелого пользования данным методом. Сопоставление созвучных названий родов у далеких друг от друга народов, если оно не подкреплено другими данными, может привести к таким же произвольным, необоснованным выводам, на опасность которых мы указываем в начале настоящей статьи, когда говорили об отождествлении названий современных и древних народов.

11

Наиболее полноценную категорию чисто этнографических источников для нашей проблемы составляет сама материальная и духовная культура народа. Исторический анализ ее элементов, если он проведен методологически правильно и если, конечно, сочетается с использованием данных лингвистики и антропологии, дает достаточно объективную и полную картину формирования народности. Но этот метод наиболее груден и очень часто применяется неправильно, ведя к ошибочным выводам.

Такое неправильное применение метода анализа явлений культуры мы находим прежде всего у гребнерианцев. Школа Гребнера, и сам он в первую очередь, сделали, как известно, своей профессией именно изучение элементов культуры в целях открытия культурно-исторических связей между частями населенной человеком земли. Присвоив себе не-законно наименование «культурно-исторической школы», гребнерианцы пытались монополизировать изучение этих связей. Но если присмотреться к их работам с интересующей нас точки зрения, т. е. в свете проблем этногенеза, то мы увидим в них по меньшей мере три принципиальные ошибки: во-первых, изучаемую ими «культуру» гребнерианцы понимают не как процесс труда и творчества, а как чисто механическое скопление коррелирующих между собой и перемещающихся в пространстве, но совершенно неизменных и не развивающихся элементов; во-вторых, сравнение этих элементов между собой производится путем чисто формального сопоставления; в-третьих, проблемы собственно этногенеза, т. е. происхождения народов, гребнерианцы в своих работах в сущности не затрагивают, ибо народами игнорируется, будучи заменен более или менее абстрактным понятием «культуры». «Культура» в гребнерианской литературе субстанциализирована. О народе как создателе и носителе культуры сам Гребнер попросту умалчивал, а близкий к нему Фробениус шел дальше, прямо отрицая связь между народом и культурой и интересуясь исключительно последней. Уже по одному этому, если даже не говорить о всех прочих методологических пороках гребнерианской школы, можно сказать, что школа эта для разработки проблем этногенеза не дала ничего. Не менее порочны и

построения датской диффузионистской школы (Хатт, Биркет-Смит), склонной везде, искать единый центр происхождения более или менее сходных элементов культуры.

Главная трудность при анализе явлений культуры в целях решения этногенетических вопросов заключается, как известно, в неопределенности критериев, позволяющих приписывать сходным культурным формам у разных народов общее или независимое происхождение. Даже в отношении социальных форм, которые, как правило, складываются самостоятельно и закономерно в ходе исторического развития и обнаруживают нередко поразительное сходство у различных народов, без всякой исторической связи между ними,— даже в отношении них приходится нередко допускать влияния одного народа на другой или сохранение традиций, свидетельствующих об общности происхождения народов. Подобного рода заключения, конечно, весьма рискованы. Однако отдельные детали общественного быта, например свадебные и другие обычаи, могут при известных условиях служить критерием исторической связи между народами. Мало дают в этом отношении и религиозные верования и обряды, которые так часто пытались использовать для выяснения проблемы этногенеза: ведь параллельное развитие сходных религиозных представлений на определенных стадиях развития у самых различных народов — явление, достаточно известное.

Наибольшие результаты дает обычно анализ материальной культуры, как по необычайной изменчивости и разнообразию ее форм, так и благодаря сильному и всегда заметному влиянию традиции, обусловливающей длительное сохранение установившихся особенностей. Но и здесь необходимо всегда учитывать возможность самостоятельного развития параллельных и сходных форм. Критерии для различия последних от форм, имеющих единый центр возникновения, этнографам хорошо известны, но они не имеют бесспорного и строго объективного характера. Этим и объясняются многочисленные споры относительно единого или многих самостоятельных центров происхождения оленеводства, упряжного собаководства, лыж, плужного земледелия, лука и стрел и разных других явлений материальной культуры. Впрочем, в советской науке старый спор между буржуазными этнографами по вопросу — диффузия или параллелизм — в значительной мере утратил свою остроту, ибо советским, марксистским мыслящим ученым совершенно ясно, что любой шаг вперед в культурном развитии человечества делается только тогда, когда появляется определенная общественная потребность, без которой обычно ничто и не «изобретается» и не «занимается».

12

Чтобы лучше судить о том, что дает метод анализа культурного инвентаря для решения вопросов этногенеза, было бы лучше всего показать это на конкретных фактах. К сожалению, место не позволяет остановиться, хотя бы кратко, на отдельных примерах той огромной и продуктивной работы, какая проделана до сих пор советскими этнографами в этом направлении. Это могло бы составить тему особой статьи. Здесь мы можем лишь перечислить кратко, на каких этнических группах сосредоточивалось по данному вопросу внимание исследователей за последние годы.

Больше всего сделано в отношении данной проблемы по народам Сибири, где как раз это особенно важно, потому что там очень скучны письменные источники. Внимание этнографов особо привлекали народы, сохранившие наиболее архаичный хозяйственно-культурный уклад,— оседлые рыболовы, кочевые оленеводы, приморские и таежные охотники. Сравнительный анализ элементов материальной культуры этих народов, особенно ительменов, коряков, чукоч, юкагиров, нивхов — всей этой

группы так называемых палеоазиатов³⁸⁻³⁹, уже дал, в сочетании с другими приемами исследования, при использовании также данных археологии, антропологии, языка, возможность не только наметить контуры истории развития хозяйства и культуры, но и представить себе историю формирования этнического облика каждого из этих небольших народов, составляющих как бы реликты древнего этнического пласта населения нашего Севера. По отношению к малым народам Северо-Западной Сибири — обским уграм и самодийской группе — за последние годы сделано тоже немало, особенно трудами Г. Н. Прокофьева и В. Н. Чернечова, а также Б. О. Долгих, для выяснения формирования этих народностей с их своеобразной многослойной культурой. Еще богаче результаты исследования этногенеза якутов: анализ данных культуры этого совершенно своеобразного народа северных скотоводов показал ее чрезвычайную сложность и многосоставность и привел к пересмотру старой упрощенной схемы «переселения якутов с юга»; новейшие археологические раскопки (А. П. Окладникова), данные антропологии и языка — лишь подтверждают выводы этнографического анализа⁴⁰. По другим народам Сибири до сих пор не проделано аналогичного анализа культуры или по крайней мере не получено положительных выводов. Было бы важно подвергнуть тщательному изучению культуру алтайско-саянских народов, бурят, эвенков. Особенно интересных результатов можно ожидать от исследования культуры мелких групп, происхождение которых до сих пор остается неясным: ламутов, долган, телеутов, качинцев, тувицев.

13

Что касается народов Средней Азии, то при постановке касающихся их этногенетических проблем до сих пор почти не применяли анализа явлений культуры. Отчасти это объясняется, может быть, тем, что в таком анализе не ощущалось особенной потребности, ибо процесс формирования народов Средней Азии протекал в значительной мере на глазах истории и поэтому представляется более ясным. Однако, разумеется, решение проблемы этногенеза и здесь не может быть полным без анализа материальной и духовной культуры народов. До сих пор попытки такого анализа делались лишь в немногих случаях — когда дело касалось отдельных обособленных этнических групп. Так, для выяснения вопроса о происхождении дунган экспедиция Московского государственного университета в 1945 г. очень удачно исследовала их материальную культуру и доказала на ней наличие китайского этнокультурного пласта в этой небольшой народности⁴¹. Во всяком случае, очень показателен такой факт: на специальной сессии Академии Наук СССР по вопросам этногенеза Средней Азии, проведенной в августе 1942 г., было прочитано 15 докладов, в большинстве случаев очень содержательных, но из

³⁸⁻³⁹ См. В. Г. Богораз, Древние переселения народов в Сев. Евразии и Америке, Сборник Музея антропологии и этнографии, т. VI, 1927; А. М. Золотарев, Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии, «Известия Воронежского гос. пед. ин-та», т. IV, 1938; Обзор прений по докладам на совещании по этногенезу народов Севера, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941; М. Г. Левин, К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии, «Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947; е го же, О происхождении и типах упряжного собаководства, «Советская этнография», 1946, № 4, и многие другие.

⁴⁰ См. С. А. Токарев, Происхождение якутской народности, «Краткие сообщения ИИМК», IX, 1941; е го же, Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв., Якутск, 1945 и др. Ср. W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen, Записки Акад. Наук, т. VIII, № 7, СПб. 1908; М. Г. Левин, Антропологический тип якутов, «Краткие сообщения» Института этнографии, III, 1947; А. П. Окладников, Указ. работы.

⁴¹ Н. Н. Чебоксаров, Дунганская экспедиция, «Краткие сообщения» Института этнографии, III, 1947.

них только в одном докладе (Н. А. Кислякова) был использован, и то в очень ограниченных размерах, этнографический материал, т. е. анализ явлений культуры⁴². Такое положение дела едва ли можно считать благополучным.

Еще меньше сделано в этом отношении на Кавказе. Вопросы происхождения кавказских народов ставились неоднократно и в дореволюционной и в советской литературе, но для решения их привлекались до сих пор любые источники, кроме только этнографических. В литературе не раз обсуждались вопросы отношения современных народов Кавказа к древним — тубалам, мушкам, хеттам, колхам, халдам, албанам, сарматам, аланам, зихам и многим другим; не раз ставились и вопросы глоттогенеза (вспомнить хотя бы труды Марра); использовался и археологический материал (Крупнов, Куфтин, Миллер) и антропологический (Бунак, Ярхо, Дебец). Но данные этнографии, т. е. в первую очередь сравнительный анализ явлений культуры современных кавказских народов, для решения этногенетических проблем почти совершенно не использован (исключение составляют некоторые работы грузинских этнографов: Читая, Робакидзе, Бардавелидзе и др.). А между тем новейшая советская этнография Кавказа накопила огромный фактический материал, совершенно достаточный для того, чтобы его мобилизовать для решения проблем этногенеза кавказских народов.

14

Хорошие результаты получены от применения описываемого метода к проблемам этногенеза народов Поволжья. Здесь особо надо отметить серьезные и оригинальные работы Н. И. Воробьева о казанских татарах⁴³. Тщательный и всесторонний анализ культуры этого народа позволил автору прийти к определенным выводам о его составе и происхождении. Воробьев находит в различных элементах культуры татар, доныне бытующей, отложения двух основных историко-культурных слоев: лесной, охотничье-земледельческой культуры и степной, кочевнической, со степным же земледелием культуры; позднейшими являются культурные вклады — среднеазиатский и русский. Все эти разные по своему происхождению элементы переплелись между собой и образуют хотя и пеструю по составу, но монолитную культуру татарского народа. С этими выводами не расходятся по существу и взгляды А. П. Смирнова, хотя последний базируется в основном на археологическом материале⁴⁴.

Совершенно иным был процесс, приведший к формированию башкирского народа и его культуры. Последняя подробно описана и проанализирована в работе С. И. Руденко⁴⁵. Этнокультурный состав башкирской народности еще более пестр, чем только что упомянутых татар. Но здесь отдельные культурные типы почти не смешиваются между собой,

⁴² См. «Советская этнография», VI—VII, 1947, Сессия по этногенезу Средней Азии. В новейших работах С. П. Толстова «Древний Хорезм» (М., 1948) и «По следам древнекорезмийской цивилизации» (М., 1948) содержится богатейший материал, проливающий свет на процесс этногенеза народов Средней Азии. Однако этнографический материал в собственном смысле слова автором привлекается в этих работах лишь от случая к случаю. Это же самое можно сказать и о статье того же автора «К вопросу о происхождении каракалпакского народа» («Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947).

⁴³ Н. И. Воробьев, Материальная культура казанских татар, Казань, 1930; его же, Происхождение казанских татар по данным этнографии, «Советская этнография», 1946, № 3.

⁴⁴ А. П. Смирнов, К вопросу о происхождении татар Поволжья, «Советская этнография», 1946, № 3.

⁴⁵ С. И. Руденко, Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2-я, Л., 1925.

а размежеваны географически: в восточной, степной части Башкирии еще недавно господствовал кочевой скотоводческий тип хозяйства, в северо-западной — оседлоземледельческий, в центральных горных районах — полуоседлый промысловый. Эти три области по господствующим формам хозяйства и культуры тяготеют к трем крупным историко-этнографическим областям: степному кочевому тюркскому миру Средней Азии, финноязычным земледельческим народам Поволжья и промыслового-таежным племенам Севера. Таким образом, башкирский народ представляет собой сложное скрещение разнообразных этнокультурных элементов. Вывод этот, подтверждаемый данными антропологии и отчасти генеонимики, вытекает из материала, собранного С. И. Руденко, с тем большей очевидностью, что этот авторставил своей целью доказать нечто совсем иное — однородное, чисто тюркское происхождение башкирского народа⁴⁶.

За последние годы началась работа по анализу культуры удмуртов и коми-зырян в связи с этногонической проблемой. Здесь много дали исследования В. Н. Белицера по костюму удмуртов и бесермян, выявившие в составе этих народностей древне-булгарский и позднейший «татарский» слой⁴⁷.

Материальная культура коми-зырян, серьезное изучение которой только начинается, обнаруживает следы нескольких культурно-исторических наследий; древнейшим из них является северная промысловая таежная культура, а позднейшим — мощный культурный вклад, принесенный русской колонизацией. Уже намечаются пути и направления культурных связей, под влиянием которых шло формирование народа коми и его культуры.

15

Наконец, почти целиком еще не тронуто богатейшее поле работы по анализу культуры восточнославянских народов с точки зрения этногонической проблемы. Собранный материал, вполне пригодный для обобщений, колоссален, но обработка его в интересующем нас направлении едва лишь началась. То, что в этой области сделано, составляет каплю в море. Кое-какие выводы, правда, уже намечаются. Недавно была сделана чрезвычайно интересная и в общем удачная попытка использовать этнографические данные для выяснения древних исторических связей между восточными славянами и дунайскими болгарами: П. Н. Третьякову удалось достаточно убедительно — хотя и на неполном материале — показать, что целый ряд культурных форм, свойственных теперь или в прошлом восточнославянскому населению (типы жилищ, формы одежды и пр.), доныне бытует или еще недавно бытовал у болгар⁴⁸. П. Н. Третьяков вполне правильно связывает эти факты с историей славянской колонизации Балканского полуострова: в заселении восточной его части принимали участие, очевидно, главным образом восточнославянские (антские) племена; при этом, конечно, отдельные восточнославянские группы должны были проникать, как справедливо указывает Третьяков, и в другие области полуострова. Подобные исследования, по совершенно верному замечанию того же автора, должны пролить свет «на важнейшую проблему братских связей славянских народов СССР и славянских народов Балканского полуострова». Однако работа в этом направлении едва лишь начата.

⁴⁶ С. И. Руденко, Указ. раб., стр. 319.

⁴⁷ В. Н. Белицер, К вопросу о происхождении удмуртов (по материалам женской одежды), «Советская этнография», 1947, № 4; ее же, Национальный костюм удмуртов, «Краткие сообщения» Института этнографии, II; ее же, К вопросу о происхождении бесермян (по материалам одежды), Труды Института этнографии, новая серия, 1, 1947.

⁴⁸ П. Н. Третьяков, Восточнославянские черты в быту населения придунайской Болгарии, «Советская этнография», 1948, № 2.

Для проблемы этногенеза восточных славян ценные и работы, охватывающие лишь мелкие местные и этнические группы, однако ставящие на их материале общие вопросы. Здесь надо упомянуть такие работы, как книга Б. А. Куфтина о материальной культуре русской мещеры, как исследования С. П. Толстова по Вятско-Ветлужскому краю (к сожалению, оставшиеся незаконченными), как работа Н. И. Лебедевой о постройках Белоруссии, о народном костюме Брянского Полесья, как интересные этюды Н. П. Гринковой по южновеликорусской этнографии и т. п.⁴⁹. Но все эти исследования, очень важные и нужные, представляют собой лишь подготовительные работы, предварительную обработку материала в узких масштабах. За ними должны последовать более широкие обобщения, а их пока нет. Эти обобщения рано или поздно развернут огромную картину этногенеза восточнославянских народов и осветят этот процесс гораздо полнее и конкретнее, чем это делалось до сих пор на основе только данных археологии, антропологии и языка.

16

Сформулируем кратко наши выводы.

Изучение этногенеза отдельных народов составляет чрезвычайно сложную проблему. Полное решение ее невозможно без учета всех сторон этногенетического процесса и без привлечения всех видов источников. К сожалению, этого в большинстве случаев не делается, и проблема происхождения того или иного народа чаще всего решается на каком-нибудь одном материале — антропологическом, языковом, археологическом и пр. В результате получается одностороннее решение проблемы.

Нетрудно видеть, что источники для решения этногенетических проблем неравнозначны. Меньше всего дают в большинстве случаев письменные свидетельства, хотя они как раз используются наиболее широко. Историки зачастую считают достаточным ответом на вопрос о происхождении данного народа, если они находят имя этого народа, а тем более сведения о месте его обитания, в каком-нибудь древнем письменном памятнике. Между тем даже в случае полной гарантии тождества имен (современного и древнего) и полной уверенности в его географической локализации, — что бывает редко, — для проблемы этногенеза, как мы ее теперь понимаем, это очень мало дает. Немногим больше подвигает нас к решению проблемы установление связи между названиями того или иного современного народа (или группы народов) и древнего (славяне — венеды — невры, чуваши — булгары, якуты — курыканы и пр.). Эти сопоставления могут быть сами по себе и верными, но они, самое большое, указывают на правление, в котором следует искать исторические связи данного народа, проблему же этногенеза они разрешают мало. Антропологический материал дает гораздо больше: расовый анализ устанавливает как бы физический состав данной народности, элементы, из которых сложилось само население; он обнаруживает и реальные исторические связи между народами, смешение, миграции, кровное родство народов. Однако и здесь, даже при достаточно полном анализе, при точных и надежных результатах, до решения проблемы этногенеза еще далеко. Археологические источники могут дать ясное представление о культурной преемственности на определенной территории, о связях культур смежных и даже более отдаленных территорий; но они опять-таки мало дают сами по себе для решения этногенетических проблем, ибо археологический материал улавливает лишь культуру, но не народ. Принадлежали ли сменяющие друг друга на данной территории памят-

⁴⁹ Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, ч. 1-я, М., 1929; Н. И. Лебедева, Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР, М., 1929; ее же, Народный быт в верховьях Десны и верховьях Оки, М., 1927; Н. П. Гринкова, Воронежские диалекты, Л., 1947, и др.

ники одному народу или разным, один ли народ или разные, родственные или чуждые друг другу жили на широкой территории, где встречаются памятники однородной культуры,— на эти вопросы археология сама по себе не может ответить. Лингвистика всего более способна приблизить нас к решению проблемы этногенеза: ведь язык — важнейший из этнических признаков. Но и этот источник один, сам по себе, недостаточен. Происхождение языка — не есть происхождение народа. Границы языка зачастую не совпадают с границами народа. Язык, кроме того, далеко не исчерпывает характеристики народа. Народ характеризуется всегда множеством признаков, он представляет собой сложный комплекс исторически сложившихся особенностей, бытовых черт, материальной и духовной культуры. Понять происхождение народа — это значит разъяснить все эти особенности, установить их генезис и развитие.

Вот почему именно этнография и только этнография, как наука, изучающая этнические особенности отдельных народов, способна дать наиболее полное и исчерпывающее решение проблемы этногенеза каждого данного народа. Но она может дать такое решение не в отрыве от других упомянутых выше наук, ибо такие попытки неизбежно приводят к отрыву культуры от народа, чем грешила гребнерианская школа,— а непременно в тесном сотрудничестве с ними.

Т. А. ТРОФИМОВА

К ВОПРОСУ ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В ЭПОХУ ФАТЬЯНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Антропологический этюд)

«Фатьяновские древности остаются загадкой, наиболее трудной из всех археологических загадок»¹.

«Для нас все более и более становится неизбежным в параллель к элинской колониальной культурной работе на причерноморском юге со скифской в основе общественно-племенной средой проследить работу месопотамского «культурного напора» на восток и север»².

«По названию «чуваши» — шумеры»³.

1

Вопрос о происхождении фатьяновской культуры, относящейся к эпохе бронзы и датируемой II тысячелетием до нашей эры, до сих пор не получил в археологической литературе своего полного разрешения. Действительно, эта культура, широко распространенная в лесной полосе Волго-Окской области и Среднего Поволжья, известная до последнего времени по могильникам со скорченными погребениями и инвентарем, резко отличающимся от стоянок ямочно-гребенчатого неолита, плохо увязывается с местными, более древними и синхронными культурами Восточной Европы.

Это обстоятельство привело к тому, что был выдвинут ряд гипотез о пришлом происхождении племен фатьяновской культуры. А. А. Спицын⁴ и В. А. Городцов⁵ связывали происхождение фатьяновской культуры с Северным Кавказом на основе сходства сосудов, орнамента, каменных топоров, некоторых украшений, одинаковой формы клиньев — каменных на севере, медных на юге, — тонких кремневых ножей, сходных с медными ножами кубанских курганов. В зарубежной литературе в связи с развитием «нордийской теории» делались настойчи-

¹ А. В. Арциховский, Введение в археологию, М., 1947, стр. 72.

² Н. Я. Марр, Из переживаний доисторического населения Европы, Избранные работы, т. V, 1935, стр. 321.

³ Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, Избранные работы, т. V, стр. 331.

⁴ А. А. Спицын, Медный век в Верхнем Поволжье, СПб., 1903, стр. 15, 16; его же, Новые сведения о медном веке в средней и северной России, Записки Русского археолог. об-ва, Русское отделение, т. II, стр. 10.

⁵ В. А. Городцов, Бытовая археология, М., 1910, стр. 270—272.

вые попытки вывести фатьяновскую культуру из Прибалтики и превратить ее носителей в «арийцев»⁶.

Ниже мы еще вернемся к этой «теории». Здесь же остановимся подробнее на вопросе о культурных связях с Кавказом. В. А. Городцов, рассматривая направление культурных течений в эпоху бронзы на русской территории, писал: «Что же касается культурных течений по русской территории, то можно заметить, что древнейшее из них шло из Месопотамии и отчасти Малой Азии через Кавказ, откуда широким веером распространялось по степи и проникало далеко в глубь леса. Вторым течением явилось среднеазиатское, покрывшее восточную часть леса до р. Камы и всю степь новым наслоением памятников. Наконец, третьим течением последовало сибирское, давшее в пересечении с среднеазиатским течением в области Камы нечто вроде культурного очага, развитие которого, однако, следует отнести уже к железной эпохе»⁷.

Рассматривая погребальный инвентарь из курганов Северного Кавказа в Кубанской области, в городе Майкопе и станицах Костромской и Царской, В. А. Городцов указывал, что там в эпоху начала бронзы была распространена одна культура, первоисточником которой являлась Месопотамия, хотя также существовало и влияние из Малой Азии⁸. В. А. Городцов считал, что из Месопотамии были заимствованы топоры, кирки, долота, пластиинки рубанков, золотая, серебряная и бронзовая посуда, все металлические украшения из драгоценных камней и белой пасты, а также и рисунки на серебряных сосудах. К заимствованиям из Малой Азии он относил формы пластиинчатых копьевидных ножей и кинжалов⁹. Культуры катаомбная, ямная и срубная, по Городцову¹⁰, развивались под сильным влиянием северокавказской культуры; и, наконец, к наиболее отдаленной области кавказского влияния В. А. Городцов относил памятники фатьяновского типа в верхнем течении Волги, главнейшими из которых являются могильники в окрестностях деревни Фатьяновой и села Великого б. Ярославской губернии¹¹.

В более поздней своей работе, посвященной культурам бронзовой эпохи Средней России, В. А. Городцов, анализируя отдельные находки из области распространения фатьяновской культуры, подчеркивал генетические связи не только с Северным Кавказом, но вообще с Югом (Кавказом, Малой Азией¹²). Так, он указывал, что наиболее распространенные типы сверленых каменных топоров, как лопастной, лопастно-хордовый и ладьевидный, имеют все признаки местной работы и генетически более связаны с югом (Кавказом, М. Азией), чем с западом (Скандинавией, Средней Европой и др.)»¹³; при этом он подчеркивал, что «находки топоров этих типов вне области фатьяновской культуры следует рассматривать, как доказательство существования экспорта фатьяновских изделий в заграничные области»¹⁴. Говоря о медных и бронзовых топорах с вислым обухом в области распространения фатьяновской культуры, В. А. Городцов указывал, что Месопотамия и Элам были областями выработки топора с вислым обухом. Из Элама в Европу эти топоры могли проникать тремя путями:

⁶ А. М. Tallgren, Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland, Finska Forminnes-föreningens Tidsskrift, Bd. XXV, 1911; его же, L'âge du cuivre dans la Russie Centrale (Fatianovo), 1912.

⁷ В. А. Городцов, Указ. раб., стр. 251. Разрядка наша.

⁸ Там же, стр. 259.

⁹ Там же:

¹⁰ Там же, стр. 263—270.

¹¹ Там же, стр. 271.

¹² В. А. Городцов, Культуры бронзовой эпохи в Средней России, Отчет Российского исторического музея в Москве за 1914 год, М., 1915, стр. 120—170.

¹³ Там же, стр. 143. Разрядка наша.

¹⁴ Там же, стр. 143.

ми: 1) Малой Азией и Балканским полуостровом, 2) Кавказом и 3) Каспийскими воротами¹⁵. На основании соображений, на которых мы останавливаться не будем, В. А. Городцов указывал, что проникновение бронзовых вислообушных топоров в Среднюю Европу (территория Венгрии) и в Восточную Европу (Северный Кавказ и Восточная Россия) происходило двумя путями — через Южный Кавказ и Каспийские ворота¹⁶.

Нельзя также не отметить указания В. А. Городцова, что наиболее приближающимися к фатьяновским сосудам оказались шаровидные сосуды, найденные в б. Бакинской губернии (Кубинский округ) недалеко от Дербентского прохода, вместе с медным или бронзовым топором с вислым обухом¹⁷.

Заключая статью, посвященную культурам бронзовой эпохи Средней России, В. А. Городцов указывал, что хотя сношения людей фатьяновской культуры были очень разнообразными, но преимущественную роль играли связи с юго-востоком и юго-западом (почти западом, по выражению Городцова), причем главная связь существовала с юго-востоком¹⁸.

В 1925 г. Ю. В. Гольте поставил вопрос о местном происхождении фатьяновской культуры¹⁹. В последующих работах советских археологов получила свое развитие эта последняя точка зрения. Так, в 1939 г. О. Н. Бадер писал о происхождении фатьяновской культуры: «появление фатьяновской и стадиально близких ей археологических культур на огромных пространствах Восточной Европы и Азии обусловлено прочным внедрением и ведущей ролью новой формы хозяйства — скотоводства. Процесс возникновения своеобразных культур этой стадии есть не что иное, как процесс выделения пастушеских племен, ведущий, в свою очередь, к возникновению патриархата»²⁰. Не возражая О. Н. Бадеру по существу выдвинутого им тезиса, нельзя не отметить, что для того, чтобы понять и объяснить своеобразие этой культуры, ее конкретную форму, ее связи в пространстве и времени, высказанное положение оказывается недостаточным. О. Н. Бадер, чувствуя недостаточность своего объяснения, сразу же делает следующую оговорку: «Самый процесс этого перехода и обусловленных им изменений в материальной культуре, конечно, далеко еще не ясен и в дальнейшем должен послужить предметом тщательного изучения»²¹.

К восточному крылу фатьяновской культуры относятся также курганы у деревни Атли-Касы Ядринского района Чувашской республики (Третьяков), могильник возле деревни Баланово в Козловском районе Чувашии и некоторые другие памятники. Так, О. Н. Бадер, исследовавший Балановский могильник в Чувашской АССР (1937)²², относил его к фатьяновской культуре, указывая на некоторые характерные отличия в элементах материальной культуры от типичных фатьяновских могильников Верхнего Поволжья²³. Вместе с тем он указывал на сходство материальной культуры Балановского могильника с другими, несколько

¹⁵ В. А. Городцов, Указ. работа, стр. 148.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 160.

¹⁸ Там же, стр. 168.

¹⁹ Ю. В. Гольте, Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы, 1925.

²⁰ О. Н. Бадер, К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла, «Вестник древней истории», 1939, № 3, стр. 115.

²¹ Там же.—Критические замечания по поводу этого положения, выдвинутого О. Н. Бадером, были высказаны в советской литературе рядом авторов.

²² О. Н. Бадер, Археологические исследования Центрального Чувашского музея, «Советский музей», 5, М., 1937, стр. 35—44.

²³ О. Н. Бадер, Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии, «Советская археология», VI, 1940, стр. 87.

более поздними памятниками на территории Чувашской АССР, с аба-шевскими могильниками и древними курганами у д. Атли-Касы²⁴.

М. С. Акимова, проводившая раскопки Балановского могильника в 1940 г., в своей статье²⁵ дает главным образом описание найденных ею при раскопках предметов материальной культуры, указывая, что инвентарь из ее раскопок мало отличается от материала из раскопок предыдущих лет. Однако найденные при раскопках в 1940 г. один плоскодонный сосуд баночной формы и глиняная ложка находят себе аналогии в инвентаре, относящемся к погребениям срубной культуры. М. С. Акимова считает возможным предполагать наличие связи между населением, оставившим Балановский могильник, и населением срубной культуры²⁶. В оценке материала из Балановского могильника М. С. Акимова соглашается с мнением О. А. Кривцовой-Граковой, что Балановский могильник относится к позднему этапу фатьяновской культуры.

О. А. Кривцова-Гракова на основании анализа археологического материала, относящегося к различным памятникам фатьяновской культуры, устанавливает неоднородность хронологических рамок для трех групп памятников — московской, ярославской и чувашской и указывает на их возможные различные этнические связи²⁷. Московскую группу памятников О. А. Кривцова-Гракова датирует концом III тысячелетия и первой четвертью II тысячелетия до н. э., т. е. концом ямной и началом катакомбной культуры²⁸. При этом наиболее четкие аналогии древнейших форм керамики этой группы она видит в одиночных погребениях Южной Скандинавии и Дании, а также и в соответствующей культуре Финляндии²⁹. Ярославская группа, по ее мнению, сменила московскую, повидимому, в конце первой четверти II тысячелетия. О. А. Кривцова-Гракова пишет: «В то время начинаются интенсивные связи с Северным Кавказом, особенно с Майкопской культурой, эпохи станицы Царской, относящейся к этому времени. Очевидно, путь проходил по Волге»³⁰. Вместе с тем в ярославских погребениях встречаются вещи, ведущие свое происхождение из унетицкой культуры. Чувашская группа, по этому автору, сменяет ярославскую в половине II тысячелетия. Наряду с продолжающимися отношениями с населением унетицкой культуры, О. А. Кривцова-Гракова указывает на возникновение сношений этой группы населения с населением юго-восточных срубной и андроновской культур, которые продолжаются и позднее на территории Чувашии, в эпоху абаевской культуры³¹.

О. А. Кривцова-Гракова, разработав хронологию памятников фатьяновской культуры, вопроса о происхождении фатьяновской культуры в целом не касается, тогда как в более ранней своей работе этот автор, констатируя резкие различия в облике культур ямочно-гребенчатого неолита и фатьяновской, писала: «Резкое отличие от местных культур Еноло-Окского бассейна и полное отсутствие признаков, позволяющих связать эти две культурные группы генетически, заставляют воздерживаться от попыток объяснения происхождения фатьяновской культуры»³². Повидимому, автор и сейчас продолжает стоять на этой позиции.

А. П. Смирнов в своей работе, посвященной древней истории чуваш-

²⁴ О. Н. Бадер, Указ. работа, стр. 86—87.

²⁵ М. С. Акимова, Балановский могильник, «Краткие сообщения ИИМК», XVI, 1947, стр. 121—130.

²⁶ Там же, стр. 129.

²⁷ О. А. Кривцова-Гракова, Хронология памятников фатьяновской культуры, «Краткие сообщения ИИМК», XVI, стр. 22—23.

²⁸ Там же, стр. 23.

²⁹ Там же, стр. 28.

³⁰ Там же, стр. 33.

³¹ Там же.

³² О. А. Кривцова-Гракова, Горкинский могильник, Сборник статей по археологии СССР, М., 1938, стр. 67.

ского народа³³, на основании анализа как археологического материала, так и обряда погребения приходит к заключению о непосредственной преемственности культурных особенностей населения городищ железной эпохи с более ранним неолитическим населением. «Можно утверждать, — пишет он, — что, заняв район современной Чувашии в верхнем палеолите, люди продолжали занимать эти места и позднее»³⁴. «Однако, — пишет А. П. Смирнов дальше, — развитие Среднего Поволжья не протекало спокойно. Еще в III тысячелетии до н. э. в эту область вторглись чуждые племена, которые связываются в археологии с фатьяновской культурой»³⁵.

Указывая на различные точки зрения о происхождении фатьяновской культуры, А. П. Смирнов своей позиции по вопросу о том, откуда в Поволжье появились племена фатьяновской культуры, не выявляет, замечая лишь, что инвентарь погребений Балановского могильника не оставляет сомнений в отнесении его к поздней стадии фатьяновской культуры³⁶. При этом А. П. Смирнов подчеркивает, что «появление в Среднем Поволжье пришельцев несомненно наложило отпечаток на процесс формирования местного населения и должно быть учтено при изучении этногенеза чуваш»³⁷.

П. Н. Третьяков по поводу возникновения фатьяновской культуры пишет очень лаконично: «По Волге и ее притокам во втором тысячелетии до н. э. в окружении рыболовно-охотничьих племен появились скотоводческие племена, оставившие нам свои кладбища, получившие в науке название фатьяновских...»³⁸. Откуда появились эти скотоводческие племена, каков генезис фатьяновской культуры, — оба автора на эти вопросы ответа не дают.

И если О. Н. Бадер в 1939 г. делал попытку объяснения появления фатьяновской культуры на месте в результате коренных сдвигов в хозяйстве неолитических племен Верхнего Поволжья, перешедших к скотоводству³⁹, то в 1947 г. у А. В. Арциховского мы читаем о «фатьяновской загадке», решению которой не помогает «предположение о приходе фатьяновцев издалека»⁴⁰. А. В. Арциховский пишет, что «некоторые ученые считали их скандинавами, судя по формам некоторых топоров; другие ученые считали их северокавказцами, судя по формам некоторых сосудов. Обе эти гипотезы основаны на единичных поверхностных аналогиях»⁴¹.

Таким образом, вопрос о происхождении фатьяновской культуры в последних работах советских археологов не получает своего разрешения, хотя, повидимому, все — одни открыто, другие молчаливо — допускают внедрение скотоводческих племен в III—II тысячелетиях до н. э. по пойме Волги и ее притоков в области Среднего и Верхнего Поволжья, но откуда появились эти племена, — на этот вопрос ответа в последних археологических работах нет.

2

Для решения проблемы о происхождении фатьяновской культуры в последние годы привлекался также и антропологический материал.

³³ А. П. Смирнов, Древняя история чувашского народа, Чебоксары, 1948.

³⁴ Там же, стр. 10.

³⁵ Там же, стр. 13.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ П. Н. Третьяков, Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья, Чувашгосиздат, 1948, стр. 24—25.

³⁹ О. Н. Бадер, К истории первобытного хозяйства на Оке и в Верхнем Поволжье в эпоху металла.

⁴⁰ А. В. Арциховский, Введение в археологию, стр. 71.

⁴¹ Там же.

Г. Ф. Дебец, сравнивая черепа фатьяновской культуры с черепами, относящимися к культуре ямочно-гребенчатого неолита, приходит к заключению, что «имеющиеся данные о различиях в типе черепов фатьяновской культуры и «неолитических» говорят скорее в пользу теории о пришлом происхождении фатьяновцев»⁴².

В распоряжении Г. Ф. Дебеца были данные о нескольких крайне фрагментарных черепах и костях скелетов населения культуры ямочно-гребенчатого неолита из Языкова Калининской области, характеризующихся мезобрахиальными черепами и низким ростом, а также измерительные данные и фотография брахиального со слабо выступающим носом черепа этой же культуры из Старшего Волосовского могильника. Г. Ф. Дебец определяет эти черепа как относящиеся к лапоноидному типу⁴³, в то время как фатьяновские определяются им как относящиеся к длинноголовому европеоидному типу⁴⁴. Г. Ф. Дебец справедливо отрицает возможность сближать этот тип с типом манси (вогул), как это делали Силинич⁴⁵ и Бунак⁴⁶.

Однако в распоряжении Дебеца были всего один череп из Огарева Холма, который он исследовал, и измерения В. В. Богданова и фотографии пяти черепов из Фатьянова, на которых отсутствовал ряд важных размеров⁴⁷, в частности скапулевого диаметра и измерений угла носа.

Относящийся к фатьяновской культуре палеоантропологический материал, бывший в распоряжении Г. Ф. Дебеца, несомненно слишком мал и дефектен, чтобы на основании его можно было установить морфологические связи. По этому поводу Г. Ф. Дебец пишет следующее: «Проблема возможных связей с Северным Кавказом и Прибалтикой, встающая на основании некоторых археологических параллелей, на имеющемся антропологическом материале не решается. Сравнительных данных по северокавказской палеометаллической культуре пока недостаточно. Что же касается культуры ладьевидных топоров Прибалтики и культуры шнуровой керамики, то известное сходство относящихся к ним черепов с фатьяновскими безусловно имеется. Но было бы преждевременно устанавливать на этом основании прямое родство фатьяновцев с древними типами населения Западной Европы, так как мы уже видели, что сходные типы вообще широко распространены во времени и пространстве»⁴⁸. Характеризуя же фатьяновскую культуру в той же работе, но несколько выше, Г. Ф. Дебец пишет: «Параллели с Прибалтикой, проявляющиеся, главным образом, в формах сверленных каменных топоров, могут быть и конвергентного происхождения, что же касается весьма специфичных медных топоров с вислым обухом, то их генетическая связь с аналогичными орудиями Кавказа и Средней Азии представляется весьма вероятной. Однако,— добавляет Г. Ф. Дебец,— это еще не дает оснований говорить ни о переселениях, ни о прямых связях. Топоры южного типа могли попадать на север и через ряд промежуточных инстанций обмена»⁴⁹.

Из сопоставления этих двух цитат видно, что Г. Ф. Дебец как антрополог выступает против самого себя как археолога, склоняющегося к установлению культурных связей фатьяновской культуры с Кавказом и Средней Азией. В результате вопрос об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры в работе Г. Ф. Дебеца остается не разъясненным.

⁴² Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 88.

⁴³ Там же, стр. 87.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ И. П. Силинич, К вопросу об антропологическом типе населения северо-западной Сибири, «Русский Антропол. журн.», кн. 39—40, 1916.

⁴⁶ В. В. Бунак, Антропологический тип черемис, «Русский Антропол. журн.» т. 13, вып. 3—4, 1924.

⁴⁷ Необходимо указать, что в настоящее время эти черепа утрачены.

⁴⁸ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 89.

⁴⁹ Там же, стр. 51.

Более подробно рассматриваются антропологические материалы, относящиеся к фатьяновской культуре в работе М. С. Акимовой, опубликованной в 1947 г.⁵⁰ В центре этой работы стоит костный материал из Балановского могильника фатьяновской культуры, а также более полно, чем раньше, опубликован антропологический материал из верхневолжских фатьяновских могильников, привлеченный для сравнения. В распоряжении автора были кости из 63 погребений Балановского могильника, из них было 19 мужских, 19 женских и 25 детских погребений. В качестве сравнительного материала были представлены измерения черепов из верхневолжских фатьяновских могильников: Кузьминского, Фатьяновского (данные Богданова), Ивановой горы, Шашовского, Огарева Холма (данные Дебеца) и Великосельского (данные Дебеца); всего в распоряжении Акимовой были данные по 12 мужским черепам и 4 женским из верхневолжских фатьяновских могильников. В результате анализа краниологического материала она приходит к выводу, что между антропологическими типами из Балановского могильника, с одной стороны, и верхневолжских фатьяновских могильников, с другой стороны, существуют определенные различия: хотя оба антропологических типа и являются европеоидными, но тип Балановского могильника характеризуется средними размерами высоты и ширины лица, средневыступающим носом и среднеразвитыми надбровьями, при не сильно наклонном лбе, тогда как антропологический тип Волго-Окского бассейна отличается от балановского большей массивностью, более низким и широким лицом⁵¹.

Вслед за Г. Ф. Дебециом⁵², М. С. Акимова указывает, что антропологические типы фатьяновской культуры, резко отличаясь от антропологического типа неолитической эпохи с той же территории, не могут рассматриваться, как генетически связанные, что свидетельствует против теории местного происхождения фатьяновской культуры на основе ямочно-гребенчатого неолита⁵³. Слабая монголоидная примесь, которая отмечается на некоторых черепах балановского могильника, по мнению автора, может объясняться смешением европеоидного балановского населения с местным сублапонидным⁵⁴. И дальше М. С. Акимова ставит вопрос о том, откуда могли прийти носители фатьяновской культуры. Сравнение с краниологическими материалами ранней и поздней бронзы с Северного Кавказа, по данным Г. Ф. Дебеца⁵⁵, приводит М. С. Акимову к выводу, что вопрос о приходе фатьяновцев с Северного Кавказа на имеющемся материале решить нельзя⁵⁶.

Рассматривая краниологические данные по материалам Г. Ф. Дебеца, относящиеся к древнеямной и срубно-хвалынской культурам Нижнего

⁵⁰ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, Труды Института этнографии, Новая серия, т. I, М., 1947, стр. 268—282.—Эта работа М. С. Акимовой написана позже работы Г. Ф. Дебеца, хотя по техническим причинам вышла из печати раньше. Этим объясняется более широкий охват в ее работе антропологического материала, относящегося к фатьяновской культуре.

⁵¹ М. С. Акимова, Указ. раб., стр. 282 и др.—При этом надо заметить, что правильнее лицо балановцев характеризовать как узкое (см. ниже) и что в общем рельеф балановских черепов развит сильнее.

⁵² Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 88.

⁵³ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, стр. 278—279, 282.

⁵⁴ Там же, стр. 270—271, 282.

⁵⁵ См. Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 107, табл. 34, где приведены данные о 5 черепах, одном женском из Нальчикского кургана, относящемся к ранней бронзе, и 4 черепах (одном мужском и трех женских) из различных мест Северного Кавказа, относящихся к поздней бронзе. Эти данные (по Дебецу) М. С. Акимова приводит в своей неопубликованной диссертации, имеющей то же название, как и упоминаемая здесь статья: «Антропологический тип населения фатьяновской культуры».

⁵⁶ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, стр. 280, 282. Речь идет об антропологических типах как Волго-Окской группы, так и Балановской.

Поволжья и эпохе бронзы среднего Приднепровья (из раскопок Хвойко), а также данные, относящиеся к черепу, описанному Г. Ф. Дебецом из Олгашинского кургана абаевской культуры, М. С. Акимова указывает, что все эти серии, по работе Г. Ф. Дебеца, относятся кprotoевропейскому типу, несущему много признаков, сближающих его с кроманьонским, широко распространенным в ту эпоху в Поволжье, Приднепровье и Сибири⁵⁷. И дальше она пишет: «Балановские черепа отличаются от срубно-хвалынских довольно узким лицом, более прямым лбом и менее выступающим носом. Большее сходство наблюдается между срубно-хвалынскими и фатьяновскими черепами волго-окского междуречья. Сходство отмечается именно в таком направлении, в каком идут различия их с балановскими. Более широкое лицо и сильно выступающий нос сближают эти две группы»⁵⁸.

Сделав мимоходом это замечание (см. разрядку), автор переходит к характеристике балановского типа: «Балановский могильник в Чувашии дает другой антропологический тип. Это высокорослый тип, характеризующийся узким лицом, средневыступающим носом и средненаклонным лбом, стоит особняком, не имея себе аналогии среди носителей других культур Восточной Европы. Это обстоятельство наталкивает на мысль искать сходство с ним в других областях»⁵⁹.

После рассмотрения литературных данных, относящихся к черепам культур ленточной керамики, мегалитической культуре севера Германии, Швеции, Дании, культуре одиночных могил, шаровидных амфор и культуре шнуровой керамики, автор приходит к выводу, что «последние (т. е. балановцы.— Т. Т.) имеют, несомненно, большее сходство с западно-европейскими, нежели с восточно-европейскими»⁶⁰. И ниже уточняет: «Балановский тип обнаруживает сходство с неолитическим населением Прибалтики и средней части Германии во II тысячелетии до нашей эры. Наибольшее сходство наблюдается с носителями культуры ленточной керамики Средней Европы и мегалитической культуры юга Швеции»⁶¹. Свое заключение М. С. Акимова формулирует следующим образом: «Вследствие того, что полного сходства антропологического типа фатьяновцев (очевидно, речь идет об антропологическом типе из Баланова, что следует из контекста.— Т. Т.) с отмеченными типами Западной Европы не наблюдается, вопрос о миграции на имеющемся материале решать преждевременно»⁶².

Что же касается антропологического типа фатьяновцев Волго-Окского бассейна, то М. С. Акимова вопрос об этом типе даже не вносит в свои окончательные выводы, ограничиваясь сделанным выше замечанием, что «несколько более низкое и широкое лицо и более сильно выступающий нос сближают этот тип с protoевропейским, широко распространенным в бронзовую эпоху в степной полосе Восточной Европы», считая, что для окончательного решения этого вопроса необходимо большее количество материала⁶³.

Итак, М. С. Акимова, как и Г. Ф. Дебец, приходит к основному выводу, что антропологические материалы не только не подтверждают предположения о местном происхождении фатьяновской культуры, но говорят против него.

⁵⁷ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, стр. 280—281.

⁵⁸ Там же, стр. 281. Разрядка наша.

⁵⁹ Там же. Разрядка наша.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же, стр. 282.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

Второй вопрос, откуда пришли фатьяновцы или, выражаясь более осторожно, с какими краинологическими сериями Западной Европы (в обеих работах речь идет о сравнении именно с краинологическими сериями Западной Европы, так как вопрос о сходстве с Северным Кавказом решается обоими авторами отрицательно) фатьяновские серии черепов имеют большее сходство, решается обоими авторами по-разному. Если Г. Ф. Дебец видит сходство черепов фатьяновской культуры с черепами культуры ладьевидных топсров Прибалтики и культуры шнуровой керамики⁶⁴, то М. С. Акимова связывает балановский тип с носителями ленточной культуры «Средней Европы»⁶⁵ и мегалитической культуры юга Швеции.

Прежде чем перейти к изложению своих взглядов на антропологические материалы фатьяновской культуры, отмечу два положения, которые в общей форме могут быть приняты после работ Г. Ф. Дебеца и М. С. Акимовой: 1) население фатьяновской культуры как в Верхнем Поволжье, так и в Среднем Поволжье (Баланово) генетически не связано с лапоноидным типом неолитического населения культуры ямочно-гребенчатой керамики (рис. 1)⁶⁶, о чем мне уже приходилось раньше высказываться в печати⁶⁷, и 2) что антропологический тип, представленный в верхневолжских фатьяновских могильниках, кроманьоидный илиprotoевропейский по Дебецу, определенно отличается от типа черепов Балановского могильника с узким и высоким лицом, который, с моей точки зрения, может быть отнесен к средиземноморской (понтийской) расе⁶⁸.

Рис. 1. Человек культуры ямочно-гребенчатого неолита лапоноидного типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребения в Караваике

⁶⁴ Напомним читателю, что Г. Ф. Дебец располагал меньшим краинологическим материалом фатьяновской культуры, чем М. С. Акимова, и краинологический материал из Балановского могильника не был учтен им. Необходимо также отметить, что сходство собственно фатьяновских черепов с черепами культуры ладьевидных топсров Прибалтики и культуры шнуровой керамики носит лишь самый общий характер, поскольку все эти черепа относятся к европеоидной большой расе, но какого-либо специфического сходства между этими сериями не устанавливается.

⁶⁵ При этом необходимо отметить, что сравнение М. С. Акимовой произведено с черепами из Рессенского могильника северной Германии, что следует из ее неопубликованной диссертации.

⁶⁶ О наличии других антропологических типов среди населения культуры ямочно-гребенчатого неолита см. ниже.

⁶⁷ Т. А. Трофимова, Вятычи, кривичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 129—130.

⁶⁸ Там же, стр. 126—127.

Перейду к изложению моей точки зрения. Мне уже приходилось указывать⁶⁹, что массивные кроманьонидные

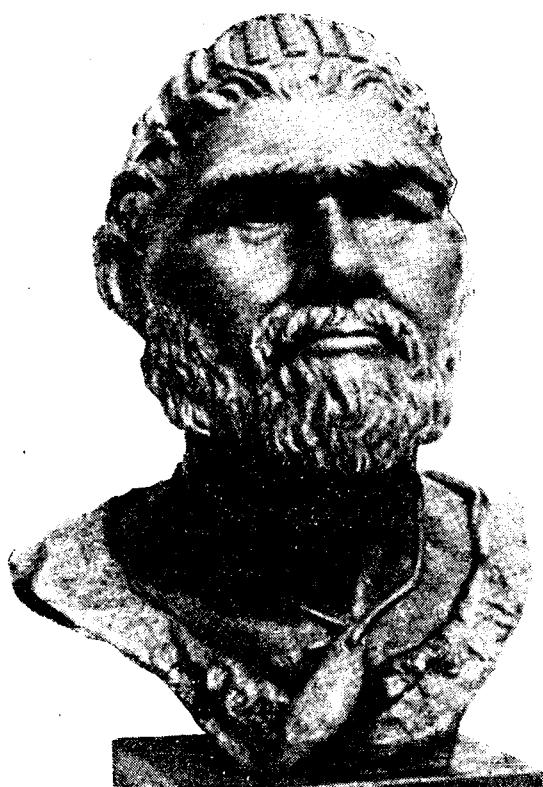

Рис. 2. Человек культуры ямочно-гребенчатого неолита кроманьонидного типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из погребения с Южного Оленевого острова

неолита и бронзы, за исключением уже

формы с низким и широким лицом, известные в юго-восточных степях среди погребений ямной и срубно-хвалынской культуры, встречаются не только в эпоху бронзы в Приднепровье, но также и на других территориях, не столь удаленных от верхнего Поволжья, ареала распространения широколицего европеоидного типа. Это черепа из Приладожья⁷⁰ эпохи неолита, с Южного Оленевого острова у Онежского озера (рис. 2)⁷¹, черепа эпохи бронзы на территории Эстонии⁷² и Латвии, а также и некоторых областей Польши⁷³ — как в неолитическую эпоху, так и в эпоху бронзы⁷⁴ (табл. 1).

М. С. Акимова в своей работе не учла этого обстоятельства, направив свое внимание лишь на сходство между волго-окскими фатьяновскими черепами и степными формами срубно-хвалынской культуры⁷⁵, да и то остановившись на этом вопросе лишь попутно.

К сожалению, других краниологических материалов, относящихся к эпохе упомянутых скучных мате-

⁶⁹ Т. А. Трофимова, Вятичи, кривичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 127—128.

⁷⁰ А. П. Богданов, Человек каменного века (в кн.: А. А. Иностранцев, Человек каменного века побережья Ладожского озера, СПб., 1882.).

⁷¹ Е. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленевого острова, «Краткие сообщения ИИМК», VI, 1940, стр. 51—54. В этом могильнике наряду с кроманьонидным широколицым европеоидным типом встречаются черепа ярко выраженного монголоидного характера.

⁷² A. F ridenthal, Ein Beitrag zur vorgeschichtlichen Anthropologie Estlands, Ztschr. f. Ethnologie, Bd. 63, 1932, стр. 1—39; J. Aul, Etude anthropologique des ossements humains néolithiques de Sope et d'Ardu, Acta instituti et musei Zoologici Universitatis Tartuensis, № 15, 1935 и другие материалы.

⁷³ S. Czortkower, Lebky z Ulowwka, «Anthropologie», X, Prague, 1932, стр. 212; см. также E. Wenzlawowa, Czaszka neolityczna z Wójcina, Przegląd antropologiczny, t. IX, Poznań 1935, стр. 80—84, а также среди смешанной серии неолитических черепов из Brzećcia kujawskiego, Wiadom. archeol., t. XV, 1938, стр. 158—186 и некоторые другие.

⁷⁴ Т. А. Трофимова, Краниологические данные к этногенезу западных славян, «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 56—57, 58 и карта на стр. 53.

⁷⁵ М. С. Акимова. Антропологический тип населения фатьяновской культуры, стр. 281—282.

Таблица 1

Кроманьонидные серии неолита и бронзы Восточной Европы (мужские черепа)

Страна	Польша	Эстонская ССР	РСФСР	УССР	РСФСР	Нижнее Поволжье
Местонахождение или название серии	Сокальский окр. Ульвовка	Эстонская сборная	Ладога	Западное Поволжье	Среднее Поднепровье	Бронза, средно-хвалынская культура
Эпоха или культура	Бронза	Бронза	Неолит	Бронза (фатьяновская культура)	Бронза	Бронза, древнеямная культура
Автор	Чортковер 1932	Фриденталь 1932	Лебец 1948 (Богданов 1882)	Акимова 1947	Лебец 1948	Лебец 1948
№ серии	1	2	3	4	5	6
Продольный диаметр	186,0 (2)	195,5 (10)	190,2 (5)	191,4 (10)	193,0 (14)	189,9 (7)
Поперечный »	137,5 (2)	142,5 (10)	137,2 (5)	138,4 (9)	141,0 (14)	141,4 (12)
Высотный »	136,0 (2)	146,7 (9)	139,2 (5)	132,0 (6)	140,1 (9)	136,3 (7)
Наименьший лобный диаметр	100,0 (2)	99,4 (10)	94,0 (3)	99,3 (10)	98,4 (15)	97,3 (7)
Черепной указатель	73,0 (10)	73,4 (2)	73,5 (9)	72,5 (9)	73,0 (4)	74,6 (7)
Высотно-продольный указатель	73,2 (2)	74,8 (9)	—	69,2 (6)	72,3 (9)	74,3 (12)
Высотно-поперечный »	98,8 (2)	101,9 (9)	—	95,3 (6)	99,1 (9)	71,8 (4)
Лобно-поперечный »	72,8 (2)	69,6 (10)	—	71,9 (7)	69,7 (14)	95,6 (10)
Верхняя высота лица	67,5 (2)	73,6 (7)	71,5 (2)	66,1 (10)	70,5 (13)	69,9 (7)
Скуловой диаметр	137,5 (2)	140,3 (4)	139,7 (3)	138,0 (4)	136,2 (11)	69,3 (6)
Лицевой указатель	49,1 (2)	54,5 (4)	—	48,8 (4)	52,2 (11)	142,2 (6)
Носовой »	51,7 (2)	48,3 (7)	—	49,2 (10)	49,5 (13)	48,9 (5)
Орбитный »	74,5 (2)	75,1 (7)	—	81,3 (10)	80,4 (13)	50,7 (9)

риалов ямочно-гребенчатого неолита, мы не имеем⁷⁶. Однако по краиниологическим материалам, относящимся к более поздней эпохе, а именно к славянскому населению эпохи курганов XI—XIII вв., следует, что широколицый тип, очевидно, потомок кроманьонидных типов бронзовой эпохи, был распространен севернее по Днепру и его притокам, по среднему

течению Западной Двины и верхнему течению Москвы-реки, по Волхову⁷⁷ и, повидимому, в смешанном виде в верховьях Волги. Можно предполагать, что в эпоху фатьяновской культуры ареал распространения этого типа охватывал области среднего и северного Поднепровья, верхнего Поволжья и Прибалтики⁷⁸ на территории современного СССР, а за пределами нашей страны он был также известен на территории Польши и сходные варианты на других, более отдаленных территориях. Карты распространения этого типа как в эпоху бронзы, так и в славянскую курганную, приведены в прежних моих работах⁷⁹.

В свете этих данных кроманьонидный тип фатьяновской культуры не выступает уже изолированно в лесной полосе Средней Рос-

Рис. 3. Человек фатьяновской культуры восточносредиземноморского типа. Реконструкция М. М. Герасимова по черепу из Балановского могильника

сии, но окружена как с севера, так и с запада и юга морфологически близкими формами. Это дает нам основание поставить вопрос о местном, автохтонном происхождении антропологического типа западной группы населения фатьяновской культуры, по Кривцовской-Граковой, соответствующей той группе памятников фатьяновской культуры, которые она относит к московской и ярославской группам (см. карту). И не вероятнее ли предположить, что скотоводческие племена собственно фатьяновской культуры связаны своим происхождением со степью, со степными областями как Поднепровья, так и Среднего Поволжья, и проникали в области Верхнего Поволжья, и Междуречье Оки и Волги

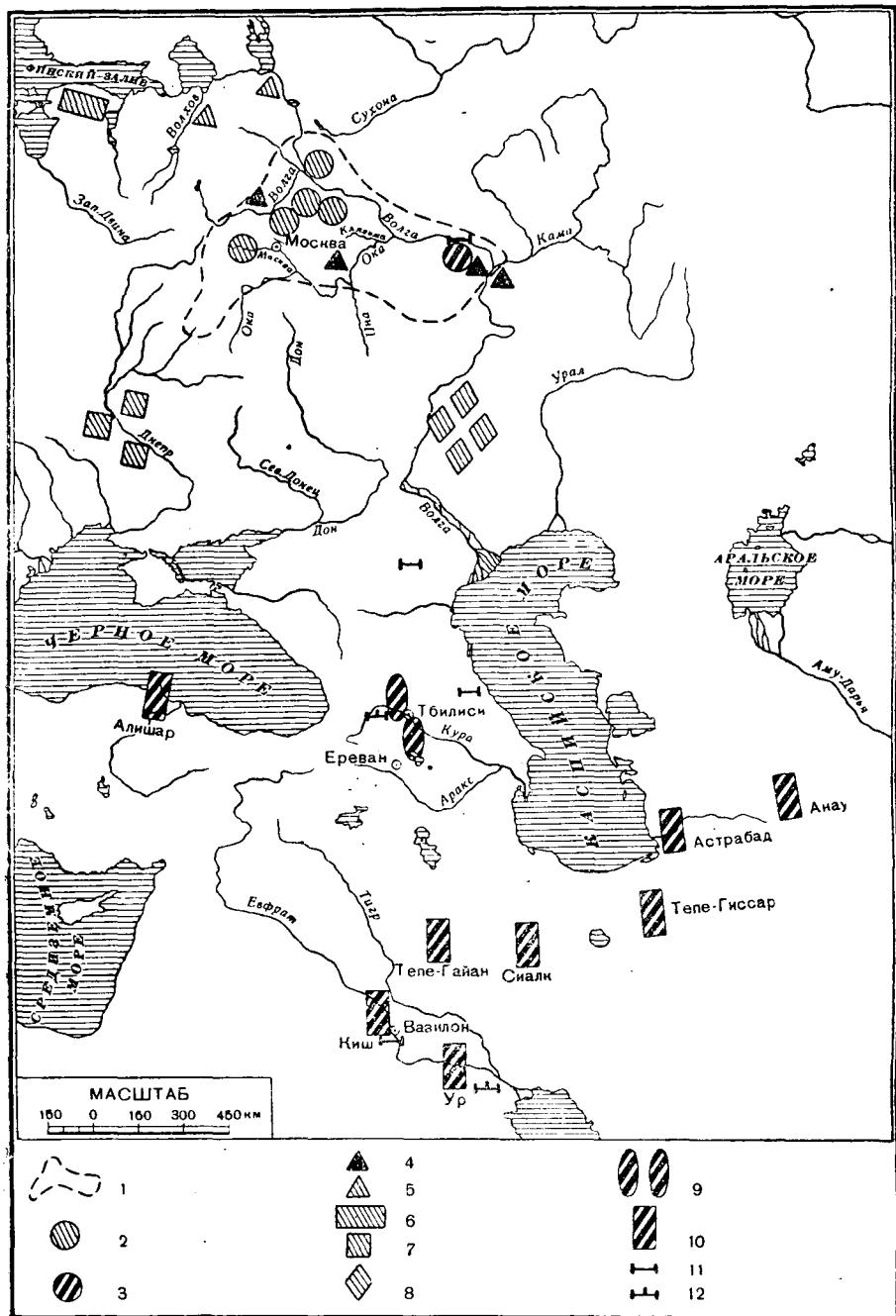
⁷⁶ Несколько неолитических черепов каргопольской культуры из раскопок Брюсова в Караванке (Вологодская область) характеризуются лапонидным типом с значительной примесью европеоидных, повидимому, широколицых форм (черепа плохой сохранности), черепа из Вологодской стоянки (Горьковская область, раскопки И. К. Цветковой) характеризуются европеоидным типом, но своеобразным, не сходным ни с западными фатьяновскими, ни с балановскими черепами. Черепа хранятся в Государственном музее антропологии в Москве.

⁷⁷ Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья, стр. 119—120.

⁷⁸ Ссылки см. на стр. 46, примечания 70—73.

⁷⁹ Т. А. Трофимова, Указ. раб., карты на стр. 128 и 95; ее же, Краиниологические данные к этногенезу западных славян, карты на стр. 53 и 44.

Схематическая карта распространения антропологических типов древнейших эпох: 1 — ареал распространения фатьяновской культуры (конец III — конец II тысячелетий до н. э.); 2 — могильники фатьяновской культуры с кроманьонидным типом; 3 — могильник фатьяновской культуры с восточносредиземноморским типом; 4 — стоянки ямочно-гребенчатого неолита с лапонидным типом; 5 — стоянки ямочно-гребенчатого неолита с кроманьонидным типом; 6 — погребения культуры каменных ящиков I тысячелетия до н. э. с кроманьонидным типом; 7 — погребения культуры бронзовой эпохи с кроманьонидным типом; 8 — погребения древнеямной и срубно-хвалинской культур с кроманьонидным типом; 9 — погребения в Мцхете (Грузия) культуры эпохи бронзы и в Севанском районе (Армения) времени появления железа с восточносредиземноморским типом; 10 — погребения древнейших культур Передней и Средней Азии с восточносредиземноморским типом; 11 — места находок колесиков от мотелей колесниц; 12 — места находок колесниц.

по поймам рек, с одной стороны, через верховья Днепра и Оки в верховья Волги и ее притоков, с другой стороны, вверх по Волге, Оке и ее притокам из Среднего Поволжья? На антропологическом материале этот вопрос пока не решается, но распространение памятников собственно фатьяновской культуры и их локализация скорее свидетельствуют в пользу первого пути, который мог играть главную роль⁸⁰.

Вторым вопросом, который будет здесь рассмотрен, явится вопрос об антропологическом типе населения восточного крыла фатьяновской культуры, а именно, вопрос о балановцах.

М. С. Акимова утверждает, что «черепа из Балановского могильника находят себе аналогию не на территории Восточной Европы, а на Западе, а именно, в Прибалтике», и, уточняя этот вопрос, указывает, что наибольшее сходство имеется с носителями «культуры ленточной керамики Средней Европы» и мегалитической культуры юга Швеции⁸¹.

Прежде всего постараемся выяснить вопрос о том, какие конкретно краинологические серии послужили М. С. Акимовой для сравнения с материалом из Балановского могильника? Если принять ее формулировку о сходстве с черепами культуры ленточной керамики «Средней Европы», то для сравнения нужно привлечь такие серии черепов культуры ленточной керамики, как различные серии из Германии (Заллер)⁸², из Силезии (Рехе)⁸³, из Австрии (Лебцелльтер)⁸⁴, из Дунайского бассейна (ряд серий различных авторов)⁸⁵ (табл. 2). Сравнение с краинологическими данными фатьяновской культуры Балановского могильника нам показало бы, что все вышеупомянутые серии характеризуются меньшими размерами продольного диаметра черепа, большими высотными размерами, значительно меньшими абсолютными размерами лица, более широким по указателю лицом и очень широким для европеоидных серий носом (носовой указатель 52.6—57.3), при нередко отмечавшемся прогнатизме лицевого скелета и небольшом росте. Очевидно, тип балановца, высокорослый, с высоким и нешироким лицом, с узким носом, не имеет ничего общего с этим типом (табл. 2).

На основании неопубликованной работы М. С. Акимовой удается установить, что серия культуры ленточной керамики, взятая для сравнения с балановской, — это серия из могильника Рессен (по данным Шлица), которая, действительно, отличается по ряду признаков от других серий культуры ленточной керамики и сближается с мегалитическими сериями Прибалтики⁸⁶. Но эта серия характеризуется также, по сравнению с балановской, уклонением в средних величинах в том же направлении, что и другие серии ленточной керамики, но менее резко выраженным⁸⁷.

⁸⁰ Сходную точку зрения высказывал О. Н. Бадер о передвижении скотоводческих фатьяновских племен из области днепровско-окского водораздела на верхнюю Волгу. См. О. Н. Бадер, К истории первобытного общества на Оке и в Верхнем Поволжье (рукопись, 1943—1944 гг.). Ссылка сделана с любезного разрешения автора.

⁸¹ М. С. Акимова, Антропологический тип населения фатьяновской культуры, стр. 282.

⁸² K. Salleg, Frühneolithische Skelettfunde aus Thüringen, *Ztschr. f. Anatomie und Entwicklungsgeschichte*, Abt. I, Bd. 90, H. 3/4, 1929, стр. 351—355.

⁸³ O. Reche, Zur Anthropologie der jüngeren Steinzeit in Schlesien und Böhmen, *Archiv f. Anthropologie*, N. F., B. VII, 1908, стр. 220.

⁸⁴ V. Lebzelter и G. Zimmermann, Neolithische Gräber aus Klein-Hadersdorf bei Poysdorf in Niederösterreich, *Sitzungsberichte der Anthropol. Gesellschaft in Wien*, Bd. LXVI, Wien, 1936, стр. 1—16.

⁸⁵ C. S. Coon, *The Races of Europe*, New York, 1939, стр. 105—106.

⁸⁶ М. С. Акимова, Антропологический тип населения балановской культуры. Диссертация, не опубликовано. Автор приводит данные Шлица (A. Schliz, *Die Vorfäder der nordisch-europäischen Schädelbildung*, *Archiv f. Anthropologie*, Bd. XIII, 1914).

⁸⁷ Нельзя не отметить, что для этой серии отсутствуют данные, характеризующие строение носа, признак, имеющий существенное значение для диагностики серий культуры ленточной керамики.

Таблица 2

Сравнение серии балановских черепов фатьяновской культуры с сериями черепов культуры ленточной керамики Средней Европы (мужские черепа)

Местонахождение или название серии	Чувашская АССР	Дунайский бассейн	Германия	Саксония	Силезия	Австрия
	Баланово	Сборная	Сборная	Рессен	Иордансмюль	Клейнгайдерслорф
Культура	Фатьяновская	Культура ленточной керамики				
Автор	Акимова 1947	По Куну 1939	По Заллеру 1929	Шлиц 1914	Рехе 1908	Лебцелльтер 1936
№ серии	1	2	3	4	5	6
Продольный диаметр . . .	189,9 (13)	185,5 (24)	185,6 (16)	187,3 (19)	184,2 (9)	185,8 (6)
Поперечный диаметр . . .	136,8 (13)	136,7 (23)	137,1 (16)	136,2 (19)	136,8 (9)	134,0 (6)
Высотный » . . .	133,7 (9)	139,3 (14)	139,1 (7)	136,7 (19)	134,2 (4)	140,0 (6)
Наименьший лобный диаметр	99,7 (12)	96,4 (22)	96,0 (15)	97,2 (19)	96,2 (9)	96,0 (6)
Черепной указатель . . .	72,2 (12)	73,6 (23)	74,0 (16)	72,8 (19)	74,3 (9)	71,6 (6)
Высотно-продольный указатель	70,7 (9)	74,6 (14)	75,0 (7)	73,0 (19)	72,9 (4)	74,4 (6)
Высотно-поперечный указатель	99,0 (9)	100,4 (11)	101,6 (7)	100,4 (19)	98,2 (4)	103,5 (6)
Лобно-поперечный указатель	73,3 (11)	—	70,4 (15)	71,4 (19)	70,2 (9)	70,9 (6)
Верхняя высота лица . . .	70,3 (11)	68,0 (9)	65,5 (6)	69,4 (12)	65,2 (5)	65,6 (4)
Скуловой диаметр	130,4 (11)	129,9 (7)	126,2 (6)	127,4 (12)	125,0 (4)	127,8 (4)
Лицевой указатель	54,1 (11)	51,9 (13)	51,5 (7)	54,5 (12)	52,1 (4)	51,5 (4)
Носовой »	46,5 (11)	54,7 (13)	56,1 (18)	—	57,3 (6)	52,6 (3)
Орбитный »	81,8 (11)	79,5 (9)	81,0 (10)	—	78,6 (6)	83,0 (4)

Таким образом, «наибольшее сходство», которое видит М. С. Акимова у балановского типа фатьяновцев с носителями культуры ленточной керамики «Средней Европы», сводится к сходству с одной серией черепов культуры ленточной керамики из Саксонии—рессенской, а не сканиологическими типами широко распространенной в эпоху неолита в Средней Европе культуры ленточной керамики.

Сравнение краинологической серии из Баланова с сериями мегалитической культуры юга Швеции (по данным Фюрста⁸⁸ и Ретциуса)⁸⁹ позволяет говорить о большем сходстве между ними, чем с другими сериями Западной Европы; при этом, однако, необходимо отметить определенные отличия между этими сериями в строении как черепа, так и лица. Серия черепов, исследованная Фюрстом, отличается большей грацильностью, в особенности меньшими широтными размерами; по высотному диаметру эти черепа, повидимому, также ниже (несмотря на различия в технике измерения)⁹⁰, лицо узкое, как по абсолютным размерам, так и по указателю, нос по указателю в первой серии очень узкий, черепной указатель ниже (табл. 3).

При сравнении серии черепов из Балановского могильника с шведскими неолитическими сериями следует отметить, что, несмотря на некоторое общее сходство, серия черепов из Баланова отличается от обеих серий, большим продольным и меньшим поперечным диаметрами черепа, что сказывается в более низком черепном указателе и относительно меньшей высоте черепа. По строению же лица черепа из Балановского могильника более сходны с черепами, описанными Ретциусом, т. е. с менее грацильной серией черепов мегалитической культуры юга Швеции.

Итак, черепа фатьяновской культуры из Балановского могильника, так же как и шведские—мегалитической культуры, относятся, несмотря на ряд различий, к одному морфологическому типу—долихокранному, с невысоким черепом, узкоголовому (при средней высоте лица), узконосому. На установлении этого факта М. С. Акимова и прекращает свое исследование.

Попробуем пойти дальше и поставить вопрос о том, на каких территориях в Западной Европе распространен этот антропологический тип. Мы без труда можем установить, что близкие формы в эпоху неолита также были распространены во Франции («Пещера мертвого человека»)⁹¹ и на территории Англии⁹². В. В. Бунак, проведший специальное исследование неолитических краинологических серий Западной Европы, выделяет особую периферийную группу антропологических типов, о которой пишет следующее: «Периферийная группа, заслуживающая это название потому, что она не встречается в центре Западной Европы, может быть названа также по преобладающему типу долменной, представленна типами английского неолита, бом-шодским, шведским и почти несомненно долихокранным типом датского неолита. Эту группу отличают: длина (черепа.— Т. Т.) 188—193 мм, ширина 136—139 мм, высота 131—136 мм, головной указатель 72—73, лицевой указатель

⁸⁸ G. M. Fürst, Stenalderskelett från Hvellinge i Skane och nagot ovare furnkranier, Formvänden, 5, 1910, 13—40.

⁸⁹ G. Retzius, Crania suecica antiqua, 1900.

⁹⁰ G. M. Fürst, Указ. раб.

⁹¹ P. Broca, Sur les crânes de la grotte de l'Homme Mort, Revue Anthropol., сер. 2, т. II, 1875, стр. 1.

⁹² G. M. Morgan, A first study on the craniology of England and Scotland from neolithic to early historic times, «Biometrika» vol. 18, 1926, стр. 82.

53—55, носовой 44—45, скелетовая ширина 125—128 мм⁹³. В. В. Бунак в этой статье указывает, что выяснение взаимоотношения неолитических типов Западной Европы с восточноевропейскими и внеевропейскими должно сыграть решающую роль в вопросе раскрытия происхождения этих вариантов, но рассмотрение этого вопроса является задачей особой работы⁹⁴.

Н. Н. Чебоксаров, также самостоятельно работавший над анализом неолитических краинологических материалов Западной Европы, пишет следующее: «В период датских кьееккенмедингов (кухонных куч) и еще позднее, в эпоху неолита с ямочно-гребенчатой керамикой в северо-восточной Европе и одновременных с ним стоянок и групповых могил Скандинавии и Западной Балтики, имело место смешение широколицых европеоидных мезодолихоцефалов балтийского круга с североевразийскими формами, проникавшими из-за Урала. Другая картина наблюдается в западной и южной Германии — в бассейнах Везера, Рейна, Дуная, а также в верховьях Эльбы и Одера (Вестфалия, Рейнланд, Баден, Бавария, Саксония, Силезия). Здесь в неолите преобладают крайне длинноголовые (черепной указатель 69—72), относительно грацильные и очень узколицые европеоиды, связанные, с одной стороны, с Атлантическим побережьем, с другой же стороны — со Средиземноморьем (через горные проходы в Альпах и через «Дунайские ворота», ведущие на Балканы). Эти узколицые типы, принадлежаавшие, по всей вероятности, к кругу атлантомедiterrаных рас, в северных провинциях (Вестфалия, Ганновер, Шлезвиг-Гольштейн) встречаются преимущественно в мегалитических могильниках, также, как в Швеции, Дании и северной Франции. На юго-востоке (Саксония, Силезия) аналогичные расовые варианты могут быть связаны с культурой ленточной керамики»⁹⁵. И дальше Н. Н. Чебоксаров делает чрезвычайно существенный для нас вывод: «Намечается, таким образом, два пути проникновения на север узколицых средиземноморских форм: морской — атлантический, отмеченный мегалитическими памятниками, и континентальный, дунайский, вдоль которого распространялась ленточная керамика»⁹⁶.

Таким образом, мы подошли к одному из основных вопросов нашего исследования, к вопросу о вероятности происхождения северного долменного антропологического типа из Средиземноморья⁹⁷.

В связи с этим, мы можем поставить вопрос о том, не является ли сходство балановского антропологического типа фатьяновской культуры с мегалитическим типом Швеции и Рессенским типом

⁹³ В. В. Бунак, Краинологические типы западноевропейского неолита, «Краткие сообщения» Института этнографии, I, 1946, стр. 53.

⁹⁴ Там же, стр. 54.

⁹⁵ Н. Н. Чебоксаров, Этническая антропология Германии, «Краткие сообщения» Института этнографии, I, 1946, стр. 57. Разрядка наша.—Мы уже выше останавливались на характеристике антропологических типов культуры ленточной керамики и на отличиях краинологического типа этой культуры от культуры Рессенского могильника Саксонии, в частности и от сибирской группы, и на сближении его с мегалитическими формами.

⁹⁶ Н. Н. Чебоксаров, Указ. раб., стр. 57. Разрядка наша.—Вряд ли, однако, распространение антропологических типов культуры ленточной керамики следует связывать только с дунайским путем из Средиземноморья. Есть основание предполагать значительно более сложный процесс образования населения культуры ленточной керамики.

⁹⁷ По этому вопросу существует обширная литература, на рассмотрении которой мы здесь не останавливаемся; из последних авторов можно назвать Куна, сделавшего сводку по большому количеству краинологических данных, относящихся к разным эпохам, но выводы которого следует воспринимать критически (см. С. С. Сооп, Указ. раб.). См. «Советская Этнография», № 1, 1949, стр. 28—29.

Сравнение балановской серии черепов фатьяновской культуры с неолитическими номорскими сериями эпохи бронзы

Страна	Англия	Франция	Германия	Швеция	
Местонахождение или название серии		«Пещера мертвого человека»	Саксония Рессен		
Эпоха или культура	Неолит	Неолит	Культура ленточной керамики	Мегалиты	Мегалиты
Автор	Морант 1926	Брока 1875	Шлиц 1914	Фюрст 1910	Ретциус 1900
№ серии	1	2	3	4	5
Продольный диаметр	193,7 (53)	190,1 (7)	187,3 (19)	188,4 (20)	188,2 (21)
Поперечный »	138,9 (128)	135,9 (7)	136,2 (19)	138,3 (19)	141,4 (21)
Высотный »	135,5 (25)	131,0 (7)	136,7 (19)	133,4 (13)	139,0 (13)
Наименьший лобный диаметр	98,7 (41)	93,3 (7)	97,2 (19)	97,9 (18)	98,2 (20)
Черепной указатель	71,7 (53)	71,5 (7)	72,8 (19)	73,8 (19)	75,2 (21)
Высотно-продольный указатель	70,0 (25)	68,9 (7)	73,0 (19)	71,4 (13)	73,9 (13)
Высотно-поперечный указатель	(97,5)	96,4 (7)	100,4 (19)	96,5 (13)	98,5 (13)
Лобно-поперечный »	(71,0)	68,7 (7)	71,4 (19)	71,6 (17)	69,4 (20)
Верхняя высота лица	70,8 (32)	70,4 (7)	69,4 (12)	70,6 (10)	59,3 (11)
Скуловой диаметр	130,4 (41)	129,8 (7)	127,4 (12)	125,9 (11)	130,6 (9)
Лицевой указатель	(54,3)	54,2 (7)	54,5 (12)	55,6 (8)	53,2 (9)
Носовой »	45,4 (21)	45,7 (7)	—	44,1 (9)	46,5 (11)
Орбитный »	81,9 (22)	80,0 (7)	—	77,2 (6)	80,7 (11)
Угол профиля лба	—	—	—	—	—
» » лица	—	—	—	—	—
» носовых костей	—	—	—	—	—
Надбровье	—	—	—	—	—
Собачья ямка	—	—	—	—	—
Носовой шип	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—
	—	—	—	—	—

П р и м е ч а н и е:

¹ При выделении типа из подсчета средних исключены данные по мужским членам носовых костей в 21° (см. также примечание 1 к табл. 3).

Таблица 3

ми сериями черепов дольмечного типа Западной Европы и восточносредиземноморского железа (мужские черепа)

СССР	Ирак	Иран	Армянская ССР	Дания	СССР Чувашская АССР
Чувашская АССР Баланово	Сумерия, Киш	Тепе-Гиссар	Окрестности озера Севан		Балановский тип ¹
Фатьяновская культура	III тысячелетие до н. э. Погребения А	III тысячелетие до н. э.	Конец II — начало I тысячелетия до н. э.	Железный век	Фатьяновская культура
Акимова 1947	Бекстон и Рейс 1931 (по Бунаку, № 20)	Бекстон (по Куну 1939)	По Крогману 1940	Бунак 1929	Нильсен 1915
6	7	8	9	10	11
189,9 (13)	189,0	189,5 (25)	188,2 (103)	189,7 (24)	190,8 (41)
136,8 (13)	134,7	137,4 (25)	134,0 (102)	137,8 (24)	137,8 (41)
133,7 (9)	131,0	132,7 (9)	134,7 (91)	131,7 (24)	132,9 (27)
99,7 (12)	—	94,7 (26)	95,5 (103)	99,2 (24)	95,8 (36)
72,2 (12)	71,2	71,5 (24)	71,3 (102)	72,8 (24)	72,3 (41)
70,7 (9)	69,0	72,1 (8)	71,8 (91)	69,9 (24)	70,5 (27)
99,0 (9)	98,0	96,7 (7)	100,6 (91)	—	98,2 (27)
73,3 (11)	—	—	71,3 (102)	71,8 (24)	69,1 (35)
70,3 (11)	—	75,3 (3)	69,9 (100)	70,3 (20)	69,8 (28)
130,4 (11)	131	125,3 (7)	127,5 (90)	130,4 (16)	127,8 (28)
54,1 (11)	—	(60,0)	54,7 (90)	55,5 (13)	55,4 (22)
46,5 (11)	44,0	—	50,6 (95)	45,5 (22)	47,1 (26)
81,8 (11)	—	81,6 (8)	80,9 (87)	82,5 (23)	—
84,2 (11)	—	—	—	—	82,7 (7)
88,1 (11)	—	—	86,2 (97)	—	88,7 (7)
29,6 (9)	—	—	—	—	88,7 (7)
3,5 (12)	—	—	—	—	—
2,8 (11)	—	—	—	—	—
2,8 (9)	—	—	—	—	—
63,6 (7)	—	—	—	—	—
36,4 (4)	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—

репам: №№ 8, 8505 и 8583, а по угловым также и череп № 8510 с углом выступа-

культуры ленточной керамики следствием их общего происхождения из районов Средиземноморья. Но прежде чем направить свои поиски в Средиземноморье и на прилегающие к нему территории, сделаем экскурс в область лингвистических исследований Н. Я. Марра, посвященных изучению чувашского языка.

4

Как известно, Н. Я. Марр уделял большое внимание изучению чувашского языка, на всей территории Восточной Европы пережиточно сохранившего яфетический характер речи, перебрасывающего мост на север к угрофиннам и на восток — к тюркам и монголам. Значение изучения чувашского языка Н. Я. Марр видел в том, что этот язык связывается как с доисторическим яфетическим населением Европы, так и позднее органически связан с созданием средневековой культуры того же района. «Этот народ (чуваши)… — писал Н. Я. Марр, — должен занять первенствующее место в очередных изысканиях человечества по истории зарождения и эволюции своей культуры и по установлению ее источников, чего нельзя достигнуть без интенсивной работы в Чувашии и сродных по населению прилежащих странах над памятниками материальной культуры, нельзя достигнуть без объединения изысканий по физическим типам, хозяйству, быту, религиозным верованиям, праву, искусству, фольклору или живой старине, речи, и, конечно, истории за средние века и новейшие времена не с меньшим напором, чем за металлические и каменные века»⁹⁸.

Так как нас в данной работе интересуют древнейшие связи населения территории Чувашии, то постараемся проанализировать некоторые работы Н. Я. Марра под этим углом зрения. Н. Я. Марр в своей работе «Чуваши-яфетиды на Волге» уделяет специальное внимание в полемике с Тальгреном вопросу о языке населения фатьяновской культуры. Как известно, А. М. Тальгрен считал население фатьяновской культуры «арийским». Н. Я. Марр, возражая Тальгрену по этому поводу, писал, что «сам термин «арийский», означая в наличном пока восприятии современных ученых нечто праарийское, или праиндоевропейское, есть позднейшая фикция, ибо арийские или, что то же в устах А. М. Тальгрена, индоевропейские народы, это — народы исторических эпох, а доисторическое их состояние, тем более современное неолиту и даже бронзово-каменному периоду, нас относит мимо не только индоевропейцев, но и финнов, к доисторическим этническим образованиям, яфетидам». И дальше Н. Я. Марр пояснял: «Но так как индоевропейцы выработались в числе прочих, не исключая финнов и турок, из тех же яфетидов, то Тальгрен, может быть, имел право в этом смысле утверждать, что те памятники материальной культуры — арийские, т. е. составляют продукт творчества арийцев на доисторической стадии их развития, доарийской, т. е. в эпохи существования одних яфетических племен, также отнюдь не простых типов»⁹⁹.

Н. Я. Марр неоднократно подчеркивал в своих работах значение скрещения для «первичных племенных образований человеческой общественности», в частности этим вопросом он начинает вышеприведенную полемику с Тальгреном по поводу языка населения фатьяновской культуры¹⁰⁰.

⁹⁸ Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, Избранные работы, т. V, стр. 370—371. Разрядка наша.

⁹⁹ Там же, стр. 345. Разрядка наша.

¹⁰⁰ Там же.

В вопросе этногенеза приволжских народностей, в частности чувашей, Н. Я. Марр уделял большое внимание вопросу о древнейших связях с Месопотамией и Кавказом через водный путь Каспий—Волга. Он писал: «Без учета культурного заноса из не только семитического, но и досемитического, и особенно доисторического, движения на север, именно яфетического. Между речи этим путем культурных навыков исторических эпох, нет возможности правильно поставить и, следовательно, правильно разрешить проблему о доисторических памятниках Восточной Европы, идет ли речь о доисторических племенных образованиях или ионян, или этрусков, или скифов, салов-италов, сарматов и шумеров, лучших живых пережитков которых мы теперь имеем в приволжских и соседящих народах, на первом плане чувашах...»¹⁰¹

В свете этого высказывания Н. Я. Марра становится понятным его утверждение, что «по названию «чуваш» — шумеры»¹⁰², утверждение, данное Н. Я. Марром на основании анализа культовых терминов. При этом Н. Я. Марр сейчас же оговаривается, что «племенной состав чувашей, конечно, образован не из одних шумеров, но на первом месте стоит тот племенной слой, тотемный бог которого у чувашей служит общим названием вообще бога Тог-γ — Тиг-γ, т. е. салское (фесалское) или талское (и- талское) племя с названием в шипяще-окающей форме. Такова и природа, шипяще-окающая, чувашского языка»¹⁰³.

Характеризуя чувашский язык, Н. Я. Марр писал, что, во-первых, чувашский язык принадлежит к шипящей группе (окающей с осложнением огласовки и аканием) сибилянтной ветви, т. е. к той группе языков, к которой принадлежат яфетические причерноморские языки: из живых мегрельский и лазский, из мертвых, по всем видимостям, скифский и шумерский (кимерский); во-вторых, чувашский язык имеет общие слои с языком свистящей группы, к которой из живых языков относится грузинский, из мертвых — по всем данным — сарматский, а в средние века — хазарский; в-третьих, чувашский язык сильно осложнен спирантацией, в общем отмечен признаками особой экающей группы¹⁰⁴. При этом Н. Я. Марр подчеркивал, что с одной стороны, чувашский язык «по коренному слою своей целиком яфетической природы становится в один тесный круг с языками баскским в Европе и с армянским в Армении, собственно с его доисторической яфетической основой»¹⁰⁵. И дальше Н. Я. Марр указывал, что, с другой стороны, «приходится в первую голову обсудить исключительные точки соприкосновения чувашского с тем или другим из яфетических языков по позднейшей, по всей видимости, встрече и скрещению с ним, так прежде всего с грузинским»¹⁰⁶. Анализируя ряд терминов чувашского языка по сравнению с грузинским, Н. Я. Марр пришел к выводу, что «возник вопрос какой-то особой исключительной связи чувашского языка, языка шипящей группы по своей массовой природе, с грузинским языком, языком свистящей группы, как результата особой позднейшей встречи и скрещения, произошел ли этот акт если не в доисторические, то все-таки в архаичные поры на Северном Кавказе в процессе непосредственного

¹⁰¹ Н. Я. Марр, Из переживаний доисторического населения Европы, Избранные работы, т. V, стр. 321—322. Разрядка наша.

¹⁰² Н. Я. Марр, Чуваш-яфетиды на Волге, стр. 331.

¹⁰³ Там же, стр. 329.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Разрядка наша.

¹⁰⁶ Там же. Разрядка наша.

общения чувашского с сарматским... или позднее на самом Кавказе, в процессе классово-дружинных внедрений хазарского племени»¹⁰⁷.

Прежде чем перейти снова к антропологическим материалам, нам необходимо остановиться еще на одном вопросе, освещенном в работах Н. Я. Марра,— на вопросе, разъясняющем путем применения палеонтологического анализа связей шумер, армян и чувашей. Н. Я. Марр доказал, что название чуваш является разновидностью названия древнейшего народа Месопотамии — шумеров. Он указывал, что благодаря работе И. И. Мещанинова стала разъясняться историческая роль субаров в полосе между Ассирио-Вавилонией и Ванским царством, позднее Арменией, а работой венского яфетиолога Блейхштейнера было доказано, что субары и шумеры одно и то же. По этому поводу Н. Я. Марр писал: «И вот связь шумеров-субаров месопотамо-армянского юга с субаро-суваро-чувашами и их соседями Приволжья явно не доисторическая, а исторических времен, хотя и древних и основательно забытых»¹⁰⁸. При этом Н. Я. Марр подчеркивал значение древнейшего Волжского пути.

Дальше Н. Я. Марр ставил вопрос следующим образом: «Есть ли в чувашском языке признаки того, что в состав этого народа когда-то действительно вошла социальная группировка с тотемным названием чуваш или есть как-либо закономерной разновидностью?»¹⁰⁹. И дальше он писал: «И мы отвечаем: есть, ибо узнается это по наличию этого термина в словах, означающих предметы необходимости древнейшей общественно-хозяйственной среды, они же выделившиеся из труд-магических символов магические символы для первобытного человечества «солнце», «год», «луна», «месяц», «огонь», «вода», впоследствии ее продукция «дуб», «хлеб» и их служитель «жрец», «энхархарь»¹¹⁰.

Известно, что среди хетто-субарских племен в середине II тысячелетия до нашей эры выделился народ урартов.

Не менее важно, в свете интересующих нас проблем, обратить внимание на вывод Н. Я. Марра, который он делает, анализируя различные племенные названия армян, до сих пор сохраняющиеся или в народной армянской среде или у соседей, в частности, термин «сомех» (соответствующий шумеру), который, как и армянин, курд, есть разновидность и племенного названия населения ванской клинописной Армении — халдов и племенного названия грузин — картвел¹¹¹. В другой своей работе Н. Я. Марр прямо указывал, что сомехи — это разновидность названия месопотамского народа сумера или субара, причем это название сохранилось вдоль Волги, в частности на территории чувашей, как в названиях ряда сел Субар, так и в названии главного города чуваш — Шубашкар и самих чуваш — сувар¹¹².

Н. Я. Марр в племенных названиях видел — «один из первоисточников для определения происхождения народа, собственно, одного слоя из его состава...»¹¹³. Это значение итогов палеонтологического анализа в языке, данное нам

¹⁰⁷ Н. Я. Марр, Чувashi-яфетиды на Волге, стр. 330.

¹⁰⁸ Н. Я. Марр, Родная речь — могучий рычаг культурного подъема, Избранные работы, т. V, стр. 404.

¹⁰⁹ Там же, стр. 405. Разрядка наша.

¹¹⁰ Там же. Разрядка наша.

¹¹¹ Н. Я. Марр, Скифский язык, Избранные работы, т. V, стр. 204—206.

¹¹² Н. Я. Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Избранные работы, т. III, 1934, стр. 169.

¹¹³ Н. Я. Марр, Скифский язык, стр. 204. Разрядка наша.

Н. Я. Марром, позволяет широко использовать его работы при выяснении проблем этногенеза.

Оставляя в стороне другие многообразные связи чuvашского языка, являющиеся свидетельством также и более поздних исторических эпох, мы можем в интересующем нас вопросе поисков антропологических связей в эпоху фатьяновской культуры на территории Чувашии определить для себя район этих поисков на юге — обратиться к областям, примыкающим к восточному средиземноморью — Месопотамии и Закавказью, а именно к Армении и Грузии.

5

Как мы видели из приведенных только что высказываний Н. Я. Марра, он прямо поставил перед исследователями задачу необходимости изучения влияния или, говоря словами Н. Я. Марра, «культурного заноса» яфетических племен Междуречья на север в области Поволжья, в первую очередь, на территорию, где позднее сформировался чuvашский народ. При этом он подчеркивал необходимость объединения изысканий специалистов различных профилей, антропологов, этнографов, языковедов и историков¹¹⁴.

Что же нам выяснят антропологические данные, если мы поведем свое исследование по пути, завещанному нам Н. Я. Марром, а именно, вниз по Волге, в Закавказье и Месопотамию?

За последние четверть века описан ряд краниологических серий из Передней Азии, датируемых эпохами от IV до II тысячелетий до нашей эры¹¹⁵. Одна из древнейших серий, датируемых IV тысячелетием до н. э., найдена при раскопках в селении Ал-Убайд из южной Месопотамии на территории древних сумеров¹¹⁶. К сумерам же должны быть отнесены серии из раскопок в Уре и Кише, относящиеся к III тысячелетию до н. э.¹¹⁷. Крупная серия древних черепов получена при раскопках в Тене-Гиссаре в районе Дамгана в северном Иране¹¹⁸; эта серия датируется временем от середины IV тысячелетия до середины II тысячелетия до н. э. И, наконец, следует отметить серию черепов из раскопок у селения Алишар вблизи древней столицы хеттов Богаз-Кей¹¹⁹, а также хорошую серию черепов из Сиалка в Иране возле Кашана¹²⁰. Из Передней и Малой Азии известны еще и другие древние серии черепов и единичные находки, которые представляют для нас меньший интерес, и мы их опускаем.

В. В. Бунак на основании рассмотрения краниологических данных по древнейшему населению Передней Азии приходит к заключению, что на территории Передней Азии в эпохи IV—II тысячелетий были распространены четыре краниологических типа (не считая смешанных и промежуточных вариантов)¹²¹, три долихокранных и один мезо-брахиокран-

¹¹⁴ См. выше, стр. 56.

¹¹⁵ В. В. Бунак, Древнейшие краниологические типы Передней Азии, «Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947, стр. 76—79.

¹¹⁶ A. Keith, Report on the human Remains in H. Hall and C. Wooley, Ur Excavations, vol. I, 2 part., Al-Ubaid, The Cemetery, Oxford, 1937, стр. 214—240.

¹¹⁷ D. Buxton and T. Rice, Report on the human remains found at Kish, The Journ. of the Royal anthropological Institute, LXI, 1931, стр. 57—120; средние величины серии черепов из Киша приведены в табл. 3 по Бунаку и Куну.

¹¹⁸ W. M. Krogman, Racial types from Tepe-Hissar, Iran. From the late fifth to the early second millennium B. C., Verhandelingen der Koninklijke Nederlandische Akademie von wetenschappen, afdeeling naturkunde, Tweede sectie deel XXXIX, № 2. Amsterdam, 1940, стр. 87.

¹¹⁹ W. Krogman, The cranial types (in: E. F. Schmidt, The Alishar Hüyük seasons of 1928 and 1929, part II, Oriental Institute publications, vol. XX, Chicago, 1933, стр. 122—143).

¹²⁰ H. V. Vallois, Les ossements humains de Sialk, стр. 114—192; R. Ghirshman, Toulles de Sialk près de Kashan, 1933, 1934, 1937, vol. III, Paris, 1939.

¹²¹ В. В. Бунак, Древнейшие краниологические типы Передней Азии, стр. 78.

ный — древняя форма современного переднеазиатского или арmenoидного типа. Характеристика долихокранных типов, по В. В. Бунаку, следующая: 1) I тип, резко долихокранный с сильно развитым надбровьем, резко обозначенным затылком, с умеренной шириной лица, средним носовым указателем с небольшим прогнатизмом и резко очерченной нижней челюстью (найден в Ал-Убайде, в Кише; этот тип отличается меньшим прогнатизмом и менее выраженной латеральной уплощенностью мозговой коробки). 2) II тип, долихокранный с меньшим рельефом, равномерно округлым сагиттальным контуром, шириной лица больше 130 мм¹²², изменчивым носовым указателем (найден в Уре, Кише, Дамгане, Астрабаде и в Алишаре). 3) III тип, долихокранный, с большой высотой мозговой коробки, умеренной ее шириной и умеренным скуловым диаметром, без заметного прогнатизма. В. В. Бунак рассматривает этот тип как измененный I тип и указывает, что в Передней Азии он преобладает в позднейших слоях (найден в Дамгане, Астрабаде). 4) IV тип, мезо-брахиокранный, может быть отмечен в районе Дамгана, в Алишаре и в других местах (вероятен также в Ал-Убайде)¹²³.

Наше внимание привлекает тип II, установленный Бекстоном и Рейсом¹²⁴ на значительном числе черепов III тысячелетия до н. э. при раскопках в Кише (табл. 3, стр. 55); этот тип совпадает с типом II обзорной статьи В. В. Бунака. Серии черепов из Киша характеризуются долихокраиной и хаме-ортокраиной, т. е. относительной низкоголовостью, с большими продольными диаметрами черепа и малыми поперечными и высотными диаметрами, узклицостью при большой высоте лица и узконосостью. И если мы сравним эти серии черепов из Киша с серией черепов из Баланова, то мы увидим между ними исключительно большое сходство. С полной отчетливостью в Балановском могильнике выступает тот же долихокранный, низкоголовый, относительно высоколицый с узким лицом и узким носом антропологический тип, с которым мы только что познакомились на основании краниологической характеристики Кишской серии (табл. 3).

К сериям из Киша и из Баланова близка также большая серия черепов из III слоя Тепе-Гиссара, датируемая Шмидтом¹²⁵ III тысячелетием до н. э., которая по всем признакам строения черепа и лица бесспорно относится к тому же морфологическому восточно-средиземноморскому типу, но отличается несколько большей широконосостью (табл. 3). Этот тип также отчетливо устанавливается в энеолитических погребениях, а также и более поздних эпохи бронзы и начала железа в Сиалке (Иран, вблизи Кашана). Он прослеживается с конца V до начала I тысячелетия до н. э. (табл. 4)¹²⁶. Валуа на основании анализа черепного указателя, независимо от хронологической датировки черепов, устанавливает три группы черепов — гипердолихокрannую, долихокрannую¹²⁷ и брахиокрannую. Затем эти группы разбивает по эпохам. Из приведенного им графика¹²⁸ следует, что первая, гипердолихокральная, группа представлена в первых трех древнейших периодах, относящихся к концу V и к IV тысячелетиям до н. э. Эта группа черепов по своей краниологической характеристике соответствует I типу Бунака. Вторая группа, соответствующая II типу Бунака, встречена в отложениях эпохи конца V и

¹²² Как мы увидим ниже, вряд ли это утверждение правильно, ибо ряд материалов дает основание считать, что величина в 130—131 м для групповой средней черепов этого типа является максимальной, тогда как в ряде серий этот размер в среднем не достигает 130 мм.

¹²³ В. В. Бунак, Древнейшие краниологические типы Передней Азии, стр. 78.

¹²⁴ D. Buxton and T. Rice, Указ. раб.

¹²⁵ См. W. Krogman, Racial Types from Tepe-Hissar.

¹²⁶ H. V. Valllois, Les ossements humains de Sialk, стр. 113—114, 128—130.

и др.

¹²⁷ Там же, стр. 128.

¹²⁸ Там же, стр. 129.

IV тысячелетий до нашей эры, охватывающих периоды I, II и III, как и предыдущая группа черепов, но встречается также и в более поздних слоях V и VI периодов (за исключением IV), т. е. с XII по XI столетие до нашей эры. Брахицранные же черепа хронологически распадаются на две группы: одна более ранняя и менее брахицранная относится преимущественно ко II—IV периодам, т. е. к IV тысячелетию до нашей эры, другая же группа, более брахицранная, относится к последнему VI периоду, т. е. к X—IX вв. до нашей эры.

Первую группу черепов Валуа относит к евро-африканской группе Серджи и ставит вопрос о целесообразности назвать эту группу гипердолихоцефальной протоиранской, предложение, которое нельзя считать удачным¹²⁹. Этой группе черепов соответствует первая древняя группа черепов из Киша, названная Бекстоном и Рейсом также евро-африканской. За второй группой черепов, тип II по Бунаку, Валуа предлагает сохранить названиеproto-медиатераннойрасы, в третьей группе (брахицранной) Валуа видит представителей альпийской расы¹³⁰, в четвертой группе, брахицранной, относящейся к VI периоду, т. е. наиболее поздней,— представителей арменоидного типа.

Автор не принимает во внимание процесса брахицефализации, который несомненно имел место в Передней Азии, и поэтому нам кажется более правильной точка зрения В. В. Бунака, который рассматривает брахимезокранные варианты древнего населения передней Азии как древнюю форму арменоидного типа¹³¹. Оставляя в стороне вопрос о брахимезокранных вариантах, сравним пределы вариаций краниометрических величин I и II типов из Сиалка с пределом вариаций величин черепов из Балановского могильника (табл. 4)¹³². Достаточно беглого сравнения, чтобы убедиться в том, что предел вариаций краниологических признаков Балановской серии черепов совпадает с пределом вариаций черепов типа II из Сиалка как мужских, так и женских, оказываясь шире по ряду признаков, что естественно вызывается прежде всего тем, что балановских черепов больше. Исключение составляет только черепной указатель и поперечный диаметр, что понятно, так как черепа с низким черепным указателем отнесены Валуа к I типу. Попутно нельзя не отметить, что в I группу мужских черепов из Сиалка, гипердолихокранную, отнесены черепа, очень различные по строению лица, как грацильные, так и массивные, о чем можно судить по приведенным в работе Валуа индивидуальным данным¹³³.

Возникает вопрос, не включает ли I гипердолихокранная группа черепов из Сиалка различные краниологические типы?

Таким образом, тип II серии черепов из Сиалка, датируемой от конца V до начала I тысячелетия до н. э., морфологически близок к основному типу черепов Балановского могильника II тысячелетия до нашей эры. Не останавливаясь на рассмотрении других древних серий Передней Азии и Ближнего Востока, сошлюсь на Валуа, который пишет, что в эпоху неолита и первые века металла на Востоке был широко распространен долихоцефальный тип с удлиненным лицом, который относят к современной средиземноморской расе, но с некоторыми отличиями, которые дали основание присвоить ему название протомедиатеранного типа.

¹²⁹ H. V. Vallois, Указ. работа, стр. 168.

¹³⁰ Там же, стр. 171.— Валуа указывает, что эта группа определяется только на женских черепах.

¹³¹ В. В. Бунак, Древнейшие краниологические типы Передней Азии, стр. 78.

¹³² Из предела вариаций краниометрических признаков черепов из Баланова исключены данные по одному мужскому брахицранному черепу № 8, чтобы сделать сравнимыми приведенные серии, а также исключены мужские черепа №№ 8705 и 8583 как относящиеся к широколицему краниологическому типу.

¹³³ Там же, стр. 136.

Таблица 4

Сравнение серий черепов балановской и севанской с сериями древних черепов из Сиалка (Иран, возле Кашана)

Местонахождение или наз. ани. серии	Сиалк		Сиалк		Сиалк		Чувашская АССР		Армянская ССР	
	Группа	И группа	Группа	Мужские min.-max.	Женские min.-max.	Группа	Мужские min.-max.	Женские min.-max.	Сев. Иранский район ¹	Ж. Иранские min.-max.
Продольный диаметр	190—202 (5)	189—192 (3)	186—194 (3)	172,5—187 (4)	188—195 (9)	171—189 (9)	182—205 (23)	173—186 (11)		
Поперечный диаметр	128?—140? (5)	129—135 (3)	139—147 (3)	128—185 (4)	125?—148 (9)	124—138 (9)	128—146 (23)	128—139 (11)		
Высотный диаметр (от пориона)	112—125 (5)	105—123 (3)	115—121 (3)	104—116 (4)	110—124 (9)	101—113 (9)	105—119 (22)	99—109 (10)		
Высотный диаметр (от бациона)	65?—69,3? (5)	68,2—70,3 (3)	73,9—75,7 (3)	72,1—74,2 (4)	72,5!—139 (7)	124—138 (8)	120—147 (24)	120—130 (10)		
Черепной указатель высотно-продольный указатель (от по- риона)	55,4—63,1 (5)	55,5—64,7 (3)	61,8—62,3 (3)	52,7—65,1 (4)	—	—	66,7—78,5 (23)	72,4—78,9 (11)		
Высотно-продольный указатель (от ба- циона)	—	—	—	—	—	—	—	—		
Высотно-поперечный указатель (от по- риона)	—	—	—	—	—	—	—	—		
Высотно-поперечный указатель (от ба- циона)	80?—93,8 (5)	81,8—83,4 (2)	82,2—84,1 (3)	81,2—87,8?	—	—	—	—		
Лобно-поперечный указатель	—	—	—	—	—	—	94,0—104,9 (7)	94,2—109,5 (8)		
Верхняя высота лица	67,9?—72,8? (5)	71,71—76,1 (3)	67,6—74,8 (3)	65,6—71,8 (4)	68,2—81,6 (9)	69,3—77,0 (9)	64,4—77,8 (24)	67,4—73,4 (10)		
Скуловая ширина лица	69?—83 (5)	69—70 (2)	69—75 (3)	68 (1)	69—77 (8)	63—70 (11)	62—76 (19)	60—74 (10)		
Межглазничная ши- рина	117?—148? (4)	128—130 (2)	128—133 (3)	126 (1)	118—135 (8)	122—127 (7)	118—138 (15)	117—126 (9)		
Верхне-лицевой ука- затель	18—22? (3)	16—20 (2)	20—24,5 (3)	19 (1)	20,0—25,8 (8)	18,9—31,0 (11)	—	—		
Носовой указатель	50?—63,2? (2)	53,8—53,9 (2)	53,9—56,3 (3)	53,9 (1)	48,8—65,3 (8)	50,4—58,3 (7) ³	51,9—61,3 (12)	49,6—61,5 (9)		
Орбитный указатель лицевой угол общий	44,3—52,1? (4)	52,1 (1)	48,2—52 (3)	51 (1)	38,7—55,3 (8)	44,9—51,0 (11)	37,5—56,5 (21)	39,0—53,1 (10)		
» аль- веолярный	76,1—88,5 (4)	80,9—83,1 (2)	70—73,3 (3)	77,5 (1)	72,5—92,5 (8)	76,9—92,3 (11)	72,5—89,7 (22)	74,4—94,4 (11)		
Угол выступания носовых костей	84—86 (2)	80—82 (2)	87—90 (3)	83 (1)	85—93,0 (8)	80—91 (8)	—	—		
	68—74 (2)	76—77 (2)	78—84 (3)	77 (1)	80—90 (8)	88—87 (8)	—	—		
	—	—	—	—	—	—	26—59 ⁴ (6)	23—55 (8)		

Этот тип на основании краниологических данных устанавливается в древнем Египте, составляя основу населения энеолита и в додинастическую эру (4500—3500 л. до н. э.), в Сирии он устанавливается среди энеолитического населения Библоса (за 3500 л. до н. э.)¹³⁴. В Палестине этот тип установил Грдличка среди наиболее древнего населения Меггида в эпоху меди и бронзы (4000—2000 л. до н. э.). В Месопотамии Кизс связывал этот тип с сумерийцами Эль-Убеида времени первой династии Ура (3100—3000 л. до н. э.), также и среди более позднего населения собственно Ура (2000 л. до н. э.). Как мы уже указывали выше, Бекстон и Рейс относят к этому же типу часть древних черепов из Киша (2900—2800 л. до н. э.), а также из некоторых других мест.

В Анатолии к этому типу могут быть отнесены черепа медного века, по данным Крогмана из Алишара (3000—2400 л. до н. э.). В Иране этот тип может быть прослежен, кроме Сиалка, также в древних погребениях Тепе-Гиссара (Крогман) возле Дамгана к югу от Каспийского моря (4000—2000 л. до н. э.), в Тепе-Гайан возле Негавенда, в погребениях Тепе-Бад-Хора и Тепе-Джамшиди (2000 л. до н. э.), по данным Контено и Гиршмана. Древний средиземноморский тип устанавливается также среди черепов времени энеолита, открытых в Нале на юге Белуджистана (конец IV тысячелетия до н. э.), по данным Севелла и Гуха, а также как один из компонентов населения эпохи бронзы в Мохенджо-Даро (начало III тысячелетия до н. э.) в Индии¹³⁵.

Итак, мы видим, что во всей Передней Азии в древнейшие эпохи, начиная с энеолита и начала появления металла, т. е. от конца V до начала I тысячелетия до н. э., от Средиземного моря до Индии и от Каспийского моря до Оманского залива Аравийского моря был распространен древний средиземноморский тип, составляя основу местного населения¹³⁶.

6

После обзора краниологических данных, относящихся к древнейшим эпохам истории Передней Азии, вернемся снова к территории Советского Союза и постараемся выяснить вопрос о том, какие антропологические типы были распространены в те же древние эпохи на смежных территориях и в первую очередь на территории Средней Азии и Закавказья.

Из южной Туркмении известна серия черепов из раскопок в Ану, которая датируется IV—III тысячелетиями до н. э. Эта серия состоит из 9 черепов плохой сохранности, из них 7 черепов детских. Серджи¹³⁷, исследовавший эти черепа, относит их к средиземноморской расе, черепной указатель измерен на пяти черепах, он варьирует от 66 до 76. Г. Ф. Дебец не возражает против такой их оценки¹³⁸.

¹³⁴ V a l l o i s, Указ. раб., стр. 162—163.

¹³⁵ Обзор этих серий приведен по Валуа (Указ. раб., стр. 162—163; там же приведена библиография).

¹³⁶ Другие типы, как долихокранные, так и мезобрахицранные характера, представлены в этих памятниках значительно слабее или отсутствуют вовсе (см. Валуа, Указ. раб.). Необходимо также отметить, что древние серии черепов более западных областей Средиземноморья (некоторые серии Малой Азии, древней Греции, Кипра) отличаются от восточносредиземноморских более короткими черепами, следовательно, более высокими черепными указателями; элладские черепа при этом обладают значительно более узкими и низкими лицами и более широконосы (см., например, Г. Ф. Дебец, К антропологии древних культур Передней Азии и Эгейского мира, «Антропол. журн.», 1934, № 1—2, стр. 134—142).

¹³⁷ G. S e r g i, Description of some skulls from the North Kurgan Anau (in R. Pum-pelly, Explorations in Turkestan. Prehistoric Civilisations of Anau, Washington, 1908).

¹³⁸ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 108.

Данные по другим древним краинологическим сериям с территории Средней Азии еще не опубликованы, но, как следует из предварительных сообщений В. В. Гинзбурга¹³⁹, древний средиземноморский тип был известен в различных местах Средней Азии (в частности, в Таджикистане). В плане нашего исследования для нас представляет большой интерес серия черепов из Севанского района Армянской ССР, относящаяся к эпохе, соответствующей на западе галльштадскому периоду, на Кавказе — кобанскому¹⁴⁰. Г. Ф. Дебец указывает, что связь отдельных погребений с могильным инвентарем в настоящее время установить нельзя и серию в целом следует датировать концом II или началом I тысячелетия до н. э.¹⁴¹. Эти черепа были исследованы В. В. Бунаком¹⁴². Севанские черепа по своим краинологическим особенностям легко находят свое место в ряду долихокранных форм древнего населения Передней Азии. На сходство севанских черепов с сумерийскими черепами из Ура обратил внимание Г. Ф. Дебец еще в 1934 г.¹⁴³.

Крогман также указывает на сходство с севанскими древними черепами из Алишара, относящихся к I и IV периодам по его данным¹⁴⁴. Однако, если сравнить средние величины этих серий со средними данными по древнеармянским черепам, сходство это оказывается довольно отдаленным как по абсолютным, так и по относительным размерам¹⁴⁵.

В. В. Бунак характеризует серию мужских древнеармянских черепов следующим образом: «Головной указатель в среднем 72, типично долихокранный, высотно-продольный, — 70,0, стоит на границе орто- и хамекраин. Высота лица средняя, близкая к большой, скапловая ширина средняя, близкая к малой, лицевой указатель на границе мезо и лептопропозии. Высота носа крупная, ширина средняя, носовой указатель лепторинный, глазницы мезоземные»¹⁴⁶. Относительно женских черепов В. В. Бунак указывает, что у них выражен тот же тип, что и у мужских, но они отличаются на 4 единицы большим головным указателем, на 2 единицы меньшим лицевым и около 4 единиц меньшим лобным диаметром¹⁴⁷.

Как мы можем видеть из нашей табл. 3, серия древнеармянских черепов имеет по средним данным исключительное сходство с серией черепов из Киша, датируемой III тысячелетием до н. э.¹⁴⁸. Древнеармянские черепа отличаются от сумерийских несколько большим головным указателем и более низкой черепной коробкой и несколько более высокими глазницами; различия эти крайне ничтожны в цифровом выражении и не отражаются на характеристике типа. Возможно, что у сумерийцев лицо было несколько более узкое и высокое, но ширина лица краинологической серии из Киша, приведенная Бекстоном и Рейсом, не уже, чем на древнеармянских черепах, тогда как высота лица черепов из погребений группы А, по данным Бекстона, больше, но измерения высоты лица даны только на 3 черепах из этой серии, что

¹³⁹ В. В. Гинзбург, Неопубликованные материалы.

¹⁴⁰ Е. А. Лалаян. Археологические раскопки в Новобаязетском уезде Армянской ССР, «Русский антропол. журн.», 17, вып. 3—4, М., 1929, стр. 59—63.

¹⁴¹ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 175.

¹⁴² В. В. Бунак, Черепа железного века из Севанского района Армении, «Русский антропол. журн.», 17, вып. 3—4, стр. 64—87.

¹⁴³ Г. Ф. Дебец, К антропологии древних культур Передней Азии и Эгейского мира, «Антроп. журн.», 1934, № 1—2, стр. 139.

¹⁴⁴ W. Krogman, The cranial types (in: E. T. Schmidt, The Alishar Hüyük seasons of 1928 and 1929, стр. 133—134, 138).

¹⁴⁵ Обе серии из Алишара по абсолютным размерам черепов мельче, причем в серии I периода представлен значительно более узкоглазый, но более широконосый вариант, серия же IV периода отличается низкоглазостью и широконосостью, хотя, впрочем, надо принимать во внимание и немногочисленность черепов в этих сериях.

¹⁴⁶ В. В. Бунак, Черепа железного века, стр. 71.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ D. Buxton and T. Rice. Указ. раб.

недостаточно для выяснения этого вопроса. В предыдущем изложении нами была дана характеристика краинологической серии из Киша и определено ее место в систематике расовых типов, как типа протомедiterrанного или, лучше сказать, древней формы восточносредиземноморского. К этому же типу следует также отнести и серию древнеармянских черепов из окрестностей озера Севан.

«Серия долихокранных вариантов Месопотамии, Сирии, Египта, восточного Средиземноморья... представляет собою по всем данным генетически связанное целое (протомедiterrанную расу?)...», писал В. В. Бунак в 1947 г.¹⁴⁹.

Как же оценивал В. В. Бунак серию древнеармянских черепов в 1929 г., какие он делал выводы о происхождении краинологического типа севанских черепов? В своей работе о севанских черепах он указывал, что «было бы желательно... сопоставить изучаемую серию с коллекциями древних черепов (эпохи металла), происходящих из смежных или близких областей Кавказа, Украины, передней Азии»¹⁵⁰. За неминимием таких серий В. В. Бунак поставил перед собой задачу определить место севанского типа в систематике, выбирая между двумя краинологическими типами, северным и средиземноморским, принимая в качестве стандарта для этих типов серию черепов железного века из Швеции по данным Ретциуса для северного типа и для средиземноморского типа — серию черепов средненинойского периода с острова Крита по измерениям Лушана. Обе серии даны в переработке Стояновского. После сравнения севанских черепов с взятыми им стандартами В. В. Бунак приходит к выводу, что в севанских черепах преобладает комплекс признаков североевропейского типа над комплексом признаков средиземноморского типа¹⁵¹. После этого он делает очень ответственное заключение о том, что «предположение о ранних эмиграциях европейского типа (читай северного, что следует из контекста.— Т. Т.) на восток и юго-восток, высказывавшееся на основании этнологических фактов, находит себе и краинологическое подтверждение»¹⁵².

Может быть, и не следовало бы (еще раз) останавливаться на этих двадцатилетней давности ошибочных заключениях проф. Бунака, недавно критически разобраных в работе Г. Ф. Дебеца¹⁵³, если бы не то дезориентирующее влияние, которое оказывают выводы В. В. Бунака на работы зарубежных ученых, не только сторонников нордийской расовой теории, но и тех, которые делают попытки борьбы с этой реакционной теорией.

В. В. Бунак сближал севанские черепа с северным типом, основываясь на их узколицести, узконосости и высокоорбитности и некоторых описательных краинологических признаках. Совершенно правильно Г. Ф. Дебец отмечал, что некоторые древнеегипетские серии (баски, арабы, берберы) более узконосы и высокоорбитны, чем северные и не отличаются по этим признакам от шотландцев или англо-саксов¹⁵⁴. Г. Ф. Дебец также указывал, что преобладание овояйно-пентагоноидных форм черепа северного типа над овояйно-эллипсоидными формами, принятymi Бунаком как стандарт для средиземноморского типа, так же как и преобладание наклонных лбов у первого типа, не могут служить критерием для диагностики этих двух типов, так как известны типично-

¹⁴⁹ В. В. Бунак, Древнейшие краинологические типы Передней Азии, стр. 79.

¹⁵⁰ В. В. Бунак, Черепа железного века, стр. 72.

¹⁵¹ Там же, стр. 75.

¹⁵² Там же, стр. 76. Праородину этого типа автор видит в центральной или какой-нибудь другой части Европы.

¹⁵³ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 175—177.

¹⁵⁴ Г. Ф. Дебец, К антропологии древних культур Передней Азии и Эгейского мира, стр. 139.

средиземноморские группы, например современные курды-езиды и туркмены-иомуды с значительным преобладанием оввойно-пентагонойдных форм черепа и наклонных лбов¹⁵⁵.

«Таким образом, мы приходим к выводу, — писал Г. Ф. Дебец, — что на основании данных крацинологии нет оснований видеть ни в отдельных черепах из Арголиды и Греции вообще, ни в черепах железного века Армении представителей «северной» расы. Различия в типах длинноголовых черепов Передней Азии и Эгейского мира могут быть объяснены без участия «арийских» блондинов»¹⁵⁶.

Новые крацинологические материалы из Передней Азии и Кавказа и других прилегающих районов подтверждают широкое распространение там средиземноморского типа и не оставляют места для культуртрегерской роли «нордийцев» в Передней Азии и Закавказье, не только в силу того, что мы отрицаем культуртрегерскую роль какой-либо расы, но и в силу того, что в Передней Азии и Закавказье их никогда и не было. Тем досаднее читать во французской работе Валуа¹⁵⁷, изданной в 1939 г., автор которой при рассмотрении вышеупомянутых древних черепов из Сиалка дал общий обзор крацинологическим находкам в Передней Азии, когда он пишет, что «единственная область, которая была, повидимому, обитаема нордийцами вprotoисторические времена, это — область Ванского озера», и дает ссылку на работу В. В. Бунака о черепах железного века из Севанского района Армении¹⁵⁸. Валуа рассматривает материалы по крацинологическим сериям древнего населения Передней Азии и Ирана, ищет и нигде не находит нордийцев. Необходимо отметить, что сам Валуа отнюдь не является защитником нордийской расовой теории, напротив, он критически рассматривает все крацинологические данные и по поводу нордийских построений иронически пишет, что они не соответствуют научным данным игодны разве что для исторического романа¹⁵⁹.

В заключение Валуа приходит к выводу, что фактически крацинологические материалы древнего населения Ближнего Востока противоречат чисто умозрительным положениям о составе древнего населения Ближнего Востока.

Выступая против нордизма, Валуа остается на тех же миграционистских позициях, не допуская изменчивости типа и приводя альпийский тип из Центральной Азии (вопрос о возможной миграции альпийского типа из области распространения Трипольской культуры, который ставит Валуа, он считает недоказанным), а арменоидный тип — из Центральной Европы через Кавказ¹⁶⁰.

Не имея возможности больше задерживаться на вопросах расового состава древнего населения Передней Азии, отметим лишь, что это население, независимо от того, к какому именно расовому типу оно относилось, согласно учению Н. Я. Марра говорило на яфетических языках. Яфетическими были ныне мертвые языки: язык шумеров (субаров) и эламский в Месопотамии, хеттский в Малой Азии и ряд других малоазийских языков, халдский Ванской системы в Армении; яфетическими языками также были древнелитературные языки Грузии и Армении¹⁶¹. В настоящее время, как известно, живые яфетические языки распро-

¹⁵⁵ Г. Ф. Дебец, Указ. работа.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Н. Y. Vallois, Указ. раб., стр. 189—190.

¹⁵⁸ Там же, стр. 189. В тексте у Валуа, очевидно, допущена опечатка: так как черепа, исследованные Бунаком, происходят из района Севанского (а не Ванского) озера.

¹⁵⁹ Там же, стр. 190.

¹⁶⁰ Там же, стр. 184—187.

¹⁶¹ Н. Я. Марр, Яфетические языки, Избранные работы, т. I, Л., 1933, стр. 291—292.

странены сплошной массой на Северном и Южном Кавказе¹⁶². В современных армянском и грузинском языках, сложных по своему происхождению, Н. Я. Марр прослеживает отложения древних яфетических пластов¹⁶³.

Прежде, чем закончить вопрос с критикой тех вредных расистских построений, для которых дает основания упомянутая выше статья В. В. Бунака¹⁶⁴, не могу также не отметить, что Крограман в своей работе об алишарских черепах, сопоставляя черепа из Алишара I и IV периодов с севанскими черепами, на что мы уже указывали выше, очень сочувственно цитирует Бунака (в более сжатой редакции, взятой из английского резюме к этой статье), утверждавшего, что «теория ранней миграции североевропейского типа на восток и юго-восток снова находит себе крааниологическое подтверждение»¹⁶⁵.

Заканчивая вопрос о севанских черепах железного века по данным В. В. Бунака, надо прямо сказать, что, во-первых, эти черепа нет никаких оснований относить к северному типу прежде всего потому, что морфологически они исключительно близки к долихокранному крааниологическому типу, высоко- и узколицему, который был широко распространен с IV по I тысячелетие до н. э. во всей Передней Азии, повидимому, в ряде южных областей Средней Азии, возможно, в Индии (Мохенджо-Даро), и восточном Средиземноморье и широко известен в литературе под названием средиземноморского или протосредиземноморского. Во-вторых, сходство севанских черепов железного века, которое действительно существует, с некоторыми сериями, как Северной, так и Западной Европы в эпохи неолита и железа (см. табл. 3 — серии черепов из Англии, Франции, Германии, Швеции и Дании, серии 1, 2, 3, 4, 5 и 11), объясняется тем, что в эпоху неолита побережья материка Западной Европы, а также и о-ва Великобритании заселялись постепенно наследием, продвигавшимся из Средиземноморья, путь которого исторически засвидетельствован оставшимися до нашего времени многочисленными мегалитическими памятниками. В силу этих соображений черепа железного века из Севанского района Армении не могут служить основанием для нордистско-расистских построений в вопросах этногенеза народов Закавказья и Передней Азии.

По поводу севанских черепов Г. Ф. Дебец пишет, что «с моей точки зрения вероятнее, что в черепах из района Севанского озера мы имеем один из древних вариантов темноволосой европеоидной расы, еще сохранившей некоторые чертыprotoевропейского типа»¹⁶⁶.

К этому же типу Г. Ф. Дебец относит черепа, происходящие из каменных ящиков начала I тысячелетия до н. э. из того же Севанского района Армении (по данным А. А. Ивановского) и череп из Делижана (Армения), опубликованный Шантром. Черепа же из Самтаврского могильника в Грузии (по данным М. Смирнова), долихо-мезокранные, небольших размеров, Г. Ф. Дебец склонен скорее сближать с кобанскими, а не с более крупными из Севанского района. Черепа эти датируются I тысячелетием до н. э., но по эпохам датированы плохо¹⁶⁷.

Заканчивая эту главу мы можем подчеркнуть, что, начиная с эпохи неолита и бронзы, на всем Ближнем Востоке, а также в ряде районов Средней Азии, был распространен средиземноморский тип, который с

¹⁶² Н. Я. Марр, Указ. работа, стр. 291.

¹⁶³ Там же, стр. 291, а также т. I, стр. 15 и т. V, стр. 329, 337 и др.

¹⁶⁴ В. В. Бунак, Черепа железного века из Севанского района.

¹⁶⁵ W. Крограман, The cranial Types («The Alishar Hüyük...», стр. 133).

¹⁶⁶ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 177.

¹⁶⁷ Там же, стр. 178—180. Необходимо все же отметить, что черепа из Самтаврского могильника (Мцхет) XI—XIII вв. до н. э. характеризуются ярко выраженным средиземноморским типом, что полностью подтверждается и реконструкциями М. М. Герасимова (его неопубликованные материалы).

полной определенностью устанавливается также и на территории Армении в конце II и начале I тысячелетия до н. э., а также, повидимому, в I тысячелетии до н. э. и на территории Грузии.

Мы уже останавливались выше на сходстве серии черепов фатьяновской культуры из Баланова с сериями черепов в Передней Азии, в частности, с сумерской серией черепов и раскопок в Кише.

В предыдущей главе мы также постарались показать близость древнеармянских черепов с сумерскими как с одной из групп древнего населения, характеризующихся восточным средиземноморским типом на территории Передней Азии. Теперь остается замкнуть последнее звено цепи нашего анализа и остановиться на рассмотрении сходства между черепами фатьяновской культуры из Баланова и черепами раннего железного века из Севанского района Армении. Древнеармянские черепа относятся к несколько более поздней эпохе, чем балановские, и разница между ними возможна в 300—500 лет.

Древнеармянские черепа по средним величинам отличаются несколько более широким и более низким черепом и немногим более высокими глазницами, причем разница эта по сравнению с балановскими черепами настолько ничтожна, что не позволяет сомневаться в том, что мы рассматриваем один и тот же краниологический тип. Что же касается абсолютных размеров и пропорций строения в целом головы и лица, то это сходство настолько велико, что обе серии смело могут быть отнесены к одному и тому же краниологическому типу (см. табл. 3 и 4 и рис. 3).

Таким образом, мы приходим к выводу, что из всех древнейших серий Западной Европы и Передней Азии балановские черепа оказываются морфологически наиболее близкими с серией черепов раннего железного века из Севанского района Армении. Чем же объясняется это сходство? Мы выше уже останавливались на том большом значении, которое Н. Я. Марр придавал чувашскому языку, при изучении которого методом палеонтологического анализа вскрываются его древнейшие связи с шумерским языком и языками народов Кавказа, в частности с грузинским и армянским¹⁶⁸. Мы также отмечали, что Н. Я. Марр в полемике с Тальгреном подчеркивал, что племена фатьяновской культуры находились на стадии яфетической речи¹⁶⁹.

Мы также указывали, что в области археологии русские исследователи А. А. Спицын¹⁷⁰ и В. А. Городцов¹⁷¹ связывали происхождение фатьяновской культуры с Кавказом, причем В. А. Городцов устанавливал и определенные культурные связи с Закавказьем и Месопотамией¹⁷², отмечая путь этих связей вдоль Каспийского моря через Каспийские ворота на север.

Встает вопрос о том, сводится ли дело только к культурному влиянию северокавказской культуры и культур Закавказья и Месопотамии в эпоху бронзы на племена фатьяновской культуры Среднего и Верхнего Поволжья и не было ли непосредственной этнической связи у населения Среднего и Верхнего Поволжья с восточным Закавказьем или даже с древнейшим культурным центром — Месопотамией через побережье Каспийского моря вверх по Волге? На этот вопрос мы в архео-

¹⁶⁸ Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 329—330, 337 и др.
¹⁶⁹ Там же, стр. 345.

¹⁷⁰ А. А. Спицын, Новые сведения о медном веке в средней и северной России, Записки Русск. Археолог. Об-ва, Русск. отд., т. II, стр. 10.

¹⁷¹ В. А. Городцов, Бытовая археология, стр. 272.

¹⁷² В. А. Городцов, Культуры бронзовой эпохи в Средней России.

логических работах последнего времени не найдем никакого ответа. Этот вопрос мы и ставим перед археологами.

И если работы Н. Я. Марра ведут нас в Зақавказье и Месопотамию, если антропологические данные, относящиеся к восточному крылу фатьяновской культуры (Баланово), ведут нас туда же, то совершенно естественно направить свои поиски в те же области и археологам.

Если просмотреть инвентарь из фатьяновских погребений, сопоставляя его с материалом бронзовой эпохи Закавказья, то обращает на себя внимание сходство в форме сосудов и некоторых орнаментальных мотивов с сосудами из Триалети¹⁷³ и Кармир-Блур¹⁷⁴. Повидимому, сходны также некоторые украшения, в частности височные кольца¹⁷⁵. Давно известен факт, что проушные бронзовые топоры, редко встречающиеся в Западной Европе, обычны были не только в Вавилонии, но и у нас в Восточной Европе¹⁷⁶. И, наконец, следует остановиться на одной очень любопытной детали: в Балановском могильнике раскопками краеведов в 1933 г. вместе с костями новорожденного ребенка были обнаружены два глиняных кружка в виде прядильниц, с выступающей с двух сторон как бы втулкой, обнимающей круглое сквозное отверстие¹⁷⁷.

Б. А. Куфтин во время раскопок в Триалети в одном из ямных курганов, относящихся к эпохе средней бронзы, под каменной насыпью обнаружил деревянную колесницу. Эта колесница, указывает Б. А. Куфтин, «с четырьмя равной величины (около 1,15 метра в диаметре) вращающимися на оси колесами без спиц, долблеными из дерева (дуба), с коротким расстоянием между осями и вертикалью подъемающимися стенками кузова находит замечательную аналогию... в Шумере, где подобные деревянные колесницы были обнаружены в двух погребениях того же урского некрополя, ранне-династической эпохи». И дальше он пишет: «В то же время наши колеса чечевицеобразной формой с выступающими ступицами близко напоминают колеса миниатюрных глиняных изображений из Киша, а также бронзовую модель четырехколесной колесницы Стокгольмского музея из Сирии, датируемую временем около 2000 лет до нашей эры. Подобные же глиняные колеса от миниатюрных повозочек были находмы, в очень близкой форме, и на Кавказе в ранне-металлических слоях, например А. П. Кругловым в Дагестане, в энеолитическом холме Шреш Блур в Армении»¹⁷⁸. Б. А. Куфтин также указывает, что на территории Южного Кавказа колесницами с такими же колесами продолжали пользоваться также и позднее, на что указывает найденная Лалаяном в кургане с коллективным ящичным погребением, относящимся к поздней бронзовой эпохе, хорошо сохранившаяся, видимо, четырехколесная колесница¹⁷⁹.

Несомненно, что найденные в Балановском могильнике глиняные колесики от модели или детской игрушки (последнее вернее, так как найдены в детском погребении) находят полную аналогию с закавказскими и месопотамскими моделями, которые воспроизводили распространенные в эпоху бронзы в тех областях колесницы (см. карту, стр. 49)¹⁸⁰. Интересно отметить, что Н. Я. Марр специально остановли-

¹⁷³ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, I, Тбилиси, 1941.

¹⁷⁴ Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944.

¹⁷⁵ См. также В. А. Городцов, Бытовая археология (см. выше, стр. 37) и его же. Культуры бронзовой эпохи в средней России (см. стр. 38).

¹⁷⁶ А. В. Арциховский, Введение в археологию, стр. 59.

¹⁷⁷ О. Н. Бадер. Могильник в урочище Карабай близ д. Баланово в Чувашии, стр. 76, 77—78; его же, Балановский могильник по раскопкам 1936—38 гг., Рукопись.

¹⁷⁸ Б. А. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, стр. 95.

¹⁷⁹ Там же, стр. 95—96.

¹⁸⁰ В более поздней, но еще не опубликованной работе О. Н. Бадер на основании нескольких пар колесиков, найденных в детских погребениях Балановского могильника, отмечает полное их сходство с колесами колесницы из раскопок Куфтина в Триалети, а также с такими же моделями из кургана эпохи бронзы «Три брата» близ Элисты и у скифов, судя по модели скифского экипажа из Керченского

вается на анализе чувашского термина ураба-арба, который связывается не только с соответствующим тюркским термином, но и с яфетическим, в частности грузинским — «урем», восходящим к основе «с первичным значением «небо», с дериватами одного семантического разреза «круг» — «колесо» — «колесница», «телега», «воз», почему по-чувашски слово значит и «колесо»¹⁸¹.

Мы привели только некоторые штрихи из области изучения материальной культуры; задача археологов заключается в том, чтобы развернуть исследование о связи фатяновской культуры, в особенности восточного ее крыла, с Закавказьем и Месопотамией.

Нельзя, однако, уже сейчас не отметить, что, в то время как антропологические и археологические связи Баланова с Закавказьем идут рука об руку, ничего похожего мы не наблюдаем в отношении западноевропейских «связей» Баланова: если археологические параллели ведут нас в область «ладьевидных топоров», то антропологические обнаруживаются в группах, археологически ничего общего не имеющих ни с Балановым, ни между собой.

Заканчивая нашу статью, мы можем сказать, что все приведенные материалы, в особенности лингвистические и антропологические (археологические данные подлежат еще разработке), приводят нас к тому выводу, что между населением фатяновской культуры, в первую очередь с территории современной Чувашской республики, существовала во II тысячелетии до н. э. связь с населением Закавказья и, возможно, Месопотамии. Связь эта выражалась не только в культурном обмене, но и в переселении групп людей с юга на территорию Среднего Поволжья. Вероятно, что в определенную эпоху эта связь была постоянной и переселения в области Среднего Поволжья с юга совершались неоднократно. Ответ на этот вопрос может дать археология¹⁸².

Н. Я. Марр, как мы показали выше, доказал, что когда-то бывшее племенным названием имя народа — чуваш — является разновидностью названия древнейшего народа Месопотамии — шумер или субар — племен, вошедших в состав населения Ванского царства, позднее Армении. Н. Я. Марр установил также тесную связь между названием шумер и сомех, одного из бытующих до настоящего времени названий армянского народа, которое также является разновидностью термина не только шумер, но и чуваш.

Эти данные Н. Я. Марра, так же как и полное тождество антропологического типа населения ранней железной эпохи с территории Севанского района Армении с населением фатяновской культуры, погребенным в Балановском могильнике, позволяют ставить вопрос о переселениях из Закавказья и в первую очередь из Армении на территорию Среднего Поволжья, а именно в области лесостепи, в современную Чувашию и, вероятно, в другие прилегающие районы, т. е. в области, более защищенные, чем южные степи, от местных аборигенных скотоводческих племен.

Можно предположить, что переселенцы-скотоводы легче могли хозяйственно освоить поймы рек в среде охотничьи-рыболовческих племен, с которыми в силу их различной хозяйственной специализации скорее могли установиться добрососедские отношения обмена, чем со степными скотоводческими племенами одного хозяйственного облика. Вероятно, среди субарских или сомехских племен, периферийных по отношению

музея (см. О. Н. Бадер, Балановский могильник, 1936—1938 гг. Рукопись. Ссылка сделана с любезного разрешения автора).

¹⁸¹ Н. Я. Марр, Отчет о поездке к восточноевропейским яфетидам, Избранные работы, т. V, стр. 282—283.

¹⁸² Для гораздо более позднего времени вспомним, в частности, средневековые армянские колонии в Булгаре, установленные раскопками А. П. Смирнова.

к культурным центрам Месопотамии, выделялись группы скотоводов, искавших места для пастбищ. Б. Б. Пиотровский указывал, что на Армянском нагорье скотоводство появилось задолго до образования Урартского государства, еще в неолитическую эпоху, и что развитие скотоводства обострило отношения между отдельными племенами, причем основным предметом раздора были скот и пастбища¹⁸³. К несколько более позднему времени относятся исторически засвидетельствованные походы асирийцев на север (1280—1261 гг. до н. э.), в страну Уруатри (район озера Ван), и более позднее — в страну «Наири» — за добычей, в первую очередь за скотом и людьми¹⁸⁴, так и обратно в последующее время походы урартов в страны Передней Азии с угоном к себе большого количества скота¹⁸⁵. Можно предполагать, что не только походы за скотом, но и поиски более спокойных мест для поселения существовали и ранее¹⁸⁶. Несомненно, древнейшим культурным народам Месопотамии был хорошо известен волжский путь, на что указывают исследования Н. Я. Марра, установившего отнюдь не только стадиальные, а конкретно материальные связи в звуковой речи у чувашей и вдоль Волги вплоть до финнов-суоми и северного русского населения с армянами и шумерами¹⁸⁷.

Переселения отдельных групп людей в область Среднего Поволжья в поисках мест для пастбищ могли совершаться из Закавказья и Передней Азии как водным путем по Каспийскому морю и Волге, так и сухопутьем вдоль западного берега Каспийского моря — Каспийскими воротами — и дальше вдоль Волги на север.

Решается ли вопрос о происхождении фатьяновской культуры в целом допущением переселений из Закавказья и может быть Передней Азии в области Поволжья? Мы думаем, что не решается.

Наоборот, антропологические материалы указывают, что в состав населения фатьяновской культуры, особенно в Верхнем Поволжье и Волго-Окском бассейне на западе, вошли группы местного населения (кроманьонидный илиprotoевропейский тип) и образование фатьяновской культуры носило скрещенный характер (см. карту). Речь идет, следовательно, лишь об одном, хотя и существенном, компоненте в сложном составе создателей фатьяновской культуры.

Возникает также вопрос, не являлась ли территория Чувашской республики в эпоху фатьяновской культуры, с погребальным инвентарем, более насыщенным бронзой, чем верхневолжские фатьяновские могильники, основной территорией формирования этой культуры, а Верхняя Волга — ее периферией?

Интересно вспомнить указание Н. Я. Марра о том, что чувашский язык «в самом начале своего возникновения слагался как орудие об-

¹⁸³ Б. Б. Пиотровский, История культуры Урарту, стр. 203—204.

¹⁸⁴ Там же, стр. 39.

¹⁸⁵ См. там же, стр. 204—206.

¹⁸⁶ Мы должны отметить, что переход к скотоводству и «военной демократии» и в особенности обстановка, складывавшаяся на периферии формирования древних государств, вообще создавали предпосылки для эмиграционных движений этнических групп, делавшихся объектом экспансии этих государств, — и нередко на весьма значительные расстояния. Наиболее ярким примером может служить антропологически (Дебец) и археологически (Киселев) установленное движение карасукских племен в том же II тысячелетии до н. э. из периферических областей формирования древнего северокитайского государства на отдаленный северо-запад вплоть до Минусинского края. В движении предков балановцев можно видеть прямую историческую параллель почти синхронного движения предков карасукцев (см. Г. Ф. Дебец, Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя, «Антропол. журн.», М., 1932, № 2, стр. 26—35; е го же, Палеоантропология СССР, стр. 77—82, 126; С. В. Киселев, Древняя история южной Сибири, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 9, М., 1949, стр. 67—93).

¹⁸⁷ Н. Я. Марр, К вопросу об историческом процессе в освещении яфетической теории, Избранные работы, т. III, 1934, стр. 169—170.

щения территориально широко раскинутого населения»¹⁸⁸ в состав различных племенных образований¹⁸⁹.

О. Н. Бадер в своей работе 1944 г. приходит к заключению, что происхождение балановской и собственно фатьяновской культур различное но между ними существовали тесные связи, которые нарушились в второй половине II тысячелетия до н. э. вклинившимися с северо-востока племенами сейминской культуры, а с юга — вдвинувшимися племенами поздняковской культуры¹⁹⁰.

* * *

Итак, заканчивая свою работу, резюмирую:

1. Происхождение фатьяновской культуры в археологии остается не выясненным до настоящего времени.

2. В антропологии вопрос о происхождении антропологических типов населения фатьяновской культуры также не получил достаточного освещения.

3. Работами Н. Я. Марра установлена тесная связь чувашского языка с языками народов Закавказья и Передней Азии, относящаяся к древнейшим эпохам сложения чувашского языка.

4. Краниологические материалы из Шумера и Урарту, древняя форма восточно-средиземноморского типа, исключительно близки как с севанскими черепами раннего железного века из Армении, так и с краниологическим материалом из фатьяновского могильника в Баланове на территории Чувашской республики.

5. Сходство как севанских черепов из Армении, так и балановского типа фатьяновской культуры с мегалитическим типом Северной и Западной Европы является конвергентным, основанным на том, что как балановцы, так и люди мегалитов имеют в основе исходные средиземноморские формы.

Исторически переселения людей из южной Скандинавии или из Саксонии в области Среднего Поволжья (Баланово) в эту эпоху ничем не подтверждаются.

6. Не существует также и объективных исторических данных, подтверждающих миграции населения из Северной Европы в область Армении. Поэтому сближение севанских черепов с североевропейскими, допущенное В. В. Бунаком в его старой работе 1929 г., помимо того, что оно морфологически не убедительно, исторически не является обоснованным. Попытка же поддержать краниологическими данными нордическую теорию объективно вредна, так как вплоть до последнего времени служит опорой для расистских нордистских построений в зарубежных работах.

7. Древнейшие доисторические и исторические связи Закавказья и Передней Азии с Средним Поволжьем, шедшие через побережье Каспийского моря по волжскому пути, подтверждаются лингвистическими, антропологическими и некоторыми археологическими данными.

8. Как на основании лингвистических работ Н. Я. Марра, так и по антропологическим данным, следует предполагать не только культурное влияние, но и переселения групп людей из областей Закавказья в III — II тысячелетиях до н. э. на территорию Среднего Поволжья, в частности, в область современной Чувашской республики.

9. Эпоха II тысячелетия до н. э. в Передней Азии и Закавказье была эпохой крупных социальных сдвигов в связи с развитием классового

¹⁸⁸ Н. Я. Марр, Чуваши-яфетиды на Волге, стр. 344.

¹⁸⁹ См. там же, стр. 343.

¹⁹⁰ См. О. Н. Бадер, К истории первобытного общества на Оке и в Верхнем Поволжье, Рукопись, 1943—1944 гг. Ссылка сделана с любезного разрешения автора.

общества, эпохой войн и военных походов. Это была также эпоха острой борьбы между скотоводческими племенами за пастища, что должно было вызывать поиски новых областей для освоения.

10. На основании антропологических данных можно предполагать, что в образовании фатьяновской культуры приняли участие местные степные скотоводческие племена, проникавшие в области Верхнего Поволжья по рекам как с юго-запада из Поднепровья, так и с юго-востока из Среднего Поволжья, среди которых преимущественно был распространен кроманьоидный массивный широколицый тип. При этом вероятнее, что днепровский путь играл большую роль. Этот вопрос на антропологическом материале не решается, но локализация памятников собственно фатьяновской культуры свидетельствует в пользу этого предположения.

Другая группа скотоводческих племен, принявшая участие в формировании восточного крыла фатьяновской культуры (Баланово) представляется на территории современной Чувашской республики пришлой, связанной своим происхождением с Закавказьем и Передней Азией с ярко выраженным восточносредиземноморским типом.

Местное неолитическое население, охотниче-рыболовческие племена культуры ямочно-гребенчатой керамики, характеризовалось преимущественно разными вариантами лапоноидных и сублапоноидных форм, которые проникали в состав населения племен фатьяновской культуры.

Массивный кроманьоидный тип ямочно-гребенчатого неолита из Приладожья и Прионежья морфологически очень близок к кроманьоидному типу степи, в частности Поднепровья, и мог принимать участие в формировании населения племен собственно фатьяновской культуры.

Таким образом, племена фатьяновской культуры, взятой в целом, могут быть охарактеризованы как весьма скрещенные, сформировавшиеся как на базе местных лесных европеоидных и может быть частично лапоноидных элементов, так и на базе пришлых из ближайших степных районов и из отдаленного Закавказья типов.

11. Предложенные выводы должны быть проверены на археологическом материале, в частности, нуждается в углубленном изучении вопрос о хронологических рамках фатьяновской культуры на территории Чувашской республики, а также вопрос о том, не обнаружится ли в ее пределах или южнее по Волге более древний пласт или отдельные памятники фатьяновской культуры балановского облика, теснее связанный с Закавказьем и Передней Азией? На постановке этих вопросов мы и закончим наше исследование.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

В. Ю. КРУПЯНСКАЯ и Л. А. СТАРЦЕВА

ФОЛЬКЛОР КОЛХОЗНОЙ СТАНИЦЫ

(По материалам Сталинградской фольклорной экспедиции)

Летом 1948 г. Институтом этнографии была организована экспедиция в Сталинградскую область, поставившая своей целью изучение колхозного фольклора¹. Перед экспедицией стояла задача изучения тех качественно новых явлений, которые возникают и развиваются в народно-поэтическом творчестве в связи с новыми социалистическими формами труда и быта колхозной деревни. Особое внимание было уделено выяснению того, как изменившееся мировоззрение советского человека влияет на идейную сущность современного фольклора, что в нем отмирает как отжившее и чуждое советской действительности и как в свою очередь качественно новый фольклор воздействует на сознание колхозников. Эти задачи в значительной мере определили методику полевой работы. Не изолированное изучение творчества отдельных мастеров и носителей фольклора, не ограничение вопросами судеб тех или иных фольклорных жанров, искусственно оторванных от тех процессов, которые происходят в реальной действительности, но изучение фольклора во всех его связях с этой действительностью,— вот тот методологический принцип, который лег в основу работы экспедиции.

Это в значительной мере расширило весь диапазон экспедиционной работы. Первостепенное значение приобрели вопросы исследования различных сторон общественной и экономической жизни колхоза и его трудового коллектива, ибо творцы и носители фольклора являются активными участниками социалистического строительства. Во весь рост встал, таким образом, вопрос о той общественной роли, которую играет народное творчество в жизни колхозного коллектива. Это потребовало изучения фольклора во всех его многообразных живых проявлениях (во время трудовых процессов, в часы досуга, на молодежных гуляниях и вечеринках, в дни общественных и семейных праздников и т. д.).

Советский фольклор развивается на почве живой поэтической тради-

¹ В работах экспедиции приняли участие: В. Ю. Крупянская (начальник экспедиции), Б. Г. Гершкович, Л. А. Старцева, Л. Н. Пушкарев, работник Моск. гос. консерватории К. Г. Свитова, студенты МГУ И. С. Амнуэль, В. Г. Блок, Г. Г. Громов и местный краевед Б. С. Лашкин.

ции, что определяет широкую постановку вопросов изучения народного творчества в его историческом развитии. Наряду с произведениями советского фольклора экспедиция изучала и традиционный фольклор, четко разграничивая при этом то, что сохраняется в памяти отдельных носителей, от того, что широко бытует и имеет действенную силу в настоящем.

Работа производилась в двух районах Сталинградской области: Подтепловском и Ново-Анненском, в последнем были изучены два передовых колхоза — «Большевистское знамя» (хутор Соловьевский) и имени Кагановича (хутора Косовский и Родин). Передовой актив этих колхозов (свыше 30 человек) был награжден за свой самоотверженный труд высокими правительственные наградами: двум из них — председателю колхоза «Большевистское знамя», — Ф. И. Фетисову и А. И. Аксеновой, звеньевой того же колхоза, — присвоено почетное звание Героя Социалистического Труда. Председатель колхоза имени Кагановича А. А. Артамонов является депутатом Верховного Совета РСФСР. Интересно отметить, что в постановлении Совета Министров от 26 октября 1948 г. «О создании лесозащитных полос и введении травопольного севооборота» были отмечены колхозы Деминской МТС, в том числе и колхозы «Большевистское знамя» и имени Кагановича, являющиеся пионерами лесопосадок и травопольного севооборота.

В прошлом это были очень глухие хуторки с отсталыми формами хозяйства и крайне низким общим культурным уровнем. Хутора Соловьевский, Косовский и Родин входили в юрт станицы Дурновской, одного из старых центров верхового казачества. Основание хуторов Соловьевского и Косовского относится к началу прошлого столетия. Хутор Родин основался несколько позже. Наименование хуторов Соловьевского и Родина произошло от фамилий их первых наследников².

Культурный уровень населения был чрезвычайно низок. Для дореволюционного хутора характерна почти поголовная неграмотность женщин. Первая начальная школа на хуторах Соловьевском и Косовском была организована уже при советской власти в 1926 г., а в 1927—1928 гг. были организованы школы ликбеза для ликвидации неграмотности взрослого населения.

Борьба за колхозификацию в этих районах проходила крайне остро и напряженно. В хуторах Косовском и Родинском первые товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ) были организованы еще в 1925 г. и просуществовали до 1929 г. В них входило всего 45 хозяйств. В хуторе Соловьевском ТОЗ организовался в 1928 г., однако руководство в нем захватили кулаки, бедняки в товарищество почти не принимались. Весной 1929 г. было организовано общее хуторское собрание (при участии уполномоченного из районного центра), на котором было постановлено исключить кулаков из товарищества. В 1929 г. началось массовое вступление крестьян в колхозы, и осенью того же года был организован крупный колхоз имени Демьяна Бедного, в который вошло 14 хуторов, в том числе и хутора Соловьевский, Косовский и Родин. Местное кулачество развернуло бешеную агитацию против колхозов. Однако, после того как были предприняты решительные меры по борьбе с кулачеством, колхоз стал крепнуть. Колхоз имени Демьяна Бедного просуществовал вплоть до 1934 г., после чего он был разукрупнен. Тогда-то и были организованы колхозы «Большевистское Знамя» и имени Кагановича.

Особый подъем хозяйственной жизни в этих колхозах начался с 1937 г. С этого года вводится травопольный севооборот. В 1938 г. были

² Экспедицией собраны большие материалы по истории хуторов и большой семьи, которые будут разработаны и обобщены в специальной статье.

посажены первые лесозащитные полосы и был внедрен метод звенево-работы. В 1939 г. развернулась борьба за 100-пудовые урожаи.

Оба колхоза представляют собой в производственном отношении сложно организованные хозяйства, с многочисленными ответвлениями, с основным уклоном в сторону полеводства. Хлеб — главный продукт колхозов. Освоены новые для этих мест технические культуры, в частности табак. Значительно расширена площадь огородно-бахчевых культур. Заново разбиваются сады. Колхозы восстанавливают и поголовье скота; в колхозе имени Кагановича выращиваются кровные лошади. При колхозах имеются различные животноводческие фермы. Война не сколько затормозила темпы хозяйственного и культурного строительства но уже в настоящее время в колхозе «Большевистское знамя» заканчивается постройка бани, зернохранилища, автогаража, клуба, радиоузла и электростанции, которая должна осветить все дома колхозников. В колхозе имени Кагановича также строятся новая изба-читальня, баня, дом для приезжих, закладывается новый пруд.

Неизмеримо вырос культурный уровень хуторян. За последние 15-20 лет из числа молодежи только одного хутора Соловьевского 12 человек стали врачами, 8 — агрономами, 12 — учителями и т. д. Создалася своя техническая интеллигенция. В этом отношении чрезвычайно характерны слова колхозника И. П. Якушева (колхоз имени Кагановича) «Большая сила в колхозе — техника. Почитай сам: из этого колхоза вышло два старших механика в Деминскую МТС, два механика на участках, да одиннадцать бригадиров в тракторных отрядах. У нас в колхозе, а институт механический и сельскохозяйственный»³.

В производственном и культурном росте колхозов, несомненно, большая роль принадлежит районному центру и машинно-тракторной станции. В жизни изученных нами колхозов особое место занимает Деминская МТС, являющаяся одной из передовых в Союзе. Для обслуживаемых ею хуторов она является центром огромного культурного значения. Так, при Деминской МТС имеется радиофицированный клуб, где регулярно демонстрируются новые кинофильмы, изба-читальня и библиотека, насчитывающая свыше 2000 книг. При клубе работают кружки самодеятельности (в том числе хоровой и драматический), в библиотеке раз в десять дней читаются лекции по международному положению, по научно-популярным вопросам. Клуб и библиотека активно посещаются трактористами МТС, работающими в различных колхозах, а также и остальной хуторской молодежью. В хуторе Деминском имеется 10-летка, где обучаются 235 детей колхозников, рабочих и служащих как самой МТС, так и окружающих хуторов. Важно отметить, что при МТС систематически организуются специальные семинары по агротехнике для передового полеводческого актива колхозов, состоящего преимущественно из женщин.

И в самих хуторах имеются свои культурно-просветительные очаги: изба-читальня, библиотека. В полеводческих и тракторных станах организованы красные уголки, где имеются газеты, текущая политическая и сельскохозяйственная литература, небольшие библиотечки художественной литературы. В красных уголках можно видеть боевые листки и графики учета соревнования отрядов и звеньев. В страдную летнюю пору вся культурно-просветительная работа переносится по существу в полевые станы. Здесь организуются беседы, читки газет, сюда приезжает агитбригада, тут же зачастую организуется и показ кинокартин.

При хуторских избах-читальнях имеется и своя художественная самодеятельность, однако развернута она далеко недостаточно. Вообще следует отметить, что культурный уровень хуторов пока еще отстает от их производственно-экономического роста. Не всегда руководящие ра-

³ Запись Л. Н. Пушкирева, тетр. 10, стр. 481.

ботники колхоза уделяют достаточное внимание культурным мероприятиям. Так, избачу колхоза имени Кагановича пришлось выдержать длительную борьбу за благоустройство своей избы-читальни. Если бы не помочь центральной печати, заставившей обратить внимание не только района, но и области на культурное состояние Косовского хутора, то вряд ли бы избачу т. Зинченко удалось создать из своей избы-читальни подлинный очаг культуры, как это имеет место теперь.

Производственные успехи изученных нами колхозов в значительной мере обусловлены правильной организацией труда, отсутствием текучести колхозных кадров, расстановкой сил по звеньям. Достаточно сказать, что председатель колхоза «Большевистское знамя» Ф. И. Фетисов работает на своем руководящем посту в течение 16 лет. Для данных колхозов характерен и постоянный состав звеньев. Так, Макарова, Аксенова, Инякина работают звеневыми не менее десяти лет каждая. В результате многолетней совместной работы члены звеньев с своими звеневыми образовали крепкий трудовой актив, для которого повседневная работа в колхозе — творческий труд, дающий огромное удовлетворение. Колхозное звено представляет собой новый для деревни тип коллектива, объединяющим началом которого являются общие задачи в борьбе за социалистическое переустройство деревни. Вот почему изучение колхозного фольклора велось нами в основном по производственным коллективам — звеньям и тракторным отрядам.

Коренные изменения, произошедшие в сознании колхозников, выявляются также и в их изменившемся отношении к старым обрядам, обычаям и многочисленным поверьям, игравшим еще в недавнее время большую роль в жизни хутора. Характерно и почти полное исчезновение календарной обрядности, процесс разложения которой начался, видимо, еще задолго до революции. Значительно большую устойчивость обнаруживает свадебный обряд. И в настоящее время брак считается действительным лишь после того, как сыграна свадьба, проводимая согласно народному обычая. Однако свадебный обряд подвергся сильным изменениям. Новое, крепко упрочившееся положение женщины и в семье и в коллективе, ее активная роль в производственной и общественной жизни колхоза, в которой она занимает одно из ведущих мест, в корне изменили самое отношение к свадебному обряду. Естественно, что из свадебного обряда совершенно исчезли все моменты, обусловленные подчиненным и зачастую крайне тяжелым положением женщины в прошлом. Так, например, из обряда совершенно выпали такие его элементы, как оплакивание невестой своей девичьей воли. У молодого женского поколения мы наблюдали не только отрицательное, но и почти враждебное отношение к причетам. Так, когда на свадьбе, на которой нам удалось присутствовать на хуторе Остроуховском (Подтепловский район), женщины во время девишика по своей собственной инициативе, видимо, желая нас ознакомить со старым обрядом, начали исполнять традиционное причитание, то это вызвало явное неудовольствие и осуждение со стороны присутствующих. Одна из родственниц невесты недовольно сказала: «Что завыли, словно по покойнику, не хороните, а ведь свадьбу играете». Молодежь шутила: «Хотят довести нашу Маруську до слез, нет, не заплачет». Женщины так и не докончили своего причитания. Почти полностью отсутствуют и свадебные, связанные с отдельными моментами обряда песни. Так, например, характерно, что на свадьбе в момент «посада» (усаживание невесты за свадебный стол перед приездом жениха), вместо обрядовой песни «Не белая заря занимается, мои-то разлучники собираются», в настоящее время поется любая песня, чаще всего «По диким степям Забайкалья». Для Ново-Анненского района характерно и в настоящее время исполнение на свадьбе старинных, так называемых «круговых» песен, под которые пляшут.

В основном исчезло и все связанное с магией обряда. Так, например, дружком в настоящее время может быть всякий, а еще недавно от него требовались специальные знания, необходимые для того, чтобы уберечь молодых от порчи.

Изменился и один из существенных элементов свадебного обряда — сватовство. Его роль в настоящее время сводится к сговору сторон о дне свадьбы и о всех хозяйственных вопросах предстоящего брака. Помимо существу же вопрос о вступлении в брак заранее решается самими молодыми людьми. Во многих случаях свадебный обряд заключается уже в ряде вечеринок, знаменующих отдельные традиционные моменты обряда (запой, девишик, свадьба, блины и пр.). Для свадьбы характерно и до настоящего времени обязательное участие в ней всех родственников. Соседи приглашаются в редких случаях.

К сожалению, экспедиции не удалось сделать достаточных наблюдений над современной колхозной семьей. Несомненно одно — семейный быт в настоящее время изменился в корне. Женщина, будучи равноправным, а в ряде случаев и ведущим членом производства, занимает в настоящее время и равноправное положение в семье. Новое наблюдается и во взаимоотношениях других членов семьи. Так, например, одним из характерных явлений старого семейного быта было принятие в дом «зятя», причем в зятя обычно шли бедняки или сироты и их положение в семье жены было крайне приниженным и тяжелым. Недаром сложилась пословица: «Зятнина шуба всегда под лавкой», или — при виде бесхвостой собаки — «Должно быть в зятях была, что хвост сбыла».

Принятие в дом зятя — явление, широко распространенное и в современном быту. Характерно, что в хуторе Соловьевском (колхоз «Большевистское знамя») за последние три года принято из разных, в большинстве случаев близлежащих населенных пунктов 15 зятев. Как нам неоднократно приходилось слышать, в колхозе «Большевистское знамя» в «зятя» идут охотно, да и сами девушки не желают уходить из своего благоустроенного зажиточного колхоза. Заинтересован в этом и колхоз, так как он приобретает в свой коллектив мужскую и в большинстве случаев квалифицированную силу. Это новое, общественное лицо «зятя», влячившего в прошлом столь жалкую часть, определяет и иной характер взаимоотношений, основанных в настоящее время на равноправии и уважении.

Элементы нового, общественного быта ярко проявляются в дни, отмеченные в жизни звеньев каким-либо важным событием, например награждение отдельных его членов. В подобных случаях члены звена собираются в одну компанию и гуляют во главе со своей звеньевой.

Колхозные звенья представляют благоприятную почву для бытования и развития фольклора, в особенности песни. Выезжая вместе с звеньями в полевые станы и находясь там в течение всего рабочего дня, мы имели возможность наблюдать, какое огромное значение имеет песня в жизни колхоза. В каждом звене есть свои песенницы, нередко запевалой бывает сама звеньевая; так, например, прекрасными певицами в колхозе «Большевистское знамя» являются звеньевые — Герой Социалистического Труда А. И. Аксенова и орденоносец Х. И. Макарова. Звено очень ценит своих талантливых песенниц. Так, в звене Аксеновой такой признанной певуньей и плясуньей является Домна Васильевна Денисова, 52-летняя женщина, отличающаяся необычайной подвижностью и веселым нравом. В звене ее любовно называют «Домашкой». Из ее богатого репертуара звено черпает в основном свои песни. Несомненно, репертуар отдельных одаренных певиц накладывает свой отпечаток на репертуар звена в целом.

Донское казачество издавна славилось высокой песенной культурой. И в репертуаре современных певиц огромное место занимают традици-

онные песни. Таковы: свадебно-плясовые песни, так называемые «круговые», которые особенно охотно поются женщинами при всякой гульбе.

Любопытно, что известная часть круговых песен, особенно щуточного характера, полных веселья и юмора, как, например, «Я с комариком гуляла», «У попова рундука», «Полетел наш комар» и др. вошли и в репертуар молодежи. Их не только играют на свадьбах, но и во время молодежных гуляний. Круговые песни поются в быстром плясовом темпе; женщины, став в кружок, ходят друг за другом гуськом, приплясывая (за руки не держатся), в руках у них платочки, ими помахивают в такт пляске. При исполнении некоторых песен человек 10—14 пляшет внутри движущегося круга казачка или русского. Живучесть круговых песен в современном быту в значительной мере объясняется их игровой природой⁴.

По своему содержанию круговые песни являются отражением старого казачьего быта. Связь их со свадебным обрядом определила тематику, в основном — семейно-бытовую. В ряде песен, как, например, «Верея», «По сеням, сеням», красноречиво изображается жизнь молодой женщины в чужой семье, под глазом «лютой свекрови». Тяжелое замужество противопоставляется в песнях светлой девичьей воле в доме родителей. Через круговые песни как лейтмотив проходит тема любви, зачастую потаенной, запретной, тема измены, взаимоотношений мужа и жены и т. п. Эти песни представляют собой своеобразный протест женщины против деспотизма и гнета патриархальной семьи. В них ярко вырисовывается образ казачки — женщины большого характера, умеющей глубоко и сильно чувствовать. Характерные строки одной из песен, обращенные к казачке:

Ой не ты ли, сударушка,
Сердце высушила,
Без мороза, ретивое
Сердце вызнобила.

Те же мотивы характерны и для женской любовной лирики. Военный казачий быт наложил на нее своеобразный отпечаток; для лирической песни характерны мотивы одиночества, ожидания, тоски по ушедшим на войну и т. д. Женский репертуар органически впитал в себя и ряд казачьих военных песен, являющихся принадлежностью мужского репертуара.

В старой женской лирике намечаются два слоя: традиционно-народная лирическая песня, искони занимавшая одно из центральных мест в женском репертуаре, и городской романс, уже издавна постоянно просачивающийся в казачью среду и творчески ею осваиваемый. Таковы, например, «Мальвина», «Сгубили меня твои очи», «Уж ты Ваня, ты мой Ваня, разлучают нас с тобой» и ряд других песен, вплоть до «жестокого романса».

Следует отметить, что отношение певиц к своему поэтическому на-

⁴ Интересно, что в Подтепловском районе, игровая, так называемая «карагодня» песня, тесно связанная с весенней календарной обрядностью (ее исполняют только на Благовещенье, Вербное и Пасху), исчезла уже вместе с обрядностью из живого народного обихода. Ее знают только пожилые женщины, по словам которых, последние «карагоды» водились в 20-х гг. нашего века. Вместе с тем нам неоднократно приходилось слышать, что молодежь и в настоящее время зачастую обращается к пожилым с просьбой выучить их «карагодам». Этот факт отмечает также И. Кравченко в своей книге «Песни донского казачества». По его сообщению, в ст. Проваторовской Юрюпинского района пожилые казачки в 1936 г. водили «карагод» со специальной целью выучить молодежь. Колхозная молодежь восприняла «карагод» как особую форму игры. Таковы «карагоды»: «Заплетися плетень», «Расплетися плетень», «Пашенька», «Утушка», «Мак» и др.

следию необычайно живое и активное, о чем свидетельствует не только высокое художественное качество записанных текстов, но и творческое их освоение колхозным коллективом. Характерно, что многие старинные песни имен но оттого и получили в настоящее время популярность, что они воспринимаются поющими ими колхозницами как имеющие прямое отношение к современности.

Вместе с тем у пожилых колхозниц замечается большая тяга к советской песне. Наиболее активную роль в этом отношении играют передовые члены звена, особенно сами звеньевые. Нами неоднократно наблюдалось своеобразное соревнование между звеньями в подборе новых песен, отражающих советскую действительность, причем каждое звено старается первым усвоить новую песню. Так, с чувством некоторого сожаления рассказывала Аксенова о том, как звено Макаровой первое разучило чрезвычайно понравившуюся всем «Казачью думу с Сталине». В свою очередь звено Аксеновой стало петь как новую старинную казачью песню «Пойду, выйду во конюшеньку», воспринятую колхозницами как отзвук недавно минувшей войны. Правление колхоза всячески поддерживает инициативу женщин в их поисках новых, связанных с современностью песен; наиболее удачные песни премируются.

В репертуар пожилых колхозниц проникает в известной мере и массовая советская песня. Так, всеобщей любовью пользуются «Катюша» и «Туманы мои растуманы» Исаковского, а также некоторые песни Отечественной войны: «Ночь прошла в полевом лазарете», «Над озером чаека вьется» и др. Любопытно, что до сих пор пользуются известностью и некоторые песни периода гражданской войны, таковы: «Проводы» Д. Бедного («Как родная меня мать провожала») и песня «По сибирским тайгам и долинам партизанский отряд проходил».

К сожалению, за краткостью времени экспедиции не удалось сколько-нибудь полно исчерпать песенный репертуар колхозных звеньев и отдельных наиболее выдающихся певиц-колхозниц.

Иной характер носит репертуар молодежи. Молодежь играет большую роль в производственной, общественной и культурной жизни колхоза. Значительное число ее работает в полеводческих бригадах, тракторных отрядах и на молочно-товарных фермах. Существуют и специальные молодежные звенья, которым систематически поручаются наиболее трудные и ответственные работы. Так, например, в колхозе им. Кагановича в ряду лучших производственников идет комсомольско-молодежное звено. В горячие дни уборочной это звено работает почти кругло суточно.

Наиболее передовая часть колхозной молодежи — трактористы и комбайнеры. Многие из них участники Великой Отечественной войны. Трактористы по роду своей работы, как это указывалось выше, тесно связаны с Деминской МТС. Вот почему они обычно первыми узнают о литературных новинках, кинокартинах, новых массовых песнях, что не проходит бесследно и для колхозной молодежи окружающих хуторов. Так, например, после демонстрации фильма «Небесный тихоход» через трактористов быстро распространилась в среде молодежи песня «Первым делом, первым делом самолеты...»

Экспедиция старалась выявить, чем живет молодежь, каковы ее запросы и интересы, каков круг ее чтения. К сожалению, приходится отметить бедность хуторских библиотек (особенно хутора Соловьевского), а вместе с тем спрос на художественную литературу у колхозников, особенно среди молодежи, очень велик. Произведенный экспедицией анализ читательских абонементов выявил большое тяготение молодежи к советской литературе и особенно к произведениям о Великой Отечественной войне. Общую любовью пользуются книги: «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Два капитана» Каверина, «В окопах Сталинграда» Некрасова, «Дни и ночи»,

Симонова, «Непокоренные» Б. Горбатого, «Зоя» М. Алигер, «Чайка» Бирюкова и др. Повесть Н. Островского «Как закалялась сталь» является также любимейшим произведением колхозной молодежи. Совершенно исключительное место, особенно в Подтлковском районе, занимают романы М. Шолохова «Поднятая целина» и, особенно, «Тихий Дон». Этот роман глубоко волнует колхозное казачество, особенно старшее поколение. Его читают и перечитывают, его страстно обсуждают, главным образом с точки зрения соответствия с исторической действительностью; его знают почти наизусть. Нам нередко приходилось наблюдать стремление колхозников по-своему интерпретировать судьбу главного шолоховского героя Григория Мелехова, что выявлялось в своеобразных пересказах романа. Из произведений А. М. Горького знают и любят его повесть «Мать». Интересно, что в читательских абонементах неоднократно встречается и роман Горького «Жизнь Клима Самгина». Нельзя не указать на тот факт, что в колхозных библиотеках творчество Горького представлено явно недостаточно. Из старой классической литературы особенно охотно читают «Войну и мир» и «Анну Каренину» Л. Толстого и «Накануне» Тургенева. Огромной популярностью пользуется «Конек-Горбунок» Ершова. Совершенно исключительный спрос на песенники и русские народные сказки, в которых ощущается острый недостаток.

Уже этот предварительный и недостаточно полный анализ читательских запросов ярко свидетельствует о возросшей культуре колхозной деревни.

Молодежь является активным носителем советского колхозного фольклора. Большое место в нем занимает частушка, живо откликающаяся на злободневные события и отражающая все стороны личной и общественной жизни. Тематика ее чрезвычайно разнообразна. Для более полного уяснения частушечного репертуара и условий бытования частушек запись их велась во время живого исполнения: по дороге на поле, во время работы в тракторных отрядах, на молодежных гуляниях и т. д. Нам неоднократно приходилось наблюдать своеобразное состязание частушечниц во время их поездок на поля, далеко отстоящие от хуторов. В частушечном жанре наиболее ярко выявляется самостоятельное поэтическое творчество молодежи. Широко бытует также и частушка литературного происхождения, проникающая в молодежный репертуар из школьных учебников, из сборников художественной самодеятельности, из репертуара агитбригад, с патефонных пластинок. Эти частушки органически усваиваются молодежью и распеваются ею наряду с частушками собственного творчества. В частушках отчетливо встает образ новой колхозной молодежи с ее горячим энтузиазмом, с ее непрерывным стремлением к новым трудовым достижениям, с ее огромным патриотическим чувством к родному колхозу и ко всей советской Родине.

Пойди, милый, посмотри,
Посмотри, какая рожь,
Облетиши на самолете,
А пешком не обойдешь!
Пойду, выйду на крылечко,
Запою я, молода,
Дали землю нам навечно,
Будет наша навсегда!
Милый пашет и боронит,
А я следом сеяла,
На мне красная косынка
Все по ветру веяла.
Я в колхозе боевая,
Боевая я и есть,

Боевых в колхозе надо,
Боевым большая честь!
Я в колхозе бригадиром,
Сердце, ой, волнуется,
Моя первая бригада,
С третьей соревнуется.
У Катюши на конюшне
Два фонарика горят,
Про стахановку Катюшу
Все в колхозе говорят.
Мы во всю гармонь растянем,
Приударим веселей,
Чтоб росло соревнованье,
Всех колхозов и полей!

Приходи, весна красна,
Бремечко весеннее,

Сталин к счастью нас ведет
По завету Ленина.

Большое место занимает также лирическая любовная частушка, торяя нередко восполняет ощущаемый молодежью недостаток в хорошистской песне. Глубоким лиризмом дышат строчки, посвящен вечно волнующей теме любви.

Лучше нету того цвету,
Когда яблоня цветет,
Лучше нету той минуты,
Когда миленький идет.
Чёрный чуб, чёрный чуб,
За горой скрывается,
По тебе, мой чёрный чуб,
Сердце разрывается.
Хорошо тебе, калина,
У тебя широкий лист,
Хорошо тебе, подружка,
Тебя любит гармонист.

Выйду, выйду за ворота,
Сяду я на лавочку,
На меня тоска напала,
Как роса на травочку.
Надо травочку косить,
Которая зеленая,
Надо девушку любить,
Которая веселая.
Если б не было луны,
Не было б сияния,
Если б не было любви,
Не было б страдания.

И в этой глубоко лирической частушке отразилось то новое, что наблюдалась в личных взаимоотношениях молодежи. Так, например, для девушки далеко небезразличен общественный и трудовой облик ее любимого.

Ко мне лодырь заходил
Замуж уговаривать,
А я с лодырем не стала
Даже разговаривать.

В песенном репертуаре молодежи преобладает советская массовая песня. Обследованные нами около 50 песенных репертуаров молодежи коллективов и отдельных любителей песен указывают на то, что этот репертуар мало чем отличается от репертуара всей советской молодежи. Однако песенные новинки проникают сюда с отставанием. Так, на наших глазах только стала распространяться широко известная песня «Однокая гармонь». Это в значительной мере объясняется отсутствие радиоточек, а также недостатком песенников, репертуарных сборников и т. д.

В настоящее время наибольшей популярностью пользуются «Казачьи думы о Сталине», песни М. Исаковского «Под звездами Балканскими» «Ой туманы мои, растуманы», «Катюша», «Вечер на рейде» и др. Среди женской молодежи широко распространены также песни: «Дорогуша» «Анютя» и «Ответ на землянку» Суркова. Две последние песни восприняты девушками от фронтовиков. Такие песни, как «Огонек» Исаковского, «Синенький скромный платочек», «Сулико», и др., широко распространенные здесь в годы войны, сейчас поются значительно реже. Неизменной любовью пользуются среди молодежи известные народные песни «Ермак», «Из-за острова на стрежень», «Вот мчится тройка почтовая», «По диким степям Забайкалья», «Поздно вечером я стояла у ворот», «Мой костер», «Хуторок» и др. Молодежь знает и старую казачью песню, но большей частью поет ее, как там говорится, «за слёдом», т. е. подпевая вслед за людьми старшего поколения. К таким особо любимым песням относятся: «Поехал казак на чужбину далеко», «Скакал казак через долину», «По Дону гуляет казак молодой», «По горам Карпатским метелица вьется». В индивидуальных репертуарах встречаются и казачьи песни более старого слоя, как, например, «На речке было, на Камышинке», «Погиб, погиб черкес в плену» и др.

В массовый репертуар молодежи проникло известное число песен, созданных или заново возродившихся в период Великой Отечественной войны. Большую роль в распространении этих песен сыграли, несомненно, бывшие фронтовики, в личном репертуаре которых фронтовые песни и до сих пор занимают значительное место. Наблюдения показывают, что в массовый обиход колхозников проникли в основном песни, характеризующие связь бойца с домом, с семьей. Таковы, например, песни: «Над озером чаечка вьется», «Ночь прошла в полевом лазарете», «Бескозырка» («Я встретил его близ Одессы родной»), песня танкистов «Машина штопором кружится» и др., ставшие достоянием не только молодежи, но и людей старшего поколения. Песни с специфически военной тематикой не получили столь широкого отзыва; в известной мере они проникли лишь в репертуар мужской молодежи. К таким песням относятся «Новая Катюша», «Три танкиста», «Встает заря за небосклоном», «Лети, мой танк» и ряд других.

Экспедиции удалось довольно четко выявить репертуар фронтовиков-казаков различных возрастных групп. Так, в репертуаре фронтовиков среднего и пожилого возрастов, особенно у тех из них, которые воевали в казачьих частях, превалирует в основном старая казачья военная песня⁵. Молодежь же пела на фронте, как упоминалось нами выше, военные песни советских поэтов и композиторов, а также песни собственного сочинения; по существу репертуар ее тот же, что у всей армейской молодежи⁶. Большое место занимала в этом репертуаре русская народная и украинская песня. То распространение украинской песни, которое наблюдается в настоящее время среди колхозников, в значительной мере объясняется влиянием фронтового репертуара. В колхозах «Большевистское знамя» и имени Кагановича особую популярность получили следующие украинские песни: «Ой, на горі там

⁵ В этом отношении интересные материалы были собраны в Подтепловском районе. В станице Федосеевской экспедиции удалось встретить двух фронтовиков — В. Н. Галкина и П. И. Усенкова, являющихся большими знатоками и любителями песни. Оба они относительно пожилые люди (1903 г. рожд.); В. Н. Галкин еще до фронта слыл прекрасным песенником, ни одна свадьба не обходилась без его участия. И через всю войну, по его словам, он прошел с гармонью в руках. Оба фронтовика свидетельствуют, что песни, с которыми они воевали, с которыми прошли весь боевой путь от Сталинграда до Берлина, были: «На речке было, на Камышинке», «Веселитесь, храбрые казаки», «Два сокола и орел он крылатый», «По горам Карпатским», «Ехал казак на чужбину» и некоторые другие. Особенно любопытна старая казачья песня «Два сокола и орел он крылатый», получившая новое осмысление и острое политическое звучание в период Великой Отечественной войны. Образ врага-национальника, ставший типовым в народном творчестве, связывается в этой песне с Гитлером:

Ой, хвалился, шельмец Гитлер, выхвалился,
Эй, я сёла, я толечко мелкие деревни,
Да корил он матушку-Москву-Россию,
Эй, да вот бы я насквозь ее пройду,
Эй, я сёла, я толечко мелкие деревни.
Да вот и на копытцах, я их разнесу.

Характерно, что окончание песни сопровождалось хоровым выкриком «оскллизнулся!»

⁶ Экспедиции удалось записать от колхозников-фронтовиков ряд ранее не зафиксированных фронтовых песен, таков, например, интереснейший вариант песни Лебедева-Кумача «О чём ты тоскуешь, товарищ моряк», являющийся взволнованным откликом на последние завершительные дни войны. Таковы конечные строфы песни.

А как же хотелось в Берлин мне прийти
Ведь наши солдаты в предместьях;
Вот где бы сумел я все счеты свести
За светлое имя невесты.
Смотрите, смотрите, Берлин весь в огне,
Я вижу победы зарницы!...
И как хорошо и как радостно мне...
Сестрица, подай мне водицы.

жнецы жнуть», «Закувала зозулинка», «Під гаем зелененькім», «Галя», «Посіялі огурочки» и др.

В распространении фронтовой песни немаловажное значение безусловно имела личная одаренность ее носителей. Это ярко выявилось на примере встреченного нами в колхозе «Большевистское знамя» песельника-фронтовика Михаила Архиповича Дейкина. М. Дейкин 1916 г рождения, имеет четырехклассное образование; позже он окончил танковую школу младшего комсостава механиков — водителей танков. Всю войну он прослужил в танковых частях. В настоящее время М. Дейкин по инвалидности работает сторожем на колхозной бахче. Свою огромную любовь к песне, которая, по его словам, является «лучшим спутником человека», он принес и в армию, где активно участвовал в красноармейской художественной самодеятельности. На фронте сильно обогатился его песенный репертуар, не только массовыми советскими песнями, но самодеятельными песнями танковых частей. Многие из них были сложены самим Дейкиным вместе с бойцами. Так родилась песня «Лети мой танк», так возник новый фронтовой вариант песни «Над озером чаечка вьется». В свою очередь Дейкин обогатил фронтовой репертуар своей части казачьими песнями. На фронте им были усвоены и многие украинские песни, которые он и принес с собой в родной хутор. В своем колхозе Дейкин пользуется огромной популярностью певца, без него в большом хоре не «зачинают» ни одной песни. Часто он поет с колхозницами звена Макаровой, работающими по соседству с бахчей. Это от него переняло звено «Казачью думу о Сталине». Мужская молодежь хутора восприняла от Дейкина и многие его фронтовые песни. У Дейкина своя манера пения, которая в значительной мере была заимствована им от художественной самодеятельности: каждую песню он кончает веселой щуточной припевкой или прибауткой, а иногда прерывает пение коротким замечанием к тексту. Однако это не снижает лиризма в исполнении песни, а только создает своеобразную разрядку у слушателей.

Таким образом, Великая Отечественная война оказала сильное воздействие на поэтическое творчество современной колхозной деревни, в репертуар которой влилось много новых советских песен. Отсутствие музыкального анализа песен Великой Отечественной войны, вошедших в массовый народный обиход, не позволяет судить о степени их музыкальной фольклоризации, но, видимо, и в отношении этих песен можно говорить об их местном музыкальном своеобразии, столь отчетливо прослеживаемом на прошлых судьбах казачьего песенного фольклора. Ярким примером могут служить широко популярные русские народные песни, издавна вошедшие в казачий репертуар. Песни эти поются в казачьем распеве, т. е. многоголосно, с дишканством. Таковы, например, «Ермак», «По диким степям Забайкалья», «Ямщик», тюремная песня о «Ланцове», упомянутые выше городские любовные романсы.

Характерно, что в среде молодежи, уже значительно отошедшей от традиционной песни, большинство попавших в ее репертуар новых песен также поется в казачьем распеве. Таковы, например, песни: «Кто-то с горочки спускается», «Как в саду при долине громко пел соловей», «Я во городе родился, да во деревне возрастил» и др.

В плане той же областной традиции фольклоризовались и многие литературные произведения, как, например, стихотворение Гребенки «Поехал казак во чужбину далеко» или отрывок из поэмы Пушкина «Полтава» — «Кто при звездах и при луне так поздно едет на коне?» На последнем примере особенно ярко выявляется процесс музыкальной фольклоризации, повлекшей за собой и творческую переработку словесного текста, что выразилось не только в распеве, т. е. в повторениях отдельных слов и целых двустиший, в вставках частиц (эй, ай, да), но и во введении элементов народной поэтики: ласкательных суффиксов («коник» вместо «конь»), постоянных эпитетов («в зеленой дубраве» вместо ду-

браве), приема обращения («Эй, да не спотыкайся, коник мой ретивый» вместо «Не спотыкаясь, конь ретивый бежит, размахивая гривой»). Здесь налицо, несомненно, акт создания новой песни.

Примером фольклоризации литературного текста может служить и песня местного характера, сложившаяся уже в наши дни,— «Вниз по матушке по Волге славный город Сталинград». По словам сообщившего эту песню колхозника М. Евлантьева, в основе песни лежит стихотворение о строительстве Сталинградского тракторного завода (автора он не помнит). Стихотворение понравилось, к нему была подобрана мелодия и песня вошла в репертуар колхозников. Ее и в настоящее время можно услышать в исполнении казачьего хора хутора Андреяновского, Подтепловского района

Вниз по матушке по Волге
Славный город Сталинград.
На горах стоят там стены,
Зданья новые стоят.
Видно с Волги эти стены,
Там работают в три смены,
Там колышется народ,

Стройка быстрая идет.
Пролетело время мигом
И закончен наш завод.
Задымились трубы дымом,
Задымились над городом.
Под горою речка Волга
Сотни долгих лет течет.

Экспедиция столкнулась и с фактом ярко выраженного индивидуального творчества, стоящего уже на грани творчества литературного. Таково творчество Марии Тимофеевны Елфимовой (1902 г. рождения), казачки хутора Крутой Подтепловского района. Это — грамотный и много читающий человек, большой знаток и любитель как старой казачьей, так и массовой советской песни. Сказительница ставит своей целью, как она сама об этом говорит, донести до своих слушателей идейное содержание наиболее любимых ею произведений советских писателей. Таков ее поэтический пересказ «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, таковы ее отклики на отдельные эпизоды из романа Шолохова «Тихий Дон». Свои произведения Елфимова называет песнями, так как она их складывает и в дальнейшем исполняет на какую-либо знакомую мелодию («Было дело под Полтавой», «Распрягайте, хлопцы, коней!» и др.). В художественном отношении произведения Елфимовой еще крайне беспомощны, однако ее творчество представляет несомненный интерес, как типическое для современности явление — стремление сказителя выйти за пределы традиции, по-своему откликнуться на советскую действительность.

Наряду со здоровыми, жизнеутверждающими тенденциями, являющимися ведущими в колхозном фольклоре, наблюдаются вместе с тем и некоторые отрицательные факты. Широкое изучение массового песенного репертуара и весьма распространенных среди молодежи рукописных песенных альбомов выявило значительную засоренность молодежного репертуара идейно чуждыми и антихудожественными песнями типа жестокого романса: «Наташа», «Лампадочка», «По аллеям мы гуляли», «Шумел камыш» и др. Школа и колхозная общественность борются с этим явлением, однако наиболее эффективным средством искоренения подобных песен из молодежной среды, а также повышения идейно-эстетического уровня молодежного репертуара должна стать самая широкая популяризация лучших образцов народной и советской массовой песни. Ее необходимо внедрять через радио, кино и песенники, через развитие и укрепление колхозной самодеятельности.

Другие жанры фольклора, особенно прозаические, сказка, сказ, легенды и пр., не носят, повидимому, в современном быту столь массового характера. Несмотря на тщательные расспросы, экспедиции не удалось выявить ни одного сказочника со сколько-нибудь значительным репертуаром. Репертуар сказочников, от которых производились записи,

исчерпывается двумя-тремя сказками и коротенькими побывальщиными. Более ярко выражена сатирическая линия, проявляющаяся главным образом в форме района. Современный раешник представляет собой чаще всего общественную сатиру на отрицательные явления в колхозном быту (высмеивание лодырей, расхитителей колхозного имущества) и т. п. Злободневность района делает его популярным среди колхозников. Экспедиция столкнулась с несколькими яркими представителями этого жанра. Таков, например, 72-летний старик-кукольник Григорий Минаич Емельянов (колхоз «Большевистское знамя»); Емельянов широко известен не только в своем хуторе, но и за его пределами. О нем как об умелом рассказчике знают в хуторах Деминском и Мартыновском Ново-Анненского района, в хуторе Ольховском Алексеевского района и даже в городе Урюпино; несколько раз он выступал со своими рассказами в клубе Деминской МТС. Наибольшей популярностью среди колхозников пользуется рассказ «Про Афоню лодыря», который, по словам Емельянова, был заимствован им из журнала «Северо-Кавказский хлебороб». Характерно, что при исполнении этого рассказа он рядится и гримируется. Рассказывание сопровождается мимикой, жестами и выразительной интонацией. Это типичный раек, традиции которого коренятся в широко бытовавшем среди донского казачества народном фарсе, имевшем зачастую острую социальную направленность. Не случайно, что Емельянов является вместе с тем и кукольником. В репертуаре Емельянова есть и собственные импровизации на злободневные темы. Так, например, им был сочинен «Рассказ о лодыре Котоврасовой», в котором он высмеял местную чрезвычайно ленившую колхозницу; другое произведение — дружеская шутка на бригадира тракторного отряда М. С. Халдая. Оба рассказа пользуются широкой популярностью среди колхозников. Жизненность района — явление типичное для современной деревни; характерно, что эта сатира всегда конкретна, ее острие направлено против тех местных людей, которые мешают или вредят колхозному строительству. Таков, например, один из сатирических сказов С. А. Игнатова (сторожа Заготзерно, ст. Букановской), в котором он изобличал бывшего директора пункта Заготзерно в расхищении колхозного хлеба. Примечательно, что когда спустя некоторое время директор был снят и отдан под суд, то это его разоблачение колхозники приписали сатире Игнатова, что значительно повысило авторитет рассказчика и популярность его творчества.

Наблюдения, сделанные экспедицией в колхозах Ново-Анненского района, подтверждаются и материалами, собранными в Подтепловском районе⁷. Изучая здесь фольклор колхозной станицы, экспедиция старалась выяснить, как влияет районный центр на политическую и культурную жизнь местных колхозов. С этой целью было проведено обследование культурных организаций станицы Слащевской, являющейся центром данного района. Экспедиция подробно ознакомилась с деятельностью районного Дома Культуры, приняла участие в организованном им семинаре избачей, съехавшихся сюда со всех станиц и хуторов района для методического инструктажа и обмена опытом работы. Знакомство с избачами дало четкое представление о колхозных культработниках. Экспедиция ознакомилась также с работой районной библиотеки. Большую роль в культурной жизни колхозов играет агитбригада Дома Культуры, систематически выезжающая в колхозы района. Она является одним из проводников в широкие массы колхозников советских песен и эстрадных

⁷ В Подтепловском районе фольклорным обследованием были охвачены районный центр — станица Слащевская, станица Букановская и близлежащие хутора: Андриановский, Митькин, Заготзерно, Заольховский и Заталовский и ст. Федосеевская с хуторами Филиты, Кузинеченский и Филинский. Во всех этих пунктах было произведено широкое изучение колхозного фольклора, за ограниченностью времени носившее рекогносцировочный характер.

частушек. Для ознакомления с работой агитбригады на местах экспедиция приняла участие в одной из ее поездок (на хутор Остроуховский).

К сожалению, многие важные мероприятия Дома Культуры носят эпизодический характер. Таково, например, положение с колхозной самодеятельностью, организуемой, как правило, в связи с областными смотрами колхозной самодеятельности, не закрепляемой, однако, дальнейшей систематической работой. Между тем на примере многих колхозных хоров можно видеть, какое оздоровляющее влияние оказывает самодеятельность на массовый колхозный репертуар. В этом отношении большой интерес представляет обследованный экспедицией колхозный хор в станице Слащевской, руководимый председателем колхоза им. Лагутина М. Ф. Князевым.

Помимо изучения песенного фольклора, являющегося и для Подтлковского района наиболее активным и массовым жанром, экспедицией было проведено изучение сказок и народного театра.

* * *

Подведем некоторые итоги: исследование фольклора колхозов Ново-Анненского и Подтлковского районов выявило огромный расцвет народного поэтического творчества в условиях социалистической деятельности. Новое, социалистическое отношение к труду, новаторство, стремление освоить лучшие достижения науки в области сельского хозяйства, так ярко проявляющиеся в передовых колхозных коллективах, создают ту атмосферу творческого подъема, которая не могла не отразиться на всех сторонах народной жизни, в частности, и на народном искусстве.

Процесс формирования и развития советского фольклора протекает особенно активно. По-новому ставится и разрешается проблема труда, что наиболее ярко выявляется в частушках и раешнике, остро и многосторонне отражающих колхозную действительность.

В формировании советского фольклора послевоенных лет большое место занимает поэтическое творчество, сложившееся в период Великой Отечественной войны, главным образом песня, обогатившая современный колхозный фольклор образами и идеями советского патриотизма. Эти произведения, родившиеся в горниле войны, отразившие лучшие качества советских людей, имеют, несомненно, и огромное воспитательное значение для колхозной молодежи. Характерно, что мотив инвалидности, имевший распространение на фронте, особенно в последние годы войны, в настоящее время почти не встречается. Для него нет почвы в колхозной действительности, так как даже наиболее пострадавшие в войне люди получили возможность активно участвовать в общественной и производственной жизни колхоза.

Огромный интерес представляет в настоящее время и проблема взаимоотношения литературы и фольклора. Эти взаимосвязи приобретают все более тесные и органические формы, что выражается прежде всего во все усиливающейся тенденции народных масс к самостоятельному творчеству, выходящему уже за пределы фольклора. Процесс этот в значительной мере обусловлен огромным влиянием современной художественной литературы. То ведущее место, которое занимает в фольклоре народа советская массовая песня, объясняется глубокой народностью советской литературы, которую народ воспринимает как выражение своих дум и чаяний.

Изучение современного фольклора остро ставит и проблему поэтического наследия. Как показало обследование, традиционный фольклор в наши дни — явление живое и творческое. Наблюдается процесс активного восприятия его народом, выражющийся в стремлении сохранить и по-новому осмыслить то лучшее, что в нем имеется. На процесс идей-

но-эстетического отбора произведений традиционного фольклора большее влияние в настоящее время оказывает и колхозная самодеятельность, лучшие руководители которой серьезно и вдумчиво подходят к вопросу репертуара своих хоровых коллективов, отбирая для них из поэтического богатства прошлого произведения наиболее полноценные в идейном и художественном отношении.

Примечателен и самый отбор традиционных песен, которые в условиях советской социалистической действительности, впервые раскрываются во всей своей глубине и становятся действительно массовыми народными песнями. Таковы прежде всего песни с образами народных героев — Разина, Ермака и др., песни о защите Родины и пр.

Огромная общественная и политическая значимость фольклора усиливается руководителями местных партийных и советских организаций. Они оказывают большое внимание работе районных домов культуры, деятельности изб-читален, вплотную занимаются репертуаром агитбригад и колхозных хоров.

Ответственная задача стоит и перед советскими фольклористами, которые не могут оставаться безучастными созерцателями народной жизни и искусства. Фольклорист должен активно включаться в борьбу за идейный и художественно полноценный фольклор. Наиболее эффективным средством, стимулирующим формирование и развитие советского фольклора, должна явиться самая широкая пропаганда его лучших образцов. Собранные экспедицией материалы должны быть не только предметом научного исследования, но и должны разрабатываться с точки зрения их возможной популяризации. На этих материалах могут быть построены прекрасные музыкально-литературные радиопередачи. И во время своих полевых изысканий фольклористы должны шире использовать местную сеть радиовещания, привлекая к участию в концертах местных, наиболее одаренных певцов-частушечников⁸.

Внимание к местному фольклору чрезвычайно существенно. Многие литературные произведения, оседая в народной среде, вступают в взаимодействие с местной фольклорной традицией. Это скрепивание новых и старых форм может быть чрезвычайно плодотворным. Оно несомненно внесет живую струю и в профессионально песенное искусство. Выявить и поддержать эту здоровую творческую тенденцию — одна из стоящих задач, в первую очередь стоящая перед фольклористами. Необходимо также составление массовых советских песенников, нужда в которых ощущается очень остро.

Монографическое изучение открывает широкие возможности для культурного шефства над избранными колхозами. Помимо проведения культурно-пропагандистской работы (чтения лекций, беседы), необходимы и некоторые организационные мероприятия, из которых существенное значение имеет помочь местным библиотекам, снабжение их по мере возможности художественной литературой, песенниками и т. п.

Все это в значительной мере поможет фольклористам стать проводниками советской художественной культуры в деревню.

⁸ В этом отношении имеется уже некоторый опыт. Так, в текущем году на основе двух фольклорных экспедиций в Стalingрадскую область (1947 и 1948 гг.) был сделан ряд радиопередач с трансляцией новых народных советских песен.

Л. Ф. МОНОГАРОВА

ЯЗГУЛЕМЦЫ ЗАПАДНОГО ПАМИРА

(По материалам 1947—1948 гг.)

Язгулемцы (самоназвание «згамик») принадлежат к восточной ветви иранской группы народов и говорят на особом диалекте, значительно отличающемся от таджикского языка. Они населяют живописную, узкую долину реки Язгулем (Юзdom), правого притока Пянджа (см. рис. 1).

Рис. 1. Общий вид долины Язгулема: кишлаки Андербак, Вышхарв, Будун

Этот в прошлом глухой и отсталый уголок бухарского эмирата за очень короткий промежуток времени — 15—20 лет советской власти — стал неузнаваем. Раньше только 2—3 месяца в году, когда открывались перевалы, язгулемцы могли общаться с внешним миром. «Все сообщение шло только по оврингам — искусственным сооружениям, иногда настолько опасным, что даже собака не могла пройти по ним и ее приходилось нести в корзине, за плечами. Особенно труден был переход между устьями рек Ванч и Бартанг. Долина реки Язгулем, расположенная между ними, была доступна всего 1—2 месяца в году и фактически изолирована»¹.

¹ Д. В. Наливкин, Памир — крыша мира, М., 1948, стр. 14.

Теперь, с 1937 г. Большой Памирский тракт имени Сталина связал долину Язгулема с центральными районами республики и столицей — Сталинабадом. «Большой Памирский тракт Сталинабад-Хорог — истине выдающееся достижение советского дорожного строительства. Он проходит над глубокими пропастями клокочущего Пянджа, среди узких тесин гранитных скал, через горные перевалы, достигающие 4000 метров над уровнем моря»². «Но и сейчас дорога вдоль Пянджа — един-

Рис. 2. Горная тропа и мост через Язгулем у кишлака Матраун

венная колесная дорога по Бадахшану. Стоит только свернуть с нее — и снова лепятся узенькие тропы, снова висят над бездной овринги и снова путь доступен одним бадахшанским таджикам, непревзойденным природным альпинистам»³. Точно так же от устья Язгулема, от тракта к верховьям реки нет колесной дороги, и движение — пешеходное по тропам и оврингам. Через быструю и бурную реку перекинуты мостики. (Рис. 2). До 1935 г. через реку переправлялись на бурдюках или турсуках зениц. Вверх по долине возможен только вьючный транспорт. Как вьючное животное очень удобен осел; лошадь может идти только до кишлака Джамак.

По административному делению долина Язгулема входит в сельсовет одноименного названия, составляющий часть Ванчского района Автономной Горно-Бадахшанской области Таджикской ССР.

Долина реки Язгулема не упоминается в письменных исторических источниках. Она лежала в стороне от центров крупных исторических событий. Жители долины находились под властью дарвазских шахов, которые ежегодно уводили людей в рабство, а с 1877 г. в результате завоевания горных бадахшанских районов эмиром бухарским язгулемцы попали под власть эмира. Вследствие ее изолированности и бедно-

² Д. В. Наливкин, Указ. работа, стр. 14.

³ Там же, стр. 15.

сти населения долина Язгулема ни для кого не представляла интереса. Мало была затронута эта территория в первые годы революции и борьбы с басмачеством. Когда банды басмачей шли на Хорог, население долины ушло в горы; басмачи разграбили запасы продовольствия. Язгулемцы активно помогали отрядам, боровшимся против басмачей: служили проводниками, помогали устраивать переправы. В 1924—1925 гг. басмаческие банды были окончательно разгромлены. Под руководством органов советской власти жители Язгулема начали переходить к новой организации хозяйства. ТОЗы были организованы в 1932 г.

Застрельщиками коллективизации в Язгулеме были Шомов Шодор и Надиров Насратшо. Старики из зажиточных семей запугивали дехкан «наказанием божьим» за обобществление земли. Наиболее злостных из них судили, а основная масса дехкан с 1936 г. стала переходить к новой форме артельного хозяйства. Организовались первые колхозы: им. Ворошилова, объединяющий кишлаки Матраун (Марсун) и Шоуд (Шававд); колхоз им. Буденного — кишлаки Будун (Бдун) и Хнеук (Хневкъ); им. Берия — кишлак Андербак; им. Коминтерна — кишлаки Вышхарв (Вашхарв) и Лянгар; им. Молотова, объединявший кишлаки Джамак (Жамакъ), Зайч, Джафак (Жафакъ), Богуз, Убагн (Багн) и Барнавадж. В 1944 г колхоз им. Молотова был разукрупнен и организован колхоз им. Жукова (кишлаки Зайч и Джафак), а в 1946 г. организован колхоз им. Комсомола, объединивший кишлаки Богуз, Убагн, Барнавадж. Всего в долине 7 колхозов, объединяющих (на 1 июля 1948 г.) 306 хозяйств.

Основой хозяйственной деятельности язгулемцев являются земледелие и скотоводство. В верхнем течении реки, где долина становится шире и имеются хорошие пастбища, колхозники держат больше скота, чем в нижнем течении. Узкая скалистая долина Язгулема отличается от других долин Западного Памира крайней земельной теснотой. Вследствие каменистой почвы террас в конусах выноса, на которых расположены кишлаки, поля поражают своими миниатюрными размерами. Дополнительно возделывают землю на склонах гор, там, где позволяет почва. Нижеследующая таблица дает представление о незначительных размерах пахотной площади в колхозах Язгулема.

Наименование колхоза	Всего земли (в га)	В том числе непригодной для пахоты (не считая занятой реками, ручьями, улицами, постройками)	Посевная площадь (в га)
Им. Берия	498,67	386	31
Им. Молотова и им. Жукова	889,02	776	59
Им. Комсомола	902,72	780	30
» Коминтерна	406,26	390	33
» Ворошилова	1312,86	1150	58
» Буденного	—	—	26

Применить на таких небольших полях, к тому же с каменистой почвой, сельскохозяйственные машины невозможно, поэтому обработка пашни производится старыми орудиями. Землю обрабатывают омачем спер, на рабочий конец которого надевают железный наконечник сноп. Пашут на паре быков. Ярмо ёг привязывается веревкой хоеч к дышлу плуга фыльвез. Пахарь держит ручку плуга мухтук и, помогая быкам, приподнимает плуг, если на пути попадаются камни. Уже заранее орошенное поле пропахивают на быках один-два раза, еще раз орошают, удобряют и снова пропахивают.

Вода подается в поля и сады по арыкам, в которые она попадает ключа, бьющего в горе. Удобряют поле коровьим навозом, бахчи навозом мелкого рогатого скота. В марте разносят навоз по полям

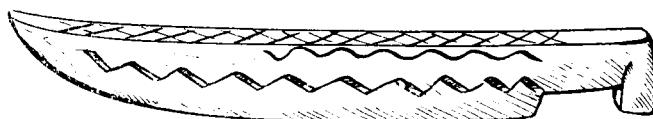

Рис. 3. Женское деревянное орудие для молотьбы — чеккер (колхоз им. Берия)

В апреле пропахивают землю. После пропашки часто рыхлят ее кменями *кулян*. Борону заменяет *чапар* — плетенка из сучьев. Сев производят в конце апреля — начале мая. Сеют вручную. По старинной обычаяу первым начинает сев *шогуни* — старик, пользующийся особой авторитетом среди дехкан.

Рис. 4. Корзина *собат* для переноса груза на спине (кишлак Айдербак, колхоз им. Берия)

В Язгулеме вызревают пшеница *жу*, ячмень *куск*, просо *харбан*, лен *згира* и бобовые. Жать пшеницу начинают в конце июля — начале августа. Жнут мужчины серпами *зац*, причем на левую руку надевают рукавицу *сабат*, сшитую из меха или плотной материи, чтобы предохранить руку от укола. В последнее время на жатву стали выходить и женщины.

Молотьба начинается в конце августа. В Язгулеме применяется спо-

соб молотьбы, называемый *галь-гоу*, т. е. молотьба быками. На току *пигак* несколько быков ходят по кругу так, что находящийся в центре бык топчется почти на одном месте⁴. Женщины обмолачивают зерно вручную деревянным орудием *чекекер* (рис. 3). Мужчины веют зерно лопатой — *рыбаг*. Женщины просеивают зерно через решета *гальбир* и *скуач*, а мужчины относят его в общественный амбар.

Груз переносят на спине, в плетеных корзинах *собат* (см. рис. 4) или привязывают его на спину веревкой *выхт*, продернутой через деревянное приспособление *чухт*. Веревка проходит плечи и укрепляется на пояссе (рис. 5). В верхних кишлаках, начиная от Джамака, применяют специальные доски для переноса груза, главным образом снопов, называемые *кихт*. В кишлаках, расположенных в нижнем течении реки, кихт не употребляют, считая их неудобными. Такие доски для переноса снопов встречаются и в других районах Припамирья. Женщины в корзинах носят солому. Из сказанного видно, что, хотя женщины участвуют в работе колхоза наравне с мужчинами, все же еще сохраняется деление работы на специально мужскую и женскую.

Бригады в колхозах смешанные — мужчины и женщины работают вместе. В колхозе им. Берия (кишлак Андербак) распределение колхозников по двум бригадам соответствует в основном делению кишлака на две части — нижнюю *вобат*, где живут члены кауна Мирбони, и верхнюю *турат*, где расположены усадьбы членов кауна Холумбеги (см. рис. 6 — план кишлака Андербак).

Проникновение социалистической культуры, новая организация труда под непосредственным руководством членов партии, которым помогают комсомольцы, изменяют отношение дехкан к труду, повышают его производительность, а вместе с тем и благосостояние колхозников. Благодаря советской агротехнике внедряются новые земледельческие культуры: с 1938 г. в Язгулеме освоена культура овощей — капусты, картофеля. Последний прочно вошел в состав питания язгулемцев. Женщины-язгулемки освоили уход за новыми огородными культурами, некоторые из них достигли больших успехов в этом деле, как, например, бригадир овощной бригады колхоза им. Буденного, Ризоева Худобегим — лучшая стахановка, избранная депутатом областного Совета.

Кроме новых огородных культур, бахчеводства и полеводства, язгулемцы разводят сады, состоящие в основном из урюковых и тутовых деревьев. С 1929 г. занимаются разведением шелковичных червей. Коняны сдают государству, получая за это деньги и шелковые ткани. Для ухода за червями колхоз раздает их каждому хозяйству. Свежие и сушеные фрукты, особенно урюк и тут, занимают значительное место в питании язгулемцев.

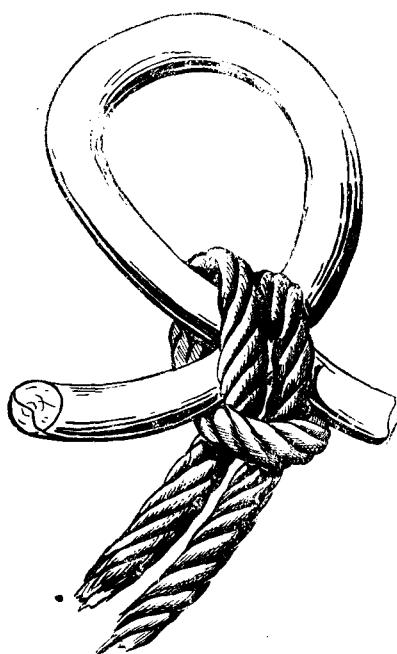
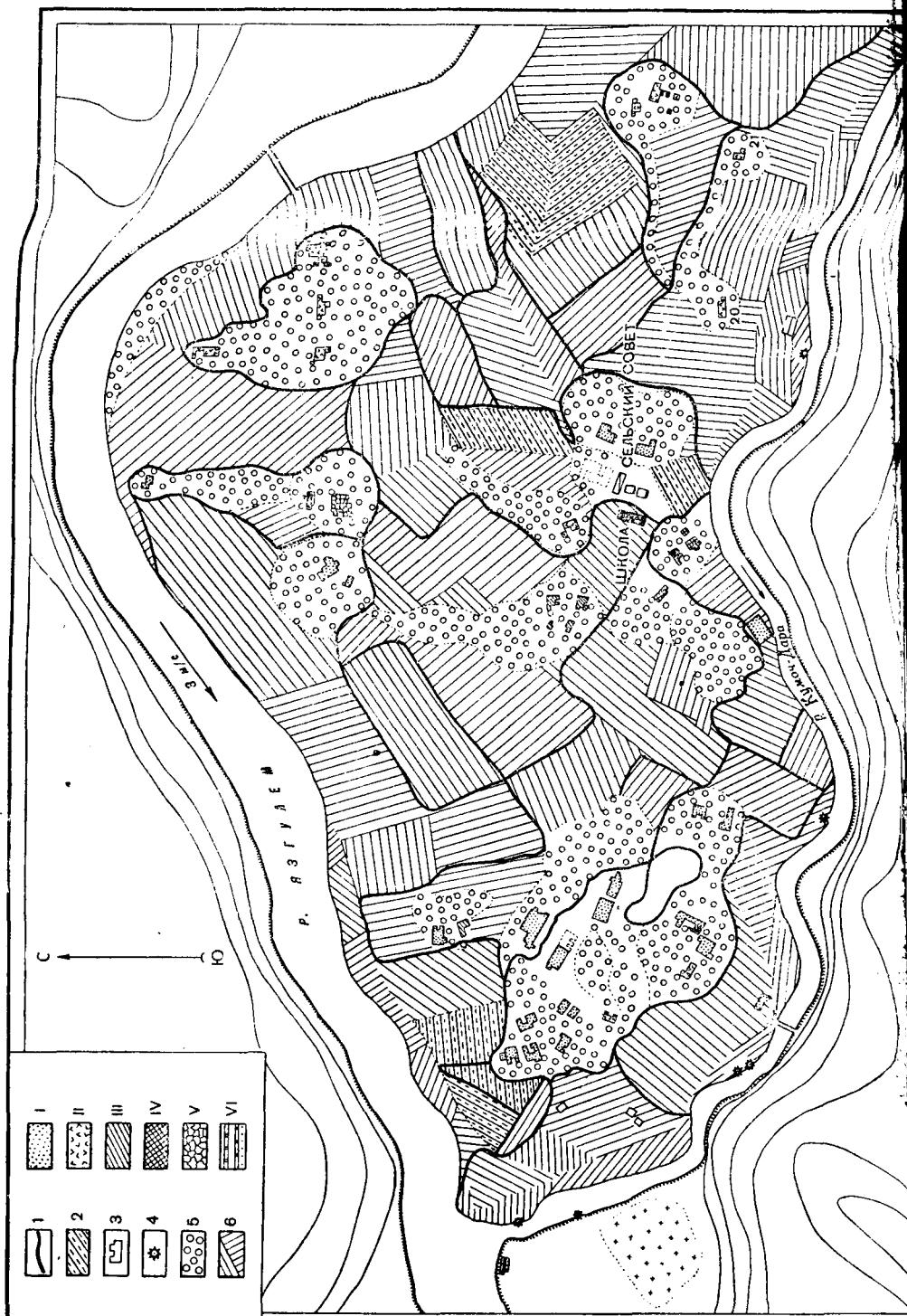

Рис. 5. Деревянное приспособление *чухт* для переноса груза на спине

⁴ См. Н. А. Кисляков, Старинные приемы земледельческой техники у таджиков бассейна р. Хингу, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 123.

Животноводство является второй по значению, после земледелия, отраслью хозяйства. В Язгулеме животноводство высокогорного типа, с вертикальными перекочевками. Овец *май* и коз *ваз* выгоняют в апреле на выпас в Даشت, в долину Пянджа. В мае, когда становится жарко, скот перегоняют в горы Санги гарм. В июле скот спускается ниже, в Виндор, в августе — еще ниже, в Хваун, в конце сентября — в Андераск, в октябре — в Узувдук и только в ноябре его пригоняют в свой кишлак. Раньше, по обычаю, мужчины в течение семи дней после выгона скота не могли посещать летовку *иль*, где жили только женщины. «Иначе волки нападут или болезнь поразит скот», — считали язгулемцы. Только после посещения шогуни, уважаемого старца, который приносил женщинам муку, тут и другие продукты, запрет посещения летовки мужчинами снимался. В настоящее время этого стариинного обычая не придерживаются, и на летовки с колхозным скотом выходит одинаковое число мужчин и женщин, которым помогают подростки. Так, в колхозе им. Берия на летовках, расположенных по притоку Язгулема Кумоч-Дара, работает пять мужчин, перегоняющих и охраняющих скот, и пять женщин (обычно их жен), ухаживающих за скотом и приготовляющих молочные продукты, которые затем сдаются государству. Зимует скот в общественных хлевах; кормят его соломой и заготовленным сеном.

Колхозные семьи, имеющие личный скот, объединяются между собой и поручают пасти скот одной из женщин, которая выгоняет его на летовку и там изготавливает для всех молочные продукты. Сын или муж этой женщины помогают ей охранять скот.

Пастбища, куда выгоняется личный скот колхозников, используются определенным кауном, члены которого сообща пасут там скот. Так, в колхозе им. Берия жители вобат (каун Мирбони) пользуются выпасами для личного скота на летовке Хваун, вверх по Кумоч-Дара, расположенной на высоте около 3000 м над уровнем моря, а члены кауна Холумбеки, живущие в тураг, пользуются выпасами для личного скота в районе фермы, где пасется и колхозный скот. Выгоняя на летовку личный скот, колхозники придерживаются старых обычаяев. Приводят скот в дом женщины, идущей на летовку, поздно ночью, чтобы никто не встретился по дороге и не видел скота. Рано утром эта женщина уводит скот, также стараясь не быть кем-либо встреченной. Скоту до сих пор ставят красной краской метку на лбу между рогами, хотя значение этого обычая забыто. Загоны для скота на летовке сделаны из камня сухой кладки, как и жилые дома на летовке, которые имеют несколько упрощенный внутренний план по сравнению с домами в кишлаке и, вероятно, представляют собой пережиток древнего типа жилища Западного Памира.

Возвращаясь осенью в кишлак, женщина, приготовляющая молочные продукты на летовке, раздает хозяевам соответственно численности их скота масло, крут, кислое молоко, сыр. Колхозники (таких в колхозе им. Берия 10 человек), пасущие на летовке личный скот своих родственников и соседей (из расчета один человек от 5—7 хозяйств), не получают за эту работу трудодней в колхозе, а каждое хозяйство оплачивает их труд натурой — тутом и урюком.

До настоящего времени сохраняют свое значение женские молочные артели, описанные Е. М. Пещеревой⁵. В настоящее время женщины, имеющие личный скот, объединяются по 8—10 человек и составляют *наубат*: они все поочередно сливают одной из хозяек молоко, что дает возможность ей сразу приготовить молочные продукты на зиму.

⁵ Е. М. Пещерева, Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычай (в книге: М. С. Андреев, По Таджикистану, вып. 1, Ташкент, 1927).

Из других занятий следует отметить охоту, продукция которой играет большую роль в питании семьи. Охотятся в основном на горного козла, мясо которого очень вкусно, а кожа и рога идут на различные поделки. Летом охотятся в одиночку, часто из-за каменной засады. В зимнее время, когда основная масса колхозников свободны от работы, организуют облавную охоту кабыльгыз. Охотятся на лис, барсов, волков. Для удобства ходьбы по снегу язгулемцы делают из рога горного козла ступательные лыжи *ват* с железными шипами (рис. 7). Встречаются и железные ваты, имеющие круглую форму.

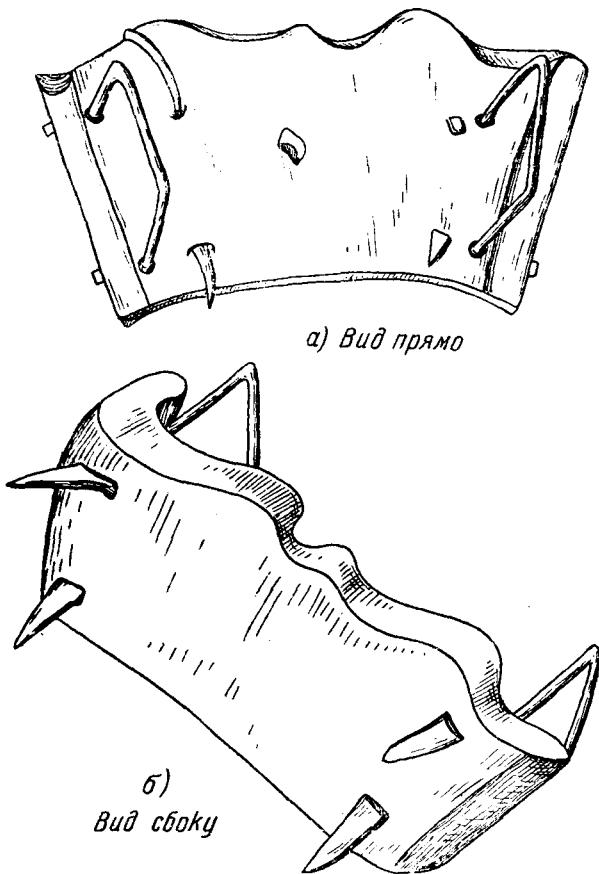

Рис. 7. Ступательные лыжи *ват* из рога горного козла

Охотник всегда имеет при себе специальный пояс со всеми нужными ему принадлежностями — *камар* (рис. 8). По случаю удачной охоты колхозники устраивают общественное угощение, так как по обычаям охотник должен поделиться мясом с каждым, кто в нем нуждается.

Бюджет семьи складывается из продуктов, получаемых на трудовых дни, а также из урожая зерна, снимаемого с приусадебного участка. Некоторые виды ремесла (ткацкое, плотницкое, кузнечное) направляются в основном на удовлетворение собственных потребностей язгулемцев. Женщины занимаются изготовлением вязанных из цветной шерсти длинных чулок *джеруб*, идущих на обмен и в продажу. Раньше на них вышивали краску, соль, украшения, хлопок-сырец. Теперь джерубы большей частью продают, а на вырученные деньги покупают в магазинах.

(их в Язгулеме два — в Андербаке и Джамаке) соль, мыло, чай и другие предметы домашнего обихода.

До революции своего хлеба никогда нехватало и дело доходило часто до того, что язгулемцам приходилось весной питаться травой.

Рис. 8. Охотничий пояс *камар* (собственность колхозника Ходжа Назара, киплак Богут): 1 — деревянная мерка для пороха чиньк; 2 — кожаный кошелек *камар ботзи*, где хранят шило, нитки для починки одежды и обуви; 3 — кожаный футляр для ножа *на аньк*; 4 — железная коробка для трута и кремня *штрак*; 5 — кожаный мешочек для пуль *тиррон*; 6 — сосуд из рога для масла, которым чистят ружье, *рогн зан*; 7 — сосуд из рога для пороха *чардон*; 8 — сосуд из рога для лекарств *хохак*; 9 — кожаный мешочек для пороха *кти*

многие умирали от голода и истощения. В настоящее время советское правительство приходит им на помощь, и, если весной запасы продуктов истощаются, государство субсидирует население пшеницей. Это наглядно показывает огромную заботу партии и правительства в отношении мелких народностей и этнических групп Советского Союза.

Рост социалистического сознания сопровождается изменением быта населения. Уходят в прошлое пережитки первобытно-общинного строя. Прежде большая патриархальная семья жила в большом доме *куд* на усадьбе старого типа (см. рис. 9). Старые дома построены почти так же, как и современные, — из камня, сцементированного глиной или из

прямоугольных сырцовых кирпичей размером 30×40 см. У основания стены толще, чем наверху и поэтому дом внешне имеет несколько трапециевидную форму. Крыша плоская, поддерживается деревянным касом — столбами *стан* и перекладинами. У старых домов потолок *хона* ступенчатой формы, свойственной всему Западному Припамирию

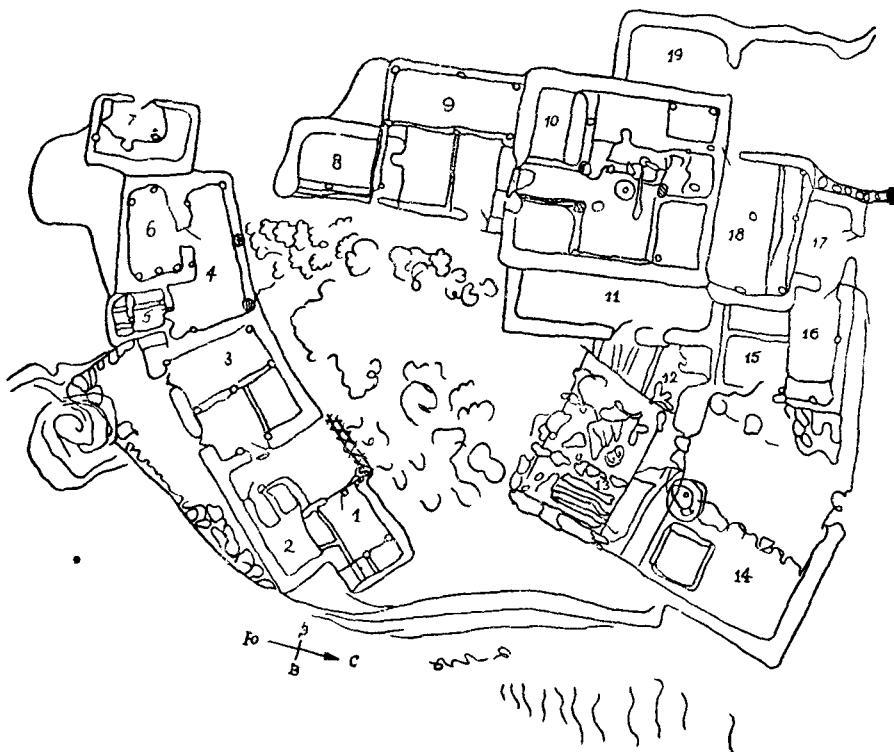

Рис. 9 (В. Ворониной и автора). План усадьбы Махмадулло Бека Кыргызова (каун Толиб кишлак Джамак, колхоз им. Молотова): 1, 5, 6 — кладовые губ; 2 — аджр, или *хуш-ха*, — помещение для гостей; 3 — *кордоги* — легнее помещение (в аджра и чордога жив Махмадулло Бек со своей второй женой и пятью детьми); 4, 8 — *дализ* — терраса, открытая с одной стороны; 7 — *алоу-га*, или *от-хона* — кухня; 8 — *дарго* — сени при входе в большой дом; здесь семья зачастую живет осенью и весной; 10 — *куд* — старый большой дом, где живет Абдурахман, сын Махмадулло, с семьей детьми; 11 — *хуона* — дом для гостей, здесь живет сын Махмадулло Абукарим с двумя детьми; 12—14 — *декун* (*декин*) — глинобитные возвышения для отдыха и приема гостей летнее время; 15 — *ахуер* — конюшня; 16, 18, 19 — *ргут* — хлев для мелкого скота; 17 — *хаз* — хлев для коров

это позволило строить дома для больших семей, так как такой способ устройства потолка дает возможность стенам выдержать тяжесть кровли состоящей из балок, камней, хвороста и глиняной обмазки. В крыше оставлено отверстие *руджон*, служащее для выхода дыма и освещения жилища. Вдоль трех стен располагаются глинобитные высокие нары *ражь*, разделенные также глинобитными валиками на несколько отдельных, где спят, готовят пищу, принимают гостей. На левом или правом *ражь* находится очаг *сын*. Около очага стоит утварь, в основном деревянная или сделанная из тыквы. Очень редко встречаются глиняные сосуды *гулюк*, привезенные из Дарваза, так как в Язгулеме глины для выделки посуды нет. В настоящее время все больше входит в быт металлическая посуда, завозимая в Язгулемские магазины из Хорога-Сталиабада. В стенах дома сделаны ниши для чайной посуды. По центру дома глинобитные *ражь* разделены проходом *пайга*. Здесь,

раж'а, находящегося против двери, сделаны кормушки для скота. Зимой в дом брали мелкий рогатый скот и птицу, для которых имелись специальные помещения подражь по обе стороны двери. Жилые и хозяйствственные постройки в основном обращены дверьми во внутренний двор, так что с улицы видны лишь глухие стены, образующие замкнутый прямоугольник. Кладовые примыкают к дому, но иногда такая кладовая помешается на крыше конюшни или хлева.

Отдельные части жилища украшаются. В дализах — пристройках к дому, открытых с одной стороны стены, расписывают красками. Рисунки состоят из концентрических кругов или прямоугольников. Иногда рисуют животных, птиц и т. д. (см. рис. 10).

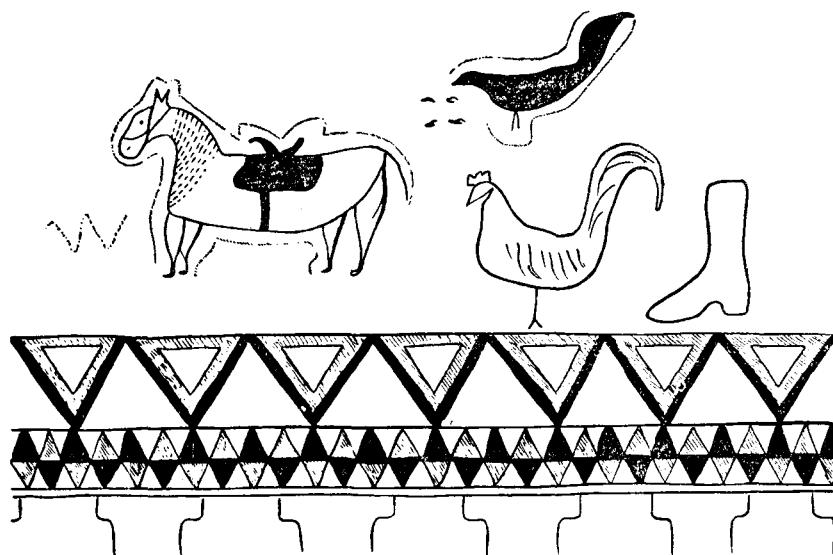

Рис. 10. Разрисовка стены в дализе (дом Меримаста Джонакова, каун Мирбони, кишлак Андербак)

В домах всегда имеется три или четыре центральных столба, которые поддерживают весь деревянный каркас. Такой столб, называемый ша-стан, имеет вид колонны, верхняя часть которой орнаментирована. Особенно красиво орнаментируют ша-станы, находящиеся в дализах (рис. 11). Старые дома имеют пристройку дарго, играющую роль сеней. Здесь часто семья жила летом и осенью. В доме куд живут только зимой, в хуш-хона — летом, хотя ее прямое назначение — служить помещением для гостей.

Элементы социалистической культуры перенимаются населением очень быстро. Школы в кишлаках (рис. 12) строят с застекленными окнами, отапливают их железными печами (рис. 12). Колхозники привнесли много нового и в свои жилища (см. рис. 13). По-новому строят хуш-хона: более тщательно обмазывают стены внутри, делают одно или два наглухо застекленных окна, подоконники которых используются для хранения чайной посуды, выполняя значение ниш в стенах, обычных для старых домов. Глинобитныеражьчасто заменяются деревянными наподобие деревянной кровати мунджа. Часто такую комнату отапливают железной печкой. Вместо лучин и сальных светильников в быт колхозника теперь вошла керосиновая лампа.

Влияние социалистической городской культуры сказывается и в одежде. Если в 1947 г. еще можно было встретить горизонтальный ткацкий стан чах и одежду, почти исключительно сшитую из местной

хлопчатобумажной ткани *карбоз*, то в настоящее время имеющиеся кишлаках магазины в достаточном количестве снабжают населен тканями фабричного производства.

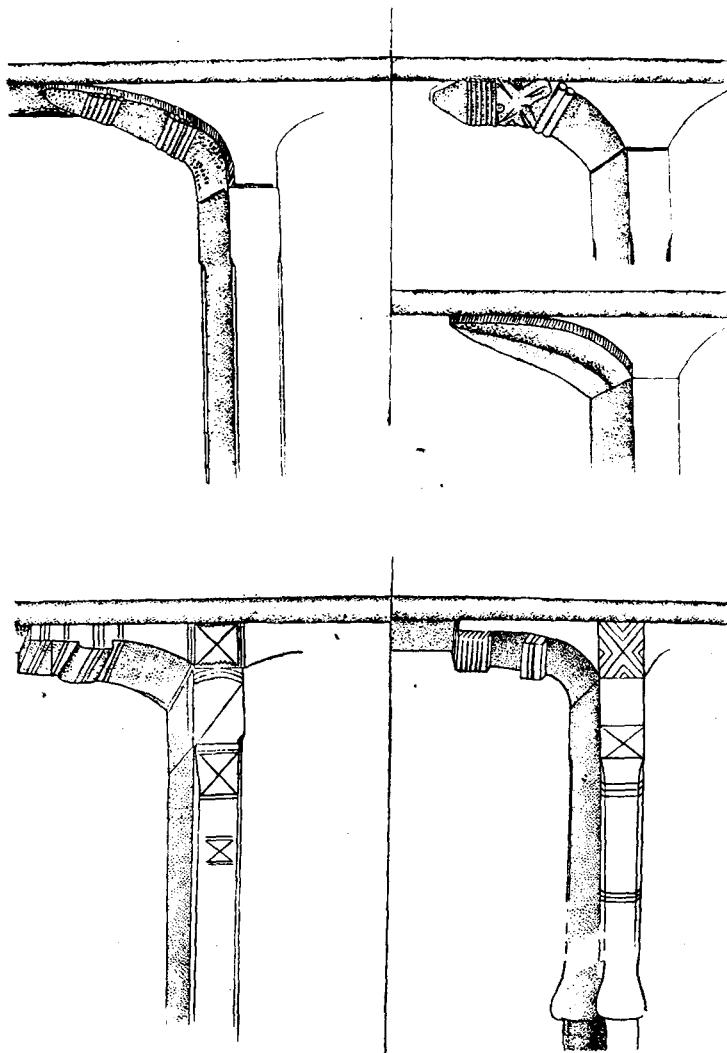

Рис. 11. Орнаментированные деревянные столбы *ша-стан* в далаизах

Национальная одежда мужчин, женщин, детей имеет одинаковый туникообразный покрой. Женщины шьют одежду из покупных тканей ручным способом. Мужская рубаха *халифа каут* состоит из основной полотнища *кад*, переброшенного через спину и грудь, в котором прорезан отверстие для головы. К основному полотнищу пришиваются боковые, расширяющиеся книзу в виде клиньев *трехц*, и рукава зондаживающиеся к кисти руки. Ворот имеет сбоку — слева или справа — разрез. Женская рубаха *оврати каут* отличается от мужской своей длиной и воротом, который разрезан посередине; разрез обшил другой материей и украшен вышивкой *нахи*, сделанной в виде буквы *х* цветными нитками. Женские штаны *тымбон* отличаются от мужских тем, что они длиннее и зондаживаются к щиколотке; носят их с напуском.

Рис. 12. Новая школа в кишлаке Андербак. Медицинская сестра приглашает школьницу на осмотр

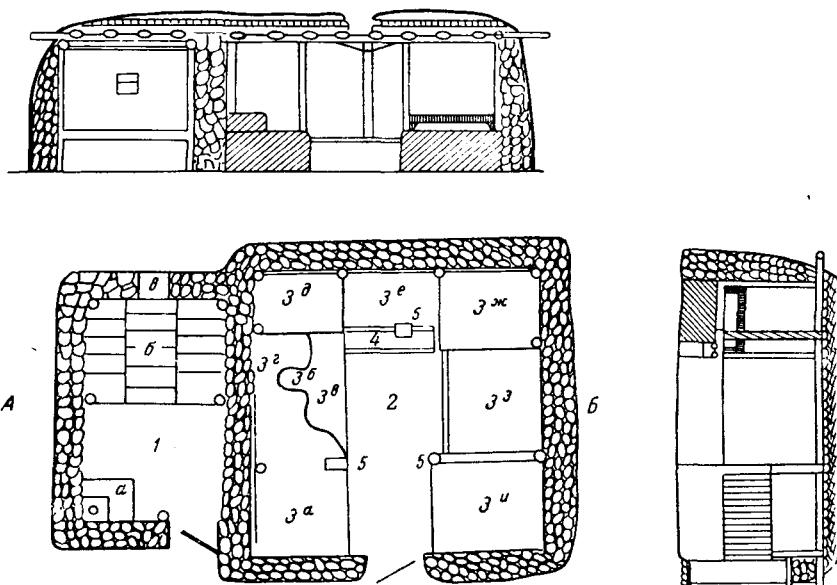
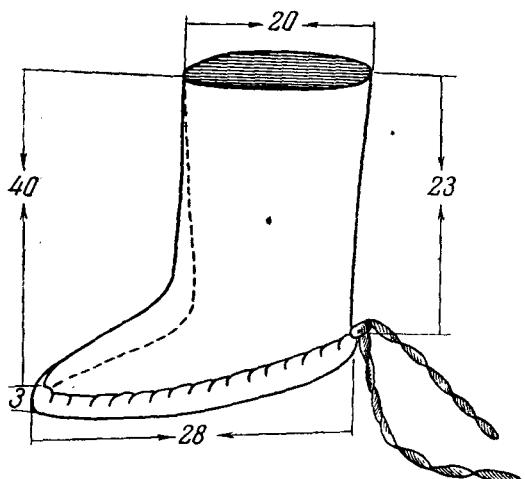

Рис. 13. План и разрезы дома колхозника Ходжа Назара (каун Баджили, кишлак Богуз, колхоз им. Комсомола): А — новая пристройка *хуш-хона*: а — железная печь *печка*; б — деревянные нары для сиденья наподобие деревянной кровати; в — окно *ойна*: Б — старый дом *куд*: 2 — *пайга* (коридор); 3 — глинобитные нары *разж*, разгороженные глинобитными валиками на отделения: 3а — *бстыр*, где хранится утварь; 3б — сын (очаг), 3в — *предисын* (место перед очагом, где ставят утварь и готовят пищу). 3г — *паккесын* (место за очагом, где спит глава семьи или, чаще, старуха-мать). 3д — *зача-разж* (место, где происходят роды), 3е — *перберидвурражь* (место на разж против двери, здесь хранят дрова, иногда утварь, ставят ткацкий станок). 3ж — *хахын* (место, где спят молодожены). 3з — *чорсеге* (место на разж, где спят члены семьи главы); 3и — *пакхакын* (место для спанья других членов семьи); 4 — *ванур* — кормушка для скота; 5 — три центральных деревянных столба *ша-стан*

Летом большей частью ходят босиком. Отправляясь в путь, надеваю высокие шерстяные, богато орнаментированные чулки *джеруб*, мягкие кожаные сапоги *там* (рис. 14), а зимой *кафх* — выдолбленные из целого куска дерева туфли на трех каблуках для удобства ходьбы по скользким скалам. На голове мужчины обычно носят тюбетейки. Женщины заплетают волосы в две косы, вплетая искусственные косы украшенные кисточками кальбицт, на голове они носят платок циль размером 2×1 м.

Мужчины поверх рубахи носят летом распашной халат *ктай*, зимой — ватный хачат и распашную овчинную шубу *вырбыт* халатообразного покроя. В последнее время мужчины отдают предпочтение одежде военного образца. Многие носят фуражки. В национальную одежду вносят новые элементы. Так, очень часто к рубахе туникообразного покроя пришивают отложной воротник и разрез делают посередине. Если раньше карманы с успехом замения широкий пояс-платок *лянги*, то теперь к рубахе часто пришивают большой карман из другой материи.

а. Шов сзади

б. Шов спереди

Рис. 14. Мягкие сапоги *там* из кожи горного козла

разцу. Это является для него подспорьем к его основному заработка, получаемому в колхозе по трудодням. Твердой оплаты за портняжную работу он не назначает и довольствуется тем, что ему могут заплатить заказчики.

* * *

С 1877 г., т. е. после включения Дарваза в состав Бухарского эмирата, Дарвазом управлял калаи-хумбский наместник, дарвазский бек. Ему был подотчетен правитель Язгулеме *мир*, которого назначал бек после того, как получал от кандидата на эту должность соответствующий подарок.

В Язгулеме было три арбобства (старостатства). Староста *арбоб* назначался на 1—2 года язгулемским миром после совещания с главами больших семей. Мир назначал *мироба* — «хозяина воды», следившего за ее распределением между отдельными хозяйствами, а также *тунчи-боши* — должностное лицо, на обязанности которого лежала ответственность за состояние дорог и арыков и наблюдение за очередностью отбывания строительной повинности. Судебными делами ведал *кози* — один на весь Язгулем. Все дела кишлачной общине решались

на собрании *машварат* (или *маслихат*), где право решающего голоса имели главы больших семей.

Все население долин Язгулема, в настоящее время разделяется на ряд *каунов* (к,авн) — объединений родственников. Можно предполагать, что каун представляет собой пережиток патронимии, так как члены каждого кауна считаются родственниками, ведут происхождение от общего памятного всем предка, до некоторой степени сохраняют хозяйственную общность. Кауны представляют собой как бы группу больших семей, произошедших в результате сегментации одной большой семьи. Старики хорошо помнят генеалогию своих каунов. По преданию долина Язгулема сперва была заселена выходцами из кишлака Ясколун в Каратегине, которые составили факирские кауны — «простой народ» (Толиби, Холумбеки, Нурмахмади и т. д., числом до 28 каунов). Позднее из афганского Бадахшана, с левого побережья Пянджа, пришли мирские кауны (Мирбони, Замони, Давлят Мохмади), составившие привилегированную прослойку населения, из среды которой назначались управлявшие Язгулемом миры. Они захватили часть земель у факирских каунов и заставляли членов последних работать на себя за ничтожную плату натурой.

Налоги, которые население платило бухарским властям, неравномерно распределялись между каунами. Мирские кауны были совсем освобождены от зякята — налога на скот; они платили только $\frac{1}{10}$ урожая зерна (из 10 паймона 1 паймона = 3 пудам) мишрофу — агенту дарвазского бека, приезжавшему из Дарваза. Факирские кауны платили, кроме $\frac{1}{10}$ части урожая и зякята, по 1 голове мелкого скота с каждого дома (большой семьи) и по 1 корове с каждого арбобства. Налоги уплачивались исключительно натурой. Жители верхних кишлаков сдавали беку золотой песок, который добывали в реке.

Освоение язгулемской долины проходило постепенно и связано с общими миграциями населения в Бадахшане. Ряд каунов пришли в Язгулем из Рушана с Бартанга; это — факирские кауны Шомахмади и Кушкори. Раньше в верховьях Язгулема в кишлаке Джрафак жили члены кауна Маргови, пришедшие из Шугнана (каун исчез недавно, так как последний Маргови не имел сыновей). В нижнем Язгулеме живут члены кауна Хиоли, переселившиеся из Ванча, и кауна Худжо — из Вахио.

В настоящее время сохраняется деление долины Язгулема на две части: верхнюю — *быргын* и нижнюю — *пойтыхта*. В этих частях долины живут члены разных каунов, имеются некоторые отличия в произношении ряда слов и в хозяйстве (живущие в быргын не разводят урюка и тута, до недавнего времени не знали лошадей). Повидимому, такое деление долины не случайно. В настоящее время каждый кишлак в Язгулеме также делится на две части: верхнюю — турат и нижнюю — вобат. Такое деление кишлаков прослеживается по всему Западному Памиру, в Рушане и Шугнане. Можно предполагать, что в этом делении сказываются следы исчезнувшей дуальной организации. Взаимоотношения этих частей кишлака очень интересны. Каждую часть населяет один определенный каун или несколько определенных каунов (см. рис. 6 — план кишлака Андербак). Части кишлака в свою очередь делятся на ряд кварталов (обычно на четное число). Так в кишлаке Андербак вобат, населенный кауном мирбони, имеет особый квартал *кала*, где также живут члены этого кауна, а турат заселен членами кауна Холумбеки; здесь выделен квартал Шарингят, где живут члены каунов Турк и Шуляк. Раньше кварталы были заняты усадьбами больших патриархальных семей. В настоящее время на одной усадьбе живут две-три малые семьи, получившиеся в результате раздела большой семейной общины, или одна большая, еще не разделившаяся семья.

Хозяйственная общность кауна определялась тем, что вся земля счи-

тальство собственностью всего кауна. При этом пастищные угодья находились в общем пользовании всех его членов и не делились между большими семьями. И в настоящее время, как сказано выше, каждый каун сообща пользуется летовками. Пахотная земля делилась между большими семьями и переходила по наследству от отца к сыну, а если сыновей не было, то к дочери. Если же данная семья совсем не имела детей, то землей после смерти хозяев распоряжался глава кауна. Большая патриархальная семья имела до 125 такья (тюбетеек) земли⁶. Богатые семьи, принадлежавшие преимущественно к мирским каунам, имели до 300 такья, а бедные, «простой народ», факиры, в основном — до 50 такья и меньше. В случае если весь каун вымирает (что случалось редко), землей распоряжался дарвазский бек, который продавал землю: участок, на котором можно было высевять 2 пуда зерна, стоил одну лошадь.

Единство кауна выражалось далее в том, что все подчинялись воле старшего в кауне, без совета с которым почти ничего не предпринималось. Сейчас он прежней роли не играет, хотя к его советам все еще прислушиваются. В похоронном обряде он до сих пор играет значительную роль. Так, на его обязанности лежит опускание в могилу умершего мужчины.

В каждом квартале кишлака имеется своя мечеть, которая, помимо культового назначения, играет роль своеобразного мужского клуба. И до сих пор еще в мечети после молитв стариков, особенно в зимнее время, собираются молодые мужчины, обсуждают дела, веселятся, играя на струнных инструментах, слушают пение. Каждый по-очереди приносит дрова для очага, огонь в котором поддерживается постоянно беспрерывно. Женщины приносят еду своим мужьям и братьям, и последние устраивают общее угощение. В зимнее время помещение мечети зачастую используется и для отдыха гостей.

Деление кишлаков на вобат и турат находит отражение в целом ряде обычаяев. В случае какого-либо семейного торжества жители квартала, где обитает виновник торжества, являются на праздник без специального приглашения, тогда как члены других каунов должны его получить. То же имеет место и на похоронах. На праздниках — тут организуют различные игры, и борьбу, которую начинают мальчики 10—12 лет, а после них в борьбу вступают юноши и мужчины. На свадьбе, если девушку берут из вобат, то ее родные и знакомые живущие там же, устраивают шуточное избиение живущих в турате родственников и друзей жениха, присутствующих на свадебном пире. Представители обеих сторон бросают друг в друга *китак* — камни, обернутые в тряпки, а зимой снежки. То же происходит, когда невесту берут из другого кишлака. На празднике ит по окончании рузы жители турат приходят группами в вобат играть в *тухм* (яйца).

Территориальное единство кауна в Язгулеме вследствие недостатка пахотной земли сохранить было трудно. При разрастании патроном части больших семей должна была выселяться в верховьях реки, оставляя земли, — особенно мирские кауны, которые, кроме земли, искали рабочих рук для обработки своих земельных угодий.

Чиновники бухарского эмира в свое время искусственно задерживали разложение больших семей, так как им выгодно было брать налоги с большого хозяйства. Глава семьи распоряжался всем хозяйством, и его слушались беспрекословно. Он представлял семью на собраниях мешварат, играл главную роль в распоряжении доходов.

⁶ Величина участка измерялась не его площадью, а количеством зерна, которое можно было на нем высевать.

семьи, при заключении браков, руководил работой мужской части семьи. Среди женщин старшей считалась жена главы семьи. Таковым не всегда был старший по возрасту среди братьев, живущих вместе, а наиболее инициативный и авторитетный из них. Семья жила в большом доме куд, где каждая малая семья имела свое определенное место: у очага обычно спали старики, отец и мать, на *зача-разжь* — молодая мать, недавно родившая ребенка, на *хахыне* — молодожены, на *чорсега* — тот из сыновей, который должен быть занять место главы семьи, на *пашахыне* — другой брат с семьей.

Разделы семьи начались еще до установления советской власти, так как рост частной собственности взрывал большую патриархальную семью. Младший брат всегда получал дом куд и малую, приусадебную землю, старший брат — большую землю *шишток* и небольшой дом. Хозяйственные постройки делили поровну. После перехода к новому типу хозяйства, основанному на социалистических началах, процесс разложения больших семей быстро подвинулся. При разделе имущества в настоящее время все, начиная от скота и кончая утварью, делят поровну между братьями. Дом, по обычаю, остается за самым младшим. Отец и мать живут с тем сыном, с которым захотят.

Женщина-горянка была несравненно свободнее женщин других районов Средней Азии. Она никогда не закрывала лица; в старину обычай кровной мести *касос* обязывал мстить за убитую женщину, как за мужчину; в более позднее время выкуп *хун* за мужчину и за женщину был одинаков. Однако в семье женщина была подчинена воле отца и мужа и не имела права голоса на собраниях.

В настоящее время женщины работают в колхозе наравне с мужчинами. Имена женщин — лучших стахановок — известны всему Язгулему. Это — Матальгива Дамдорбеким (каун Холумбеки, колхоз им. Берия), звеньевая Гарипова Озадамо и звеньевая-комсомолка Давлятова Назрибуби (колхоз им. Молотова), Гадоева Озадамо (колхоз им. Жукова) и многие другие. Женщины принимают активное участие в общественной жизни колхоза. Они присутствуют на собраниях, к их голосу прислушиваются. Однако держатся они на собраниях отдельно от мужчин, усаживаясь по левую сторону от председателя.

Женщина-колхозница — полная хозяйка в своей семье. После работы в колхозе⁷ женщина принимается за домашние дела: готовит еду, стирает, шьет и т. д. У мужчин также много домашних дел: надо заготовить сено для скота, дрова, починить обувь всем членам семьи, построить новый амбар, хлев и т. п. С изменением общественного положения изменилось и семейное положение женщины. Вступая в брак в большинстве случаев по взаимной склонности, молодые люди строят крепкую, дружную семью.

В Язгулеме семья большей частью состоит из 7—8 человек. Однако как пережиток бытования больших патриархальных семей можно отметить наличие семей, насчитывающих до 16—20 человек, живущих одним хозяйством. Такова, например, семья Махмадулло Бека Кыргызова (каун Толиби), состоящая из 20 человек, живущих в одной усадьбе⁸, или семья Шукурова Рахматулло (каун Толиби, кишлак Джамак, колхоз им. Молотова). Сам Рахматулло — работник райисполкома. С ним вместе, одним хозяйством, живут шесть братьев, четверо из них женаты и имеют детей. Рахматулло, старший в семье, распоряжается работой братьев. Денежные доходы и трудодни, за-

⁷ Работа начинается с 6 часов утра и продолжается до 12 часов; во время сильной жары, с 12 до 4 ч.— перерыв, затем опять работают до наступления темноты.

⁸ До 1944 г., когда отделился один из сыновей со своей семьей, их было 27 человек.

ботанные в колхозе всеми членами семьи, идут в общий котел. Один из братьев — Мирджен получил педагогическое образование и работает директором школы. Другой брат — Науруз работает в Памирской экспедиции. Халифа — бригадир в колхозе, юноши Амрихудо (18 л.) и Шаша (16 л.) также состоят в колхозе. Братья считают, что жить вместе удобнее — есть и деньги и продукты, получаемые на трудодни. Распределение средств решается на семейном совете, но за Рахматулло, как за старшим, остается решающее слово. Семья занимает одну общую усадьбу. Спят летом на воздухе или в ряде летних помещений, а зимой в доме куд.

Мать распоряжается работой женщин. Каждая из них после работы в колхозе выполняет определенные обязанности в доме: та, которая лучше готовит, варит пищу; другая, умеющая хорошо печь лепешки, занимается только этим; третья ухаживает за скотом и приготовляет молочные продукты; на обязанности четвертой лежит уход за всеми детьми и т. д. Пищу для всех готовят в одном большом казане, а затем мать распределяет ее по мискам. Все шесть братьев едят вместе, но отдельно от женщин; детей кормят тоже отдельно. Женщины заработанные в колхозе трудодни отдают в общий котел, а то, что удается им заработать вязанием чулок или вышиванием тюбетеек, тратят на свои собственные нужды.

В семье еще сохраняют старинные традиции и обряды — старики по обычаю, молодежь «для приличия», часто используя какой-либо обряд как повод к тому, чтобы лишний раз повеселиться. Раньше у язгулемцев, как и у всех мусульман, существовало многоженство, но редко кто имел больше двух жен. В настоящее время бытует лишь моногамная семья. Молодежь, не соблюдая старых обычаев, обращается к своим женам по имени, старики же называют своих жен *оуврат*. Жена также называет мужа по имени, но фамилию носит не мужа, а своего отца.

До недавнего времени предпочтительной формой брака были орто-кузенные и кросскузенные браки. Женились на своих *поташи* — двоюродных сестрах. Можно брать в жены дочь двоюродного брата или сестры — *хуер* (племянницу), можно жениться на сестре умершей жены (пережиток сорората); до настоящего времени встречаются случаи левирата — женитьбы на вдове умершего брата. Все же браки между родственниками заключаются теперь редко, так как в связи с отменой калыма отпала необходимость женить детей близких родственников с целью уменьшения его размера. По всей долине Язгулема в 1948 г. нами отмечены 23 случая заключения браков между детьми родных братьев, 2 случая — между детьми родных сестер и 8 случаев, когда отец одного супруга — брат матери другого. Обычай говора малолетних окончательно изжит; очень редко, но все еще встречаются случаи женитьбы на подростках 14—15 лет. Изжит также обычай уплаты калыма — *калянг*, состоявшего прежде, как правило, из 1 лошади, 2 коров, 2 быков, 2 телят, 1 винтовки, 1 казана, 96 м мануфактуры и десятков пудов пшеницы. Теперь жених обычно делает подарок отцу невесты — козла или теленка и от 1 до 12 пудов пшеницы: самой девушке он дарит материю на платье.

Брачный возраст для девушки — 16—17 лет, для юноши — 18—20. Свадьба — не личное дело двух семей, а общественное. Собираются члены каунов и знакомые жениха и невесты, устраивают туй в доме невесты. Обычно подарок жениха — баран, козел и пшеница — тратится на угощение. Невеста сидит в доме с подругами и родными. К свадьбе мать ее одевает в белое платье, поверх которого надевается красное, голова повязывается красным платком *циль* (или иногда белым). В косы вплетается новый кальбитц. Уходя из дома невеста прощается с очагом, дотрагиваясь до котла и затем поднося руку ко лбу и губам. Если невеста и жених живут близко друг от друга, то он несет ее в

дом на спине, если же далеко — она едет на лошади или идет пешком. Лицо ее закрывается платком. Между родными и знакомыми той и другой стороны, как отмечалось выше, устраивается борьба. Когда невеста входит в дом, мать жениха «приобщает ее к домашнему очагу», слегка ударяя ее головой о центральный столб ша-стан. Затем один из родственников — «названный отец» — открывает девушке лицо. После тут в доме жениха остаются брат и сестра матери невесты, которые делают хорошие подарки. По существовавшему в старину обычью неудовлетворенный подарком дядя по матери невесты мог настоять на возвращении девушки. В этом обычье, выделяющем значение брата матери, можно видеть пережиток аванкулата. Дядя по матери играет существенную роль и при похоронах женщины: на его обязанности лежит опускание в могилу умершей, тогда как мужчину, как сказано выше, опускают в могилу глава кауна.

Молодая женщина продолжает сохранять тесную связь со своей родной семьей. Осенью, после сбора урожая, она уходит в гости к родным и получает от них то, в чем она испытывает потребность, начиная от продуктов и кончая утварью. Возможно, что пережитком матрилокального поселения супругов является обычай возвращения молодой через шесть месяцев после свадьбы к своим родным, где она гостит от недели до месяца и, возвращаясь к мужу, получает в подарок скот — часто корову. Существует обычай, согласно которому в тех случаях, когда у женщины часто умирают дети, вновь родившегося ребенка отдают другой женщине из того же кауна, и она кормит его и воспитывает иногда до 8—10 лет, а затем возвращает родителям.

Из праздников следует отметить новый год *gyryuash*, который празднуется в марте. В день нового года устраивают общественное угощение и каждый приносит с собою *куч-кора* — печенье, изображающее козла. Козел вообще пользуется почитанием у язгулемцев. Охотник, убив козла, не несет его домой целиком, а только голову и ноги. За остальной тушей посыпается кто-либо, не участвовавший в охоте. На камнях часто можно видеть выбитые или выцарапанные изображения козла. Все это наводит на мысль о существовавшем некогда тотемистическом значении этого животного.

Отмечают земледельческие праздники — полива полей, первого дня пахоты и другие.

В похоронном обряде до сих пор сохраняется старинный обычай исполнения плясок вокруг умершего: когда умирает горячо любимый член семьи — мужчина или женщина, то близкие покойнику женщины танцуют вокруг тела под аккомпанемент струнных инструментов. Этот обычай объясняют стремлением пляской отогнать злых духов от умершего⁹.

По религиозной принадлежности язгулемцы — мусульмане сунниты и этим резко отличаются от других припамирских народностей, исповедующих исмаилизм. Однако суннитизм не привился здесь так, как в других районах Таджикистана. Жители слабо разбираются в мусульманских догмах. Мечеть ничем не отличается от жилого дома, извне и внутри, почти повторяя его план.

Домусульманские верования, как-то: почитание священных деревьев *локамбия*, поклонение духам, например Див-и-Сафиду — покровительнице прях, различным дивам и пэри, почитание мазаров — еще значительно распространены среди стариков. Молодежь выполняет обряды большей частью лишь из почтения к старикам, посещая, например, общественные трапезы *худои*, которые устраивают старики на праздники или с целью предотвратить болезни. Проникновение социалисти-

⁹ Н. А. Кисляковым описан подобный обряд, исполняемый на поминках по умершему. См. Н. А. Кисляков, Язгулемцы, «Изв. Всесоюзного географического об-ва», т. 80, вып. 4, 1948, стр. 370.

ческой культуры, развитие образования, влияние местной интеллигии, партийного и комсомольского актива ведут к быстрому изживанию старых обычаев и пережитков.

Советские праздники отмечаются всем населением. На 1 Мая и 7 Ноября все колхозники из окружающих кишлаков приходят в Андабак. Около сельсовета организуется митинг. Каждый колхоз устраивает свою красную чайхану, после угощения начинается борьба, пение, игра на музыкальных инструментах. В Язгулеме есть свои певцы Шолинов Файоз, учитель и бывший председатель сельсовета Шома, пользующийся известностью в районе и выступавший в Сталинабаде на республиканском смотре районной самодеятельности. Население двуязычно. Однако местный диалект, который непонятен жителям окружающих районов, на котором нет книг и газет, постепенно вытесняется таджикским языком. На этом языке ведется обучение в школах. Колхозники выписывают таджикские газеты: «Таджикистани суҳбат» (Красный Таджикистан), «Бадаҳшони сурҳ» (Красный Бадахшан), «Газетан муаллимон» (Учительская газета) и другие.

Одним из показателей роста культуры является почтовая перепись колхозников: в их адреса с каждой почтой приходит до 20 личных писем, что свидетельствует об изживании прежней оторванности жителей Язгулемской долины от внешнего мира.

Язгулемцы активно участвовали в выборах и отдали свои голоса лучшим людям своего района — общественных деятелей, представителей местной интеллигенции, стахановцев-колхозников. В их числе значительный процент составляют женщины, что свидетельствует о распространении социалистического сознания населения этого прежде отсталого, удаленного района.

Закабаленная в прошлом беками и эмирами, обреченная на вымирание, оторванная от внешнего мира народность «згамик» в условиях социалистического общества обрела новую жизнь и вместе с другими таджикскими народами консолидируется в таджикскую нацию, о чем говорит растущая общность их хозяйства, материальной и духовной культуры и языка.

А. Н. РЕИНСОН-ПРАВДИН

ИГРА И ИГРУШКА НАРОДОВ ОБСКОГО СЕВЕРА

(*Социальные корни игры*)

Игра и игрушка являлись и являются объектами изучения самых различных областей науки: этнографии, психологии, педагогики, искусствоведения, археологии. Вопросы игры и игрушки привлекали к себе внимание крупнейших мыслителей разных эпох: Локк, Руссо, Чернышевский, Белинский указывали, какое большое место в жизни ребенка занимают игры и игрушки, подчеркивали огромное значение игры как средства воспитания.

В XIX в. существовало несколько теорий игры, имевших большое значение для дальнейшей последовательной разработки этого вопроса учеными XX столетия. Наибольшее число приверженцев имела теория Спенсера, трактующая игру как деятельность ребенка в результате избытка его сил. Спенсер полагал, что игра не ставит себе какой-либо практической задачи; ребенок расходует избыток энергии на действия, не имеющие утилитарного значения. Затраты сил оправдываются полученным в процессе игры удовольствием¹. Бюхер считал, что «игра старше труда, а искусство старше производства полезных предметов»². Карл Гроос под влиянием учения Дарвина указывал, что теория Спенсера упускает из виду биологическое значение игры. Сам Гроос, исследовав природу игр животных и человека, пришел к выводу, что человек в молодости не потому играет, что он молод, а молодость дана человеку для того, чтобы играть; в игре он приобретает навыки и знания, упражняется, готовя себя к будущей жизни, поэтому игра необходима для высшего развития человека³.

Насколько глубоко пустила корни теория Спенсера, видно из высказывания М. Ферворна: он называет игрой «всякое занятие, которое непосредственно или ассоциативно вызывает приятные ощущения, представления, мысли и чувства, не преследуя при этом никаких особых целей и не служа никакому непосредственно жизнеохраняющему инстинкту»⁴.

Не избежал влияния этой теории и Г. Плеханов. Критикуя с позиций материализма концепции Спенсера, Бюхера, Вундта и др., Плеханов совершенно правильно указал, что Гроос, увлекаясь биологизмом, не заметил социологического значения игры. Базируясь на основном положении марксизма — бытие определяет сознание — и приняв за исходное положение, что труд — «первое основное условие всей человеческой жизни»⁵, Плеханов опроверг ложное представление об игре

¹ Г. Спенсер, Основания психологии, т. IV, СПб., 1876, стр. 330 и сл.

² Бюхер, Происхождение народного хозяйства, СПб., 1898, стр. 93—94.

³ К. Гроос, Душевная жизнь детей, гл. «Игра как средство естественного самовоспитания детей», Педагогич. библиотека под ред. Нечаева, вып. IV, СПб., 1906; К. Гроос, Die Spiele der Tiere, 1895; его же, Die Spiele der Menschen, 1899.

⁴ М. Ферворн, Речи и статьи, 1910, стр. 251.

⁵ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1948, стр. 134.

как источнике труда и искусства: «Труд старше искусства... Человек сначала смотрит на предметы и явления с точки зрения утилитарной, только впоследствии становится в своем отношении к ним на эстетическую точку зрения». «Игра есть дитя труда». «Труд предшествует игре и определяет ее содержание». И это связана с утилитарной деятельностью, «необходимой для поддержания жизни отдельных лиц и всего общества»⁶.

Однако Плеханов не смог полностью выявить материалистическое понимание игры и дать до конца четкое марксистское определение. Он также пришел к утверждению, что игра возникает вследствие стремления «снова испытать удовольствие, причиняемое употреблением в дело силы, и чем больше запас силы, тем больше и стремление к игре»⁷. Тем самым Плеханов снова пришел к буржуазной теории игры «от избытка сил».

На основе спенсеровских идей профессор Палермского университета Д. Колоцца пришел к выводу, что «бедные, бессильные, необразованные народы» (не обладающие «избытком сил»! — А. П.) «играют мало или совсем не играют»⁸.

Для мыслителей-идеалистов Запада, абстрагирующих искусство от игры, являлось вполне понятным рассмотрение их изолированно от материальной жизненной среды, в качестве явлений, развивающихся «самостоятельным путем», вне конкретной зависимости от практической деятельности человека. Эта концепция давала возможность рассматривать игру, во-первых, вне связи с историческим процессом, во-вторых, вне связи с материальным объектом в виде игрушки.

В России, не имевшей фабричной игрушечной промышленности, интерес к истории игрушки начал обнаруживаться в 90-х гг. XIX столетия и направлялся главным образом на изучение народной кустарной игрушки. Здесь необходимо отметить стремления группы передовой интеллигенции — художников, педагогов, этнографов и писателей — связать корни народной игрушки с «переживаниями», «судьбою» и «чаяниями» русского народа, а также первые попытки уловить социальную связь игрушки с различными областями культуры. Большим внимание при этом пользовалась так называемая «этнографическая» игрушка, знакомство с которой (в большей части по материалам зарубежной литературы и частично по коллекциям русских музеев) привело к созданию очень прочно укоренившейся формулы: «игрушка — зеркало быта; игра и игрушка отражают быт народа». Формула эта жива и на наши дни, ее можно найти почти в каждой статье по игрушке; на самом деле она не настолько верна, как это кажется с первого взгляда, — игра и игрушка, конечно, не могут отразить всего бытового уклада. Кроме того, у детей очень часто можно встретить игрушки, сделанные по типу вещей, давно уже не играющих в быту взрослых никакой роли. В играх детей встречаются также вещи, заимствованные взрослыми другого народа, у другого племени. Присутствие их у детей говорит о возникшем у народа интересе к данному предмету, но отнюдь не всегда указывает на бытование последнего у данного народа. Все это говорит о том, что эта формула не дает правильного определения сущности игры и игрушки. Правильнее полагать, что игрушка, будучи сложным явлением не только материальной, но и духовной культуры, как игра, может и должна отражать процессы исторического развития общества, его экономическую структуру и идеологию.

Неверное, идеалистическое толкование общественных явлений, рас-

⁶ Г. Плеханов, Письма без адреса. Письмо третье. Соч., т. XIV, стр. 56—75. Разрядка наша.—А. П.

⁷ Там же. Разрядка наша.—А. П.

⁸ Д. А. Колоцца, Детские игры, их психологическое и педагогическое значение, М., 1911, стр. 25.

смотрение духовной и материальной культуры вне учета законов развития человеческого общества, биологическое и психологическое толкование исторического процесса,— все это и сейчас свойственно буржуазной науке Запада и является в руках прислужников капитала орудием в борьбе против материализма. Весь этот «научный» багаж требовал и продолжает требовать острой и своевременной марксистской критики со стороны советской науки, в самых различных ее областях. Одной из серьезнейших задач является рассмотрение социологических теорий игры, необходимое для того, чтобы на основе правильной критической оценки их выработать марксистское определение игры и ее сопроводителя — игрушки, т. е. выявить их социальную значимость, найти те социальные корни, которые обусловили их развитие, выяснить функции игры и игрушки и их взаимоотношения с другими явлениями материальной и духовной культуры человеческого общества на разных ступенях развития. Эту задачу и ставит наша работа, так как совершенно очевидно, что в решении ее основную, решающую роль должны сыграть материалисты, собранные общественно-историческими науками, главным образом этнографией.

Окраины царской России населяло много народностей, сохранившихся вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции пережитки родового строя, обусловленного их натуральной хозяйственной базой, примитивными формами труда охотников, рыболовов, скотоводов-кочевников. Таковы народы, занимающие территории Севера, Дальнего Востока, Алтая и т. д. Изучение игр и игрушек этих народов подводит нас к пониманию социальных корней игры и функций игрушки в эпоху древнейшей формы человеческого общества — родового строя.

Игрушки народов Севера — наиболее известны. Издавна установилось мнение об их «бедности», «нехудожественности», «модельности», подкрепляемое «доводами» о «бедной и жалкой» природе Севера, о скучной жизни северных народов и их нищете, якобы не располагавших детей Севера к играм и забавам. Эти суждения целиком вытекали из старой теории игры «от избытка сил». Поэтому в основу анализа мы положим материал по наиболее известным народам Севера — хантам, манси и ненцам. Данные по другим народам будут служить сравнительным материалом, подтверждающим наши суждения и выводы.

Обширные и богатейшие земли Сибири и Дальнего Востока были издавна объектом русской колонизации. Недра их богаты ископаемыми, воды — красной рыбой, леса — ценнейшим пушным зверем. Покорение «диких инородцев», плативших ясак белкой, горностаем, соболем, черной и чернобурой лисой и прочими «великими и безмерными драгоценностями», «яже иные Европейские государства не имеют», принесло огромные выгоды⁹. Правильное использование богатств Севера могло бы сделать эти окраины неисчерпаемой сокровищницей русского государства. Однако царские воеводы, служилые люди, купечество и промышленники были гораздо более заинтересованы личной наживой: и в Сибири, и на ее северных окраинах процветали хищническое истребление пушного зверя, спаивание и грабеж коренного населения.

Если согласиться с теорией игры «от избытка сил» и с формулой «бедные, бессильные, необразованные народы играют мало или совсем не играют», то на основании фактов, говорящих о тяжелом экономическом положении порабощенных народов Севера, можно сделать лишь один вывод: дети обреченных на поглощение империализмом народностей не могли быть расположены к играм и игрушкам, имея слишком малый, истощенный запас жизненных сил.

Однако даже при поверхностном знакомстве с этнографическими

⁹ Гр. Новицкий, Краткое описание о народе остяцком. 1715 г. Новосибгиз, 1941, стр. 29. 32.

коллекциями, собранными в разных местах Севера в период 1880—1915 гг., бросается в глаза обилие игрушек, что явно стоит в противоречии с приведенными данными о положении народов Севера в эти самые для них годы¹⁰. Это положение в корне противоречит теории игры «от избытка сил». Что касается мнения о «бедности» игрушки северных и других народов одинакового с ними уровня культуры, то оно опровергает весь нижеследующий материал.

Эпос народов Обского Севера¹¹ дает указания на то, что игры с давних пор занимали большое и почетное место в жизни хантов, манси и ненцев. Они заключались в стрельбе в цель из лука, в прыганье через высоко натянутые между столбами ремни, в метании колец или камней на дальность расстояния и силу броска. Часто игры принимали характер состязаний, в которых участвовали и мужчины, и женщины, и старики, и старухи,—например перегонки, или бега. У всех народов оленеводов существовало много вариантов игры «в оленя». В дни празднеств проводились состязания на быстроту оленевого бега и ловкость в управлении оленем запряжкой. Большой любовью пользовались игры-соревнования в силе, когда участники поднимали по очереди тяжесть или друг друга «ломтем» или пытались сдвинуть один другого с места, встав на четвереньки и потягивая ремень, надетый на шеи обоих соревнующихся (игра «в выдру»), а также игры в мяч, имеющие множество вариантов и занимающие большое место в быту всех народов Севера¹².

Эти и подобные им игры жили и живут также и в быту детей. Не связанные в основном с игрушкой, они являются фундаментом физического воспитания ребенка севера. На севере, выполняя любую работу, человек всегда должен упорно бороться за свою жизнь. Северная природа требует от него осторожности, ловкости, терпения и выносливости. Однако, хотя географическая среда и влияет на развитие общественной жизни, но главной силой в системе условий материальной жизни общества, которая определяет физиономию общества, характер общественного строя, развитие общества от одного строя к другому, ... исторический материализм считает способ добывания средств к жизни, необходимых для существования людей, способ производства материальных благ — пищи, одежды, обуви, жилища, топлива, орудий производства и т. п., необходимых для того, чтобы общество могло жить и развиваться¹³.

В условиях сохранившегося у обских народов патриархально-родового строя труд мужчины и женщины был четко разграничен. На женщины лежало домашнее хозяйство, пошивка одежды, выделка кожи и меха, изготовление берестяной и лубяной утвари и т. п. Все основные промыслы — охота, рыболовство, оленеводство — находились в ведении мужчины; он являлся владельцем производственного имущества и материальных ценностей, доставляемых промыслами. Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции женщине открылась возможность стать активной участницей промыслов.

¹⁰ Так, в коллекционном материале по ненцам мы находим игрушки в собраниях А. В. Григорьева (Новая Земля, 1887), Е. Н. Ледкова (Б. Земельская тундра и Арханг. губ., 1903), А. В. Журавского (Арханг. губ., Печорский край, о. Вайгач и Малоземельная тундра, 1906—1907), Б. М. Житкова (Ямал, 1908), Чупрова (о. Колгуев, 1913) и др. У манси: Н. Л. Гондатти (1885), Иловайского (1907); у чукчо-Гондатти (1898); у коряков — Иохельсона (1910—1911); у хантов — И. Н. Шухова (1914) и т. д.

¹¹ Народы Обского Севера — ханты, манси и ненцы обитают в районах нижнего течения р. Оби и полуострова Я-мала, ныне объединенных в Хансы-мансийской и Ямало-ненецкий национальный округа.

¹² Мячи есть у якутов, эвенков, коряков и др. Семушкин пишет о чукчах: «Нередко в полярную ночь при свете луны чукчи проводят за игрой многие часы» (Т. Семушкин, Чукотка, Детиздат ЦК ВЛКСМ, 1941 г., стр. 110—112).

¹³ Краткий курс истории ВКП(б), 1938 г. стр. 114.

Русские поселенцы — сосланные крепостные и трудящиеся промышленное население, поддерживавшие «инородцев» в неравной борьбе с грабителями — купцами и чиновничеством, во многом содействовали культурному развитию обских народов, постепенно приучая их к оседлому образу жизни, земледелию, к постройке теплых и удобных жилищ. Перенимая у аборигенов-охотников их знания природы, повадок животных, уменье выследить и добить зверя, русские часто объединялись с ними в добровольные промысловые артели, учили их владеть огнестрельным оружием и содействовали оснащению их промыслов.

Овладение животным, являющимся непосредственным источником существования, находящимся при этом в непрерывном сопротивлении охотнику, — задача сложная, требующая упорства, напряженного внимания и целеустремленности. Отсюда — постоянный, напряженный интерес охотника к животному и к природе, в которой оно существует, интерес, основанный на необходимости разрешить важную производственную задачу. Игры, направленные на развитие физических качеств, являлись прежде всего необходимой тренировкой для повседневного труда охотника, рыболова, оленевода.

Просматривая коллекции игрушек, собранные у народов Обского Севера, мы видим, что это разделение труда в быту и сейчас еще отражается на игрушке. Большая группа игрушек характеризует игровую деятельность мальчика, прямого участника и наследника промыслового деятельности отца. Внутри этой группы игрушки очень ясно делятся на три раздела: игрушки мальчика-охотника, игрушки мальчика-оленевода, игрушки мальчика-рыболова (рис. 1—10). С помощью этих игрушек развертываются и соответствующие игры, имеющие ярко выраженный производственный характер.

Самой любимой и действенной игрушкой являлся лук. В сказках обских народов очень часто встречается указание на игру с луком в самом раннем детстве: «Эква-Пырищ с теткой живут. Эква-Пырищ в ту пору еще мальчиком был. Подрастать стал, бабка ему лук сделала, стрелы сделала. Эква-Пырищ близ дома бегает, играет. Так, играя... зверька увидел. Стрелу пустил, убил»¹⁴. Эти лаконичные строчки мансиской сказки прекрасно вскрывают, как впервые через игру ребенок опознает трудовую деятельность, предназначенную ему его народом, родом, семьей.

Если первый лук делался для ребенка взрослыми, то в 6—7-летнем возрасте он уже сам пробовал изготовить себе лук и стрелы. Это раннее приучение к овладению и собственноручной поделке оружия вынуждалось и той сложностью, какой отличались луки обских народов.

Обычно детский лук изготавливается из одного слоя дерева. Но пока ребенок растет, лук-игрушка переделывается несколько раз с учетом детских возможностей. Постепенно усложняясь, он становится в руках ребенка самым подлинным оружием, приспособленным для его самостоятельной деятельности, с помощью которого он может добывать мелких зверьков (бурундуков, белку) и птиц. К 10-летнему возрасту мальчика лук усложняется настолько, что отличается от луков взрослых лишь своим размером.

Не менее важным было приучить ребенка к обращению со стрелами. Игрушки-стрелы делаются с точным расчетом их тяжести и величины по отношению к луку и детской руке. Ребенок овладевает изготовлением стрел, играя, «пристреливаясь»; слишком тяжелая стрела падает, а легкая — плохо борется со струей воздуха (рис. 1, 2, 4).

Навыки, полученные в раннем возрасте в процессе игры, закреплялись отцами путем специальных занятий по стрельбе в цель со старшими мальчиками. Из источников известно (1815 г.), что ханты устраи-

¹⁴ В. Н. Чернцов, Вогульские сказки, Гослитиздат, 1935, стр. 171.

вали в лесу цель, в которую учили «своих детей стрелять из лука, чтобы вернее могли убивать зверя»¹⁵. На сто лет раньше, в 1715 г., Гр. Новицкий писал об осязках: «сих бо убо хитростей («стреляние звера, ловление птиц, рыб») и чада своя изучает и от младых ногтей принаряляют я к стрелянию из лука убивати звера, и ловлению гтиц, рыб обучают их»¹⁶.

По рассказам старииков-хантов с Казыма, записанным автором в 1938 г.¹⁷, их отцы так же занимались с ними в детстве, но чаще всего эти примитивные и нерегулярные занятия превращались в очень веселые и азартные игры-соревнования с обоюдным участием взрослых и мальчиков. Эти игры широко были распространены до революции у народов Севера и очень сходны в своих вариантах. Ружье, получившее распространение с приходом русских на север, постепенно вытесняло лук и стрелы. Особенно быстро привилось оно у ненцев, занимавшихся морским зверобойным промыслом. Однако царское правительство не торопилось вооружать коренное население, помня жестокие освободительные войны, а покупка ружья у купца обходилась слишком дорого: вследствие этого луки еще незадолго до Великой Октябрьской социалистической революции были в ходу на Оби по урманам, в районах птичьих промыслов, главным образом у хантов¹⁸. Фактически лишь советская власть дала возможность каждому охотнику вооружиться ружьем и припасами и окончательно положила конец боевому луку.

Идеалом каждого мальчика нынешнего Обского Севера стала двустольная или одноствольная «переломка», выпускаемая Тульским и Ижевским заводами. Воссоздавая в игрушке, сделанной из доски, переломное ружье, мальчик не требует от него боеспособности. Играя с ним, он осваивает приемы обращения с неизвестным ему дотоле оружием и добивается того, чтобы его деревянная «переломка» действительно переламывалась и запиралась не хуже «Ижевки». Но лук и стрелы и сейчас остаются незаменимыми игрушками, так как они дают возможность ребенку иметь наглядный результат его игры, его устремлений, конкретизирующий его силу, ловкость и самостоятельность.

У маленького ребенка среди игрушек всегда есть куски сети, старые капканчики, части ловушек и прочие мелочи, открывающие перед ним мир охотника. Сперва его забавляет уловленное движение механизма ловушки, затем начинает интересовать его назначение. Отдельные части он обыгрывает, как целый капканчик, ловя в него воображаемого зверя. Мать или отец показывают ему правильное устройство ловушки и делают ее ему в миниатюре¹⁹. Главное назначение такой игрушки — служить образцом для самостоятельного творчества: ребенок начинает мастерить ловушку сам, стараясь осмыслить и освоить технику заинтересовавшего его предмета, стремится всеми силами к полному овладению вещью. Затем идет последовательное развитие вещи (при помощи взрослых), приспособляемой к возможности ребенка, до тех

¹⁵ Отрывки из замечаний о Сибири одного из бывших в оной прежде иркутским, а потом тобольским губернатором. Дух журналов, ч. II, 1815, стр. 41.

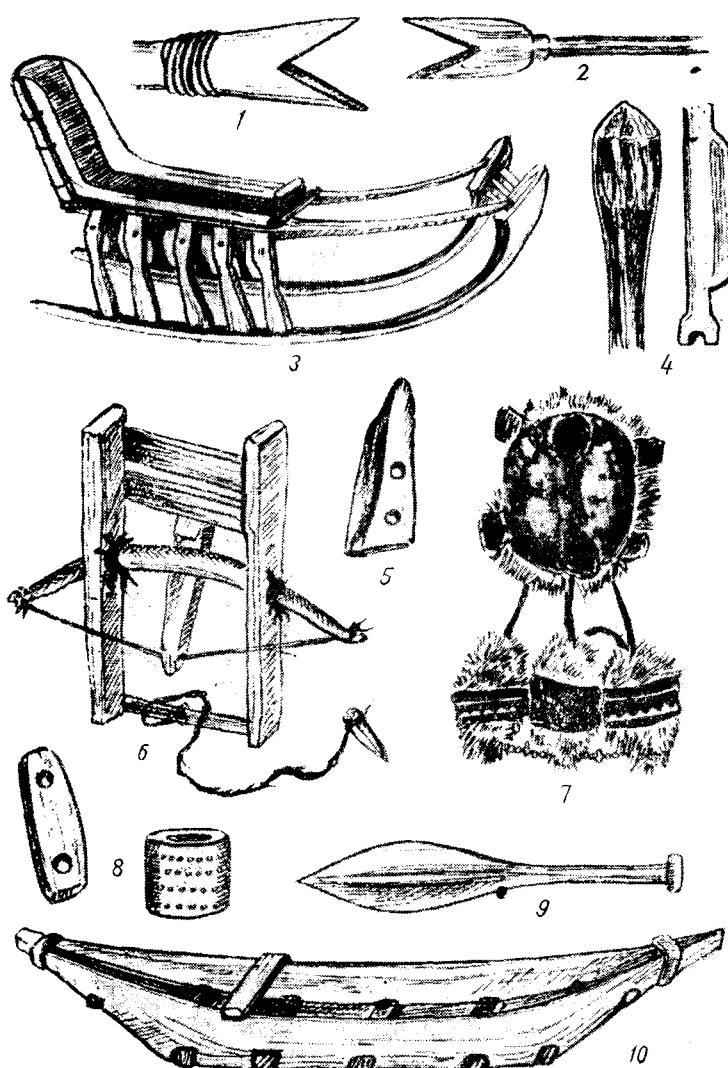
¹⁶ Гр. Новицкий, Указ. раб., стр. 43.

¹⁷ Пеныхов — юрты Ропатские; Богалев — юрты Кислов, Казым.

¹⁸ В 1909 г. ненцы за кремневое ружье отдавали до 10 оленей (см. Б. М. Житков, Полуостров Я-мал, 1913, стр. 214). Гр. Дмитриев-Садовников (Лук ваховских осязков и охота с ним, Ежегодник Тоб. музея, вып. XXIV, 1914, стр. 22) в 1914 г. писал: «Лук со стрелами... его еще и в наши дни современное охотничье ружье не может вытеснить совершенно. Пройдет десятка два-три лет, охота с боевым луком отойдет в область преданий, ружье вытеснит его. Сторожевой еще лук, не требующий упражнений в стрельбе, надеется пережить своего собрата».

¹⁹ Отсутствие изучения коллекций национальной игрушки в наших этнографических музеях привело к тому, что большинство подобных детских игрушек попало в рубрику «моделей». В Музее народов СССР даже вещи, явно сделанные неумелыми руками самих детей, числятся по описям «моделями».

пор, пока она так же, как и лук, не станет в руках ребенка настоящим, действенным орудием (рис. 6). Народы-охотники воспроизводят в игрушке все те же качества, которые свойственны настоящим орудиям охоты. Капканы, чирканы, самострелы, предназначенные для добычи

1, 2 — детские деревянные стрелы на птиц; казымские ханты, 1937; 3 — игрушечные нарты, дл. 45 см; Казым, 1937 (собрание автора, Музей игрушки); 4 — детская деревянная стрела на мелких зверьков, дл. 60 см; остики Березовского уезда, 1912 (колл. Терешкиной, № 7473, Музей народов СССР); 5, 8 — костяные олени недоуздки, сделанные школьником-ненцем Тазовской тундры (колл. № 24/12 Музея народов СССР); 6 — луков на мелкого зверька-игрушка мальчика-ханта; Казым, 1937; 7 — „оленяя запряжка“ ямальские ненцы, 1908; натур. вел. мехового оленя — 12—14 см дл. (по Житкову); рис. 9, 10 — весло и лодочка; Казым, 1937 (собрание автора)

животного, должны быть предельно скрыты от его глаза. Украшение этих орудий нанесло бы непоправимый ущерб деятельности охотника. Украшение подобных игрушек, имеющих цель познакомить ребенка с назначением орудий промыслов, привело бы ребенка лишь к полной

дезориентации, а игрушка потеряла бы свое смысловое значение. Отсюда — кажущаяся бедность такой «промысловой» игрушки. В то же время народы-охотники создают и художественную игрушку, имеющую свои особые функции.

С раннего возраста ребенок получает в руки нож, учится работать топором. При таких условиях понятно, что в игрушках детей Севера трудно найти нож или топор, выструганные из дощечки, как это делают народы другой культуры, когда ребенок не имеет раннего приучения к этому виду оружия. Небольшого размера недейственные вещи, которые не дают желаемого результата в игре, например: маленькие деревянные ножички, копьца, которыми нельзя резать и колоть, маленькие луки и стрелы, негодные для стрельбы, — у народов охотничьей культуры чаще всего оказываются вещами, причастными к культу; их вешали или у колыбели, или на священных деревьях в виде бескровной жертвы божеству, чтобы оно сделало ребенка бесстрашным, удачливым охотником.

Мы не находим у детей в игрушках и маленьких «кукольных» лыж, так как ребенок получает лыжи буквально с того возраста, когда еще только учится ходить. Размеры их самые разнообразные, соответствующие возрасту и росту ребенка. Детские лыжи считаются лучшей игрушкой ребят. Дети устраивают лыжные состязания; на лыжах проводят многие охотничьи игры. Матери украшают лыжи маленькими узорами, под ремни подкладывают красное сукно, иногда даже окрашивают лыжи в красный цвет. Подрастая, мальчик учится сам делать себе лыжи, а готовясь к промыслу, обтягивает свои лыжи камысами, т. е. подклейивает под них кожу со лба и ног оленя, как это делают старшие, уходя на большое расстояние. С этого момента лыжи перестают уже быть игрушкой²⁰.

Стремление к участию в охотничьем промысле захватывает мальчиков с неудержимой силой. Оно выливается в целый ряд «охотничьих» игр и игр-драматизаций, направленных на освоение искусства охотника и на познание самого животного, его качеств и повадок. Разыгрываемые детьми сценки изображают действия уток на озере (утки пьют, ныряют, крякают, улетают), поведение белки в лесу, нерпы на берегу моря и т. д. В играх-драматизациях дети часто пользуются игрушками-бутафориями вроде шкурок животных, заячьих лапок, оленевых рогов, птичьих крыльев и лап. Г. Старцев упоминает об игре ненецких детей, когда они, держа в руках крылья гусей и уток, бегают и машут ими, подражая полету птиц²¹. Играя «в оленя», дети, изображающие животных, часто держат над головой олены рога.

Дети казымских хантов и сосвинских манси используют эти игрушки и в спортивно-охотничьих играх. Так, на дереве запрятывается одним из участников игры шкурка с беличьей головкой («белка»), которую другой должен найти и сшибить, выстрелив из лука стрелой «томар». С этой же целью запрятываются и крыльшки птиц, причем так искусно, что создается впечатление живой, притаившейся птицы.

²⁰ На лыжах обычно проводится детьми такая любимая у хантов и манси игра, как «погоня за зверем». Место для игры выбирается покрытое кустарником, уложенным погоню. «Зверь» бывает «зайцем», «лосем», «медведем», «лисицей». В зависимости от наименования зверя складываются и условия игры. Так, «заяц» бежит кругами и, сделав определенное число кругов, считается «убежавшим», если «охотник» его не поймал. «Лисица» разрешается прятаться, путать след, пока она не доберется до заранее условленной «норы», где считается в безопасности, а охотник не поймавший ее, — «плохим». «Лось» бежит по прямой линии, лишь изредка ломая ее, стараясь достичь определенного места раньше, чем его настиг «охотник». «Медведь», наоборот, далеко не бежит, а прячется в кустах, и если видит, что «охотник» его заметил, то сворачивает прямо на него с громким ревом. Между «медведем» и «охотником» завязывается борьба, и выигравшим считается тот, кто победит. Игры эти проводятся и летом, когда можно прятаться в зарослях кустарника или молодого березняка.

²¹ Г. Старцев, Самоеды, Ин-т. нар. Севера, 1930, стр. 142.

Эти игрушки возбуждают фантазию ребенка, облегчают возникновение в его сознании образа животного, обогащают игру и связанные с нею творческие эмоции.

Взрослые, поощряя охотничьи игры, охотно отделяют от убитого животного части, годные для игры. Только в тех случаях, когда убивалось почитаемое животное, например медведь, детям не позволялось играть частями его шкуры, когтями, костями или зубами. Эти частицы считались священными и служили в качестве оберегов²². В играх детям запрещалось смеяться над медведем и другими почитаемыми животными. Дети хантов и манси часто сами являлись участниками празднеств, устраиваемых в честь медведя²³, и рано начинали подражать взрослым. Игры-драматизации, направленные на изображение главным образом промысловых животных; в существе своем хранили традиции драматических действий, ведущих свое начало со времен первобытного человека, магия которого была направлена на размножение птиц и животных и овладение ими.

Теперь, когда на Север проникла социалистическая культура, и после того, как советская власть добилась восстановления и развития промыслов, технически оснастив их и организовав крепкое социалистическое хозяйство, отпадают пережитки древних магических обрядов. Медвежий праздник утерял уже свое религиозное значение. Игры-драматизации детей освобождаются от традиционных запретов, широко содействуют выявлению способностей детей, активному отношению к труду и пониманию окружающей природы.

Основным и запасным капиталом кочевых оленных народов являлись их стада, от сохранности которых зависело благополучие кочевников. Оленеводство, более развитое у ненцев, повидимому, было заимствовано у них хантами и манси²⁴. Очевидно, этим объясняется общность игр «в оленя», широко распространенных у всех обских народов. Все варианты этих игр в основном направлены на тренировку физических качеств оленевода: умения набросить аркан на выбранного оленя, часто на расстоянии нескольких сажен; умения ловить бегущего оленя, набрасывая петлю на бегу; умения скрадывать дикого оленя на охоте и т. д. Дети из этой игры создают целую инсценировку. Они мастерски подражают оленям движениями, голосом. В разных вариантах игры «оленей» преследуют и ловят или «охотники», или «пастухи». Дети помладше изображают собак, с лаем сгоняющих разбегающееся стадо. Игра «в оленя» так захватывает участников, что продолжается иногда несколько часов подряд. Обские народы всячески поощряют внимание ребенка к оленю: делают игрушки, знакомящие ребенка с промыслом, дают в игру отдельные части убитого оленя — копыта, зубы (в виде погремушек), куски шкурки, рога, поощряют детей делать изображения оленей (рис. 7)²⁵.

Большого мастерства требует управление оленей запряжкой, выделка упряжи и нарт, отличающихся разнообразием конструкций, в зависимости от их назначения. Уже с 7—8-летнего возраста ребенок при-

²² Культ медведя как зверя огромной силы был широко распространен у народов Сибири и имел чрезвычайно древние корни.

²³ А. Каннисто пишет о манси (вогулах): «роль животных (на медвежьем празднике), как-то: лошадей, коров, собак, зайцев исполняют маленькие мальчики в масках» (О драматическом искусстве у вогул, Материалы по изучению Пермского края, вып. 4, 1911, стр. 26).

²⁴ В. Н. Чернецов, Термины средств передвижения в мансиjsком языке, «Сб. памяти Богораза», 1937, стр. 349.

²⁵ Характерно для всех оленных народов: дети-эвенки вырезают оленей из бересты и играют в бабки, изображающие оленей. Бабки-олени есть у эвеков; дети долгие делают оленей из тальника, щепок, камней, бабок, спичечных коробок; дети чукоч, коряков и других народов Севера играют также изображениями оленей из кости, сделанными как самими детьми, так и взрослыми.

учается самостоятельно запрягать оленей и править запряжкой; кроме того, в руках детей находится ряд игрушек, облегчающих им овладение вещами, необходимыми в промысле: набитые волосом хомутики, костяные недоуздки, упряжь из кожи, сукна или тряпочек, нарточки самых разнообразных размеров (рис. 5, 8, 3).

Девочка с раннего возраста имела свой тынзей (аркан), свои нарточки, в которые сама запрягала оленя, когда ездила за водой или за дровами; мальчик же с 10—11 лет становился самостоятельным пастухом и уходил со стадом на пастбище. Он помогал отцу перевозить грузы, чинить большое количество упряжи, делать нарты, ходил с отцом на охоту за диким оленем. Овладеть каждым из этих умений детям помогали игра и игрушка.

Большой удельный вес речного рыбного и морского зверобойного промысла в экономике обских и других народов Севера заставил тщательно передавать детям технику и этих промыслов. В игрушках детей есть множество вещей, приобщающих их к рыболовному промыслу: сети из кусков мережи, удочки с крючками, сделанными из дерева, кости (а теперь и из булавок и гвоздиков), деревянные лодочки, весла, вешала для присушки неводов и вяленья рыбы, ловушки для рыбы — небольшие плетеные из прутьев морды, гымги (9—10). Игры, связанные с этими игрушками, развертываются в инсценировки, в которых часто принимает участие большой детский коллектив. Это — игры «неводьбу», в «разборку пойманной рыбы» и т. д.²⁶ Играют вместе и девочки и мальчики, причем в игре соблюдается разделение труда: мальчики — рыболовы, они пользуются своими промысловыми игрушками; «привезенную» рыбу они «делят»: лучшую — в колхоз, солить; худшую — сушить «для собак»; часть рыбы «оставляют» на питание «колхозников». Девочки в игре «чистят рыбу», подготавливая к сушке или засолу, приготовляют «варку» (вытопленный в котле жир из рыбьих внутренностей), готовят «чай» и еду для вернувшихся «рыболовов».

В игрушках детей теперь уже не встретишь старинной лодки, сшитой ивовыми прутьями, которой когда-то, по словам стариков, играли дети северных хантов. Школьников Советского Севера теперь интересуют более сложные лодки с мачтами и парусами, они хотят управлять «моторками». В 9—10 лет обский мальчик умеет отлично обращаться с лодкой, управлять ею, правильно грести и обеспечивает уход за ней. Дети ненцев не боятся океана, привычны к опасностям и рано начинают проявлять себя как смелые охотники на морского зверя²⁷.

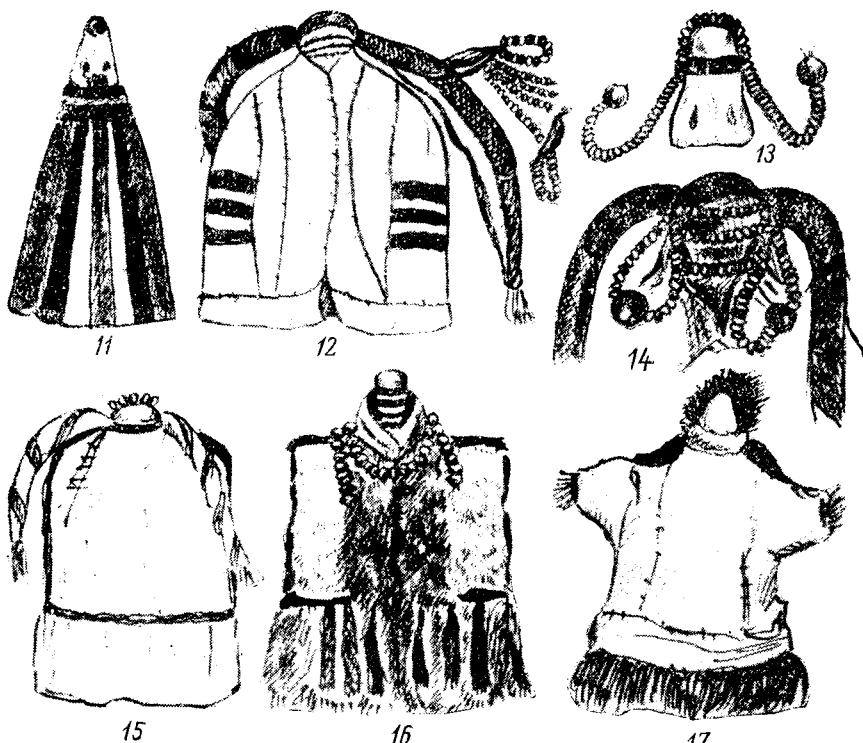
Рассмотрев эту группу игрушек и связанных с ними игр, мы видим, что их основным назначением является приобщение детей — мальчиков к труду отцов, физическое и трудовое воспитание будущего охотника, оленевода и рыболова, т. е. постепенная подготовка ребенка к пониманию основной экономической задачи — овладения животным, средством питания.

Игрушки девочек Обского Севера составляют вторую самостоятельную группу игрушек, внутри которой выделяются разделы: куклы, кукольный гардероб, кукольное хозяйство.

²⁶ Наблюдения автора в 1938 г. на Казыме и в Обдорске.

²⁷ Игрушки, подготавливающие детей к рыболовному или морскому зверобойному промыслу, известны и у других народов Севера; так, у чукоч, имеющих разные типы лодок, каюков, шкун, дети получают в игру лодочки, сложная оснастка которых передана с такой изумительной тщательностью, что ребенок по игрушке может узнати назначение каждого ремня, систему крепления частей, приемы обтяжки кожей; в игрушках детей народов Приморья имеются узенькие долбленые из тополя лодочки-баты и т. д.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с ненецкими куклами, что за период почти в 50 лет — с момента описания их, сделанного Финшем в 70-х гг. прошлого столетия²⁸, и до Великой Октябрьской социалистической революции — они совершенно не изменили своего вида. Ненецкая кукла предреволюционного периода, как и кукла 1875 г., состоит из половинки клюва с остатками шкурки водоплавающей птицы

11 — кукла с головой-клювом водоплавающей птицы; ненцы Я-мала, 1909 (колл. Житкова, № 54459, Музей народов СССР); 12 — тряпичная кукла манси; 1885 (колл. Гондатти, № 10, Музей народов СССР); 13 — голова куклы — клюв, украшенный бисером; остатки Березовского уезда, 1912 (колл. Терешкиной, № 4715 9/16, Музей народов СССР); 14 — голова мансиjsкой тряпичной куклы с полосками бисера на лице; Сосьва, 1907 (колл. Иловайского, № 36, Музей народов СССР); 15 — кукла-мужчина; ханты, 1914 (колл. Шухова, № 2383—107, Музей антропологии и этнографии АН СССР, Ленинград); 16 — кукла-женщина; казымские ханты, 1936 (колл. Прытковой, № 5541, Музей антропологии и этнографии АН СССР); 17 — кукла-мужчина; ненцы Березовского уезда, 1912 (колл. Терешкиной, № 7487, Музей народов СССР)

(чаще утки). Клюв заменяет голову кукле, а на шкурку нашивается кусок цветного сукна — тело куклы. Место соединения сукна с клювом обертывается кусочком материи наподобие воротника. Ни лица, ни ног, ни рук ненецкая кукла не имела (рис. 11). Поверх безрукой и безногой фигуры накидывалась меховая кукольная одежда и опоясывалась поясом (рис. 17, 18).

Пол ненецкой куклы, так же как кукол хантейских и мансиjsких, определялся мужской или женской одеждой и наличием накосных украшений у куклы-мужчины. В качестве возрастной группы выделялись куклы-дети для игры с игрушечной колыбелью. Размер кукол от 5 до

²⁸ О. Финш отметил, что лицо куклы заменяется клювом утки-морянки (Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма, М., 1882, стр. 472).

20 см. Таковы куклы колгуевских, ямальских, обдорских и березовских ненцев. Так же делали своих кукол ненцы Большеземельской и Малоземельской тундры, печорские и архангельские ненцы. Неодетая кукла обдорских остыков, как и ненецкая, состояла из лобной части птичьего клюва со шкуркой, но покрой одежды был остыцкого типа. Своебранной формой отличались куклы березовских и казымских остыков. Головка лица куклы являлась довольно сложным процессом: лицо состояло из целого ряда цветных полос (до 15—16), концы которых заворачивались в тряпки, чтобы удлинили тело куклы. Затем уже овалась шубка. Таким образом кукла также получалась с рукой, без ногой и без лица (рис. 15, 16). Вогульские куклы тоже имели свои особенности. Уже в 80-х гг. прошлого столетия гуловище куклы делалось из тряпок с довольно большой, круглой тряпкой головой. Как и предыдущие куклы, вогульская кукла имела рук, ног и лица (рис. 12, 14).

Безногость, безрукость, безликость, являющиеся основными чертами всех этих кукол, выявляют тенденцию скрыть, замаскировать характерные черты человеческого тела. Замена детально разработанного изображения человеческого тела простым куском сукна или свертком тряпки, лишенным рук и ног, замена человеческого лица птичьим клювом или зачеркивание лица полосами и нитками — не случайное явление, а вполне сознательное установление формы куклы, обусловленное мировоззрением обских народов.

18 — кукла-женщина в меховой одежде; ненцы Я-мала, 1908 (колл. Житкова, № 54—448, Музей народов СССР)

Сознательный увод куклы в сторону от человеческого изображения являлся вполне понятным актом со стороны человека-анимиста, боявшегося слишком подробной разработкой изображения одухотворить, очеловечить куклу и этим самым допустить соприкосновение детей в игре с вещью, наделенной сверхъестественной силой. Безликость, безрукость и безногость кукол Обского Севера являлись не чем иным, как религиозными запретами на изображение лица, рук и ног²⁹. Кукол же, имеющих руки, ноги и лицо, обские народы приобретали у русских и зырян и почитали как изображения священные³⁰.

²⁹ Подобные запреты, распространенные на куклу, находим у целого ряда народов: якуты боялись делать кукол из дерева и давать детям в игру человеческую фигуру; эвенки, долганы, ойроты и др. делали кукол из бабок. Кеты заменяли тело куклы костью белки или глухаря. Удмурты делали куклу из трехногого сучка. Узбеки перечеркивали лицо тряпичной куклы во избежание ее возможного оживления и т. д.

³⁰ Н. Л. Гондатти, Следы языческих верований у маньэзов. Труды этнографического отд. Об-ва любителей естествознания, археологии и этнографии, кн. 8, 1887.

18

Многие источники указывают, что у народов Сибири пережитки матриархата сохранились очень долгое время. Характерный для этой эпохи культ женского божества на Обском Севере выразился в почитании «золотой бабы», или «золотой богини», «богини-матери», на поклонение которой еще в XVII в. стекались остыки, вогулы и самоеды. Женские божества являлись в представлении обских народов зачинательницами и охранительницами фратрий, рода, семьи. По верованиям манси и хантов, прародительница фратрии «Мось» Калташ давала душу ребенку, следила за рождением детей. Из призывной песни о Калташ узнаем, что она имела птичий образ, точнее образ гуся³¹.

По древним верованиям, птица являлась крылатым духом, связующим землю и небо. Ненцы посвящали изображения птиц свету (дню), а «свет» и «день» — синонимы жизни. Золотая птица Таукси, которой вместе с вогулами поклонялись остыки и ненцы, имела образ лебедя или гуся и пользовалась не меньшим почитанием, чем ее современница «золотая баба». «Золотая баба» — «золотая птица» — «золотой гусь» — «Калташ-эква», повидимому, идентичны; в призывной песне о Калташ говорится: «на спину зверя со спиной садится, в хорошем образе золотого гуся садится»³². Женщина-птица является источником света, источником жизни. Душа, которую она дает ребенку, — частица ее неиссякаемой жизненной силы. Душа — бессмертна. «Душа, — указывают Харлампович и Павловский, — под которой нужно, кажется, разуметь жизненную силу организма, после смерти переходит в тело рождающегося младенца того же рода, а если род прекратился — в младенца другого рода и даже другой народности»³³.

Отсюда — цепь отождествленных понятий: женщина — птица — жизнь — душа, образно отразившихся в фольклоре. В сказке васюганских остыков «солнцева дочь» превращается в лебедя³⁴; в остыцком сказании об Ун-Урте говорится: «Пришли три лебедя, сбросили лебединые шкуры и стали тремя девками-красавицами»³⁵; на медвежьем празднике актер, играющий девушку, говорит отцу: «Лучше бы ты собственным топором вынул из меня мою воробышкую душу, мою душу сойки»³⁶. Подобное связывание образа птицы с понятиями о душе, жизни, детстве и плодородии не является характерным лишь для народов Обского Севера, но присуще и целому ряду народов. Так, например, долганы называли птицу «далбаки» душой ребенка и запрещали убивать ее³⁷. Маньчжуры чтили утку как символ семьи — «эмблему супружеской четы»; понятие о душе связывали с птицей народности амурского бассейна³⁸ и т. п.

Культ женщины-богини на Обском Севере значительно утерял свое значение к началу XVIII в. Патриархальный строй содействовал развитию пантеона мужских божеств, покровительствующих промыслам, ведающих птицей, рыбой или зверем. Женские культовые изображения постепенно теряют свой образ «матери-богини», ранее философски обобщавшей представления о жизни и душе, и сводятся на роли домашних пенатов; таковы, например, ненецкая «чумовая старуха», покрови-

³¹ В. Н. Чернецов, Фратриальное устройство обско-югорского общества, «Советская этнография», II, Л., 1939.

³² Там же, стр. 30.

³³ В. Павловский, Вогулы, Ученые записки Казанск. ун-та, 1907, стр. 195; К. Харлампович, К вопросу о погребальных масках. Изв. Об-ва археологии и истории при Казанск. ун-те, т. XXIII, вып. 6, 1908, стр. 475.

³⁴ Н. П. Григоровский, Описание Васюганской тундры, 1884, стр. 22.

³⁵ П. Лопарев, Сказание об Ун-Урте, «Наш край», 1924, № 1, стр. 4.

³⁶ А. Каннисто, О драматическом искусстве вогул, Матер. по изучению Пермского края, вып. IV, 1911, стр. 30.

³⁷ А. А. Попов, Семейная жизнь у долган, «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 58.

³⁸ С. В. Иванов, Орнаментированные куклы ульчей, «Советская этнография», 1936, № 6, стр. 65.

тельствующая роженицам, «покровительница юности» у аганских салдов, осяцкая богиня Зонгет, «бабий бог». На женщине лежала за о семье, охране домашнего очага; в решении такой важной задачи, сохранение потомства, она прибегала к помощи божеств-покровитниц. То же встречаем и у других народов, сохранивших пережитки матриархата: девушки-якутки испрашивали плодовитость у сделанной из тряпок изображения женского божества Аясыт; женщины алтай-тюрок в качестве покровителей плодородия имели изображения духа предков эмегендеров и брекеннеров ³⁹. Плодородности девочки, будущей матери, должна была содействовать и игра в куклы («подобное вызывает подобное»): у удмуртов сохранилось представление, что безликая кукла из сучка-треножника с детской лялькой за спиной приносит девочке семейное счастье; куклы чукчей, по словам В. Г. Богораза, считалась «не только игрушками, но отчасти и покровителями женского плодородия» ⁴⁰.

В этом свете становится понятным, что ненецкая кукла с утиным клювом не случайна, и если в представлениях обских народов птица гусь — утка символизировала женщину — деторождение — плодородие, то подобная кукла, через игру с ней девочки, была наделена функцией содействовать плодородности последней.

Куклы с утиными головами были у обдорских осятков; в коллекции Музея народов СССР найдены остатки куклы с утиным носом, птицей, надлежавшей березовским осяткам, с сохранившимся головным бисерным убором и остатками сухожилий, которыми была пришита одежда (рис. 13). Куклы с утиными головами сохранялись на Салыме и Васюгане. Факты эти указывают на то, что кукла хантов имела ту же стадию развития, однако ее синcretическая стадия существовала не долго и лишь в немногих местностях дожила до нашего времени. В большинстве же осятских юрт мы находим кукол следующей стадии в виде примитивной человеческой тряпичной фигуры, с явно выраженным запретом на лицо, руки и ноги. Что касается манси, то мы не нашли доказательств, что куклы с утиными головами у них были. Учтывая общность верований и исторического развития обских народов можно предположить, что синcretическая стадия с ее антропоморфным образом куклы-птицы, явившимся пережитком верований эпохи матриархата, существовала у манси, как и у хантов, очень недолго и под влиянием культуры русского народа уступила место следующей стадии известно, что манси были одним из первых народов, подвергшихся христианизации, одни из первых начали перенимать у русских поселенцев их культуру.

Неникам, кочевавшим по тундре на дальние расстояния, разрешено было «родившихся младенцев не приносить тотчас же в церковь для совершения над ними обряда крещения» ⁴¹; им чаще удавалось ускользнуть от внимания миссионерских отрядов. Нетерпимо относились неники и к осяткам и вогулам, воспринявшим христианство. Стремлением самодов к сохранению их верований, отдаленностью их от очагов русской культуры, повидимому, и объясняется длительность синcretического периода ненецкой куклы.

Лишение ребенка возможности играть с человеческим изображением компенсировалось подробной разработкой другой составной части куклы — ее одежды. Подборка материалов — меха, лоскутов, лент, бисера, и бус, детализировка накосных украшений производились настолько тщательно, что одетая кукла становилась живым отражением человека,

³⁹ Н. П. Дыренкова, Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков, «Сб. памяти Богораза», Акад. Наук, 1937, стр. 123—147.

⁴⁰ В. Г. Богораз-Тан, Чукчи, т. II, изд. Севморпуть, 1939, стр. 69.

⁴¹ Иславий, Самоеды в домашнем быту, 1847, стр. 120.

доступным пониманию ребенка, удовлетворявшим его игровые требования и наталкивающим его на активную игровую деятельность.

Девочка у обских народов имела короткое детство, кончавшееся к 12—13 годам, т. е. к возрасту, в котором ее выдавали замуж; за этот короткий период детства она должна была освоить целый ряд женских умений: выделку оленых постелей, камыса, замши, птичьих и звериных шкурок, рыбьей кожи, пошивку одежды и обуви, плетение цыновок из травы, выделку берестяной утвари и т. п.

Из фольклора обских народов видно, что женщины-хозяйки пользовались большим уважением и что особенно высоко ценилось женское умение шить, поскольку одежда в условиях севера имела большое значение. «Богатырь остыцкий гордится, если у него есть рукодельница-дочь, держащая иглу в концах пальцев»⁴². Про вещь, искусно сшитую, в вогульской сказке говорится: «то ли иглой зашито, то ли kleem склеено. Шва не видно, и от иглы следа нет»⁴³.

По игрушкам девочки, по качеству ее ранних работ жених судил об умениях невесты. Считалось, что девочка, умеющая хорошо делать игрушки, будет в будущем хорошей хозяйкой и мастерицей. Куклы обских девочек имеют богатый гардероб; кукольное хозяйство — берестяная посуда, ляльки, спальные мешки, колотушки для трепанья оленых сухожилий, скребочки для выделки кожи, ступки и пестики для толчения порсы (муки из сущеной рыбы) и пр.— достаточно богато для того, чтобы передать девочкам основы женского труда, готовить будущих матерей и хозяек.

Переход к социалистическим формам труда повлек за собой и колоссальный переворот в миросозерцании обских народов (как и других народов охотничьей культуры). «Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытием изменяются также и их представления, взгляды и понятия,— одним словом, их сознание?»⁴⁴ Эти изменения в сознании обских народов как нельзя лучше прослеживаются на куклах послереволюционного периода: куклы всех трех народов постепенно сбрасывают старые религиозные запреты, обретают новые художественные формы: полосы на лицах хантейских кукол, спускаясь на шею, принимают форму шейных украшений, очищая лица кукол⁴⁵; мансийская кукла освобождает лицо от бисерных нитей; отпадают древние тяжелые накосные украшения, одежды кукол обогащаются яркими цветными русскими тканями, под шубками видны платья с отделкой из цветных лент, у кукол-мужчин и женщин появляются руки и ноги. Ненецкие куклы, остановившиеся до революции в своем развитии на синкетической стадии, теперь прошли стадию примитивной человеческой фигуры с запретами, стадию, на которой долгое время до революции стояли куклы манси и хантов (рис. 19, 20, 23).

Последним этапом в отживании запретов нужно считать «прозрение» кукол, доказывающее, что с них снят самый тяжелый запрет, запрет на глаза (с которым связывалось полное оживление изображения), т. е., что сознание человека Обского Севера освободилось от веками сковывавших его религиозных представлений (рис. 21, 22, 24). Вместе с запретами отмирает и функция содействия плодородию. Советская действительность школами, больницами, заботой о роженицах, о детях, на

⁴² С. Патканов, Тип остыцкого богатыря по остыцким былинам и героическим сказаниям, СПб., 1891, стр. 51.

⁴³ В. Чернецов, Вогульские сказки, стр. 75.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Манифест Коммунистической партии, Госполитиздат, 1948, стр. 76.

⁴⁵ Пользуюсь случаем принести свою благодарность Н. Ф. Прытковой, любезно предоставившей мне ряд ценных материалов и сведений по быту детей хантов. А. П.

фактах доказывает несостоятельность прежних верований, перековывае сознание людей.

В послереволюционный период дети через игры в куклы осваивают новую жизнь обитателей Севера. Куклы участвуют в длительных представлениях, которые разыгрывают девочки, наблюдающие жизнь с большой жадностью. Темой игр являются школа, работа культбазы, кооптации, больницы, коллективный труд в колхозном хозяйстве. В новой

19 — кукла ваховских хантов, 1930 (собрание Н. Ф. Прятковой);
 20 — куклы-мужчины; ханты, 1935 (по Оберталлеру); 21 — голова
 тряпичной куклы; сосьвинские манси, 1937; 22 — голова тряпич-
 ной куклы; ненцы, Сале-Хард, 1937; 23 — куклы казымских хантов.
 1937; 24 — куклы березовских хантов, 1937 (собрание автора)

быту кукла, лишившаяся древних запретов, становится фактором развития свободной, творческой игры, помогает ребенку не только в освоении техники домашних ремесел, но и в развитии сознания, присущего человеку нового социалистического строя.

Внутри каждой из рассмотренных групп мы находим игрушки, имеющие еще одно крайне важное назначение: на них лежит задача передать детям традиции национального бытового искусства. Поскольку это искусство сосредоточено на художественном оформлении вещи, то и игрушки эти представляют собой бытовые вещи в миниатюре, сделанные взрослыми с учетом игровых требований и возможностей ребенка, или созданные самим ребенком и художественно оформленные (реже — взрослыми, чаще — детьми) ⁴⁶.

Родители всячески поощряют раннюю изобразительную деятельность детей. Женщины дают девочкам в игру лоскуты с образцами орнамента и показывают, как технически выполнить его. При этом мать поясняет дочери значение фрагментов, открывает в них черты птиц и зверей, по-путь вспоминает подходящую сказку, чем облегчает работу девочки. Угадывание животных форм в орнаменте и украшении собственных игрушек фактически превращают работу в игру, имеющую большое значение и дающую благотворные результаты для развития у детей художественного вкуса и умения.

Самостоятельно изготавливая предметы своего кукольного хозяйства, девочки перенимают от матерей традиции орнаментирования замши и меховой одежды, отделки платья апликационным орнаментом из тряпичек и цветных лент, украшения одежды и обуви узорами из цветного бисера (рис. 25—31).

Богато украшены орнаментом берестяные игрушки девочек — ханток и манси. Даже пятилетние девочки пытаются изобразить на бересте подобие узора. Выделявая игрушечную берестяную и лубянную утварь, дети приобретают сознательное чувство формы, определяемой назначением предмета, и необходимости единства, слитности формы с орнаментом (рис. 26, 33).

Очень редко среди игрушек девочек ханток и манси можно теперь встретить образцы вышивки, которой как и ткачеством, почти перестали заниматься женщины. На Севере теперь широко пользуются фабричными тканями, покупной одеждой; все реже можно встретить и старинные узоры, на вышивание которых женщины тратили раньше целые месяцы.

Разделение труда у обских народов провело острую грань между искусством женским и мужским. Мальчик приобретал навыки резьбы по твердым материалам и применял их для украшения своих личных предметов и художественной отделки игрушек (колчаны, стрелы, ножи, олени недоузки и пр.) (рис. 5, 8, 32). Орнаментальные работы по дереву, рогу и кости у мальчика начинались позднее, чем у девочки, примерно в 9—10-летнем возрасте, когда он имел уже свои действенные промысловое орудия, оружие и свое снаряжение, которое по примеру отца стремился украсить.

Мы не находим у мальчиков Обского Севера ни игр, ни игрушек, прививающих им искусство обработки металлов. Литье украшений из олова и примитивное кузнечное дело давно угасли в Приобье, поскольку доставляемые русскими отличного качества металлические изделия исключили надобность в тяжелом труде примитивной обработки металла. Как видим, игрушки передают детям навыки лишь тех художественных ремесел, которые нужны еще народу и остаются в его жизни.

Советская школа обогатила ребенка целым рядом новых материалов, содействующих его художественному росту. Теперь дети Севера широко

⁴⁶ Передача традиций искусства с помощью игрушки — явление, распространенное у народов Севера, Дальнего и Ближнего Востока, Поволжья и т. д.

используют в своих работах карандаш, чернила, бумагу, краски и цветные карандаши. Советская школа, всячески расширяющая кругозор

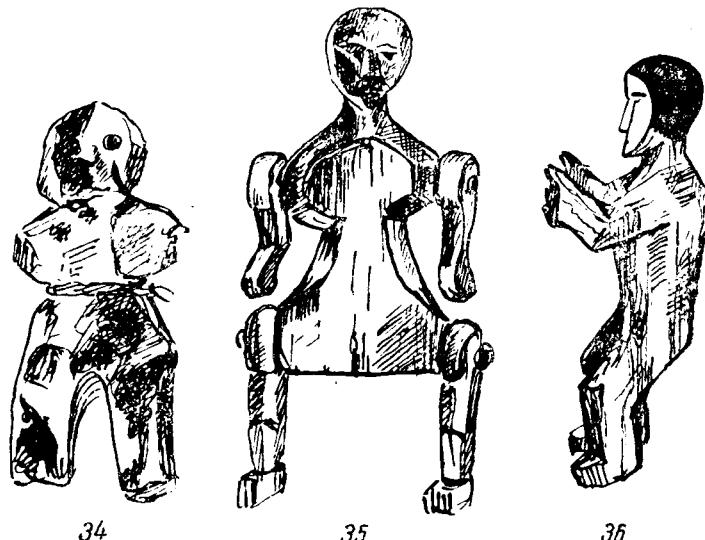

25, 31—лоскутки с узором, шитым бисером; казымские ханты, 1937; 26—берестяная игрушечная лялька; Казым, 1936; 27—лоскуток замши, орнаментированный девочкой, используется при игре в куклы; Казым, 1937; 28—узор, сделанный девочкой из кусочков черного и белого меха и сукна; ненцы, Сале-Хард, 1936; 29—кукольный спальный мешок (внутри—кукла с головой из утиного клюва); Сале-Хард, ненцы (колл. 1864, Музей антропологии и этнографии АН СССР); 30—узор из кусочков темного и белого меха с кантом из красного сукна, вшитый на кукольной шубке; ненцы Печерского края, 1968 (колл. Сумарокова, № 1231—40, Музей антропологии и этнографии АН СССР); 32—орнаментированные ножны мальчика-манси (резьба по дереву); Сосьва, 1935; 33—детская берестяная табакерка; Казым, ханты, 1937

ребенка, направляет и его художественную деятельность. Рисунки школьников динамичны. Темы их взяты из окружающей жизни и природы. Эти рисунки далеко ушли вперед от условности и схематизма

пиктографии, искусству которой учились в детстве их отцы,— они насыщены жизненной правдой, их основная черта — реализм.

Древние верования наложили свои запреты не только на изображение человека. До сих пор мы не встретились с изображением в игрушке таких животных, как медведь, волк, конь, пользовавшихся почитанием народов-анимистов. Изображения почитаемых животных считались священными и игра с ними запрещалась. Так, например, игрушечные медведи, завозимые на север нашими торговыми организациями, в первые десятилетия после революции еще покупались взрослыми хантами в качестве «священных» изображений. Перестройка мировоззрения обских народов, начавшаяся после Великой Октябрьской социалистической революции, привела к постепенному падению и этих запретов.

34

35

36

34 — кукла, вырезанная из коры; манси, Березов, 1937; 35 — деревянная кукла с подвижными руками и ногами; ханты Обского района, 1923 (колл. № 26/4, Музей народов СССР); 36—деревянная кукла удэхе, полностью сохранившая форму идола; Приморская обл., район им. Лазо, с. Гвасюги (собрание автора, Музей игрушки)

Отмирание верований дало возможность детям широко использовать в игре и скульптуру-«подобия», ранее выполнявшие у взрослых роль фетишей. Дети сами прекрасно умеют находить в природе случайные формы, которые они легко ассоциируют с образами животных и человека, не видя в них ничего сверхъестественного. Ненужные более взрослым, они дают детям повод к самым изобретательным и творческим играм.

Эти факты еще раз убеждают в том, что мышление ребенка, вопреки утверждению некоторых буржуазных психологов и этнографов психологической школы, свободно от мистических представлений и не является носителем зародившейся анимизма и антропоморфизма. Мышление ребенка исходит из наблюдений реальной действительности и направляет его действия на дальнейшее освоение различных сторон реальной, окружающей его жизни. Анимистические взгляды общества, в котором развивался ребенок, прививались последнему взрослыми путем соответственного воспитания.

Верования, на протяжении веков державшие в плену сознание человека Обского Севера, не выдерживают натиска новой социалистической системы. То, чего не могли добиться от «идолопоклонников» миссионеры на протяжении двух столетий, совершается гигантскими тем-

пами, без всякого насилия в течение двух-трех десятилетий новог советского строя. Идолы, хранившие традиции деревянной скульптуры от глубокой древности и дожившие до наших дней, теперь стали ненужными. Мы наблюдаем это не только у обских народов, но и у всех народов, застигнутых революцией на той же ступени развития, с одинаковым устройством общественной жизни, с верованиями, сохранившими остатки фетишизма и анимизма. *Везде, где происходит это замечательное явление, оно сопровождается другим любопытным явлением: идолы*

37

38

39

37 — шаманское изображение человека из коры лиственницы: тунгусы; 38 — дух охранитель чукоч; 39 — деревянный идол манси

неизменно оказываются в руках детей. Мы проследили это явление у народов Алтая, Обского Севера и Дальнего Востока. Изображение божества передается ребенку для игры лишь тогда, когда верования отжили и человек не боится, что бывшее божество будет мстить ему и его детям за допущенное «кощунство». Запрет на человеческое изображение снимается, и ребенок имеет полное право получить это изображение для своей игры.

Таким образом, человек, лишив изображение его идеологической сущности, передает в наследство детям лишь древнюю, узаконенную веками, художественную форму человеческой фигуры, от которой он не может еще отрешиться. Однако форма эта претерпевает целый ряд переделок, поправок, прежде чем попадает в руки детям (предусматривается игровой момент — делаются подвижные руки, ноги, добавляется цветность и т. п.) (рис. 34—39). «Всякая мифология,— говорит К. Маркс,— преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении: при помощи воображения и, следовательно, исчезает вместе с действительным господством над этими силами природы»⁴⁷.

В литературе мы находим неоднократные попытки исследователей определить «педагогические способности» и тенденции обских народов. Одно из самых ранних свидетельств о трудовом воспитании у ненцев мы находим у Ламартиньера (1653). «Женщины самоедские...,— писал он,— крайне слабосильны, но очень заботятся обучить своих детей ловкости на охоте, которую они живут»⁴⁸.

⁴⁷ К. Маркс, К критике политической экономии. Введение. Госиздат, 1930, стр. 81.

⁴⁸ Путешествие в Северные страны (1656 г.) П. М. Де-Ламартиньера, Моск. арх. инст., 1911, стр. 73.

Подобное же заключение, что игры детей вогул непосредственно подготавливают их к охотничьей практике, находим в свидетельстве архимандрита Платона (1792): «Самые малолетные других забав не имеют, как только стрелять из луков и бегать около юрт на лыжах, а возрастные всегда почти находятся в трудах на зверином и рыбном промысле, и так в стрелянии из ружей и луков, а при том и в бегании на лыжах за зверьми искусны, что редкий зверь от их с толиким проворством преследования избегнуть может»⁴⁹.

В 1847 г. Иславин заявил, что у самоедов «дети до 14 или 15-летнего возраста ничем не занимаются, разве только помогают родителям ерколтать (загонять) оленей или исправлять легкую работу, и считают-ся совершенолетними только с того времени, когда в состоянии владеть луком, т. е. заниматься промыслами»⁵⁰.

Это утверждение осталось жить на долгие годы, не проверенное повторявшими его авторами⁵¹. Насколько оно необосновано, видно из следующего замечания Г. Н. Прокофьева: «Промысел туземца — это великая и сложная наука, обучаться которой должно с раннего детства, так же упорно и длительно, как обучаются грамоте. Промыслу этому, со всеми его хитроумными мельчайшими деталями, туземный ребенок может обучиться лишь дома, под постоянным и длительным руководством своих опытных в этом деле сородичей»⁵².

Выше мы видели, что мальчик в 11—12 лет становился «добытчиком» и участвовал вместе со взрослыми в промыслах, следовательно, у него имелась уже подготовка к этой сложной науке. Ошибка некоторых исследователей заключалась в том, что они искали привычных им форм регулярного, систематического обучения и выпускали из виду, что основным фактором подготовки ребенка в раннем детстве к труду, требовавшему длительного, постепенного развития нужных качеств и привития специальных навыков у народов, не имевших письменности, могла быть и была игра, сознательно направляемая взрослыми и оснащаемая ими соответствующими действенными игрушками. Игрушки-модели как нельзя лучше служили пособиями при примитивных формах наглядного обучения обращению с оружием и орудиями труда.

Свое «педагогическое credo» обские народы прекрасно сбосновали в мифах о происхождении мира: Нуи, сотворив из сосновых сучьев оленей, рыб, птиц и зверей, показал людям, как делать снаряжение, лыжи, нарты, — все полезные вещи. «Затем, указав на то, что у них будут дети, он приказал их приучать к охоте за зверем, птицей и рыбой и передать все то, что они слышали от него»⁵³. Отсюда внимательное отношение взрослых к ребенку, к его играм и игрушкам.

Советская наука о психологии говорит: «Только на основе личного опыта восприятия ребенка никогда не достигли бы того уровня, который необходим для адекватного познания окружающей действительности. Личный опыт ребенка строится на базе общественно-исторического опыта, который усваивается ребенком»⁵⁴. Чем доступнее игрушка ребенку, чем яснее и шире освещает она ему окружающий мир, — тем шире игра с ней, тем больше удовольствия получает ребенок от игры, тем успешнее протекает у ребенка освоение окружающего мира.

⁴⁹ Платон, архимандрит, Краткие известия о Пермских Черлынских вогуличах. Российский Магазин трудами Феодора Туманского, ч. 1, СПб., 1792, стр. 75—76.

⁵⁰ Иславин, Самоеды, стр. 123.

⁵¹ Так, в 1860 г. утверждение это из слова в слово напечатал Лядов в своей статье «Зауральские финны» («Рассвет», т. 8, 1860, стр. 382).

⁵² Г. Н. Прокофьев, Три года в самоедской школе, «Советский Север», 1931, № 7—8, стр. 152.

⁵³ Н. Л. Гондатти, Следы языческих верований у маньзов, стр. 68.

⁵⁴ К. Н. Корнилов, В. М. Теплов, Л. М. Шварц и др., Психология, изд. 2-е, 1941, стр. 124.

Само по себе удовольствие не является и не может являться сама целью в игре,— последняя часто совмещает одновременно и положительные и отрицательные чувства: ребенку не все удается, он сердится на неудачи, иногда даже плачет, но упорно возвращается к игре, так как стремится достичь результатов в своих действиях. Поэтому очень часто удовольствие испытывается не в процессе игры, а в зависимости от ее результатов, т. е. в момент преодоления трудностей.

Но где же граница, отделяющая труд от игры, игру от труда? Почему некоторые действия ребенка с бытовыми вещами мы называем играми, а последние — игрушками? Из числа бытовых вещей игрушками мы называем именно те вещи, которые в руках ребенка не служат непосредственно добыванию средств питания и общественному труду, а лишь содействуют общему развитию ребенка и привитию ему полезных навыков в процессе игры. Так, например, лыжи вовсе не требуют от ребенка для совершения каких-либо обязательных переходов; катание с гор и прогулки в лес на лыжах не вызваны житейской необходимости, но как только для мальчика наступает пора трудовой деятельности, лыжи-игрушки становятся ему более не нужными; лыжи, аркан, веревки — нужные теперь для работы, должны отвечать всем требованиям промысла; это — уже не игрушки, а предметы первой необходимости, орудия, от качества которых зависит в большой степени благосостояние охотника.

По этому же принципу мы разграничиваем игру и труд ребенка. Игра есть основанная на подражании взрослым самостоятельная познавательная творческая деятельность ребенка; труд его — общественнополезная деятельность. Когда мальчик бегает с луком и охотится на птичек и случайно попавшихся ему зверьков, — это игра, направленная на познание деятельности взрослых. Когда мальчик проверяет специально расставленные для ловли определенных животных ловушки и добыча его увеличивает благосостояние семьи и артели, это — общественнополезный труд.

Как видим из сказанного, игра, вопреки утверждениям Спенсера и Ферворна, служила и служит именно практическим задачам: она подготавливает ребенка к освоению труда. Опровергается и другое их утверждение, что игра «не служит никакому непосредственно жизненному охраняющему инстинкту»: игра служит физическому и интеллектуальному развитию ребенка и является стимулом утверждения жизнеспособности последнего, подводя его к овладению навыками и средствами добывания источников питания.

Опровергаем и третье положение, что «затраты сил на игру оправдываются полученным в игре удовольствием»: затраты сил на игру оправдываются приобретением качеств и навыков, содействующих жизнеспособности ребенка, удовольствие является результатом преодоления трудностей в игре.

«Люди не свободны в выборе того или иного способа производства», — говорит И. В. Сталин, — ибо каждое новое поколение, вступая в жизнь, застает уже готовые производительные силы и производственные отношения, как результат работы прошлых поколений, ввиду чего оно должно принять на первое время все то, что застает в готовом виде в области производства, и приладиться к ним, чтобы получить возможность производить материальные блага»⁵⁵. Это указание товарища Сталина помогает нам окончательно осмыслить и оценить значение и роль игры в жизни человеческого общества и подводит нас к определению социальных корней игры на основе сделанного анализа. Оно же позволяет на-

⁵⁵ И. В. Стalin, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, 1939, стр. 559.

до конца выяснить неточности в теории игры, выдвинутой Вундтом и принятой Плехановым.

Безусловно принимая первое положение теории Плеханова, что «игра есть дитя труда» и что «труд предшествует игре и определяет ее содержание», мы не можем согласиться с другим его положением, что возникновение игры определяется лишь «стремлением снова испытать удовольствие, причиняемое употреблением в дело силы». На основе всего изложенного выше считаем, что причиной возникновения и развития игры является не удовольствие, а потребность в исторической преемственности «характерного признака человеческого общества»⁵⁶ — труда.

Следовательно, труд предшествует игре и определяет ее возникновение, содержание и развитие (а не только содержание). Игра является основным фактором подготовки ребенка к труду, к освоению результатов производственной деятельности прошлых поколений. Игра стимулирует развитие у ребенка суммы качеств и навыков, необходимых в жизни каждого человеческого общества. Таковы, с нашей точки зрения, взаимоотношения игры и труда.

«Экономическая структура общества каждой данной эпохи,— говорит Энгельс,— образует ту реальную основу, которою и объясняется в последнем счете вся надстройка правовых и политических учреждений, равно как религиозных, философских и других воззрений каждого данного исторического периода»⁵⁷.

Наш анализ игр и игрушек обских народов показал, что духовная культура, равно как и материальная, имеет непосредственное влияние на развитие игры, форм и художественного образа в игрушке и что мировоззрение народа устанавливает игрушкам их функциональное значение. Следовательно, игра подводит ребенка к владению материальными и духовными ценностями, т. е. культурой, созданной человеческим обществом в процессе его исторического развития. Игрушка, создаваемая взрослыми в связи с их педагогическими стремлениями,— это предмет, который должен, организуя и сопровождая игру, служить физическому и интеллектуальному развитию детей; предмет, который с раннего детства ребенка постепенно вводит его в владение материальной и духовной культурой человеческого общества.

Нам известно, что «на различных ступенях развития люди пользуются различными способами производства», что «сообразно с этим и общественный строй людей, их духовная жизнь, их взгляды, их политические учреждения — бывают различными»⁵⁸ и что «более высокие формы производства», последовавшие за первобытно-общинным строем, «привели к разделению населения на различные классы и тем самым к противоположности между господствующими и угнетенными классами»⁵⁹. Игры и игрушки обских народов дореволюционного периода являются характерными для общества эпохи распадающегося патриархального родового строя. Они передавали детям навыки мужского и женского труда, анимистическое мировоззрение, бытовое искусство; воспитывали физические качества; в их функции входили также охрана рода (через охрану и увеличение плодородных способностей девочки); охрана и умножение материальных благ потомства (игры-драматизации), по-

⁵⁶ «Где же мы находим характерный признак человеческого общества, отличающий его от стада обезьян? В труде». (Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, стр. 8).

⁵⁷ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 26.

⁵⁸ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 116.

⁵⁹ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1948, стр. 144—145.

скольку в понимании игры и игрушки сохранялся еще первобытный магический элемент («подобное вызывает подобное»). Общность игрушек и игр обских народов с играми и игрушками других народов севера объясняется общностью экономики и общественного строя.

Развитие классов дает другое направление развитию игры, выдвигает новые требования к игрушке. Оно положило начало развитию игрушки технической и военной; игрушки для детей буржуазии и для детей бедняков. Игра и игрушка начинают служить классовым интересам, классовому воспитанию, передают детям идеологию своего класса. Так, будучи вызванными к жизни экономическими потребностями общества, игра и игрушка изменяются в связи с изменением этих потребностей и зависящего от них мышления. Великая Октябрьская социалистическая революция произвела колоссальный переворот в экономическом устройстве России. Она в корне изменила мировоззрение не только обских, но и многих других народов, которые испытали на себе гнет самодержавия. Мы видели, как постепенно освобождалось сознание обских народов от анимистических представлений и какие изменения испытала игрушка, сбросив с себя древние религиозные запреты; мы отмечали также, какое широкое развитие получили игровая и изобразительная деятельность детей, когда отмирающие анимистические представления перестали передаваться по наследству. Все это убеждает нас, что игра и игрушка не являются лишь только «зеркалом быта» народов. Они отражают экономическое устройство общества, его мировоззрение, экономический прогресс и вытекающие из него перестройку сознания и рост культуры, так как их основная функция — передача потомству результатов деятельности старших поколений, передача опыта их общественной жизни.

С. И. РУДЕНКО

ДРЕВНЕЙШАЯ «СКИФСКАЯ» ТАТУИРОВКА

Раскопки, проведенные Институтом истории материальной культуры им. Марра Академии Наук СССР в 1947—1948 гг. в Горном Алтае, существенно расширили наше представление о быте населения в те отдаленные времена, когда в степях Евразии процветала скифская культура. Несмотря на то, что раскапывались курганы, заведомо ограбленные, они с такой полнотой освещают эту культуру, как ни один из ранее раскопанных курганов этого времени. Благодаря раскопкам Пазырыкской группы курганов теперь нам известны не только образ жизни и занятия населения, не только виды, но и породы разводившихся в то время домашних животных, виды промысловых животных, пищевые продукты, предметы домашнего обихода и утварь, одежда и украшения, в деталях — техника обработки растительных и главным образом животных материалов, красильное дело, гончарство и обработка металлов, способы и средства передвижения, вооружение, музыкальные инструменты и изобразительное искусство, общественный строй и международные сношения, идеология и вытекающие из нее обряды. О результатах этих раскопок в известной мере можно судить по предварительному сообщению о работах, проведенных в 1947 г.¹ Не менее плодотворными оказались работы и 1948 г. Самым же замечательным открытием 1948 г. была обнаруженная на теле погребенного вождя татуировка.

Этот племенной вождь погиб в бою. Его череп пробит в трех местах боевым чеканом. По скифскому обычаю, враги сняли с него скальп. Соплеменники, его похоронившие, опять же по скифскому обычаю, набальзамировали его тело и вместе с ним погребли его жену или наложницу, также набальзамированную. Татуированными у вождя оказались грудь и спина, обе руки и голени.

О татуировке скифских племен прямых исторических указаний нет. По сообщению Гиппократа², «вся масса скифов, сколько ни есть их кочевников, прижигают себе плечи, руки и кисти рук, груди, бедра и чресла, но не для чего иного, как объясняет знаменитый врач, как из-за слабости и вялости, чтобы быть энергичнее». О царских скифах Геродот писал³, что они «делают себе на руках порезы» в знак печали при похоронных обрядах, вместе с отрезанием частей уха и прокалыванием левой руки стрелой. О наличии татуировки у соседей скифов — агафиров — сообщают позднейшие авторы. Так, Помпоний Мела⁴ пишет, что они «разрисовывают лица и тела... одними и теми же рисунками и так, что смыть их невозможно», а Аммиан Марцелин⁵ добавляет, что пле-

¹ С. И. Руденко, Второй Пазырыкский курган, изд. Государственного Эрмитажа, Л., 1948.

² Hippocrates, De aeg..., 26.

³ Геродот, История, IV, 71.

⁴ Pompilius Mela, De chorografia, kn. II, 10.

⁵ Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt, kn. 31, 14.

мя это раскрашивало все тело голубым узором. По словам Плиния, «даки и сарматы мужчины расписывали себе тело»⁶.

Тем больший интерес представляет татуировка, открытая на Алтая в погребении, относящемся к V—IV вв. до н. э. (рис. 1а, б). Татуировка эта могла быть выполнена путем прошивания или уколов с введением

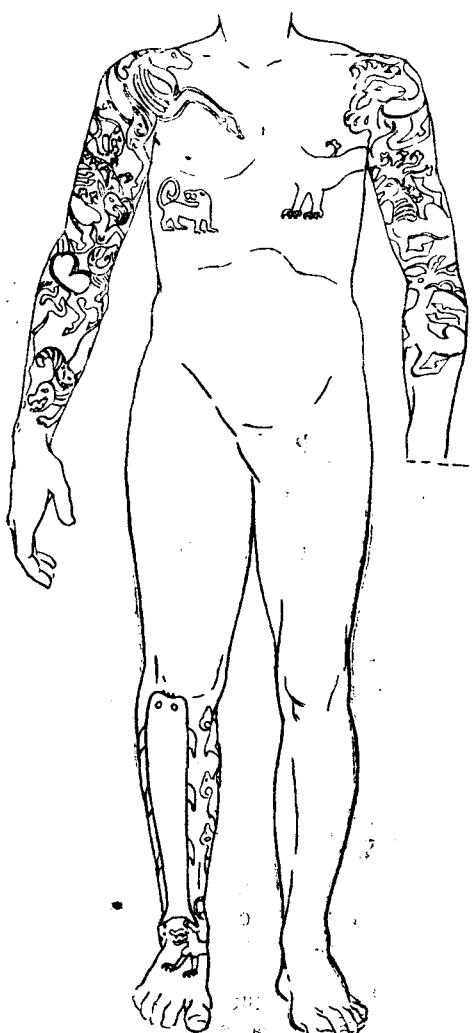

Рис. 1а

то вряд ли был так тучен, как перед смертью.

При жизни человека татуировка, выполненная сажей, как и всегда, имела на белой коже голубой цвет, а на смуглой — темносиний. В момент открытия тела она была почти черного цвета на коричневом фоне кожи.

Плохо сохранилась татуировка на груди, особенно в левой ее части в области сердца. Здесь кожа и мышечная ткань были разрушены. Тем не менее ясно, что как раз над сердцем была изображена передняя часть туловища, точнее голова, основной фигуры во всей татуировке — фантастического зверя или львиного грифона. Его туловище проходило под левой рукой, а над левой лопаткой была изображена задняя поло-

глубоко под кожу черного красящего вещества, по всей вероятности, сажи. Прием накалывания более вероятен, чем прошивание, хотя племена Алтая в это время имели тончайшие иглы и нитки и с успехом могли пользоваться последним приемом. Исключительно тонкие беличьи и собольи шкурки — одежда из того кургана, что и татуированное тело, — с нижней стороны прошиты декоративными рядами сплошных швов, выполненных сухожильными нитками — такими мелкими стежками, что на один сантиметр их приходилось 16—18. При этом стежками захвачен только самый поверхностный слой кожи, нигде они не проходят наружную сторону, покрытую волосами. Значительная глубина проникновения краски в тело позволяет думать, что татуировка все же была выполнена путем наколов. Несомненно также, что татуировка производилась задолго до смерти этого престарелого вождя, возможно, еще в молодости. Дело в том, что это был субъект тучный, с сильно развитой подкожной жировой клетчаткой. Обильный слой жира, непосредственно залегающий под кожей, не был окрашен, между тем мышцы под ним, на участках непосредственно под татуировкой, были интенсивно окрашены в черный цвет. Во время татуировки вождь, если и не был худ

⁶ Plinius Secundus, *Naturalis historia*, кн. 22.

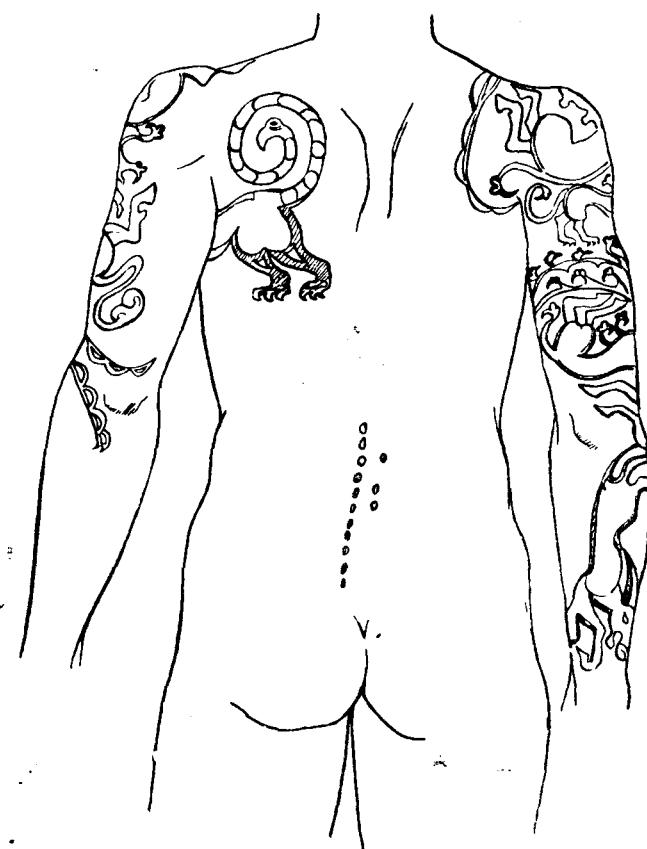

Рис. 16

Рис. 2

вина зверя с длинным приподнятым кверху и спирально завившимся хвостом с птичьей головкой на конце. Хотя передняя часть зверя с головой не сохранилась и передние лапы с трудом различимы (рис. 5), голове мы можем составить представление по аналогичным изображениям на правой руке (рис. 5 и 8) или на правой ноге внизу (рис. 11).

В изображении этого зверя особого внимания заслуживают оформление когтистых задних лап, хвост, заканчивающийся птичьей головкой и птичья же головка у основания шеи. Вся вообще фигура стилизована передана в условной манере, особенно задние лапы. Подчеркнуты острые могучие когти зверя, особым завитком намечены пятки, треугольные прорезями подчеркнута мускулатура лап. Эта манера изображения хищника с острыми, резко выступающими когтями, как увидим, свойственна всем изображениям хищников в татуировке. Замечательно, что в совершенно такой же манере выполнены когтистые лапы хищников в жестных скифо-сибирских пластинах коллекции Петра I, хранящейся в государственном Эрмитаже, например, изображения борьбы хищника змеем, рогатого хищника и тигра и др.⁸

Особый интерес представляет изображение головки птицы на конце хвоста. Змеиная или птичья головки на конце хвоста известны в изображениях фантастических чудовищ в Передней Азии, по крайней мере 2000 лет до н. э. Из Двуречья этот элемент вместе с другими художественными мотивами проник к хеттам; мы находим его в скульптуре и барельефах древних хеттских городов⁹ уже в XIV в. до н. э. В загадной причерноморской Скифии этот мотив хотя и известен, но только единичных находках. В Горном Алтае он получил широкое распространение в половине первого тысячелетия до н. э. Птичья голова заканчиваются хвосты фантастических зверей на известных деревянных барельефах из Катандинского кургана, раскопанного Радловым в 1865 г. То мы имеем на конце хвоста крылатого львиного грифона, на одной из сдельных покрышек из первого Пазырыкского кургана, на конце хвоста хищных, нередко фантастических животных, изображенных в золотых пластинках скифо-сибирской коллекции Петра I¹⁰. Следует, впрочем, отметить бросающуюся в глаза, далеко зашедшую условность в изображении птичьих голов на конце хвоста животных в алтайских находках, что указывает на сравнительно поздний этап в воспроизведении этого мотива.

Птичья головка на тонкой шее изображена и у основания шеи рассматриваемого зверя. Поскольку этот зверь сохранился не полностью, трудно сказать, имелось ли только одно изображение этой головки, как это мы видим на рисунке фантастического зверя татуировки правой руки (рис. 8), или таких головок было несколько, как это видно на изображении фантастического же зверя в татуировке ноги (рис. 15). Впрочем, местоположение головки птицы на рис. 1, у основания шеи фантастического зверя, скорее говорит о том, что она была одна. Подобную же одиночную головку мы имеем и на изображении тигра в одной из сложных композиций борьбы зверей в большой золотой пластине из коллекции Петра I¹¹. Вторая малая фигурка зверя, изображенная на правой стороне груди (рис. 2), также плохо сохранилась, но в ней хорошо различимы поза зверя, его приподнятый кверху, изогнутый кольчатый хвост, зубастая повернутая назад голова.

Особенно хорошо, за исключением части на плече, сохранилась татуировка правой руки, покрывающая ее полностью, начиная от плеча

⁷ Рисунки татуировки разобраны и скопированы с оригиналов В. М. Сунцовой и Н. М. Руденко.

⁸ См. И. Толстой и Н. Кондаков, Русские древности, вып. 3, 1890, рис. 56, 60, 61, 64.

⁹ E. Pottier, L'art Hittite, 1926.

¹⁰ И. Толстой и Н. Кондаков, Указ. раб., рис. 59, 61, 64, 74.

¹¹ Там же, рис. 64.

до кисти. В развернутом виде эта татуировка дана на рис. 3. Внизу — изображение кулана или осла с вывернутым задом; на одном с ним уровне — изображение фантастического крылатого зверя, выше — горного козла с вывернутым задом, затем в той же позе — оленя с птичьим клювом на конце морды, опять клыкастого хищника и, наконец, на плече — оленя с вывернутым задом.

Рис. 3

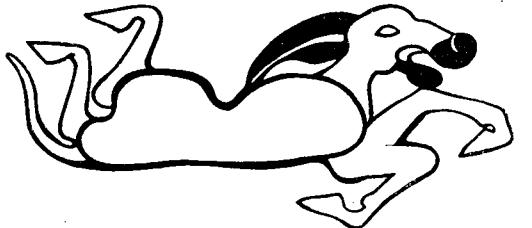

Рис. 4

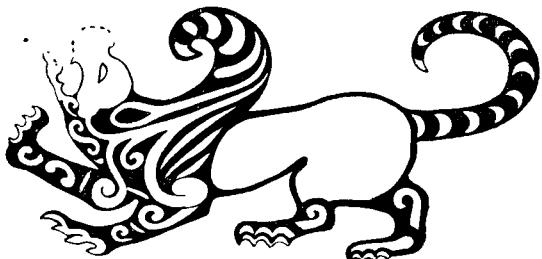

Рис. 5

Прежде всего следует подчеркнуть излюбленный в эту эпоху на Алтае прием изображения пораженных животных с вывернутым задом. Это, как правило, копытные животные, редко хищники. Вывернутая кверху задняя половина тела — очень древняя сумерская манера изображения. Ее мы знаем и в архаических греческих геммах¹², но, как и в Передней Азии, подобные изображения встречаются крайне редко; на Алтае же это один из самых излюбленных мотивов. Его мы встречаем прежде всего в сценах нападения хищников на копытных животных на седельных покрышках из первого и второго Пазырыкских курганов, в отдельных изображениях зайцев и горных баранов из кургана третьего, волков из кургана четвертого. Тот же прием изображения жертвы с вывернутым задом мы имеем в золотых скифо-сибирских украшениях коллекций Петра I там, где орел держит в лапах горного козла¹³ или рогатый и крылатый хищник напал на лошадь¹⁴ или, наконец, барс терзает лося¹⁵.

Осел (рис. 4) изображен с подогнутыми передними ногами и выкину-

¹² A. Fürtwängler, *Die Antiken Gemmen*, 1900, табл. III, рис. 38 и 39; табл. VIII, рис. 70.

¹³ И. Толстой и Н. Кондаков, Указ. раб., рис. 43.

¹⁴ Там же, рис. 62.

¹⁵ Там же, рис. 72.

тыми задними. Изображение — схематическое, и род животного выяляется только формами копыт, длинными ушами и формой хвоста.

Крайне интересно противопоставленное ему изображение фантастического крылатого хищника (рис. 5). Голова с раскрытым зубастой пастью и вздернутым кверку кончиком носа, прием, кстати сказать, часто встречающийся в изображении фантастических животных в золотых пластиках коллекции Петра I¹⁶. Тело типично кошачье, с кошачьим приподнятым кверху кольчатым хвостом. Мускулатура когтистых лап, особенно задних, передана чисто орнаментальными завитками. Своеобразно оформлены крылья с загнутыми вперед концами так, как в медных крытых

Рис. 6

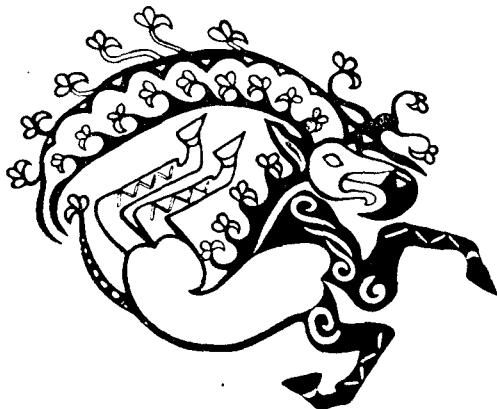

Рис. 7

золотом подвесках, изображениях рогатого львиного грифона из второго Пазырыкского кургана или как на различных скифо-сибирских золотых пластинах¹⁷, но там они выполнены по резной модели и более реалистично, здесь графично и в такой мере орнаментально, что отдельные их элементы непосредственно переходят в изображение груди с шеей и ушами и даже ног.

Замечательно по своей декоративности изображение горного козла (рис. 6). Все внимание оператором-артистом, наносившим татуировку, было обращено, как и в других изображениях копытных, на переднюю часть туловища, на голову, грудь и передние ноги. Остальное тело животного представлено элементарной графической схемой. Просто, но с поразительным мастерством передана типично козлиная голова с круто загнутыми, кольчатыми большими рогами. Густая и длинная, идущая от подбородка до груди борода свисает клочьями. Особыми завитками подчеркнута мускулатура ног. В коллекции скифо-сибирского золота так изображенных горных козлов мы не знаем, но среди седельных и уздечных украшений из данной Пазырыкской группы курганов их не мало как в сценах нападения на козлов хищников, так и в отдельных их воспроизведениях.

Еще выразительнее и, пожалуй, декоративнее изображение расположенного выше оленя (рис. 7). Помимо вывернутого зада, здесь налицо еще несколько условных приемов в изображении. Не в меру длинный для оленя хвост с птичьей головкой на конце, ветвистые рога и «грива»

¹⁶ И. Толстой и Н. Кондаков, рис. 56, 57, 61, 64, 74.

¹⁷ Там же, рис. 59, 62, 64, 65.

увенчаны сериями птичьих головок, наконец, морда, оканчивающаяся орлиным клювом. Птичий головки на конце хвоста, на отростках рогов и на загривке выполнены схематично так же, как и на рис. 1. Они представлены клювом, глазом и ухом. Более детальная проработка этого мотива в татуировке была очевидно затруднительна. Этот своеобразный прием оформления отростков рогов оленя в виде птичьих головок известен и у западных причерноморских скифов. Его мы знаем на золотой пластине из Акмечетского кургана в Крыму и из кургана у с. Аксютинцы Киевской обл. На пластине из Аксютинец — головы явно ушастого орлиного грифона с гребнем. На акмечетской пластине грифоны головы много схематичнее и приближаются к нашим горноалтайским. Петушиные головки на отростках оленевых рогов мы знаем из того же второго Пазырыкского кургана, в

котором был похоронен татуированный вождь. Птичий головки имеются на отростках рогов фантастического зверя деревянной пластины из Катандинского кургана, особенно же их много на золотых пластинах, коллекции Петра Г¹⁸.

На некоторых из упомянутых пластин птичий головки посажены не только на отростки рогов, но, как и на олене, посажены в ряд на загривке. На золотых пластинах в одних случаях грифоны головки более или менее тщательно проработаны, в других — схематичны и приближаются к изображениям головок татуировки. Изображение оленьей или лосиной головы с орлиным клювом также известно в скифо-сибирских золотых пластинах. Особенно четко это можно видеть в изображении лосиной головы на круглой золотой бляхе¹⁹ или на изображении фантастического зверя в одной из пластин²⁰. Грудь и передние ноги олена украшены различными завитками в том же стиле, как и передние ноги горного козла (рис. 6).

Хищник (рис. 8) явно кошачьей породы, о котором уже упоминалось, с большой головой, разинутой зубастой пастью, причем верхняя челюсть оформлена, как птичий клюв. Небольшие уши. Стоит на четырех когтистых лапах. Хвост кольчатый с «птичьей головкой» на конце, причем головка эта оформлена иначе, чем большинство остальных подобных, и похожа на головку птицы на конце хвоста большого зверя (рис. 2). Птичья головка обычного типа у основания шеи. Изображение тела схематичное.

Выше всего на плече расположено крупное изображение олена с не вполне распознаваемой головкой (рис. 9). Вследствие особого положения этого изображения, покрывающего плечо сверху и с боков, оно местами условно и орнаментально. Передние ноги выкинуты вперед, зад с коротенькими ножками вывернут; у основания шеи и на конце хвоста — птичий головки; один рог с рядом птичьих головок, другой передан условно непрерывным рядом сегментов. Особое внимание оператором-артистом было обращено на разделку груди олена сериями взаимно связанных систем завитков, объединенных в общую графическую схему.

Татуировка на левой руке сохранилась хуже и, поскольку пока удалось установить, состояла из трех самостоятельных изображений (рис. 10), которые представляют собой фигуры двух оленей и одного горного козла, с подогнутыми на прыжке передними ногами, вывернутым задом и приподнятыми кверху задними ногами. Самое интересное и луч-

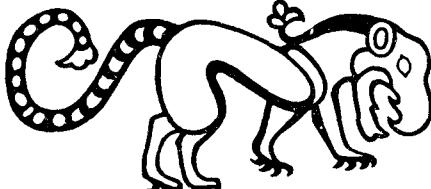

Рис. 8

¹⁸ И. Толстой и Н. Кондаков, Указ. раб., рис. 56, 57, 61, 64, 74.

¹⁹ Там же, рис. 72.

²⁰ Там же, рис. 59.

Рис. 9

Рис. 10

Рис. 11

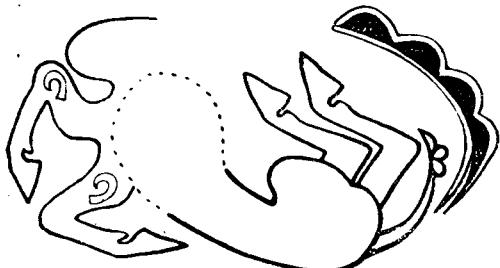

Рис. 12

Рис. 13

ше других сохранившееся — среднее изображение оленя (рис. 11). Его морда, как и на рис. 6, заканчивается орлиным клювом. На отростках ветвистых рогов птичий головки. Частично рога намечены серией сегментов, в той же условной манере их воспроизведенья, которая в виде схемы уже отмечена нами на предыдущем изображении (рис. 9) и повторена на ниже расположеннем (рис. 12). Три птичий головки изображены и вдоль шеи. Хвост длинный, явно кошачий, как и в ранее рассмотренных изображениях; волнистыми и спиральными линиями разделана грудь. Здесь, как и в изображении другого оленя (рис. 7), нарочито смешаны признаки оленя, орла и хищника кошачьей породы. У оленя, изображенного ниже на той же левой руке (рис. 12), хвост оканчивается головкой птицы. Как и на правой руке, плечевая фигура — самая крупная. Она изображает горного барана или козла (рис. 13). Сохранилась она плохо, но ясно различим глаз, большие кольчатые рога и густая борода. Борода, как и грудь, разделана в принятых и излюбленных артистом волнистых линиях и завитках, что придает особую декоративность этому (как и представленному на рис. 9) изображению.

Хорошо разобрана татуировка на правой ноге. Левая нога была сильно порублена грабителями, и уцелевшие участки татуировки ее еще надлежащим образом не изучены. Основное изображение на правой стороне голени от коленной чашечки до щиколотки — рыбы (рис. 14). У рыбы кружками намечены глаза, затем жаберные щели, хвостовый раздвоенный плавник и три пары плавников боковых. Судя по общему очертанию тела и головы, по форме хвостового плавника, а главное — по наличию трех усиков у рта (одного на подбородке посередине и двух у передних носовых отверстий), надо полагать, что мы имеем дело с изображением налима. Следует отметить, что такая же манера изображения рыбы, а именно налима, известна на покрышке одного из седел первого Пазырьского кургана там, где рыба схватила голову барана, и в седельных подвесках того же кургана. Там эти изображения еще более условны. Ниже рыбы, на стопе, от верхней ее поверхности под внутренним мышцелком и сзади над пяткой имеется еще одно изображение фантастического рогатого, с кошачьим хвостом зверя (рис. 15). Кончик носа загнут кверху более отчетливо по сравнению со зверем на рис. 4 и так, как на упомянутых выше золотых пластинках коллекции Петра I. Зубастая и клыкастая пасть разицута, на конце рога шарик, лапы с мощными когтями, хвост кольчатый приподнят кверху и спиралевидно изогнут, на шее у ее основания три птичий головки.

Обращают на себя внимание шарики, как бы вылетающие изо рта только что описанного зверя. Полагаю, что эти кружки татуировки не имеют непосредственного отношения к изображению зверя. Подобные кружки — одним длинным и другим коротким рядами — татуированы на спине вождя, по обеим сторонам позвоночника до поясницы. Они, как и те, что находятся на спине, служили, вероятно, медицинским целям как утоляющие местные боли того или иного происхождения. Такое назначение подобной татуировки хорошо известно этнографам.

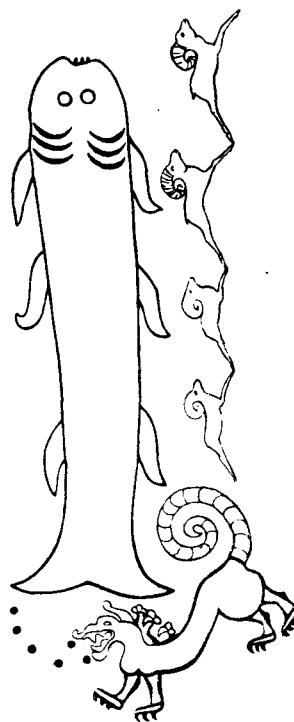

Рис. 14

С внутренней стороны ноги вдоль голени, параллельно изображению рыбы, изображены в ряд четыре мчащихся горных козла с вытянутыми вперед и назад ногами (рис. 14). Фигуры этих козлов ногами касаются друг друга и представляют собой одну динамическую композицию. При схематическом изображении фигуры эти достаточно реалистичны, и никакой условности, наблюдающейся во всех других изображениях, в них нет. Простыми графическими контурами мастерски передано и строение животных, и стремительность их бега. У двух передних животных рога кольчатые, у задних переданы общим контуром.

Рис. 15

Выше этой группы имеется еще одно недостаточно выясненное изображение полусидячего рогатого и крылатого зверя с длинным хвостом, заканчивающимся птичьей головкой. Таковы мотивы татуировки и художественное их оформление. Каково же было назначение этой татуировки?

В интересующее нас время татуировка у различных народов имела многообразное назначение. По сообщению Геродота, у фракиян «порезы на коже означали благородное происхождение; не имеющий их не благороден»²¹. По свидетельству Помпона Мели, агафирсы «разрисовывали свои лица и тела более или менее, смотря по степени благородства»²². Позднее этот обычай отмечен и у динлинов и у наследовавших им киргизов, у которых татуировка была привилегией храбрейших. В древности раба носила на теле выполненное татуировкой имя своего хозяина. Более того, Геродот рассказывает, что во времена Дария Гистаспа татуировкой пользовались для конспиративной переписки. К Аристагору — тирану Милета — «из Суз от Гистиэя пришел раб с исписанной головой, указя на то, что Аристагору следует восстать на царя. Желая дать знать это Аристагору, Гистиэй, вследствие того, что дороги охранялись стражей, мог сделать это безопасно только следующим образом: вернейшему из рабов он сбрал волосы на голове и исписал ее уколами, потом дал волосам отрасти. Как скоро волосы выросли, он отоспал раба в Милет с единственным поручением: по прибытии на место предложить Аристагору обрить его и осмотреть голову, а уколы на голове приглашали, как сказано, к возмущению»²³.

Таким образом, татуировка алтайского вождя, вероятнее всего, отмечала его знатное происхождение или его мужество, или и то и другое вместе. С другой стороны, не случайно изображение на груди в области сердца львиной или грифоновой головы, основной фигуры во всей татуировке. Это изображение, как и все остальные изображения фантастических зверей, могло иметь апотропическое назначение. Однако наряду с этими изображениями наличие в татуировке ряда бегущих горных козлов как бы указывает на то, что на данном этапе развития горноалтайского общества татуировке придавалось и чисто декоративное назначение.

Каково бы ни было назначение рассмотренной татуировки вождя, исключительный интерес представляет сюжетная и в мельчайших деталях стилистическая общность ее со значительной серией скифо-сибир

²¹ Геродот, История, III, 6.

²² Р. Мела, Указ. раб., кн. II, 10.

²³ Геродот, История, V, 35.

ских золотых вещей коллекции Петра I. Напомним происхождение последней. Петром вследствие донесения сибирского губернатора кн. Черкасского о золоте, находимом в могилах, был в 1721 г. издан указ: «Куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать Сибирскому губернатору, или кому где надлежит, настоящею ценою, и, не переплавляя, присыпать в Берг и Мануфактур коллегию». В 1726 г. Берг и Мануфактур коллегия передала в кунсткамеру до 250 предметов, весивших около 30 кг, но уже в 1742 г. об этих вещах было известно только, что они из могил между Уралом и Алтаем. Коллекция эта неоднородна, в ней есть вещи и более ранние, и сравнительно поздние, из Западной и Центральной Сибири. Большинство все же относится к скифскому времени, начиная с VII и кончая I веком до н. э., и происходит, повидимому, из Горно-Алтайской области.

Аналогии между предметами коллекции Петра I и находимыми до последнего времени при раскопках на Алтае не были достаточными для установления единства их происхождения. После раскопок курганов Пазырыкской группы можно с полной уверенностью утверждать, что значительная часть эрмитажного собрания скифо-сибирского золота происходит из богатых погребений Горного Алтая. Что это так, ясно уже из одного сопоставления мотивов татуировки вождя с мотивами и стилем многих изображений на сибирских золотых пластинах. Листовое золото, в большом количестве находимое во всех курганах Пазырыкской группы, это фактически белое золото, добываемое в натуральном виде на Алтае из электрона, и сибирские золотые пластины (по крайней мере часть из них). Теперь, с новыми данными, вскрывшими во всей полноте высокую культуру племен Горного Алтая второй половины первого тысячелетия до н. э., и знаменитое петровское собрание «скифо-сибирского золота» находит свое место в общей истории народов великого Советского Союза.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

П. Е. ТЕРЛЕЦКИЙ

О МЕТОДАХ АНАЛИЗА И КОРРЕКТИРОВАНИЯ ДАННЫХ ПЕРЕПИСЕЙ ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Разработка методов анализа и корректирования данных довоенных переписей населения зарубежной Европы в части этнического состава ставит своей задачей приближение этих данных к действительному положению и приведение их в наиболее сопоставимый и сравнимый вид.

В этих целях должны быть освещены и разрешены следующие вопросы: а) установление признаков, определяющих этнический состав в каждом отдельном государстве; б) критическая оценка как самих признаков, так и их конкретной (числовой) характеристики — выявление степени идентичности и сопоставимости их; в) выбор признака, практически приемлемого и наиболее отражающего этнический состав, и г) установление методов корректирования данных переписей — приближения последних к действительному положению и приведения их в наиболее сопоставимый и сравнимый вид.

В результате, после обработки данных переписей, должны быть получены сводные таблицы этнического состава населения отдельных стран и в целом зарубежной Европы, а также данные о территориальном (по странам) размещении отдельных национальностей.

Признаки, определяющие этнический состав населения

В практике использования данных западноевропейских переписей об этническом составе довольно часто наталкиваешься на разнохарактерность как самих программ переписей (например, учитывающих этнические признаки или не принимающих во внимание последнее), так и самой сущности этнического состава — понятий этнических признаков.

Так, из 31 государства зарубежной Европы:

а) этнический состав учитывается по двум признакам — национальности или народности и языку — в следующих пяти государствах: в Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии и Югославии, с удельным весом населения их во всем населении зарубежной Европы в 16,2%;

б) этнический состав определяется по данным о языке в 15 государствах: в Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Ирландии, Испании, Италии, Нидерландах, Норвегии, Польше, Турции, Финляндии, Швейцарии и Швеции, с удельным весом населения в 69,3%, и

в) этнический состав не учитывается (или в лучшем случае выделяются иностранцы) в 11 государствах: в Дании, Португалии, Франции, а также в Албании, Люксембурге, Исландии, Андорре, Монако, Сан-Марино, Ватикане и Лихтенштейне, с удельным весом населения в 14,5%.

Из перечисленных выше государств, не учитывающих в своих переписях этнического момента, кстати сказать, имеющих довольно однородный этнический состав, почти по всем из них имеются разного рода литературные источники, отмечающие приближенно, разумеется, их этнический состав.

Разнохарактерность источников об этническом составе усугубляется еще и различным пониманием самих этнических признаков. Так, в большинстве государств понятие национальности отождествляется с понятием родного языка. Особенно это обстоятельство относится к более ранним переписям. Еще в 1876 г. на Петербургском международном статистическом конгрессе этому вопросу было уделено большое внимание. Тогда было установлено, что определение национальности является определением субъективным, основанным на самосознании опрашиваемого, и что для точного определения каждым опрашиваемым своей национальности необходимо устранить всякое давление на опрашиваемых со стороны государственных органов, причем за родным языком как этническим признаком признавалось лишь подчиненное значение. Это теоретическое положение, по существу не отмененное до настоящего времени, на практике получило, как мы уже видели, весьма слабое распространение. А самое понятие национальности при переписях стало предметом различного рода политических махинаций.

Так, имело место вполне сознательное смещение понятий гражданства или подданства с национальностью (Германия); выделение основной национальности путем учета иностранцев, например в Дании, а также в Англии и Уэльсе, в предположении, что остальное население относится к государственной национальности — соответственно датчанам или англичанам; смещение понятий натурализованного населения с основной государственной национальностью (Франции); в Чехословакии национальность определялась как племенная принадлежность (1921 г.). В основном же в определении национальности превалировали (вопреки постановлению Петербургского конгресса) элементы происхождения, а не принцип национального самосознания. В подавляющем же большинстве государств, как мы уже отмечали, определяющим этническим признаком являлся язык опрашиваемого. Но и в этом случае не было единства и достаточной четкости в понимании. Здесь имел место родной язык, материнский и отцовский язык, разговорный и домашний язык и любимый язык (Польша), причем даже в пределах одного и того же государства понятие языка иногда менялось. Так, например, в 1921 г. в Чехословакии национальность определялась по материнскому языку, а в 1930 г. национальная принадлежность устанавливалась по родному языку.

Что касается признака религиозной принадлежности, то хотя регистрация при переписях этого признака наряду с родным языком довольно частое явление (Венгрия, Греция, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия и др., причем по Греции, например, даются комбинационные таблицы по языку и религиозной принадлежности) и, хотя этот признак является к тому же наиболее консервативным и устойчивым, все же при определении этнического состава он имел весьма ограниченное практическое применение (например, при установлении численности еврейского населения, где национальный и религиозный моменты наиболее тесно связаны, а признак языка не является отражающим их этническое положение). Тем более религиозный признак не может быть практически использован в отношении национальностей (в одном государстве), имеющих одну и ту же религию.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, имеющее важное значение в вопросе определения этнического состава. Мы имеем в виду отрицательное влияние политики капиталистических стран в отношении признака национальности, выражющееся в систематическом затушевывании значения национальных меньшинств и стремлении преувеличивать удельный вес основной национальности.

Как постановка вопросов при переписях, так и сводные данные не всегда являются точными, правильно отражающими этнический состав. Так, рассмотрение программ и сводных данных переписей некоторых государств дает возможность установить следующее.

1. Недостаточное понимание различий признаков — национальности и языка, объясняющееся, по крайней мере в начальный период организации переписей, недостаточной актуальностью и осознанностью самого вопроса — выявления этнического состава. Та или иная характеристика этнического состава, видимо, удовлетворяла практические потребности государств.

2. Впоследствии же, с развитием капитализма, когда национальный вопрос стал приобретать все большее и большее значение, постановка вопросов об этнических признаках в переписных формулярах и сводных таблицах все более стала отражать требования, далеко идущие за пределы установления действительного этнического состава населения. Шовинистическая политика буржуазии господствующих наций находила здесь наиболее полное отражение. Вопрос о национальности, как наиболее существенном этническом признаком, все более и более уступал вопросу о языке, как наиболее гибкому, особенно легко поддающемуся (при опросе населения) политическому, экономическому и моральному воздействию со стороны правящих классов. Это же обстоятельство приводило иногда к простой фальсификации данных переписей — преувеличению численности ведущей национальности и преумножению значения национальных меньшинств. Подобные действия, безусловно, не способствовали выявлению действительного этнического состава и довольно часто отражали политику насилиственной денационализации отдельных народностей — полонизации украинцев и белоруссов, германизации, русификации (1897) и т. п. Проявление националистических тенденций можно усмотреть в данных германских переписей, на Балканах, в Польше и в других государствах. Так, преувеличенный удельный вес, как увидим далее, основной национальности во Франции, Португалии и ряде других государств и игнорирование при переписях в этих государствах регистрации этнических признаков могут быть объяснены теми же тенденциями скрыть действительное представление о национальных меньшинствах.

3. Искажения (непосредственные и путем нажима на опрашиваемое население) действительного этнического состава особенно проявлялись в пограничных областях, как правило, смешанного населения. В пограничных спорах из-за территории, для оправдания насилиственного захвата в прошлом, в программах переписей можно усмотреть сознательное уклонение от правильной постановки вопроса об этнической принадлежности.

Останавливаясь на первых двух факторах, характеризующих этнический состав населения, — национальности (народности) и родном языке, мы должны предварительно ответить на следующие вопросы:

а) каковы количественные различия между показателями национальности (народности) и языка, насколько национальный состав отличается от состава населения по языку и имеется ли возможность перевода данных по языку в показатели национальности;

б) каковы различия в понятиях родного языка, материнского или отцовского, разговорного или домашнего языка и т. п. и можно ли принять эти понятия или, вернее, их количественное отражение за идентичные, и

в) какой из факторов — национальность или родной язык — может быть положен в основу этнического состава государств зарубежной Европы.

* * *

Для освещения вопроса о различиях между показателями национальности и языка мы, к сожалению, имеем небольшой сравнительно материал, касающийся в основном Венгрии, Румынии, Болгарии и Чехословакии, а также Югославии — государств с наиболее смешанным этническим составом, или в течение длительного периода подвергавшихся чужеземному влиянию.

Обратимся к данным переписей, характеризующим этнический состав некоторых государств в зависимости от факторов — национальности и языка.

Этнический состав некоторых государств (в процентах)

Болгария (1926)			Венгрия (1941) в границах на 1. I. 1938 г.			Румыния (1930)		
название национальности	по национальности	по языку	название национальности	по национальности	по языку	название национальности	по национальности	по языку
Болгары . .	83,2	83,7	Венгры . . .	95,7	92,9	Румыны . . .	71,9	73,0
Турки . . .	10,5	11,1	Немцы . . .	3,3	5,1	Венгры . . .	7,9	8,6
Греки . . .	0,2	0,2	Хорваты (кро- аты) . . .	0,0	0,4	Немцы . . .	4,1	4,2
Румыны . . .	1,3	1,5	Словаки . . .	0,2	0,8	Русские . . .	2,2	2,5
Цыгане . . .	2,5	1,5	Румыны . . .	0,1	0,2	Болгары . . .	2,0	1,9
Евреи . . .	0,9	0,8	Сербы . . .	0,0	0,1	Украинцы . . .	3,1	3,6
Татары . . .	0,1	0,1	Словенцы . . .	0,0	0,1	Евреи . . .	4,0	2,8
Прочие . . .	1,3	1,1	Цыгане . . .	0,3	0,2	Турки (и га- гузы) . . .	1,6	2,2
			Евреи . . .	0,1	0,0	Цыгане . . .	1,5	—
			Прочие . . .	0,3	0,2	Прочие . . .	1,7	1,2

Характерными в приведенных данных являются следующие моменты:

1. Превышение удельного веса основной и некоторых наиболее крупных национальностей по языку по сравнению с удельным весом по национальности: в Болгарии (относительно слабое) и Румынии (а также и в Чехословакии) за счет нацименьшинств (цыган, евреев и некоторых других) и, наоборот, превышение удельного веса основной национальности по признаку национальности по сравнению с удельным весом по языку в Венгрии в 1941 г. — венгров, а также евреев и цыган, за счет других национальностей — немцев, хорватов, словаков, словен и румын. Аналогичную картину наблюдаем и по Югославии.

Противоречия, выявляемые из рассмотрения этнического состава Болгарии, Румынии и Чехословакии, с одной стороны, и Венгрии и Югославии, с другой, — лишь кажущиеся: на самом деле данные об этническом составе по языку и национальности отражают одни и те же шовинистические тенденции; в первом случае (в Болгарии, Румынии и др.) они выявляются в показателях языка как потенциальном признаке последующей ассимиляции, а во втором (в Венгрии и др.) — в показателях национальности, как явно отражающих собой эти тенденции.

Так, анализируя данные венгерской переписи 1941 г., мы обнаруживаем здесь исключительное проявление этих тенденций — мадьяризацию национальных меньшинств. Например, из общего числа 75,9 тыс. словаков, показавших своим родным языком словацкий, отнесено (по переписи) к словакам по национальности лишь 16,7 тыс., или 22%, а остальные — к венграм; из общего числа румын, соответственно, — 53,5%, хор-

ваторов (кроатов) — лишь 12,1% и т. д. Что же касается присоединенности Венгрии в 1938 и 1940 гг. южной части Чехословакии, части Закарпатской Украинской территории и значительной части Трансильвании (отошедшей обратно к своим государствам по мирному договору с Венгрией в 1947 г.), то и на этой территории к 1941 г. успели уже обнаружиться подобные тенденции, хотя и в несколько ослабленном виде соответствующие показатели составили для словаков 80,6%, для румын — 96,2%, а в отношении хорватов (кроатов) эта тенденция обнаружилась в той же степени — из числа 22,3 тыс. хорватов (кроатов) показавших своим родным языком хорватский (кроатский), только 2,7 тыс., или те же 12,1%, отнесены (по переписи) к хорватам (кроатам) остальные же — 87,9% — оказались венграми.

Процесс мадьяризации национальных меньшинств в Венгрии развивался довольно интенсивно. Так, если в 1920 г. удельный вес венгров был равен 89,6%, то по переписи 1941 г. (на той же территории) составил уже 95,7%. Здесь, на этом венгерском примере, мы имеем дело с исключительным проявлением националистических тенденций: пренуждения, политического национализма на национальные меньшинства (во время переписи), а возможно, и простой фальсификации и произвольного (тенденциозного) толкования данных переписи при определении национального состава.

2. Противоположные явления в соотношении той или иной национальности как основной (в своем государстве) по сравнению с каждой из них в других странах, где они являются национальными меньшинствами. Так, превышению — по языку — численности болгар в Болгарии соответствует преуменьшение их в Румынии; преувеличению — по национальности — венгров в Венгрии соответствует преуменьшение их в Румынии, а также в Чехословакии; аналогичное явление (хотя и менее значительное) наблюдается в отношении сербов и хорватов в Югославии. Как видно, здесь, в отдельных государствах, имеют место разнообразные этнические явления, объясняемые различными историческими и политико-экономическими условиями развития в них национальностей.

Недостаточность материалов с параллельными данными о национальности и языке и отсутствие в этих данных достаточно четко выраженного порядка в соотношениях обоих признаков затрудняет возможность использования признака национальности в качестве определяющего этнический состав государства.

Таким образом, на основании имеющихся материалов переписи указанных государств мы можем отметить:

а) наблюдающееся влияние основной национальности и некоторых других экономически наиболее мощных национальностей в государстве на национальности, отражающееся главным образом в показателях языка, свойственное, по всему вероятию, в той или иной мере вообще всем странам зарубежной Европы;

б) недостаточную четкость или во всяком случае отсутствие ярко выраженной закономерности в приоритете признаков национальности или языка в определении этнического состава;

в) полную невозможность перевода данных по языку в показатели национальности.

Язык как этнический признак

Учитывая фактическое положение с определением этнического состава государств зарубежной Европы — наиболее распространенное применение языка как этнического признака, позволим себе прежде всего остановиться на самом понимании различных категорий языка и далее — отметить наблюдающиеся процессы в этническом составе, определяемые по этому признаку.

Язык в качестве этнического признака в переписях населения выступает, как мы уже отмечали, или как родной язык (в большинстве стран), или как материнский и отцовский, или как разговорный, как любимый язык и т. п. Уже этот перечень категорий указывает на различия в понимании признака. Так, признаки родного и в особенности материнского языка в основе своей таят элементы историзма — происхождения, в то время как разговорный язык, отражающий процесс новых влияний, начинаяющихся обычно с разговорной речи, является более современным.

Не вдаваясь в подробное определение сущности самих понятий, мы принуждены прежде всего отметить одно очень важное обстоятельство — абсолютную невозможность путем количественного сопоставления определить различия категорий языка — родного, материнского, разговорного и т. п. По данным переписей населения такое сопоставление немыслимо. Ни в одной переписи населения не имеется случая параллельной регистрации родного и материнского языка, или родного и разговорного, или материнского и разговорного языка. Признак разговорного языка имеет место лишь в переписях Финляндии, и его практическое значение в поставленной нами задаче скромно (население Финляндии в населении всей зарубежной Европы составляет менее одного процента). Остаются по существу два понимания языка как этнического признака — родной и материнский язык, учитываемые при переписях подавляющего большинства населения (около 86%) зарубежной Европы. Принципиальные же различия между этими двумя понятиями языка весьма незначительны: они тем более мизерны с практической точки зрения — определения этнического состава населения. В практике переписей населения эти различия почти неуловимы. В попытке конкретного определения этих различий окажется больше схоластики, чем действительной существенной пользы. Можно, таким образом, признать, что оба признака — и родной и материнский языки — являются достаточно идентичными и различия между ними в практическом отношении в разрешении поставленной задачи могут игнорироваться.

Теоретически основным и наиболее точно отражающим этнический состав признаком, определяемым по принципу национального самосознания, является национальность. Остальные признаки — родной, материнский, разговорный язык и тем более признак религиозной принадлежности — являются в этом отношении вспомогательными, дополнительными, хотя значение их не должно особенно преуменьшаться. К сожалению, как мы видели, подойти к определению численности отдельных национальностей по признаку национальности нет возможности, не говоря уже о том, что в основу самого признака в тех немногих государствах, в которых он был применен, положен принцип определения по происхождению, а не по самоопределению.

Родной язык и материнский язык — единственные и довольно распространенные в западноевропейских переписях признаки, по своей природе по существу идентичные, практически оказываются основными в определении этнического состава. Таким образом, вопрос о выборе признака разрешается сам собой. Причем он разрешается лишь в смысле возможной целесообразной (в данной обстановке наличия статистических и других материалов), а не в смыслеенной научно обоснованной и теоретически правильной постановки вопроса.

О корректировании данных переписей

Останавливаясь на признаке родного и материнского языка (условно в дальнейшем будем именовать родной язык) как основном показателе при определении этнического состава, мы ни на минуту не должны забывать отмеченные выше его недостатки, проистекающие главным обра-

зом от разного рода политических соображений, отражающих собо националистические тенденции правящих кругов капиталистических стран. В связи с этим, а также имея в виду разрешение основной задачи — определение методов корректирования данных переписей, мы позволим себе остановиться на конкретных примерах характеристики прироста отдельных национальностей по показателям родного языка. Примеры эти, помимо практических целей, еще раз подчеркивают шовинистическую политику западноевропейских государств.

Приводим имеющиеся данные по Австрии, Болгарии, Венгрии, Финляндии, Чехословакии и Польше.

Австрия

Период	Общий прирост в %	Прирост австрийцев в %	Прирост остального населения в %
1880—1910 гг. (за 30 л.) (в старых границах)	+ 17,6	+ 14,5	+ 19,4
1910—1934 гг. (за 24 г.) (в границах 1934 г.)	+ 7,5	+ 9,7	- 38,9

Болгария

Период	Общий прирост в %	Прирост болгар в %	Прирост остального населения в %
888—1905 гг. (за 17 л.)	+ 28,0	+ 38,0	- 0,4
905—1920 гг. (за 15 л.)	+ 20,1	+ 25,7	- 1,5
920—1934 гг. (за 14 л.)	+ 25,4	+ 30,8	- 10,1

Венгрия

Период	Общий прирост в %	Прирост венгров в %	Прирост остального населения в %
1890—1910 гг. (20 лет) (в старых границах)	+ 9,2	+ 15,8	+ 3,8
1920—1930 гг. (10 лет) (в довоенных границах)	+ 8,6	+ 11,9	- 17,1
1930—1941 гг. (11 лет) (в довоенных границах)	+ 7,3	+ 11,1	- 42,0

Финляндия

Период	Общий прирост населения в %	Прирост финнов и карел в %	Прирост остального населения в %
1880—1910 гг. (30 лет)	+ 51,2	+ 46,7	+ 78,6
1910—1920 гг. (10 лет)	+ 8,0	+ 7,1	+ 12,2
1920—1930 гг. (10 лет)	+ 9,0	+ 9,7	+ 5,6

В Чехословакии — при общем приросте населения с 1921 по 1930 г. в 8,2% прирост чехословаков составил + 11,0%, а остального населения + 5,2%, и в Польше — при общем приросте за период с 1921 по 1931 г. в 24,2% прирост поляков составил 23,6%, а остального населения + 25,5%, в том числе еврейское население увеличилось на 33,4%.

Как видно из приведенных выше данных, показатели прироста основной национальности в каждой стране оказываются значительно выше показателей прироста по всему населению и тем более прироста населения нацименьшинств.

В условиях развития капиталистических стран почти повсюду национальные меньшинства находятся, несомненно, в худших правовых, социальных и экономических условиях развития, что, несомненно, отражается и на их естественном приросте, причем с развитием капитализма

разрыв в приросте этих групп населения все более увеличивается. Исключением является Польша, где прирост поляков оказывается ниже прироста остального населения, что объясняется наличием довольно компактных групп остального населения — украинцев, белоруссов, евреев и немцев, влияние на которых со стороны польской буржуазии, в особенности в первые годы после организации государства (1919), не могло еще сказаться, несмотря на ярко выраженную политику ущемления национальных меньшинств (в особенности украинцев и белоруссов). Аналогичные явления имеют место в бывшей Австрии (в границах до первой империалистической войны). Основная национальность ее — австрийцы, составлявшая всего 35—36% всего населения, не могла проявить свое влияние на прирост входивших в состав Австрии довольно компактных групп — чехов, поляков, украинцев и других.

Мы не имеем возможности привести соответствующие данные по ряду других государств, хотя националистические тенденции в показателях этнического состава большинства из них, несомненно, имеют место. Последний вывод отчасти можно сделать и из анализа постановки самих вопросов о национальности или родном языке при переписях. (См. приведенные выше примеры смешения понятий гражданства или подданства с национальностью в Германии или — натурализованности с национальностью во Франции и т. п.).

Все же, как ни тяжелы иногда эти условия, допустить при наличии положительного прироста всего населения отрицательный прирост (и притом часто значительную убыль) населения нацменьшинств едва ли возможно. В выявляемых переписью в таких случаях показателях отрицательного прироста нацменьшинств, кроме несомненно пониженного (по сравнению с основной национальностью) естественного прироста, имеют место и явления миграции, особенно заметной после первой империалистической войны, и явления естественного ассимиляционного процесса и, что особенно важно, явления насильтвенной искусственной денационализации, выражавшейся лишь в официальных показателях переписей, а не происходящих в действительности.

Подобные моменты искажения действительного положения с этническим составом и должны исправляться.

Учитывая отсутствие возможности точного установления размеров искажений и в связи с этим коэффициентов поправок, мы все же в интересах поставленной задачи — определения этнического состава — должны попытаться наметить основные принципы определения этих поправок, применение которых позволило хотя бы приблизенно подойти к установлению действительного этнического состава отдельных государств, всей зарубежной Европы в целом, а также определению численности каждой национальности с распределением по странам. Принципы эти, по нашему мнению, заключаются в следующем.

1. Столь разительные расхождения в приросте основной и остальных национальностей, по данным переписей отдельных стран (и особенно многонациональных), заставляют полагать в этих данных, кроме факторов действительного влияния на прирост, наличия искусственного влияния — искажений в этническом составе, причем размеры этих искажений увеличиваются с развитием капитализма и усилением споров из-за пограничных территорий (конкретно, по данным наиболее поздних переписей), например в Венгрии, Польше, Германии и в других государствах. Искаженные, таким образом, данные переписей требуют соответствующих поправок.

2. При определении поправок необходимо учитывать данные миграционной статистики — о переселении населения национальных меньшинств в другие страны (если, понятно, такие данные имеются), а также явления ассимиляции, вполне естественной при длительном сожительстве национальностей и возможном различии их социально-экономиче-

ских условий развития. В случаях отсутствия подобных статистических данных (с чем, как правило, будем встречаться в особенности в вопросе об ассимиляции) должны быть приняты во внимание и разного рода исследовательские литературные материалы, освещдающие вопрос или даже отмечающие лишь тенденцию развития явления. При определении поправок мы должны оградить себя от возможности преувеличения размеров подобных искажений.

3. В основу определения поправок можно принять следующее положение: действительный естественный, а также и общий прирост населения национальных меньшинств — при положительном и относительно значительном общем приросте всего населения в стране — лишь немногим (в соответствии с указанными условиями) ниже этого общего прироста, а прирост основной национальности, по данным переписей, по сравнению с действительным является завышенным. Случаи убыли (и иногда весьма значительной) населения нацменьшинств при определении размеров поправок должны привлекать наше внимание, в особенности, когда данные миграционной статистики не подкрепляют этой убыли.

Это положение ставит нас в определенные рамки, ограничивающие определение размеров поправок.

4. Вторым моментом, дающим возможность приближенного установления прироста остальных национальностей — каждой в отдельности, являются показатели прироста таких национальностей в странах, где они являются основными.

Скидка на неравенство социально-экономических условий развития любой национальности в своей стране и каждой национальности — как нацменьшинства в других странах — может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств. Первоначально установление размеров такой скидки будет носить субъективный (и, понятно, весьма ориентировочный) характер, и лишь в дальнейшем — при сведении баланса общей численности населения той или иной страны — будут вноситься соответствующие поправки. При таком подходе к корректированию итогов переписей исправленные данные будут наиболее приближены к действительной этнической характеристике населения каждой страны, т. е. характеристики, которая определилась бы при применении в переписях принципа самоопределения национальности.

Необходимо отметить возможность применения и других источников корректирования данных переписей, в особенности в случаях значительных искажений действительного этнического состава. Мы имеем в виду данные иностранной статистики (специальных обследований) о численности детей, желающих обучаться на том или ином языке, или данные плебисцитов — специальных опросов населения о желании остаться гражданами своего бывшего государства или перейти (со своей территорией) в гражданство другого соседнего государства; иногда и данные вероисповеданий, в особенности в случаях идентичности сущности этнических и религиозных признаков, могут быть также использованы для целей корректирования. В странах, где миграционные процессы играют большую роль, изменения в возрастной структуре основной национальности или нацменьшинства (по переписи) дают достаточно оснований для определения процесса насилиственной ассимиляции или вообще искажений в этническом составе¹. Анализ материалов такого рода источников может оказаться полезным для целей корректирования данных переписей об этническом составе населения.

¹ См. П. И. Кушнер (Кнышев), Об этнической статистике европейских стран, «Краткие сообщения» Института этнографии, II, 1947, стр. 67—68.

Само собой понятно, что в отдельных (трудных, но наиболее редких) случаях в практической работе придется прибегать и к менее совершенным способам определения этнического состава — вплоть до способа экспертной оценки.

При окончательном установлении (после внесения соответствующих поправок) численности той или иной национальности в целом по зарубежной Европе новые, исправленные данные могут немногим отличаться от простой сводки непосредственных данных переписи, т. е. без какого-либо корректирования их. Такое положение вполне возможно допустить, имея в виду наличие двух противоположных тенденций в искажении данных переписей — к преувеличению численности национальности как основной и к преуменьшению этой численности, когда национальность является национальным меньшинством.

Смысл вводимых поправок, помимо общего уточнения численности каждой национальности в целом, заключается главным образом в конкретном установлении действительной численности каждой национальности в каждом из государств зарубежной Европы и в особенности в тех государствах, где они являются национальным меньшинствами.

* * *

Необходимо рассмотреть еще вопрос о дате, на которую должен быть определен этнический состав населения, и определить границы государств, по которым предполагается установление этого состава.

Вопрос о единой дате представляет некоторые затруднения.

Прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть, что речь идет об исчислении населения по состоянию на довоенный период. Определение как общей численности населения, так и тем более численности отдельных национальностей на послевоенный период, в связи с массовыми переселениями различных народов и различной убылью населения во время войны — дело исключительно сложное и трудное, и нами этот вопрос не ставится. Более или менее заслуживающие доверия данные могут быть получены лишь в результате соответствующих послевоенных переписей.

Последние переписи перед второй мировой войной осуществлены были в следующие годы: по 20 странам (удельный вес населения которых около 30%) — в 1930 г. и ранее (в 1928 г. в Греции и в 1926 г. в Ирландии); переписи же в остальных наиболее крупных государствах (70% всего населения) произведены в период между 1931 и 1935 гг., в частности, в Великобритании, Польше и Франции в 1931 г., в Германии в 1933 г., в Австрии и Болгарии в 1934 г. и в Турции (европейская часть) в 1935 г. По Венгрии, кроме переписи 1930 г., имеются еще данные переписи 1941 г.

Исходя из наличия материалов переписей, наиболее подходящей единой датой можно принять 1 января 1935 г. Исчисление населения отдельных национальностей большинства государств на эту дату не представит особых затруднений, так как период с 1930 по 1935 г. не отличается сколько-нибудь заметными массовыми миграционными процессами, а исчисленные данные всего населения отдельных государств на 1 января 1935 г. были опубликованы ЦСУ СССР в 1937 г.²

Самый этнический состав на 1 января 1935 г. должен, по нашему мнению, определяться исходя из предположений неизменности темпов

² См. «Капиталистические страны. Статистический сборник», изд. ЦСУ СССР, т. 2, 1937.

роста каждой национальности в пределах отдельных государств, т. е. коэффициенты прироста, установленные для каждой национальности в результате внесения коррективов к данным переписей, соответственно распространяются и на последующие годы до 1935 г.

Значительно сложнее обстоит вопрос с определением методологических приемов к исчислению этнического состава на более позднюю предвоенную дату, например, на 1 января 1939 г.— дату кануна второй мировой войны. Вероятность постановки такого вопроса несомненна, так как в практическом отношении дата 1 января 1939 г. является наиболее существенной, представляющей исключительный интерес.

Необходимо отметить, что никаких опорных данных о происходивших процессах в этническом составе населения за эти четыре года не имеется. В связи с этим мы видим единственный выход из положения — путем распространения исчисленных коэффициентов прироста отдельных национальностей и на последующие годы до 1 января 1939 г., допуская корректирование последних данными об изменении общеего прироста населения на основании статистики движения населения.

Исчисление этнического состава государств зарубежной Европы производится в границах 1939 г. В состав ее не входит население Бессарабии, Западной Украины и Западной Белоруссии, а также Литвы, Латвии и Эстонии.

* * *

Нам остается еще рассмотреть один частный вопрос, хотя и тесно связанный с разрешением поставленной задачи. Мы имеем в виду метод исчисления еврейского населения в странах зарубежной Европы.

Дело в том, что принятый нами за основу определения этнического состава населения признак родного языка не является сколько-нибудь удовлетворяющим при определении численности еврейского населения. Во многих государствах, в которых этнический состав определяется по родному языку, еврейское население как национальность почти не учитывается, так как подавляющая масса евреев показывает своим родным язык основной национальности.

Приведем несколько примеров, характеризующих это положение. Так, в Австрии, по данным переписи 1934 г., лиц с еврейским родным языком нет, если не считать возможного нахождения их в группе с «прочим языком» (23,3 тыс. чел.), а лиц с иудейским вероисповеданием — 191,5 тыс. чел. Таким образом, весьма значительная часть евреев показала своим родным языком немецкий; в Венгрии, по переписи 1920 и 1930 гг., лиц с родным еврейским языком также нет (с «прочим» родным языком — 39,0 и 32,3 тыс. чел.), а лиц иудейского вероисповедания — 483,4 и 444,6 тыс. чел. По переписи же 1941 г., лиц с материнским еврейским языком — 1,6 тыс., лиц еврейской национальности — 9,8 тыс., а лиц иудейского вероисповедания — 401,0 тыс. Очевидно, основная масса евреев показала своим родным языком венгерский; в Польше, по переписям 1921 и 1931 гг., численность еврейской национальности (определяемой по языку) составляла 2048,9 и 2732,9 тыс., а лиц с иудейским вероисповеданием соответственно 2771,9 и 3113,9 тыс.; в Румынии, по переписи 1930 г., к еврейской национальности отнесено 728,1 тыс., показавших еврейский язык — 518,8 тыс., а лиц с иудейским вероисповеданием — 756,9 тыс.; в Чехословакии, по переписям 1921 и 1930 гг., лиц с родным еврейским языком — 190,9 и 186,6 тыс., а с иудейским вероисповеданием соответственно 354,3 и 356,8 тыс. Около половины евреев показали своим родным языком чешский и словацкий.

Если в отношении многих национальных меньшинств признак потери своего родного языка и восприятия языка основной национальности

часто оказывается решающим в определении национальности, а религиозная принадлежность оказывается лишь косвенным признаком, то этого нельзя сказать в отношении еврейского населения (везде в западноевропейских странах являющегося нацменьшинством). Данные переписей населения о религиозной принадлежности евреев в капиталистических странах оказываются более существенными для определения численности еврейской национальности, чем данные о родном языке. Это обстоятельство в значительной степени осложняет вопрос с определением численности еврейского населения.

Попытка определения численности еврейского населения по отдельным странам на 1930 г. была произведена в Германии и опубликована в виде таблицы в 1930 г.³ Приведем итоги исчислений по перечисленным выше странам: в Австрии — 225,0 тыс., в Венгрии — 485,0 тыс., в Польше — 3000,0 тыс., в Румынии — 1130,0 тыс. и в Чехословакии — 375,0 тыс. человек.

Анализ приведенных выше данных переписей и сопоставление их с данными исчислений на 1930 г. дает основание констатировать, что 1) показатели численности еврейского населения по переписям по религиозной принадлежности являются наиболее высокими по сравнению с показателями по признаку национальности и тем более по языку, и что 2) исчисленные данные на 1930 г. оказываются, как правило, значительно завышенными даже в сравнении с наиболее высокими показателями по религиозной принадлежности.

Аналогичные выводы можно сделать и по ряду других стран: Греции, Дании, Италии, Нидерландам, Югославии и др.

Подходя к практическому разрешению вопроса об источниках, которые должны быть положены в основу определения численности еврейского населения, мы должны признать, что ни данные о родном языке, ни данные о национальности, как правило, не могут быть приняты для этой цели. Данные о родном языке совершенно не характерны для еврейского населения. Например, для таких стран, как Австрия, Венгрия, Чехословакия и отчасти Румыния, принятие этих данных до крайности извратило бы, как мы уже имели возможность убедиться, действительное положение. Данные о национальности могут быть использованы лишь в редких случаях, так как этот признак, как правило, игнорируется при переписях в странах зарубежной Европы. Так, эти данные могут быть приняты только для Болгарии, Румынии и, возможно, еще для некоторых стран.

Наиболее распространенными при переписях и имеющими особенное значение для более или менее точного определения численности еврейского населения объективно являются данные о религиозной принадлежности. Эти данные, по нашему мнению, и должны быть положены в основу определения численности еврейского населения. В некоторых случаях, например, отсутствия соответствующих данных переписи, считаем возможным использование для этих же целей сведений о численности евреев — членов еврейских религиозных обществ, хотя, вообще, этот источник сведений и не является достаточно совершенным.

Изложенные нами соображения о методах корректирования данных переписей при определении этнического состава западноевропейских государств являются отправными, применение которых, как нам представляется, при современных условиях наличия материалов переписей даст возможность наиболее правильно подойти к разрешению поставленной задачи.

³ Jüdisches Lexikon, IV, Berlin, 1930; см. БСЭ, т. 24, стр. 119—120.

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ХАМИТСКАЯ ПРОБЛЕМА В АФРИКАНИСТИКЕ

Хамитская теория является одной из форм проявления реакционной идеологии расизма, разделяющей народы на «полноценные» и «неполноценные». В трудах многих буржуазных историков и этнографов-африканистов хамитам приписывается цивилизаторская, культуртрегерская роль: своим активным воздействием они якобы пробудили спящие народы «негроидной» расы и создали государства на африканском континенте, ввели скотоводство и принесли множество других культурных навыков.

Обоснованием этой теории занимались этнографы, лингвисты и антропологи. Языковеды указывали на существование в Северной Африке особой весьма значительной группы хамитских языков. Антропологи, преимущественно английские, итальянские и немецкие, указывали на наличие единого хамитского типа, распространенного по всей северной части Африки, не только в Магрибе и Сахаре среди берберов и туарегов, но и в Северо-Восточной Африке среди народов Абиссинии и прилегающих к ней территорий. В разных вариантах хамитская теория изложена в специальных исследованиях лингвиста Мейнгофа, этнографов Фробениуса, Вильгельма Шмидта, Лушана, Зелигмана, Шпаннауса и многих других.

Хамитская теория получила самое широкое распространение. В том или ином виде хамиты, хамитские народы, волны хамитов или, в более завуалированном виде, хамитское влияние или хамитские черты культуры встречаются в самых солидных научных исследованиях, авторов которых было бы несправедливо упрекать в расизме или приверженности к теориям культурных кругов или типов культуры. О хамитах и хамитских чертах культуры упоминают не только африканисты, занимающиеся этнографией народов Африки, но и специалисты смежных дисциплин: арабисты, египтологи и др., спокойно принимающие на веру существование таких категорий, как этнографическое понятие хамитов. Оно вошло во многие работы по этнографии и истории культуры и в разного рода справочники. Чтобы не быть голословным, могу указать на один из самых известных английских справочников по Африке «An African Survey», составленный Хейли и изданный в Оксфорде в 1938 г.¹ То же можно сказать и о справочнике, изданном Хембли в Чикаго в антропологической серии Фильдовского музея естественной истории².

Что же представляет собой хамитская теория, что она доказывает и каковы научные доказательства, приводимые в ее подтверждение,— таковы те вопросы, ответить на которые является задачей этой статьи.

Хамитская теория сложилась прежде всего в среде языковедов. Исследователи африканских языков давно уже обращали внимание на взаимное сходство всех берберских языков Северной Африки на всем ее протяжении, от Марокко вплоть до оазиса Сива. Позднее были иссле-

¹ Hailey (lord), An African Survey, Oxf. Un. Pr., 1938.

² W. Hamblin, Source Book for African Anthropology. Pts. I — II, Chicago, 1937.

дованы также сходные между собой языки северо-восточного угла Африки — Абиссинии и прилегающих областей. Впервые обе эти группы языков были объединены и названы хамитскими в работах известного египтолога Рихарда Лепсиуса. В 1863 г., составляя классификацию языков мира, он выделил особо языки, имеющие грамматический род. В числе трех групп, выделенных им из прочих языков, впервые упоминаются хамитские языки, включенные с семитскими и яфетическими в одну группу. Основанием для такого наименования было установившееся еще в конце XVIII в. название языков Ближнего Востока — арабского, еврейского, финикийского и эфиопского — семитскими, по имени одного из сыновей Ноя (Бытие, гл. X). Лепсиус воспользовался двумя другими именами сыновей Ноя, назвав индо-европейские языки яфетическими, а языки Африки — хамитскими³. Позднее тот же Лепсиус в своем предисловии к Нубийской грамматике⁴, где дана классификация языков Африки, уточнил понятие хамитских языков, разделив их на 1) египетско-коптский, 2) берберские языки и 3) кушитские языки (введя впервые это название). Последующие лингвисты, занимавшиеся вопросами классификации языков этой группы, Фридрих Мюллер⁵ и уже в наши дни Брокельман⁶ признали более тесную связь хамитских языков с семитскими.

Однако история хамитской проблемы начинается не с них. Во всех вышеперечисленных работах в сущности дело ограничивалось пределами чисто лингвистической классификации.

Истинным создателем хамитской теории оказался немецкий африканист Карл Мейнхоф. Воспитанный в духе младограмматической школы, Мейнхоф еще в конце XIX — начале XX в. опубликовал ряд исследований по языкам банту, сравнительную грамматику языков банту, и его работы до сих пор пользуются заслуженным признанием. В своих первых работах по языкам банту Мейнхоф по существу не выходил за пределы изучения вопросов фонетики и морфологии и составил себе широкую известность крупнейшего языковеда-бантуиста. Позднее Мейнхоф перешел к изучению языков Северной Африки и в 1912 г. опубликовал свое исследование «Языки хамитов»⁷. В этой работе дан очерк семи языков, названных им хамитскими. Из них один является языком берберов Марокко (шильх), два языка относятся к кушитской группе (сомали и бедауье), к хамитским же языкам Мейнхоф отнес языки массаи и нама. Кроме того, в число хамитских языков включены им еще два, положение которых в системе классификации языков Африки оставалось до той поры спорным, а именно языки хауса и фуль (точнее, фульфульде).

Основанием для выделения всех этих языков в одну группу было наличие во всех них грамматического рода. Чертата эта в глазах Мейнхофа имела решающее значение. Одного этого признака было достаточно, чтобы соединить в одно целое столь различные языки, разбросанные к тому же по всей территории Африки. В известной степени в этом отношении он был лишь продолжателем Лепсиуса, который также считал этот признак решающим. Наличие грамматического рода представляется Мейнхоффу особенно типичной чертой флексивных языков. Среди всех других признаков флексивных языков — внутренней флексии, сложного образования множественного числа, отсутствия музыкального и наличия тонического ударения и т. д.— основной чертой, по его

³ R. Lepsius, *Standart Alphabet*, 2 ed., Berlin, 1863.

⁴ R. Lepsius, *Nubische Grammatik*, Berlin, 1880.

⁵ Fr. Müller, *Reise der Oesterreichischen Fregatte Novara um die Erde in den Jahren 1857, 1858, 1859*. *Linguist. Theil*. Wien, 1867. Для него характерно стремление связать лингвистические проблемы с антропологией.

⁶ Brockelmann, *Grundr. d. vgl. Gr. der Semitischen Sprache*, 1907—1913.

⁷ C. Meinhof, *Die Sprachen der Hamiten*, Hamburg, 1912.

мнению, является наличие или отсутствие грамматического рода⁸. Изучением хамитских языков Мейнхоф занимался около 30 лет, и в одной из своих последних работ в 1936 г. он высказался довольно определенно: «Люди, говорящие на флексивных языках, относятся в общем к белой кавказской расе с волнистыми волосами. Хотя представители других рас иногда заимствовали флексивные языки, потому что, как известно, раса и язык не совпадают. Многие азиаты, например, говорящие на флексивных языках, смешались с монгольскими и другими азиатскими расами. Многие семиты и хамиты Африки восприняли негрскую кровь. Встречаются и белые, говорящие на нефлексивных языках, например, мадьяры, финны, баски и многие народы Кавказа. Но в общем флексивные языки — это языки белой расы, языки господствующих народов, которые создали историю Запада и Ближнего Востока. Это языки великих создателей религии и философов»⁹. В этих словах совершенно ясно выражено стремление связать историю языка с модной в Германии в то время, когда писалась книга, теорией о господствующих народах. Но было бы неверно относить взгляды Мейнхофа только на счет фашистских идей. В лице Мейнхофа мы видим убежденного расиста, задолго до Гитлера говорившего о господствующих народах и их исключительной роли в создании культуры. Это видно уже из того, что его исследованию «Языки хамитов», выпущенному им за 25 лет до «Происхождения флексивных языков», приложено специальное дополнение, обосновывающее единство хамитских языков с точки зрения антропологии. Но прежде чем мы обратимся к антропологическим данным, следует остановиться несколько подробнее на лингвистических взглядах Мейнхофа.

В начале XX в., в результате исследований Мейнхофа в области изучения языков банту и работ Вестерманна в области суданских языков, в среде африканистов сложилось прочное убеждение, что в Африке существуют три основных языковых типа (не считая бушменских языков).

1. Группа суданских языков, в которую входят языки всего Судана от Атлантического побережья вплоть до долины Нила. Д. Вестерманн в исследовании своем «Суданские языки» доказывал их единство и воссоздавал единый суданский прайзик, исходя из предположения, что язык эве представляет собой классический пример суданского языка¹⁰. По типу эве он характеризовал языки Судана как аморфные: они односложны, не имеют грамматического рода, никаких морфологических признаков, отличающих имя от глагола, никаких префиксов и суффиксов (как иногда говорят: «не имеющих никакой грамматики»). Зато суданские языки имеют музыкальные тоны. Словом, они относятся к аморфному изолирующему типу и сходны с китайским языком.

2. Вторую группу составляют языки банту. По морфологической схеме они относятся к группе агглютинативных языков. Единство языкового типа банту было доказано сначала Бликом¹¹, а позднее Мейнхофом¹², который воссоздавал прайзик всей группы (*Ur-bantu*). Характерным отличием языкового типа банту являются классы имен существительных: все имена существительные делятся на несколько групп (людей, растений, животных, деревьев и т. д.), причем каждый класс

⁸ Насколько такой взгляд неправилен, видно из того, что столь одностороннее понимание важности грамматического рода применительно, скажем, к изучению языков Европы должно, например, привести к исключению английского языка из числа всех прочих индо-европейских языков и выделению его в особую группу.

⁹ C. Meinhof, *Die Entstehung flektierender Sprachen*, Berlin, 1936, стр. 22.

¹⁰ D. Westermann, *Die Sudansprachen*, Hamburg, 1910.

¹¹ W. H. Bleek, *A comparative Grammar of South African Languages*, London—Cape Town, 1869.

¹² C. Meinhof, *Grundriss einer Lautlehre der Bantusprachen*, 2 Aufl., Berlin, 1910.

имеет свои именные показатели. Структура всего предложения пронизана ими: показатели субъекта повторяются при глаголе, глагол имеет показатели субъекта и т. д.

3. Наконец, последнюю группу составляют языки севера Африки — языки берберов, народов Абиссинии и прилегающих районов. Это — языки флексивные, имеющие грамматический род. Они во многом сходны с семитскими языками. Обосновать единство этой группы языков и воссоздать прайзык этой группы и было задачей Мейнхофа.

Во всех лингвистических концепциях Мейнхофа совершенно исключительное место занимает язык фуль — язык народа фульбе. Этот народ, живущий в Западном Судане, выделяется среди всех его окружающих народов своим антропологическим типом: светлая, красноватого оттенка кожа, курчавые волосы, сухощавое сложение, узкое длинное лицо, тонкий нос — все это делает его непохожим на прочие племена и народы Западной Африки. Возможно, что своеобразные антропологические черты фульбе привлекли к себе внимание Мейнхофа и сыграли известную роль в его лингвистических концепциях.

Язык фуль отличается от прочих языков Африки целым рядом особенностей, что ставило всегда исследователей в большое затруднение, когда они пытались его причислить в какой-либо группе языков. К числу этих особенностей относится прежде всего весьма своеобразное образование множественного числа, а именно изменение начального звука слова одновременно с изменением окончания слова. Это изменение видно уже из самого названия этого племени, которое у различных авторов пишется то фуль, то фульбе, то пуль, пуло, пель, филани и т. д. Основанием для такого разнобоя служит то, что все имена существительные в языке фуль, в единственном числе начинающиеся на *P*, во множественном получают *F*. Таким образом, человек племени фульбе — *Pulo*, мн. ч. *Fulbe*. Совершенно таким же образом, как *petmoo* (ед. ч.) — *petmobe* (мн. ч.) — цирюльник, *ridoo* (ед. ч.) — *ridobe* (мн. ч.) — начинающий и т. д.¹³ Положение дел в общем формулируется следующим образом: если в начале слова в единственном числе стоит взрывной, то во множественном числе ему соответствует фрикативный (*k-h*, *tj-s*, *p-f*, *g-w/y*, *d-r*, *dj-y*, *b-w*). Соответственно, если в единственном числе слово начинается на фрикативный, то во множественном имеем соответствующий взрывной.

Первую группу соответствий (взрывной — фрикативный) составляют имена существительные класса людей, вторую группу (фрикативный — взрывной) — вещи (при этом в каждом классе имеем по восьми типов соответствий). Но этим не ограничивается сложность образования множественного числа. Каждое слово, кроме того, имеет суффиксы, которые добавляются к основе и изменяются в зависимости от числа. Так, например, возвращаясь к уже названным словам, *pul-o* в единственном числе имеет суффикс *o*, во множественном *ful-be* — суффикс *be*. Таких суффиксов насчитывается более 35¹⁴. Некоторые из этих суффиксов образуют настоящие классы имен существительных: класс *ngel* — уменьшительные, *kon* — тоже уменьшительные, *ngu* — класс мелких животных, *o* — класс людей в единственном числе, *be* — класс людей во множественном, *wa* — класс больших животных, *am* — класс жидкостей, *ngal* — класс птиц, *gal* — класс предметов, *hi* — класс деревьев, *ki* — класс деревьев и приготовленных из дерева предметов, *ho* — класс трав и кустов и т. д.¹⁵

Таким образом, мы видим, что в языке фуль существуют, с одной стороны, суффиксы, определяющие собой классы имен существитель-

¹³ D. Westermann, *Handbuch der Ful-Sprache*, Berlin, 1909, стр. 202.

¹⁴ Так у Вестерманна. Мейнхоф свел их к 21, а Клингенхебен увеличил до 25.

¹⁵ D. Westermann, Ук. раб., стр. 205—217.

ных, с другой стороны, — префиксы, определяющие принадлежность слова к одной из двух групп либо к классу людей, либо вещей. Дальнейшее изучение способов образования множественного числа привело Мейнхофа к заключению, что в языке фуль существует в сущности четыре класса изменений начального звука слов, а именно своеобразное противоположение класса лиц — классу вещей, с одной стороны, и класса увеличительных — классу уменьшительных, с другой; противоположения эти основаны на изменениях начального звука слова. Класс лиц имеет в единственном числе взрывной, во множественном — фрикативный, класс вещей отражает обратное положение дела (т. е. ед. ч. фрикативный, во мн. ч. взрывной). Класс увеличительных в единственном числе имеет носовой звук, во множественном — взрывной; уменьшительных — обратный порядок (ед. ч. — взрывной, мн. ч. — носовой). По мнению Мейнхофа, из класса лиц и больших вещей в дальнейшем развитии образовался мужской грамматический род, а из класса вещей и малых предметов образовался женский род. Таким образом, в языке фуль, по мнению Мейнхофа, противопоставляются мужской род, т. е. группа деятельных, активных лиц, женскому роду — группе пассивных лиц, объектов, вещей.

	Ед. ч.	Мн. ч.
Люди	Взр.	Фр.
Вещи	Фр.	Взр.
Увелич.	Нос.	Взр.
Уменьш.	Взр.	Нос.

Если данное понятие имеет значение активности, оно мужского рода — пассивности — женского рода; крупный предмет будет всегда мужского рода, мелкий, незначительный предмет — женского рода¹⁶. В результате дальнейших исследований и логических умозаключений Мейнхоф пришел к предположению о наличии в языке фуль и вообще во всех хамитских языках особого явления, названного им полярностью (Polarität). В этой «полярности» Мейнхоф видел отражение свойственного хамитам особого мышления. Эта «теория» полярности в общих чертах сводится к следующему. Если слово имеет в единственном числе мужской род, то во множественном оно будет женского рода, и обратно. Это особенно ясно видно на языке сомали, где все имена существительные женского рода во множественном числе мужского рода, а имена существительные мужского рода во множественном числе имеют женский род. В берберском языке шильх слова женского рода во множественном числе имеют нередко мужскую форму, следы полярности Мейнхоф отмечает в языке хауса и т. д.¹⁷

Надо сказать, однако, что не во всех «хамитских» языках найдены им примеры полярности, ее нет, например, в языках бедауе и масаи¹⁸.

¹⁶ С. Meinhof, *Die Sprachen der Hamiten*, Hamburg, 1912, стр. 22—23. Чтобы пояснить теорию Мейнхофа, я укажу на превосходный пример, приводимый им: в языке бедауе, одном из кушитских языков, слово ՚с — корова, которое по самому смыслу слова должно относиться к женскому роду, тем не менее грамматически отнесено к мужскому роду, «потому что,— пишет Мейнхоф,— корова настолько важна для людей в их быту, что она считается личностью. Однако то же слово считается женского рода, когда оно обозначает мясо, т. е. оно отнесено к классу вещей». Примеры такого типа, уже не столь яркие, приводятся им из многих хамитских языков.

¹⁷ С. Meinhof, Указ. раб., стр. 171, 95, 69.

¹⁸ Там же, стр. 138, 192.

Для хамита, думает Мейнхоф, весь мир делится на две категории: мужчина и женщина, лицо и вещь, субъект и объект. Все, что не мужчина, должно быть женщиной, а что не женщина, то мужчина, третью исключено. Типичными для хамитского мышления являются, например, такие обычай: у готтентотов-нама сыновья наследуют имя матери, а дочери получают имя отца; сюда же относятся обычай переодевания юношей во время инициаций, когда они надевают женские одежды, и т. п. Все это стоит, по мнению Мейнхофа, в связи с кругом мышления хамита¹⁹.

Насколько произвольно подобраны были Мейнхофом примеры полярности, видно из того, что им не приводится следующий пример. В религиозных воззрениях эве, одного из народов Гвинейского побережья, существует представление, что все божества — т р о в о — имеют пол, т. е. они делятся на мужские трово и женские трово. При этом мужским божествам служат жрицы, а женским божествам — жрецы. В этом несомненно, с точки зрения Мейнхофа, должно видеть пример полярности, но так как язык эве является типичнейшим суданским языком и, следовательно, «хамитского влияния» ожидать нельзя, то пример этот Мейнхофом не приводится²⁰.

Мейнхоф положил язык фуль в основу своей теории о происхождении грамматического рода из классов имен существительных. При таком взгляде на вещи язык фульбе оказался как бы посредствующим звеном, во-первых, между хамитскими языками с их грамматическим родом, к которому деление всех имен существительных на активных деятелей и на вещи очень близко. Во-вторых, фуль сближают с языком банту классы имен существительных, выражаемые суффиксами, которые очень напоминают именные классы языков банту. Некоторые из них сходны не только по своей форме, но и по значению. Таковы, например, класс жидкостей фуль *am* — банту *ta*, класс вещей фульбе *ki* — банту *ki*. Таковы же и другие соответствия²¹.

Из этого Мейнхоф сделал следующий вывод: фульбе, т. е. народ несомненно не негрского происхождения, сохранил в своем языке своеобразное сочетание систем именных классов и зачаточную двойную группировку на лица-вещи, из которой позднее развились категории грамматического рода. В отношении других хамитских языков, которые имеют грамматический род, язык фуль является как бы их предшественником. По мнению Мейнхофа, это — прехамитский (Prähamitisch) или дохамитский язык (Urg-Hamitisch), отражающий то состояние, из которого позднее развились все языки, имеющие грамматический род. Что же касается отношения языка фуль к языкам банту, то Мейнхоф усмотрел в языке фуль тип языков, из смешения которых с примитивными языками негров создался языковой тип банту. В одной из своих работ он пишет:

«Классовые показатели — в банту префиксы, в языке фуль суффиксы, служат не только для различия слов, но выступают так же, как признаки грамматической связи.

При этом в банту эта грамматическая согласованность выработана исключительно педантично. Европеец находится под впечатлением, что

¹⁹ Там же, стр. 23—24. Аналогичные примеры были указаны им и из области семитских языков. Так, в древнееврейском языке слово «отец» во мн. ч. имеет окончание женского рода (-от), а слово «женщина» во мн. ч. имеет окончание мужского рода (-им). См. статью M e i n h o f, Das Ful in seiner Bedeutung für die Sprachen der Hamiten, Semiten und Bantu, ZDMG, Bd. LXV, 1911. Эти примеры оказались ошибочными, — см. E. A. Speiser, Pitfalls of polarity Language, vol. 14, № 3, стр. 187—202

²⁰ Пример этот, несомненно, был известен Мейнхофи, так как указание это приведено у Вестерманна в грамматике Эве (§ 78, 3, прим. 1), которая весьма основательно была изучена Мейнхофом, так как послужила основанием для его статьи о значении языка эве. См. D. Westermann, Grammatik der Ewe-Sprache, Berlin, 1907, стр. 49, прим. 1.

²¹ С. M e i n h o f, Das Ful in seiner Bedeutung für die Sprachen der Hamiten, Semiten und Bantu, ZDMG, Bd. LXV, 1911, стр. 199—220.

здравая мысль здесь доведена до абсурда. Господин отдал приказ, и слуга действует по приказанию, не рассуждая и не думая. Так,— пишет Мейнхоф,— я рассматриваю грамматику банту как самостоятельное, одностороннее дальнейшее развитие на основе хамитского прайзыка²².

Трудно выразить яснее пренебрежение к банту, чем это сделал Мейнхоф, отказывающий в логичности строго выработанному грамматическому строю этих языков. Мало кто из лингвистов, пользующихся работами Мейнхофа, знает, что таковы были идеи, положенные в основу его многочисленных трудов²³. Перед нами убежденный расист, для которого культура негров ничтожна: они лишь слуги, выполняющие приказ своих хозяев. Характернейший для языков банту принцип деления на классы объявляется им результатом воздействия белой господствующей расы. В одной из последних своих работ Мейнхоф пишет: «Я считаю окончательно решенным, что носители «классовых языков» не являются африканцами и что они не были неграми. Где же их родина, на это пока еще ничего достоверного сказать нельзя»²⁴.

Этими не-африканцами были хамиты-скотоводы, по культуре своей и по типу подобные фульбе. Скотоводы-кочевники были тем народом господ (Herrenvolk), который, появившись среди суданских негров, организовал их и создал языки банту. Теоретические взгляды Мейнхофа довольно наивны. Достаточно, например, указать, как Мейнхоф объясняет отсутствие музыкального ударения в хамитских языках²⁵.

«Пастух, будучи одновременно воином и разбойником, является по отношению к боязливому, униженному земледельцу приказывающим ему господином, и поведение господина и сильная воля выражаются в его языке. Неслучайно, что господствующие народы Африки говорят на языках, в которых музыкальное ударение отступило на второй план, а главное место заняло тоническое ударение (Stärkeakzent)».

Взгляды Мейнхофа нашли широчайший отклик как в среде этнографов и антропологов-африканистов, так и в среде семитологов и лингвистов. К числу их, например, можно отнести Воррелла (Worrell) — коптолога и Бергштрассера (Bergstrasser) — специалиста-семитолога, среди лингвистов — кельтолога Покорного и др. Многие начали применять «законы полярности» в области своей специальности²⁶. Естественно, что больше всего успеха теории Мейнхофа имели в среде африканистов. Для многих из них мнение «лучшего знатока» африканских языков — Мейнхофа стало неоспоримым положением: банту — результат смешения, следовательно, вся их культура обязана своим происхождением творческому воздействию хамитов; хамиты эти представляют собой группу светлокожих пришельцев — отпрывков светлокожей расы (например, фульбе), которые вторглись в Африку с севера и образовали целый ряд государств.

Подтверждение этому видели, например, в государствах Уганды, Руанда и т. д., где антропологи отметили наличие высокорослых с тонкими чертами лица «хамитов» — завоевателей бахима, подчинивших себе местные негрские племена — низкорослые с курчавыми волосами, широкими носами.

Антропологи и этнографы не удовлетворялись этими примерами, но начали искать следы благородного хамитского типа на всей территории Африки. Начало этому положил Лушан, немецкий этнограф и антропо-

²² С. Meinhof, Die Urgeschichte im Lichte der afrikanischen Linguistik, Deutsche Literatur-Zeitung, XXXIII Jahrg., Nr. 38 от 21 сентября 1912 г., стр. 2376.

²³ Так сказать, составляют «подтекст» всех его научных работ.

²⁴ С. Meinhof, Ursprung d. flekt. Sprachen, 63.

²⁵ С. Meinhof, Указ раб., 1936, стр. 40.

²⁶ См., например, Н. Виппег, Das Gesetz der Polarität in der ägyptischen Sprache, Ztschr. für Ägyptische Sprache u. Altertumskunde, Bd. 72, 139—141; Worrell, The Formation of Arabic Broken Plurals, Amer. Journ. of Semitic Languages, vol. 41, 1925, 179.

лог, который присоединил к исследованию Мейнхофа о хамитских языках специальное приложение «Хамитские типы»²⁷. В нем он на антропологическом материале развивает взгляды Мейнхофа, доказывая, что готтентоты и массаи, сомалийцы и фульбе, ватуси и берберы составляют одну единую расу. Правда, трудно объединить в одно целое светлокожих, голубоглазых и подчас белокурых берберов с готтентотами, которые имеют, как известно, много характерных только для этой расы черт физического типа. Величайшей натяжкой явилось объединение берберов с представителями эфиопской расы, отличающимися длинными курчавыми волосами, темным цветом кожи и т. д. Трудность объединения самых разнообразных типов не остановила Лушана. На помощь ему приходит следующее соображение. При столкновении народов, правда, изменяются физические свойства, но остаются лучшие качества человека или расы. «Побеждает лучший язык, лучшая грамматика, лучшая религия и лучшая система письма». Таким образом, доказательства об антропологии, в сущности говоря, свелись к нулю, к рассуждениям об исчезновении типа, но сохранении духа, размеры которого, конечно, остались не измеренными антропологами. Послесловие Лушана к работам Мейнхофа является лучшим доказательством вздорности всей теории. Чувствуя недостаток доказательств, Лушан пополняет их этнографическими данными, указывая, например, что готтентоты при плетении корзин применяют спиральную технику, которая была известна в древнем Египте. Наивность таких рассуждений бросается в глаза. Рассуждение о спиральной технике могло бы считаться доказательным, если бы оно встречалось только у готтентотов. В действительности же спиральная техника в плетении распространена широко по всей Африке.

Среди немецких антропологов-расистов никто не смог доказать единства всех хамитов. Так, например, Пех (Pöch) не включает в число хамитов наиболее типичных в языковом отношении хамитов-берберов. Фишер говорит не о хамитской расе, а о каком-то неопределенном хамитском типе, образовавшемся из множества рас. Эйкштедт понимает под хамитами эфиопидную расу и т. д. В результате можно сказать, что антропологическое понятие о хамитах у немецких антропологов-расистов чисто негативное. В се, что не негрское, то хамитское, другими словами говоря, антропологически хамитов не существует²⁸. Чтобы не останавливаться дальше на антропологических теориях, скажу лишь, что советские антропологи относят берберское население Северной Африки к средиземноморской расе, народы северо-восточной Африки, т. е. кушитов,— к эфиопидной расе и выделяют готтентотов в особую готтентотскую расу.

Взгляды Мейнхофа получили наибольший отклик в этнографии. Однако именно в этнографии хамитская проблема отличается наибольшей неясностью, и совершенно справедливо отмечает один из приверженцев этой теории, что именно в области культурно-этнографической понятие о хамитах стоит на весьма шатком основании. Дело в том, что для зарубежной этнографии, воспитанной на разного рода культурно-исторических кругах и изучении отдельных элементов культуры, на счет хамитов и хамитской культуры относят самые разнообразные черты. Первый, кто попробовал определить этнографически культуру хамитов,

²⁷ Felix Luschap, Hamitische Typen. Приложение 2-е к Meinhold, Die Sprachen der Hamiten, 1912, стр. 241—256 и таблицы.

²⁸ Один из немецких антропологов Эйкштедт также вынужден признать, что берберы не могут входить в число народов эфиопидной расы.—См. Eickstedt, Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit, Stuttgart, 1934; его же, Völkerbiologische Probleme der Sahara. Beiträge zur Kolonialforschung, Tagungsband I, Berlin, 1943, стр. 170—240. В его работах мы видим, что эфиопиды и есть хамиты. Этот вывод не может устраивать языковедов, ибо берберские языки — наиболее типичные представители «хамитской» группы.

был Зелигман, который счел возможным к числу признаков хамитской культуры отнести браки между братьями и сестрами, в чем он видит древний хамитский институт. По его мнению, древняя хамитская культура была матриархальная. Хамиты являются скотоводами, и им всем свойственны особые обычай, связанные со скотом и доением. Затем типично хамитскими являются: 1) культ последа, отмеченный в древнем Египте, в Уганде и у народов Нила, 2) культ обожествленных царей — вызывателей дождя и 3) особый вид положения в гробе (эмбрион). Таковы признаки единства культуры хамитов. Все эти рассуждения сочетаются с попытками доказать антропологическими выкладками некоторые общие черты хамитов²⁹.

Уже этот перечень показывает насколько случайны все эти признаки, не связанные между собой: они не могут считаться типичными для какой культуры. Так, например, браки между братьями и сестрами, известные нам по древнеегипетским памятникам и встречающиеся также в государствах Межозерья, по всей вероятности, являются одним из видов родственных браков, встречающимся среди царских родов у многих народов на этапе образования государств. Достаточно сказать, что в южных районах Конго браки эти встречались в государствах Муата Ямво, Лунда, Луба, Мономотапа. Если сторонники хамитской теории попытаются видеть в этом следы хамитского влияния, то придется напомнить о сходных обычаях в государствах древней Америки. То же можно сказать и о погребениях в скорченном виде, о вызывателях дождя и т. д., которые встречаются далеко за пределами возможного влияния хамитской культуры. Несмотря на шаткость взглядов Зелигмана, его идеи развел немецкий этнограф Брауэр, доказывая, что в религии гереро отразились хамитские взгляды на культ предков и обожествление скота³⁰. Чрезвычайная примитивность в рассуждении Брауера может поразить всякого знакомого с историей изучения религий народов древнего мира — Рима и Греции. Римляне по этим признакам тоже должны быть включены в число хамитов. Между тем для гереро вполне естественно наличие обрядов, связанных со скотом, коль скоро они скотоводы. Что же касается культа предков, опять-таки в нем нет ничего специфически хамитского. Идеи Брауера нашли недавно свое продолжение в работах шведского этнографа Ирстама³¹, который пытался в обычаях ритуального убийства царя видеть исключительно хамитский обычай, очевидно, начисто забыв о работах Фрэзера³².

Культура гереро представляет особый интерес для истории развития первобытно-общинного строя, так как у гереро встречается чрезвычайно интересное сочетание двух видов счета рода — материнского и отцовского. Каждый человек принадлежит к роду *Орузо* по линии отца и роду *Еанда* по линии матери. Так как роды *Еанда* имеют права на наследование земель, а роды *Орузо* — на скот, естественно было, что сторонники хамитской теории увидели в этом новый пример хамитских вторжений. Неудивительно, что Леб, один из южноафриканских этнографов, подобным же образом расчленяет культуру куаньяма амбо (одна из групп овамбо в северной части Юго-Западной Африки на границе с Анголой). По его мнению, исторически здесь представлены два слоя — матрилинейный земледельческий и патрилинейный скотоводческий. Этот последний был представлен «воинственными» пуританами, энергичными скотоводами мужчинами. Символом их могущества был верховный бог, астральный культ, священный огонь и обожествленный царь,

²⁹ C. G. Seligmann, Some Aspects of the Hamitic Problem in the Anglo-Egyptian Sudan, Journ. of the Royal Anthrop. Institute of Gr. Brit. and Ireland, vol. XLIII, 1913, 593—705.

³⁰ Врауэр, Züge aus der Religion der Herero, 1920.

³¹ Tor Irstam, The King of Ganda, Stockholm, 1944.

³² Напротив, по мнению Фробениуса, убийство царя — индийский обычай. См. Гробениус. «Egytrāa».

хранитель огня»³³. Этот пример показывает, что в среде южноафриканских этнографов до сих пор распространена хамитская теория, притом в весьма наивном понимании и изложении. Несомненно, что автор воздержался бы от подобных рассуждений, если бы знал лучше проблемы африканской этнографии. Дело в том, что сочетание двух типов счета родства встречается не только у овамбо и гереро. Оно известно у яке в Нигерии, талленси и других племен груси на Золотом Берегу и встречается также в Конго. Во всех этих районах трудно усмотреть влияние хамитов, а между тем следовало бы учесть все эти примеры, прежде, чем наивно повторять взгляды Хембли³⁴.

Вообще хамиты явились весьма желанными и удобными для всевозможных концепций. Они сразу же были использованы разнообразными этнографическими школами и включены в их построения. Анкерманн, один из соратников Гребнера по созданию теории культурных кругов, в своем исследовании о тотемизме в Африке доказывает, что нигритский западноафриканский культурный круг не имел тотемизма, а тотемизм является типично хамитским³⁵. С точки зрения венского толка культурно-исторической школы, напротив, хамитам чужд тотемизм³⁶.

В области социального строя Зелигман, как мы видели, считает хамитов материнско-правовыми. Однако Бауманн, изучая распространение отцовского и материнского рода, вынужден считаться с тем, что западные хамиты имеют материнское право, а восточные — отцовское³⁷. Все эти построения противоречат друг другу, и трудно даже просто перечислить их.

Фробениус тоже воспользовался хамитской теорией, но окутал ее типичным для своих воззрений мистическим туманом. В его представлении хамиты — это активная сущность, и Фробениус говорит не столько о хамитских народах, сколько о хамитской душе. Эта душа, выраженная в ее носителях-хамитах, была активной, воинственной, жизнедеятельной в противоположность жтонической душе пассивного негра³⁸.

Нет возможности показать все превращения хамитской души, хамитской культуры или влияния ее. Зоолог Адамец выводит весь крупный рогатый скот из Египта, называя эту породу хамитским скотом. Естественно, что всюду, где только ни встречается этот скот, — на севере, юге или востоке Африки, — Адамец всюду видит следы хамитского влияния. Он проследил распространение этого скота и на территории Европы: и в результате следы хамитского влияния Адамец находит даже в Шотландии³⁹.

С представлением о хамитах как кочевниках-скотоводах, принесших в Африку многие черты культуры, мы встречаемся и в работах Гребнера⁴⁰ и у Штульмана⁴¹, который ничего общего не имеет с культурно-исторической школой. Наконец, то же мы читаем и в работах Грозного⁴². Нет никакой возможности перечислить все натяжки, связанные с этнографическим пониманием хамитов. Так, например, по мнению американского этнографа Хембли, классификационная система банту тоже

³³ E. M. Loeb, *Transition Rites of the Kuanyama Ambo. Part I. African Studies*, vol. 7, No. 2—3, June — September 1948, стр. 80.

³⁴ Нашему автору, повидимому, остались неизвестными работы Брауера, на которые можно было бы ожидать здесь ссылки.

³⁵ B. Ankermann, *Totemismus in Afrika*, *Ztschr. für Ethnologie*, Bd. 47, 115.

³⁶ W. Schmidt u. Koppers, *Völker u. Kulturen*, I, 1924.

³⁷ Baumann, *Vaterrecht und Mutterrecht in Afrika*, *Ztschr. f. Ethnologie*, 58. Jahrg., 1926, стр. 156—157.

³⁸ Frobениус, *Atlas Africanus*, Heft I, Blatt 5. *Die Bewegung der Hamitischen Kultur*; см. также: его же, *Das Unbekannte Afrika*, München, 1923.

³⁹ L. Adametz, *Herkunft und Wanderungen der Hamiten, erschlossen aus ihren Hausterrassen*, *Forsch.-Inst. für Osten und Orient*, II, стр. 107, Wien, 1920.

⁴⁰ Gräbner, *Ethnologie, Kultur der Gegenwart*, в изд. Hinneberg, III, 5, 1922.

⁴¹ Stuhlmann, *Handwerk und Industrie in Ostafrika*, 1910.

⁴² Гроцны, *Die älteste Geschichte d. Alten Orients*.

обязана своим происхождением хамитам⁴³. Как это произошло, он и не пытается объяснить. Между тем интересно было бы узнать, как могли занести хамиты классификационную систему ирокезского типа, существование которой у народов, говорящих на языках семито-хамитской группы, не доказано. Чтобы закончить, наконец, этот перечень, я приведу лишь цитату из диссертации пропагандиста хамитской теории Шпаннауса. «Африка — это континент переселений народов. На путях больших переселений лежат государственные образования, нанизанные как жемчуг на нитке. Но даже и те государства, которые находятся в стороне от этих путей, вроде Дагомеи и Бенина, пронизаны чуждыми элементами слоя завоевателей. В большинстве государств Африки от Судана и Абиссинии — Каффа на севере до Баротсе и Мономотапа на юге господствующий слой принадлежит или принадлежал к светлому сходному с европейским элементу Африки, который мы обозначаем хамитами. В большинстве случаев этот господствующий слой хозяйственности должен быть причислен к скотоводам и лучше всего связывается с посвящением о хамитском культурном типе»⁴⁴.

В этих словах мы видим грубейшее искажение истории развития общества. Проблему образования государства Шпаннаус превратил в сложной исторической проблемы в примитивно поданную и расистской истолкованную теорию завоевания. На всем исследовании Шпаннаус о политическом строе африканских народов чувствуется, что хамиты в его понимании — это арийцы Африки. Представление о господствующих народах, народах-культуртрегерах в рассуждениях о хамитах нашло свое полнейшее выражение в немецкой этнографии. Но эти взгляды нашли своих адептов не только в Германии, но и в англо-американской этнографии⁴⁵.

Итак ни антропологические, ни этнографические данные не выдерживают сколько-нибудь серьезной критики. Остаются незыблемы лишь лингвистические данные. Однако работы последних лет по изучению языка фуль и других языков Западной Африки привели к весьма неожиданному результату. Более детальное знакомство с особенностями языка фуль показало, что прекрасная на первый взгляд и весьма логичная теория о полярности и четырех префиксальных классах оказалась неверной. Это доказано было ближайшим сотрудником и учеником Мейнхофа — Клингенхебеном. Изучая исключения и некоторые не-последовательности теории Мейнхофа, Клингенхебен показал, что наряду с системой четырех именных классов в языке фуль имеется пятый класс, который не укладывается в схему полярности четырех классов. Эти пять классов имеют точные соответствия с суффиксными именными показателями. При этом суффиксы сохранили свой прежний вид, тогда как они же в начале слова претерпели чисто фонетические изменения, которые мы воспринимаем теперь как соответствия взрывного фрикативному, фрикативного — взрывному и т. д. Таким образом, некогда в языке фуль существовали классы имен существительных, имевшие пока-

⁴³ Ham bly, *The Ovimbundu*, Chicago.

⁴⁴ Spannaus, *Züge aus der politischen Organisation Afrikanischer Völker und Staaten*, Leipzig, 1929, стр. 194; см. его же, *Historisch-Kritisches zum Hamitenproblem in Africa* в сборнике «In Memoriam Karl Weule» (издание O. Reche), Leipzig, 1929, стр. 181—195. Пропаганда хамитской теории было посвящено много специальных работ. В числе их работы этнографов лейпцигской этнографической школы — П. Германа и Вилли Шильде под одинаковым названием «Beiträge zur Hamitfrage», изд. в *Tagungsberichte der deutschen Anthropol. Ges.*, 47. Versammlung, Halle-Saale, 1925, (Augsburg, 1926). По мнению Германа, культура хамитов — это часть культурного круга скотоводов, распространенного и за пределами Африки. Там самым исчезает лингвистическая сторона обоснования единства хамитов.

⁴⁵ К их числу, как мы видели, относятся, кроме уже упомянутых Зелигмана, Хембли и др., также Смис и Дэль, авторы монографии о народах ила, указывающие на культурный хамитский и некультурный негрский типы среди племен ила.

затели в начале и в конце слова⁴⁶. Но это как раз тот порядок, который существует и теперь во многих языках Западного Судана, в частности в языках группы мосси-груси-гурунси. Тем самым язык фульбе выходит из состояния изолированности. Он включается в большую группу языков Западного Судана. Таков первый результат дальнейших исследований языка фуль.

Вторым, существенно новым моментом является установление того, что замечательные видоизменения начальных звуков слова, прежде считавшиеся типичными только для языка фульбе, были отмечены и в языке биафада, одном из языков крайнего запада Африки. Население, говорящее на этом языке, — маленькое племя рыболовов, сохранившееся до наших дней в устье р. Геба в португальской Гвинее, на островах и в болотистых местностях Атлантического побережья. В антропологическом отношении они типичные суданцы и никак не могут быть заподозрены в хамитском происхождении. Таким образом, оказалось, что и эта «тиปично хамитская» черта языка фуль встречается в суданских языках⁴⁷.

Этими открытиями уничтожаются всякие попытки видеть в языке фуль прахамитский язык. Его теперь следует включить в число языков Западного Судана⁴⁸.

Прежнее предложение о единстве всех суданских языков теперь уже не выдерживает критики. Напротив, мы видим чрезвычайное разнообразие языков Судана. Тот тип, который считался прежде основным, т. е. аморфные языки Западного Судана, оказался типичным лишь для Верхней Гвинеи. Многие языки Судана оказываются языками, в той или иной степени имеющими признаки деления на классы. Предполагать, как это делал Мейнхоф, что система классов возникла в результате появления каких-то хамитов, не приходится, во-первых, потому, что язык фуль не может считаться прахамитским. Во-вторых, вся проблема происхождения именных классов не может решаться столь просто. Дело в том, что проблема появления и развития именных классов в языке — это проблема мышления, а сами именные классы являются не чем иным, как первоначальной классификацией понятий. Именные классы встречаются не только в языках Африки. В пределах СССР они существуют в языках Северного Кавказа, а следы такой классификации отмечены в чукотском языке, кроме того, они существуют в языках североамериканских индейцев и в Меланезии. Таким образом, эта проблема имеет более широкое значение — это часть общего глоттогонического процесса, проблема стадиального развития языков, и она ни в какой степени не может ограничиваться только африканскими данными.

Проблеме происхождения языков банту Мейнхоф посвятил одну из своих последних работ, написанную им после того, как были опубликованы результаты работ Клингенхебена. В ней Мейнхоф развивает свою прежнюю точку зрения, вновь повторяя, что языки банту могли возникнуть лишь в результате воздействия господствующей расы. Считаясь с невозможностью видеть в языке фуль предка банту, Мейнхоф в этот раз выдвигает хамито-нилотские скотоводческие воинственные народы Северо-Восточной Африки, которые явились создателями языков банту. «Грамматика банту, — пишет Мейнхоф, — создана сильной волей могущественного народа, который подчинил Центральную и Южную Африку своей мысли, своей воле»⁴⁹. Итак, прежние взгляды Мейнхофа не

⁴⁶ A. Klingenberg, Die Präfixklassen des Ful. *Ztschr. f. Eingeb. Sprachen*, XIV, стр. 189—222 и 290—315.

⁴⁷ A. Klingenberg, Die Permutation des Biafada und des Ful. *Ztschr. f. Eingeb. Sprachen*, XV, стр. 180—213, 266—272.

⁴⁸ Так поступил Вестерманн в статье об языках Африки в изд. «Völkerkunde von Afrika», Berlin, 1939.

⁴⁹ C. Meinhof, Die Entstehung der Bantusprachen, *Ztschr. f. Ethnologie*, 70, Jahrg., Berlin, 1939, стр. 144—152.

изменились, в его глазах негр никогда не был в состоянии создать высокоразвитую грамматическую систему языков. Считаясь с невозможностью видеть в языке фуль язык народа завоевателей, Мейнхоф в этой работе заменяет их хамито-нилотскими воинственными народами, которые должны были сыграть роль завоевателей и творцов языковой системы банту. О примитивности подобного взгляда на развитие языка уже говорилось выше. Подмена языка фуль хамито-нилотскими предками не может спасти теорию Мейнхофа. Достаточно сказать, что ни нилотские, ни кушитские языки Северо-Восточной Африки не имеют грамматических классов имени существительного, и в этом новом варианте теория вообще лишена какой бы то ни было доказательности.

Связь языков банту с некоторыми группами языков Судана, как то: языками Кордофана, языками бассейна рек Бенуэ и Крестовой, языками Северной Нигерии (группа языков провинции Зария), языками группы моси — груси — гурма, языками крайнего запада Судана темэз, волоф, серер и фуль — теперь несомненна. Это было доказано работами Д. Вестерманна, который в течение многих лет ведет исследование языков Судана. Установление связи этих групп с языками банту как по линии системы классов, так и по словарю является его несомненной заслугой⁵⁰. Однако Вестерманн хочет связать все эти группы, включая и банту, с некоей древненигритской культурой, распространенной в степях Судана от Атлантического побережья до Кордофана⁵¹. Древненигритская культура является по существу всего лишь новой конструкцией культурно-исторической школы и построена при помощи прежних приемов школы культурных кругов и вряд ли она когда-либо существовала. Точно так же неясно, можно ли считать примитивными языки высокоразвитых народов Гвинейского побережья, т. е. языки группы ква, отделяя их от языков с классовыми показателями. Языки группы ква, моносиллабические, с музыкальными тонами обычно считают весьма примитивными и сближают их по морфологической схеме с китайским. Однако, как показали исследования советских лингвистов, структура китайского языка далеко не так проста и ее никак нельзя считать примитивной. По всей вероятности, языки Гвинейского побережья также вряд ли примитивнее языков Кордофана или бассейна Бенуэ. На Гвинейском побережье задолго до появления европейцев существовали государства, и культуры Иоруба, Ашанти, Дагомеи и Бенина являются наивысшими достижениями народов Судана. Естественное было бы видеть в языках этих народов результат дальнейшего развития языков с классовыми показателями, тем более, что в них встречаются следы системы именных классов. Эти следы следует рассматривать скорее как остатки прежде развитой системы классов, чем видеть в них результат заимствования из соседних языков. Но, конечно, этот вопрос должен быть предметом специального исследования.

Во всяком случае языки банту представляют собой одну из групп языков с классовыми показателями, которая по сравнению с другими группами гораздо многочисленнее и получила наибольшее распространение. По всей вероятности, это было вызвано конкретными историческими причинами.

Из-за того, что языки банту и некоторые группы языков Судана генетически связаны, не следует думать, что все языки Африки к югу от Сахары представляют одну негроафриканскую группу языков, как это

⁵⁰ D. Westermann, *Die Westlichen Sudansprachen und ihre Beziehungen zum Bantu*, Berlin, 1927, и ряд его статей в «Mitteilungen des Seminars f. Orientalische Sprachen».

⁵¹ D. Westermann, *Pluralbildung und Nominalklassen in einigen afrikanischen Sprachen*, Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Jahrgang 1945/46, Phil. Hist. Klasse, Nr. 1, Berlin, 1947, стр. 27.

хотел доказать Делафосс. Напротив, приходится считаться с огромным разнообразием языков Судана. Среди них выделяются языки мандинго, составляющие особую группу, — это языки древнего царства Мелле, некогда существовавшего в Западном Судане. Особняком стоят также языки нилотской группы. Языки центральной части Судана группы хауса — котоко, до сих пор еще мало изученные, также представляют большое разнообразие. На всем протяжении Судана мы видим множество переходных ступеней, не позволяющих провести резкую границу между стдельными языковыми группами. Так, например, северо-западная группа языков банту настолько отличается от остальных языков, что составляет как бы промежуточное звено между группой банту и языками группы бассейна Бенуэ⁵². С другой стороны, многие языки Судана имеют черты сходства с семито-хамитскими языками, причем это сходство выходит далеко за пределы словарных заимствований, так как речь идет об основных чертах языковой структуры⁵³. Так, например, глагол хауса является как бы более архаичной ступенью развития глагола семито-хамитских языков⁵⁴. Словом, перед нами весьма сложная картина развития языков, которая не может быть сведена к гипотетически чистым и замкнутым языковым семьям с прайзыками: она не может быть объяснена также различными теориями завоевания, подобными хамитской теории Мейнхофа.

Против этой теории можно сделать много различных возражений. Одним из существенных возражений является то, что единство хамитской языковой группы Мейнхоф пытался обосновать на примере семи изолированно взятых языков. Язык фуль, так же как и хауса, рассматривался им вне связи с языками Западного Судана как заброшенный в Судан хамитский реликт. О языке фуль уже говорилось, а хауса является одним из языков центральносуданской группы, в которую входят языки Нигерии и бассейна рек Шари и Логоне, и не может считаться одиноко стоящим реликтом. Язык масай, который Мейнхоф считал одним из языков хамитской группы, входит по существу в число нилотских языков и не может быть оторван от них. Что касается языка готтентотов — нами, то и он гораздо теснее связан с бушменскими языками, чем это представлялось прежде. Теперь выяснилось, что грамматический род встречается во многих языках центральной группы языков сан, т. е. бушменских. Отношения готтентотских и бушменских языков оказались более близкими, и теперь приходится рассматривать происхождение готтентотских языков в связи с историей развития бушменских. Таким образом, нельзя видеть в готтентотах отковавшихся представителей несуществующего хамитского единства⁵⁵.

Итак, в результате рассмотрения истории хамитской теории и тех положений, на которых она покоялась, мы пришли к выводам, что хамитов как особой группы народов или языков не существует. Антропологического понятия хамитов нет. Нет также и особой хамитской группы языков.

⁵² Например, язык занде, не относящийся к языкам банту, имеет много черт языка банту, в том числе систему классов-родов. — См. Д. Ольдерогге. Библиография Востока, т. VIII, рец. на книгу Gore, E-C. A Zande Grammar, 1930.

⁵³ Было даже предложено назвать языки Центрального Судана чадо-хамитской группой. См. J. H. Lukas, Die Gliederung der Sprachenwelt des Tschadsegegebietes in Zentral-Afrika, Forschungen u. Fortschritte, 1934 (10.X); Über den Einfluss der hellhäutigen Hamiten auf die Sprachen des Zentralen Sudan, Forsch. u. Fortschr., 1936, 14. XII. Название неудачное и основанное в конечном счете на взглядах Мейнхофа и его концепциях.

⁵⁴ A. Klingenberg, Die Tempora Westafrikas und die Semitischen Tempora, Ztschr. f. Eingeb. Sprachen, стр. XIX, 241—268.

⁵⁵ D. F. Bleek, The Naron, Cambridge Univ. Pr. 1928; The Distribution of Bushman Languages in South Africa. Festschr. Meinhof, Hamburg 1927, 55—64; Bushman Grammar. A Grammatical Sketch of the Language of the ham-ka-k'e, Ztschr. f. Eingeb. Sprachen, XIX, 81—98.

В северной части Африки живут народы, говорящие на языках семито-хамитской группы. На основании этого названия нельзя заключать, что существуют отдельно семитская и отдельно хамитская ее ветви. Название это условное и не может быть расчленено на отдельные половины. Семито-хамитская группа языков должна быть подразделена на четыре группы: собственно семитскую, берберскую, кушитскую и древнеегипетскую. Говорить об единстве хамитских языков, противополагая их семитским, нельзя, потому что нет такой черты, которая объединяла бы все три группы в противоположность семитской. Таким образом, можно говорить лишь о семито-хамитской группе языков⁵⁶.

Народы, говорящие на языках семито-хамитской группы, по своей расовой принадлежности относятся к разным расам: средиземноморской (берberы) и эфиопидной (кушиты).

Наконец, не существует также и этнографического понятия — хамиты. Следует помнить, что признавать его означает становиться в конечном счете на откровенно расистские позиции и солидаризироваться с различными псевдонаучными построениями. Таким образом, хамитская теория не имеет места в истории Африки. Хамиты — это фантом, это призрак, существующий лишь в фантастических концепциях школы Фробениуса или Вильгельма Шмидта. Там это понятие имеет свой смысл, свое значение, но эти школы не имеют ничего общего с подлинной наукой об истории развития общества. Хамиты как фактор классообразования или активный элемент в создании государства — величайшее извращение в вопросах образования государства. Это — одна из реакционных теорий, теорий, ничего общего не имеющих с наукой. И хамитской теории нет места в советской африканистике, так же как ей нет места и в марксистско-ленинском учении о развитии общества.

⁵⁶ Marcel Cohen, *Les résultats acquis de la grammaire comparée chamito-sémitique*. Conférences de l'Institut de linguistique de l'Univ. de Paris, Année 1933, Paris, 1934, стр. 17—31; Brockelman, *Gibt es einen hamitischen Sprachstamm?* *Anthropos*, XVII, 797—818.—Напротив, крайней нечеткостью отличается работа Vucichl. Werner, *Was sind Hamitensprachen?* *Africa*, VIII, 1935, 76—89. Совершенно основательно замечает Чиллард, что в ней игнорируется история развития языков (*Africa*, IX, 1936, стр. 440, прим. 1).

Н. А. ПЕТРОВ

КИТАЙСКИЙ НАРОДНЫЙ ТЕАТР НА ПУТИ К РЕАЛИЗМУ

Театр как средство идеологического воспитания масс играет важную роль среди других видов искусства. В Китае, где театр весьма популярен, он может занять едва ли не первое место по своим возможностям воспитывать массы в демократическом духе, укреплять в них чувство ненависти ко всему устарелому, феодальному, что держало народ во мраке, угнетало и превращало его в покорного раба феодалов и империалистов. На современном этапе победоносной борьбы демократии, руководимой компартией Китая, против разбитого, но еще недобитого Гоминдана, театр, несомненно, может стать подлинным агитатором среди много-миллионных народных масс за создание единого, независимого, демократического, свободного Китая.

На территории, еще управляемой Гоминданом, царит произвол феодалов-помещиков, ростовщиков и гоминдановских чиновников; закрываются прогрессивные газеты и журналы, демократические политические и общественные деятели подвергаются убийствам из-за угла, арестам и избиениям. В районах Гоминдана преследовали и преследуют всех, кто говорит о правах народа, о ненасытной диктатуре Гоминдана, о создании коалиционного правительства.

Гоминдан стремился отделить писателей, драматургов и работников искусства от народа. Произведения демократических писателей и драматургов, если не запрещались, то изменялись до неузнаваемости. «Работники культуры постепенно разошлись с народными чувствами», — писал Сяо Се¹.

«Главная причина, вызвавшая такое явление, — писал в начале 1946 г. И Цюнь, один из редакторов шанхайского журнала «Вэнь Лянь», — заключается не в самих авторах, а в окружающих политических условиях. Достаточно сказать, что обстановка в последние несколько лет была такова, что в очень многих сравнительно уединенных городах и деревнях книги новой литературы стали «запрещенными». Молодежь на этом пути (т. е. читающая запрещенные книги. — Н. П.) могла попасть в концентрационный лагерь»².

И Цюнь был безусловно прав, когда писал, что писатели не должны «стоять у дерева и ждать зайца» (китайская пословица, равносильная русской: «сидеть у моря и ждать погоды»), т. е. ждать, когда вся страна полностью обретет демократический порядок, а самим искать контакта с народом и бороться вместе с ним за демократическое переустройство страны.

В этих условиях массовым агитатором может стать театр. Никакие тиражи книг не дадут того эффекта, который может принести театр в

¹ Сяо Се. Путь театра в войне по сопротивлению врагу, журнал «Вэнь Лянь» № 1 от 5 января 1946 г.

² И Цюнь. Литературная работа в новом демократическом движении, журнал «Вэнь Лянь», № 3 от 5 февраля 1946 г.

Китае, тем более что в деревне зрителем является неграмотный крестьянин (80% населения Китая еще неграмотно).

Китайский театр в годы военного сопротивления Японии показал свое умение бороться за осуществление тех задач, которые ставили народ и все прогрессивные элементы страны: «единство народа», «сопротивление врагу» и «победа над ним». Десятки театров разъезжали по фронтам, показывая солдатам и населению патриотические пьесы, говорившие о необходимости единого национального антиимпериалистического фронта, воодушевляя бойцов на борьбу. Один Шанхай послал десять театральных отрядов, дававших свои представления на фронтах и в тылу.

«Театральные труппы испытывали нужду и лишения,— пишет Сяо Се,— ибо они не получали помощи. Их сценой была трава, на которой они давали свои представления... В 1943 г. зимой восемь театральных отрядов завернули в Чунцин. Актеры были одеты в рваную одежду; в одном отряде 7—8 человек заболели туберкулезом. Они ходили голодные, продавали единственное имевшееся у них ручные часы, автоматические ручки и т. п.— и все же остались на сцене. Несмотря на тяжелые условия, они не отказались от театра. Они были «солдатами театра». Они были ранены, болели, теряли свой багаж, имущество»³.

В упомянутой статье автор считает 1939 г. самым мрачным годом в период войны с Японией, «когда вся культурная работа душилась, когда закрывались книжные лавки, журналы вынуждены были прекратить свое существование. Тыл представлял собой пустыню»⁴.

Несмотря на это, за восемь лет войны в Китае было издано 120 пьес. Лучшие драматурги и писатели создавали произведения, отражавшие борьбу армии и народа против империалистической Японии («Генерал авиации», «За год», «Старая деревня», «Смех во тьме» и др.), описывавшие войну в тылу врага, разоблачая марионеток, показывая их омерзительное положение («Ночной Шанхай», «Предатель Ван Цзинвэй» и др.).

Особенно большое количество драматических произведений было издано с весны 1941 по 1945 г. В этот период изданы 83 пьесы, среди которых были: описывающие антияпонскую войну («Стон в деревне» и др.), борьбу в тылу врага («Сkitания молодого человека», «Двухличный человек», «Долгая ночь» и др.), деятельность вражеских лазутчиков («Трава и деревья — все солдаты», «Дикая роза», «Ночной прибой на Шанхайской отмели» и др.), наказание предателей в тылу («Легенда о городе Шаньчэн», «10 тысяч лан золота», «Золотой прибой» и др.), призывающие к обороне («24 часа в Чунцине», «Весенний мороз» и др.), к борьбе с бюрократами («Накануне и после праздника Цинлин»). Наконец, были пьесы, раскрывающие социальные противоречия в китайском обществе, пьесы лирические, исторические и т. д.⁵

Для театра работали известные не только в Китае, но и за его пределами писатели, как Го Мо-жо, Оуян Юйцин, Тянь Хань, Сюнь Фо-си, которые стали также основателями нового, реалистического театра. Их указания, статьи в журналах, их лекции и литературные произведения вдохновляли и поднимали молодежь на борьбу, служили руководством для молодых драматургов. «Драматурги были упорны. Они всегда стремились к реальности, быть верными народу. Это стало руководством для молодых драматургов»⁶.

Многие драматические произведения ставились на сцене, имели успех, были напечатаны в сборниках, в журналах, но много было и неудачных произведений. При своих больших заслугах китайский

³ Сяо Се, Указ. раб.

⁴ Там же.

⁵ Из статьи Тянь Цзюня «Творчество в области театра за 8 лет войны по сопротивлению», журнал «Вэнь Лянь», № 3 от 5 февраля 1946 г.

⁶ Сяо Се, Указ. раб.

театр продолжал оставаться «узким» местом в культуре и искусстве Китая.

Китайский театр (речь здесь идет не о театрах европейского типа в больших городах) является подлинно народным искусством. По деревням и маленьким городкам разъезжают бродячие труппы актеров. Приезд такой бродячей труппы всегда бывает настоящим событием, праздником для населения. Однако большая часть таких театральных трупп имеет в своем репертуаре только старинные пьесы, относящиеся к периоду Юаньской династии (XIII—XIV вв.). Китайский театр больше, чем какой-либо другой вид искусства, сохранил вековые традиции и в репертуаре, и в сценическом оформлении, и в *условностях*, бутафории и гриме⁷.

Многие москвичи и ленинградцы, вероятно, еще помнят театр знаменитого китайского актера Мэй Ланьфана, приезжавшего в Советский Союз в 1935 г. Великолепная игра этого актера, исполнявшего женские роли, не могла, однако, восполнить недостаток репертуара. Пьесы, которые ставил театр, были чрезвычайно далеки от современности, были написаны старинным литературным языком («*вэнъ янь*»). Европейскому зрителю трудно было понять содержание пьесы, условный и специфический для старинного китайского театра грим.

Китайский театр еще в значительной степени консервативен. Только с недавних пор на сцену стала допускаться женщина-актриса, но и сейчас во многих театрах женские роли продолжают исполнять мужчины. Лишь в последние годы театр начал делать робкие шаги в сторону осовременивания репертуара, приближения его к реальной жизни. Театр начинает сознавать свою огромную воспитательную роль. Вырастают новые силы, направляющие театр по новому, реалистическому пути; рождаются пьесы, которые становятся массовыми, реалистическими, национальными.

В 1944 г. филиал ЦК КПК Шаньси-Чахар-Хэбэйского пограничного района специальным постановлением отметил одну такую пьесу «Радость бедняков» («*Цюнь жэнъ лэ*»).

Эта пьеса замечательна тем, что она не только показывает пробуждение народных масс Шаньси-Чахар-Хэбэйского пограничного района, его переход от нищеты к лучшей жизни, а также и тем, что автором этой пьесы был коллектив актеров и зрителей. Содержание и форма этой пьесы были выбраны самим народом. «Эта пьеса,— говорится в постановлении ЦК КПК,— является новым успехом в реализации указаний Мао Цзэ-дуна относительно литературы, о ее служении рабочим, крестьянам и солдатам⁸. Вместе с тем реальные люди и реальные факты, которые были использованы в процессе творчества и представлений, были взаимно связаны. Они показали жизнь и борьбу народных масс нашей деревни»⁹.

Пьеса «Радость бедняков» рисует картину борьбы трудящихся Пограничного района. С улучшением материального положения у трудящихся в деревне Ганцзе этого района возникла мысль отобразить свою жизнь на сцене, дать историю борьбы за демократию. За это взялся драмколлектив при содействии товарищей из драматического общества «Сопротивление врагу». Из участников драмколлектива много бы-

⁷ Условность в китайском театре велика: например, плеть в руках героя означает, что он едет на лошади. Что касается грима, то различная окраска лица в особые цвета и рисунки символизирует положительных или отрицательных персонажей в пьесе.

⁸ Указания т. Мао Цзэ-дуна, о которых здесь идет речь, были даны им в докладе «О движении за новую культуру» на конференции работников литературы, состоявшейся в г. Яньане 2 мая 1942 г.

⁹ «Радость бедняков» («*Цюнь жэнъ лэ*»), Литературный сборник, изд. «Магазина массовой книги» в г. Дальнем, 1946, стр. 97.

ло трудящихся, которые «идеологически и в жизни были тесно связанны с массами нашей деревни. Они могли работать, основываясь на взглядах народа, и, вместе с тем, у них была замечательная исследовательская и творческая энергия. При таких условиях они и создали пьесу «Радость бедняков»¹⁰.

Содержание и форма пьесы были обсуждены не только в драмколлективе, но и со зрителями. Название пьесы, как и идея создания ее, возникли из рассказа некоего Чжоу Фу-дэ о пережитых населением Пограничного района событиях, о достижениях демократического правительства. «От голода и холода в прошлом,— говорил Чжоу,— мы теперь пришли к тому, что у нас имеется что есть и что пить. Не назвать ли нам это «Радостью бедняков»?

Но нужно было написать самую пьесу. Сначала была набросана ее краткая схема без речей,— лишь конспект событий и перечень действующих лиц. Каждый актер, будучи сам участником событий, набросанных в конспекте пьесы, не ограниченный ее рамками, вносил свое творчество. С каждым спектаклем схема обрастала все новым материалом, в результате чего она превратилась в богатую по содержанию пьесу. Работа над пьесой продолжалась долго; ее сокращали, дополняли, исправляли, пока она не приняла свой окончательный вид.

Пьеса состоит из 14 картин, в которых показана деревня Гаоцзе-цунь за 20 лет (с 1924 по 1944 г.). После огромного наводнения, произшедшего в 1924 г., и без того тяжелое положение крестьян еще более ухудшилось вследствие роста налогов. Шло разорение крестьян-собственников и увеличение числа арендаторов-половников. Совокупность всех бедствий приводит к продаже крестьянами своих детей (картина 1-я). В 1937 г. в эту деревню прибывают войска 8-й Народно-революционной армии, после ухода из нее гоминдановских войск (картина 2-я). К зиме 1937 г. в деревне снижены налоги, крестьяне вступают в «Общество сопротивления Японии и спасения государства» и в 8-ю Народно-революционную армию (картина 3-я). Весной 1940 г. население колективно выходит на работу по рытью канав для орошения полей (картина 4-я). Летом того же года происходят демократические выборы старосты деревни (картина 5-я). Однако враги и предатели народа ведут свою подрывную деятельность в деревне. Японцы, находившиеся недалеко от деревни Гаоцзе-цунь, и предатель-китаец, угрожая молодому парню из этой же деревни, добиваются у него сведений о месте сокрытия крестьянами продовольствия. Не добившись необходимых сведений, японцы убивают парня. Его труп находят партизаны, начальник партизанской группы опознает его. Партизаны отправляются преследовать этих японцев; последние подрываются на мине (картина 6-я). Весной 1944 г. в деревне происходит выдача семенной ссуды крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий. Одновременно происходит также организация крестьян в кооперативное общество (картина 7-я). Картины 8-я и 9-я показывают весенний сев и труд семьи в поле. В картине 10-й — участие детей в полевых работах. В картине 11-й показано истребление саранчи, налетевшей на поля этой деревни. Картины 12-я и 13-я показывают сбор урожая, борьбу за производительность. Заключительная картина (14-я) — радость бедняков: происходит подсчет урожая; все одеты в новые платья; крестьяне поют радостные песни о богатом урожае.

С нашей точки зрения, в пьесе чрезмерное нагромождение событий. Ее просмотр потребует много времени¹¹. Самое ценное в этой пьесе —

¹⁰ «Радость бедняков» («Цюнь жэн лэ»), Литературный сборник, изд. «Магазина массовой книги в г. Дальнем», 1946, стр. 100.

¹¹ В традиционном китайском театре спектакль начинается утром, а заканчивается вечером: за это время ставится несколько пьес.

это ее реалистичность, ее отход от обветшалых традиций и внесение в нее народного творчества.

Демократический театр Китая ищет формы, в которые он мог бы облечь богатое событиями содержание нынешнего дня.

Средневековые формы китайского театра не в состоянии передать современную действительность. Откуда взять новую форму, которая была бы понятна, доходчива и для неграмотного крестьянина, привыкшего различать на сцене по определенным признакам (гриму, бутафории, условностям) добродетельных персонажей и злодеев? Если в китайский театр привнести формы европейского театра, то они будут не совсем понятны даже интеллигентному китайцу, так же как европейцу не совсем понятен старинный китайский театр или китайская музыка.

Наиболее удачно, нам кажется, разрешен этот вопрос новым реалистическим народным театром «Северо-восток». Автору этой статьи удалось лично видеть постановку пьесы «Месть за кровь и слезы» («Сюэ лэй чуо») в исполнении этого театра.

Пьеса носит ярко выраженный агитационный характер, что вполне естественно для нового реалистического театра; в условиях ожесточенной борьбы побеждающей демократии с реакцией такая агитационная пьеса несомненно нужна. Прообразом для нее послужил материал рассмотренной нами выше пьесы «Радость бедняков».

Не только главные, но и почти все второстепенные роли исполнялись прекрасно. Что касается самой пьесы, то она столь же далека от пьес старинного театра, как небо от земли. Правда, в ней еще имеются недостатки, даже с точки зрения требований, предъявляемых сейчас к пьесам в самом Китае со стороны его прогрессивных элементов,— в ней есть нагромождение событий. В пьесе говорится и о японском нашествии, и о «тановском бедствии» (о генерале Тан Энь-бо, державшем судьбу Хэнани в своих руках) и о стихийных бедствиях в виде наводнения, саранчи, засухи. «Наводнение, засуха, саранча и Тан — вот зло, которое терпит Хэнань», — такова была поговорка хэнаньцев.

В первой части пьесы «Месть за кровь и слезы» действие развертывается в той же Хэнани. Старик-крестьянин Ван Жэнь-хуо продает оставшуюся у него землю с могилами предков, чтобы откупить сына от солдатчины. В семье, состоящей из стариков-родителей, двух сыновей, дочери и невестки, наступают голодные дни. Взрослый сын, Дун Цай, отправляется в лес надрать коры, которая пойдет в пищу. Его замечает начальник стодворки,— ему принадлежит лес. На Дун Цая наложен штраф. В это время гоминдановцы, готовя нападение на Пограничный район, забирают взрослых мужчин в армию. Хотят забрать в солдаты и Дун Цая. Остается один выход, чтобы спасти сына и единственного работника в семье — продать дочь Дун Цая и на эти деньги выкупить сына. Семья решает бежать из Хэнани искать счастья. При возвращении с семейного кладбища, куда семья ходила прощаться с предками, военный отряд схватывает и уводит Дун Цая. Ни слезы старухи-матери, ни мольбы старика-отца не трогают «баочжана» — он требует денег.

Ночью старик со своей женой, невесткой и внуком бегут. После различных злоключений часть семьи попадает в освобожденный от Гоминдана район; там нет голода, там население успешно трудится. Прибыв в Пограничный район, старик Ван получает теплую фанзу. Население деревни устроило ему сбор вещей и продовольствия.

Вскоре на Пограничный район начали наступление гоминдановцы. Старик Ван вступает в отряд для борьбы с Гоминданом. После разных перипетий Дун Цай, сын Вана, тоже вступает в отряд.

Всеобщей радостью заполнена заключительная сцена, когда приходит известие о разгроме гоминдановцев.

Янь И-янь, один из авторов этой пьесы, в предисловии к ней пишет:

«Разыгрываемый нами спектакль говорит им (т. е. народным массам.—Н. П.) путем наших субъективных взглядов и чувств об их взглядах и чувствах, показывает их жизнь и борьбу. Просмотрев нашу игру, они смогут понять, приобрести полезное и испытать удовольствие. Спектакль сможет поднять скрытые в народных массах силы и этим активизировать их на движение вперед, объединить их, воспитать, организовать, заставить их действовать, бороться за свои собственные требования и принципы»¹².

Для этой пьесы, полной реализма, была выбрана и соответствующая форма, понятная и неграмотному крестьянину и взятая у самого народа в виде «янгэ», песен, которые поют крестьяне при посадке молодых побегов риса. Эта форма — старая, переходившая из поколения в поколение; она известна широким массам во всех углах Китая. Истоки песен «янгэ» уходят в глубь китайской истории, к эпохе Чжоу (XII в. до н. э.), к тем народным песням, которые известны еще по классической «Книге песен» — «Шицзин». В песнях «янгэ» выражена любовь китайского крестьянина к земле, к труду на этой земле. Часто песни сопровождаются плясками. Редко песни носят радостный характер, большая часть их очень грустна вследствие тяжелого феодального гнета. Иногда они содержали протест против феодальной системы, были наполнены ненавистью к господствующим классам. В освобожденных районах Китая есть немало прекрасных пьес с «янгэ», которые являются творчеством самого народа. Они родились из старых «янгэ», вобрав в себя народные песни и прибаутки, старинные танцы и пр.

Авторы пьесы «Месть за кровь и слезы» (Ма Цзянь-лин, Янь И-янь и Дуань Му-тань) правильно подошли к ее сочинению; использовав народное творчество и наполнив новым содержанием форму «янгэ», они тем самым изменили ее качественно.

Нынешние пьесы «янгэ» конкретно отражают жизнь и борьбу масс. Они с восторгом воспринимаются народом, уже стали его достоянием. Эти пьесы воспевают народ, воспевают труд, новую демократическую жизнь, борьбу за мир и демократию, раскрывают недавнюю эксплуатацию народа феодалами, обличают преступления, совершаемые Гоминданом. Народные массы в освобожденных районах как в политике, так и на сцене являются хозяевами.

Таким образом, новый китайский реалистический театр стоит на правильном пути, стремясь отразить современную жизнь. По форме и по содержанию этот театр является народным; уже сейчас ему можно предсказать блестящее будущее: ему суждено сменить старинный театр, воспевавший феодалов, проповедывавший старую мораль.

Было бы величайшей ошибкой нового театра, если бы он успокоился на достигнутом. Но, надеемся, этого не будет. В своем развитии он несомненно будет руководствоваться указаниями, данными т. Мао Цзедуном, когда он говорил о демократической культуре: «...Китай должен создать свою национальную, народную, имеющую научную основу культуру и просвещение. Неправильно было бы пренебрегать зарубежной культурой. Мы должны как можно больше взять от передовой зарубежной культуры, используя ее как зеркало в движении за новую культуру Китая. Но при этом нельзя слепо подражать зарубежной культуре, ее нужно воспринимать критически, в соответствии с практическими требованиями китайского народа. Нельзя также пренебрегать древней китайской культурой или слепо подражать ей. Ее также необходимо критически использовать для развития новой демократической культуры»¹³.

¹² Янь И-янь, Народное искусство, предисловие к пьесе «Месть за кровь и слезы», изд. «Далянь синшэн шибао шэ», 1946, стр. 2.

¹³ Мао Цзэ-дун, Политический отчет на VII съезде коммунистической партии Китая (в апреле 1945 г.).

Используя все ценное, что есть в старинном китайском театре, усваивая достижения советского театра,— новый реалистический театр может стать подлинным борцом за демократический Китай.

В настоящее время трудящиеся Китая под руководством Китайской коммунистической партии весьма успешно ведут вооруженную борьбу против Гоминдана, освободив от его власти наиболее важные районы страны. Недалек тот час, когда народные массы Китая выбросят всю продажную клику Гоминдана, с Чан Кай-ши во главе, в мусорный ящик истории.

В освобожденных районах проведена земельная реформа под лозунгом «Земля — землепашцу», ведется промадная работа по ликвидации безграмотности, всюду вырастают новые школы. Исчезают пережитки феодализма (продажа детей, обручение малолетних), ведется борьба с суевериями и знахарством.

При таких условиях новый китайский театр может и должен понести освободительные идеи и понятия в народные массы Китая.

Много сделали для пропаганды ликбеза многочисленные бродячие театральные труппы, исколесившие освобожденные районы.

«Театр призван служить народу» — этот лозунг несомненно будет подхвачен всеми прогрессивными театральными деятелями Китая.

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

М. С. ПЛИСЕЦКИЙ

ОБ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ А. Н. РАДИЩЕВА

20 августа 1949 г. исполняется 200 лет со дня рождения одного из замечательных русских мыслителей — Александра Николаевича Радищева (1749—1802).

Радищев хорошо известен у нас как философ-просветитель второй половины XVIII в., как революционер, боровшийся против крепостничества, порвавший с иллюзией освобождения крестьян сверху и возлагавший надежду на «бунт от мужиков». Значительно меньше знает советский читатель Радищева как натуралиста, имеющего полное право занять почетное место в истории науки о человеке. Некоторые же высказывания Радищева о человеке никогда никем не были отмечены, несмотря на то, что для конца XVIII в. они подлинно гениальны.

Радищев был одним из образованнейших людей своего времени и, помимо истории и философии, проявил большой интерес к «натуральной истории человека», свидетельством чему может служить его трактат «О человеке, его смертности и бессмертии». Работа эта написана Радищевым в период 1792—1796 гг., во время пребывания в глухой сибирской ссылке (Илимске). Хотя Радищев был насилино оторван от научной и общественной жизни культурных центров Европы, в том числе от Петербурга и Москвы, — тем не менее его трактат «О человеке» находится на высоком для того времени научном уровне и характеризует его автора как передового ученого и философа-материалиста, несмотря на то, что в отдельных случаях он не свободен от идеалистических и механистических суждений, являющихся своеобразной данью времени.

Радищев отмечает, что человек по некоторым признакам напоминает не только животных, но и растения. Наиболее близки человеку животные «живородящие» (млекопитающие). Многие из них вынашивают плод в течение 9 месяцев, рождают и вскармливают детенышей собственным молоком. Особенно сходно анатомическое строение человека и млекопитающих. «Внутренность человека, — пишет Радищев, — равномерно сходствует со внутренностию животных. Кости суть основание тела; мышцы — орудия произвольного движения; нервы — причина чувствования; легкое равно в них дышит; желудок устроен для одинаковых упражнений; кровь обращается в артериях и венах, имея началом сердце с четырьмя его отделениями; лимфа движется в своих каналах, строение желез и всех отделительных каналов, чашечная ткань и наполняющий ее жир, наконец, мозг и зависящие от него деяния: понятие, память, рассудок...»¹

¹ А. Н. Радищев. Полное собрание сочинений, т. II, 1941, стр. 48. В дальнейшем указаны только страницы этой работы.

Дальше Радищев останавливается на тех специфических особенностях, какие характеризуют только человека. Это, во-первых, прямохождение. Хотя и медведь, пишет он, становится на задние лапы, а обезьяны способны ходить и бегать на них, но строение ног человеческих свидетельствует, что только ему одному присуще прямохождение... Широкая ступня, развитый большой палец и положение остальных пальцев, а также мышцы ступни доказывают, что человеку свойственно не пресмыкаться по земле, а смотреть за ее пределы (там же, стр. 48).

Горизонтальное положение тела животных, пишет далее Радищев, обращает их зрение и обоняние к земле, что «определяет их блаженство в насыщении желудка». Это относится даже к самой развитой обезьяне — оранг-утану.² Хотя Бюффон называет род обезьян четвероруким, но в действительности обезьяны животные четвероногие. Человек же по самому строению тела существа прямоходящее, вследствие чего его череп имеет круглую форму; у человека высокий лоб, выступающий нос, «две ровные губы составляют уста, где обитает улыбка» (стр. 49).

Как известно, живший почти одновременно с Радищевым голландский анатом Кампер (1722—1789) создал мистическую теорию, согласно которой степень развития животных и мыслительные способности людей будто бы определяются так называемым «лицевым углом», который образуется линией, проходящей от ушного отверстия к основанию носа (на черепе) и от этой точки ко лбу. У млекопитающих «лицевой угол» (получивший впоследствии наименование «угол Кампера») значительно больший, чем у птиц, а у человека — самый наибольший. На основании величины «лицевого угла» Кампер, а также современник Радищева — швейцарский ученый Лафатер (1741—1801) — судили о психических способностях человеческих рас. Негры, например, у которых челюсти несколько выступают вперед и которые имеют, следовательно, на несколько градусов меньший «лицевой угол», чем европейцы, рассматривались этими авторами как раса психически менее способная, чем европейцы.

О том, какое значение придавал Кампер «лицевому углу», можно судить по следующему отрывку из его работы «*Dissertation physique*» (1791).

«Как только ко мне попадали черепа негра и калмыка, — пишет Кампер, — я считал самым неотложным делом сравнить их с головой европейца, добавив к ним череп обезьяны. Таким сравнительным исследованием было установлено, что определенная черта, проведенная вдоль лба к верхней губе, определяет несходство, обнаруживаемое в лицах разных наций, и сходство головы негра с головой обезьяны. Тщательно вооружившись эскизом нескольких лиц по горизонтали, я замечал лицевые линии соразмерно с углами, которые они производят с горизонтальной линией. Стоило мне наклонить лицевую линию вперед, и я получал античную голову; наклоняя ее назад, я получал голову негра; наклоняя ее больше, я получал голову обезьяны; при еще большем наклоне — голову собаки, потом, наконец, — бекаса. Вот в чем заключается сущность моей задачи».

Эти вульгарные рассуждения Кампера, граничащие с бредом большого, были восприняты идеалистически мыслящими учеными и философами конца XVIII в. как «последнее слово» науки. Иоганн-Фридрих Гердер (1744—1803), будучи приверженцем метода Кампера, пытался объяснить связь между умственным развитием и «лицевым углом» тем, что, мол, линии, образующие этот угол, определяют положение в черепе мозга, причем наибольший угол (прямой), указывающий на отсутствие прогнатизма, является наиболее «счастливым» для человека.

«Философские» рассуждения Кампера, Лафатера, Гердера и других

² Под оранг-утанами во времена Радищева подразумевались шимпанзе.

о «лицевом угле» были использованы в дальнейшем полигенистами и мнимыми «моногенистами» библейского толка в качестве «научного аргумента в пользу теории неравнозначности человеческих рас. Укажем, например, что французский натуралист Вирей в своей книге «О человеке», вышедшей первым изданием в 1801 г., целиком базируется на методе Кампера и классифицирует человеческие расы на основе «лицевого угла». По его утверждению, негры, ведущие свой род от проклятого библейским богом Хама, имеющие «лицевой угол» от 75 до 85°, составляют породу, резко отличную от белых, лицевой угол которых равен 90°. «Негры, пишет Вирей, в силу своей низкой природы, рождены для удовлетворения наших (т. е. белых.—М. П.) потребностей».

Спустя около полувека после опубликования книги Вирея американские ученые идеологи рабовладения Нотт и Глиддон использовали камперовские манипуляции с «лицевым углом» в качестве доказательства, что негры не настоящие люди, а полуживотные, и что освобождение негров от рабской зависимости грозит гибелью цивилизации белых.

На этом мрачном фоне западноевропейской и американской антропологической «науки» ярко вырисовывается образ Радищева, который еще в конце XVIII в. сумел разобраться в антинаучности суждения о человеке на основании «лицевого угла», иначе говоря, наличия или отсутствия у него прогнатизма. Касаясь камперовского «лицевого угла», Радищев в его трактате «О человеке» не без остроумия замечает:

«Вот как человек пресмыкается в стезе (т. е. путается.—М. П.), когда он хочет уловить природу в ее действиях. Он воображает себе точки, линии, когда подражать хочет ее образам...» Радищев совершенно правильно считает, что не наличие или отсутствие прогнатизма определяют способности людей. Он находил, что прав Гельвеций, считавший, что «руки были человеку путеводительницы к разуму» (стр. 51).

* * *

В то время, к которому относятся изложенные мысли Радищева, была широко распространена идея, что человек абсолютно ничем не отличается от животных и что включение его в один класс с млекопитающими делает только честь человеку. Если существуют какие-нибудь различия между человеком и животными, то эти различия только количественные. Весьма популярен был также взгляд Ламетри на человека — как на машину.

Эти идеи, срывающие с человека «венец, божественного творения», сыграли в свое время исключительно большую положительную роль. Ламетри и его идеиные соратники пробили основательную брешь в теологическом мировоззрении и способствовали развитию материалистической философии и науки, в частности развитию материалистической физиологии, выступившей на борьбу с различными виталистическими концепциями.

И все же в низведении человека до уровня животного и простой машины имеется своя отрицательная сторона, которая оказывается в игнорировании специфичности человека. К чести Радищева надо отметить, что, будучи сторонником французских философов-материалистов, он тем не менее был чужд такой вульгаризации. Придавая руке, подобно Гельвецию, руководящую роль в развитии человека, Радищев одновременно отмечает, что наличием рук далеко не исчерпывается превосходство человека над животными. Достаточно указать, что утрата рук не ведет к утрате человеком присущих ему способностей и возможностей. В сравнении с собакой, например, человек обладает притупленным слухом и обонянием; у орла более острое зрение, чем у человека; голосовые способности некоторых птиц не сравнимы с человеческими. Но разве существует что-либо более совершенное, чем музыка Моцарта или по-

добных ему? От человеческого глаза многое ускользает, но в то же время его зрительные способности превосходят все мыслимое.

Но и это не все. Человек обладает речью, которая «есть, кажется, средство к собиранию мыслей воедино» (стр. 52). Радищев пишет, что при потере человеком одного органа усиливается другой. Однако немой всегда отстает в своем развитии от говорящего. «Итак,— заключает Радищев,— речь, расширяя мысленные в человеке силы, ощущает оных над собою действие и становится почти изъявлением всесилия» (стр. 53).

Переходя от вопроса о чувственности и сознании человека к психической его деятельности, Радищев пишет: «Чувственность есть свойство ощущать. Опыты показывают, что она есть свойство нервов, а физиологи приписывают ее присутствию нервной жидкости. Чувственность всегда является с мысленностью совокупна, а сия есть свойственна мозгу и в нем имеет свое пребывание» (стр. 88). Что касается сознания человека, его умственных способностей, то они результат практики: «опыты суть основание всего естественного познания» (стр. 50).

Правда, Радищев, как и другие материалисты его времени, не понимал, что те отличия человека от животных, какие он с такой меткостью описал, являются продуктом общественного труда и в конечном счете продуктом рук. Радищев, как и другие его современники, не поднялся до понимания того положения, что человек есть не только творение природы, но также продукт среды общественной, что сознание человека есть результат длительного исторического развития. Отсюда и сбивчивость некоторых рассуждений Радищева о душе, бессмертии. Но и в этих рассуждениях в конце концов побеждает философ-материалист. О душе, например, Радищев пишет: «То, что называют обыкновенно душою, то есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого...» (стр. 89).

* * *

Исключительный интерес представляют мысли Радищева о влиянии географического фактора на физический тип человека и его культуру.

Расовые различия людей, по мнению Радищева,— результат влияния климатических условий. «Что могут (сделать) лучи солнечные, или их отсутствие, тому доказательством служат Негры и Ескимосы». «Человек, хотя везде человек,— пишет он дальше,— но сколь он отличен в одной своей внешности и виде своем, то действие климата если не мгновенно, но оно чрезвычайно...» (стр. 63).

Природа влияет, по мнению Радищева, не только на телесные (расовые) особенности человека, но и на характер и тип культуры народов. Он находит, что «первый учитель в изобретениях был недостаток. Разум исполнительный в человеке зависел всегда от жизненных потребностей и определяем был местоположениями. Живущий при водах изобрел ладию и сети; странствующий в лесах и бродящий по горам изобрел лук и стрелы... обитавший на лугах, зелению и цветами испещренных, уdomовил (приручил) миролюбивых зверей и стал скотоводителем...» (стр. 64).

Что касается уровня развития культуры, то он определяется, как утверждает Радищев, причинами историческими. По мнению Радищева, разница в уровне культурного развития народов не говорит об их принципиальных природных различиях. Индейцы, древние греки и европейцы являются представителями разных ступеней развивающегося человечества (стр. 63).

Радищев различает народный разум от разума индивидуального. «Развержение (проявление, развитие.— М. П.) народного разума зависит от стечения счастливых обстоятельств» (стр. 59). «Счастливыми обстоятельствами» следует также, по мнению Радищева, объяснить появление великих исторических личностей. «Чингис и Стенька Разин,—

пишет Радищев,— в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были». Точно так же Кромвель, проявивший большой талант государственного деятеля, проживи он всю жизнь в монастыре, «присыпал бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепам» (стр. 128—129).

Если по своему разуму, по способностям развивать культуру, когда для этого имеются соответствующие условия, все народы равны, то это не значит, что не существует природных различий между индивидами внутри одного и того же народа. «Признавая силу воспитания,— пишет Радищев,— мы силу природы не отъемлем» (стр. 67). По этому вопросу Радищев резко расходится с Гельвецием. «Сколько Гельвеций ни остроумен, доказательства его о единосилии разумов суть слабы» (стр. 59).

* * *

Наш сжатый обзор далеко не исчерпывает всех вопросов, затронутых в трактате Радищева «О человеке». Однако и изложенного достаточно, чтобы убедиться, что даже запоздалое появление этого произведения в печати (1809) должно быть расценено как серьезное событие на научном и философском фронте начала XIX в. Особенно следует отметить, что рассуждения Радищева о народном и индивидуальном разуме, об отсутствии коррелятивной связи между расовыми особенностями людей, в частности «лицевым углом» и психикой, не только возвышают его над современными ему французскими философами-материалистами, но что эти мысли полностью укладываются в рамки современной науки.

В наши дни, когда наука о человеке и его расах превращена западноевропейскими и в особенности американскими реакционными лжеучеными в идеологическую подпорку империализма, особенно уместно вспомнить нашего замечательного ученого и философа — А. Н. Радищева.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

ИЗ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
ЭТНОГРАФИИ
И. А. ХУДЯКОВ

За последние годы советские ученые по-новому поставили многие вопросы истории русской науки. Старая историографическая схема либерально-буржуазной этнографии и фольклористики сломана. В истории науки XIX в. ярко вырисовывается огромная ведущая роль революционных демократов и их последователей. Освещению проблем этнографии и народного творчества в исследованиях Белинского, Добролюбова и Чернышевского посвящаются статьи в периодической печати и монографии. В плане предпринятых историографических работ стоит и настоящая статья о И. А. Худякове как одном из последователей великих революционных демократов.

Жизнь Худякова — типичный образец биографии ученого-разночинца 60-х гг. XIX в.; она имеет много общего с судьбой других революционеров-шестидесятников.

Иван Александрович Худяков родился в г. Кургане 1 января 1842 г. в семье провинциального чиновника. Детство свое он провел в Ишиме, там же окончил и уездное училище. Отец его, знакомый с декабристами (Нарышкиным, Свистуновым и др.), развитый и образованный для своего времени человек, ничего не жалел для воспитания своего сына. Мальчик пристрастился к чтению, но книг было мало. В 1853 г. Худяков переезжает в Тобольск и определяет сына в тобольскую гимназию; там Иван Александрович в течение пяти лет неизменно был первым учеником. 16 лет он окончил гимназию и поступил на историко-филологический факультет Казанского университета, где и проучился год — до 1859 г. Обстановка в университете мало способствовала учебе. В это время Худяков знакомится с произведениями Герцена, которые ходили среди студентов в рукописном виде, становится «атеистом, а в политическом отношении — приверженцем конституции», как он сам позже писал в своей автобиографии. В это же время он начал увлекаться мифами и сказками, что и привело его в конце концов в Москву, где он «надеялся найти побольше науки». В 1859—1860 гг. он в Московском университете слушает лекции Соловьева, Буслаева, Тихонравова.

Тяжелые материальные условия заставляют Худякова искать заработка. С этой целью он составляет в 1860 г. «Сборник великорусских народных исторических песен», за который и получает 40 руб. серебром. Летом Худяков уезжает репетировать помещичьих сынов в деревню, одновременно он записывает сказки и загадки, которые вскоре и издает. Увлеченный собиранием сказок, Худяков в 1861 г. перестает посещать лекции и сдавать экзамены; его исключают. Он пытается сдать экзамены и получить диплом в Казани, но после безуспешных попыток перестал заботиться о своем дипломе. В 1862 г. он переезжает в Петербург.

В 1863—1864 гг. Худяков переживает определенный перелом в своем творчестве. Он перестает заниматься узко-научными проблемами и от-

дает свои силы и знания делу народного внешкольного просвещения. За последующие 3 года он издает несколько книг для народа. Просветительская работа завершается у Худякова революционной деятельностью. Он вступает в «Организацию» «ишутинцев» — народников-революционеров. По поручению «Организации», он в 1865 г. едет в Женеву, чтобы установить связь с Герценом, Бакуниным и Огаревым. Возвратившись в Петербург, он рассказал Ишутину о создании I Интернационала. Беседы Ишутина о «Европейском революционном комитете» толкнули одного из членов кружка на мысль о необходимости цареубийства. Д. В. Каракозов 4 апреля 1866 г. неудачно стреляет в царя; арест Каракозова приводит к провалу всей организации. После краткого следствия и суда Худякова приговаривают к поселению в отдаленейших местностях Сибири. 7 апреля 1866 г. Худякова поселяют на полюсе холода, в Верхоянске.

Первое время молодой ученый-революционер пытался продолжать свою научную работу. Но вскоре у него начали обнаруживаться тяжелые признаки душевного расстройства. После долгих и настойчивых просьб матери о переводе ее сына в Иркутск в больницу для душевнобольных его через 5 лет после начала заболевания, в 1875 г., переводят в Иркутск, но здесь он прожил меньше года. 19 сентября 1876 г. Худяков умер. Жандармские власти приказали похоронить его в братской могиле и не разрешили родным присутствовать на похоронах. Политические ссылочные долго, но безуспешно разыскивали могилу Худякова: она безнадежно затерялась.

В жизни Худякова ясно различаются два периода: до и после ссылки. Первый период (Москва и Петербург) характеризуется крупными научными работами Худякова; вершиной этого периода является его революционная деятельность. Второй, верхоянский период ознаменован активной научной деятельностью молодого ученого вначале и постепенным угасанием его душевных и физических сил в конце.

Революционная деятельность пронизывает все творчество Худякова. Начиная с того момента, как он достаточно осознал свои задачи ученого-просветителя, Худяков и в работах по народному творчеству и в книгах для народа ставит науку на службу революции, подчиняет просветительскую работу революционной деятельности.

Худяков-революционер — явление сложное и до сих пор недостаточно ясное. Дело в том, что поведение Худякова на Каракозовском процессе не дало в руки суда достаточных юридических улик. Худяков был осужден не к смертной казни, как Каракозов, и даже не к каторжным работам, как остальные главные члены кружка (Ишутин, Странден и др.), а лишь к поселению. Создается впечатление, что Худяков — один из второстепенных членов организации, ученый-фольклорист, случайно попавший в кружок.

Но с этим не вяжется отношение к Худякову суда, следствия и печати. Худякова допрашивали с особым пристрастием. Его содержали, как и Каракозова, в Алексеевском равелине. Реакционный журналист Катков упорно называл его «главным двигателем дела» и т. д. Следует поэтому очень критически подходить к показаниям первоисточников и правильно оценить значение этого стойкого революционера, талантливого ученого и умелого пропагандиста.

Было бы ошибочным, однако, причислять Худякова — общественного деятеля — к революционным демократам. Худяков, как и другие ишутинцы, считал себя последователем Чернышевского, но он не был им в полной мере. Ишутинцы взяли из учения Чернышевского лишь наиболее слабые его стороны, в частности учение о крестьянской общине. Но ишутинцам остались чужды многие стороны революционного, философского и экономического учения Чернышевского, широта и глубина его взглядов на судьбу исторического и социального развития

России и т. д. Однако взгляды Худякова на народ, на историю России, на этнографию и на фольклор сложились под влиянием учения революционных демократов, и Худяков явился своеобразным пропагандистом их теоретических положений.

Близость общественно-исторических взглядов Худякова к революционно-демократическому мировоззрению может быть установлена на ряде примеров. В качестве образца можно проследить взгляды Худякова на народ и на его общественное развитие. В лучшей своей просветительской книге «Древняя Русь» Худяков на первой же странице утверждает, что история России за истекшее тысячелетие была историей развивающегося народа (подчеркнуто мною). — *Л. П.*). Такая трактовка исторического процесса, противостоящая правительственной точке зрения, была высказана еще Белинским и Добролюбовым. В своей рецензии на «Сельское чтение», издаваемое кн. В. Ф. Одоевским и А. П. Заблоцким (книжка четвертая, СПб., 1848), Белинский отчетливо выражает свои взгляды на народ как на основу государственного строя. Это высказывание, равно как и аналогичные другие, позволили Г. В. Плеханову с полным основанием сказать: «На него (Белинского). — *Л. П.*) клеветали, когда говорили, что он с презрением смотрел на русский народ. Он утверждал, что «из памятников русской народной поэзии можно доказать великий и могучий дух народа» и что «вся наша народная поэзия есть новое свидетельство бесконечной силы духа» (Соч., т. XXIII, стр. 188)»¹. Изложению своих взглядов на народ как на движущую силу исторического процесса Добролюбов посвятил статью «Черты для характеристики русского простонародья». Для Худякова народ — это великий творец всех духовных и материальных ценностей, «основная сила государства». В предисловии к своей автобиографии он, как бы развивая дальше эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, так говорит о правительстве и народе: «Вглядитесь хорошенко в правительство, в это ужасное чудовище, которое движется с медленной неповоротливостью допотопных животных и давит на ходу весь народ, составляющий основную силу государства». Особым вниманием Худякова пользовались выходцы из народа, великие борцы за счастье народное — Разин, Пугачев. Не имея возможности из-за цензурных условий писать о них, Худяков обращается к великим людям средних веков — к Гусу, Рамусу — и особо отмечает то, что они вышли из народа.

Убежденность и последовательность политических взглядов Худякова оказали свое влияние на его революционную практику. До нас дошло очень мало материалов, раскрывающих его революционную деятельность. Интересны очень беглые замечания в его автобиографии о разговорах с крестьянами Нижегородской губернии по польскому вопросу. Любопытное свидетельство пропагандистской работы Худякова нашел Б. П. Козьмин в деле Следственной комиссии № 427 об Иване Пеньковском и др. (л. 249). Уже после ссылки Худякова при одном обыске была случайно обнаружена бумажка с загадками и ответами. Ее хозяин, Алексей Кондратьев, 10-летним мальчиком в 1866 г. жил у Худякова и обучался у него грамоте. Для упражнения в списывании Худяков давал ему в качестве прописей такие, например, тексты:

«Где всегда хорошие люди?» — В Сибири.

«Когда лучше будет жить?» — Когда не будет царей.

«Кто на свете подлецы и дураки?» — Генералы и др.²

В своей просветительской деятельности Худяков широко и остро использовал фольклорный и этнографический материал. Не случайно

¹ Б. Бурсова, Плеханов и Белинский, «Литературное наследство», т. 55, М., 1948, стр. 115.

² Цит. по книге: М. М. Клевенский, И. А. Худяков — революционер и ученик, М., 1929, стр. 72.

рецензенты его первой просветительской книги для народа³ особо остановились на включенных в книжку фольклорных текстах.

Рецензент прогрессивного «Книжного вестника» недоумевает: «отчего пропущены, например, песни и былины времени Стеньки Разина? отчего нет памятников отношения нашего народа к церкви, к язычеству»⁴. В то же время К. Б., рецензент реакционного «Русского слова», так оценил фольклорный материал книжки: «Книжица, действительно, странная, начинается она сказками такого рода, что только одному славянофилу под силу отыскать в них какой-нибудь человеческий смысл; потом следуют пословицы, загадки и былины. Все эти сокровища народной мудрости собраны, повидимому, для удовольствия простого читателя, которого понятия стоят не выше сказки и пословицы»⁵. Что же это были за пословицы, вызвавшие такое барски-пренебрежительное отношение рецензента к народной поэзии? «Хоть шуба овечья, да душа человечья», «Хлеб соль ешь, а правду режь», «Не всякий умен, кто в красне наряжен», и др.

Худяков учел указания «Книжного вестника» в своей следующей книге для народа «Самоучителю начинающих обучаться грамоте», вышедшей в 1865 г. В ней он дает фразы для списывания. Интересно сопоставление этих фраз с теми примерами, которые приводились в выходивших в это время «Прописях». Оно говорит само за себя:

Худяков, «Самоучитель»:

До бога высоко, до царя далеко.

Князья в платье и бояре в платье, будет платье и на нашей братье.

Голодному Федоту и щи в охоту.

Страшай того, кто не смыслит ничего, и т. д.

Прописи:

Императорский Всероссийский престол есть наследственный в ныне благополучно царствующем императорском доме.

Закон, в надлежащем порядке обнародованный, должен быть свято и нерушимо исполняем всеми и каждым, и т. д.

Приводимые Худяковым в книге пословицы можно сравнить также и с теми пословицами, которые рекомендовали для списывания авторы прописей. Их подбор в обоих случаях показателен и неслучен, так как ребенок запоминает на всю жизнь то, что он в первый раз напишет сам. Что же считал необходимым привить ребенку Худяков и что прививала ему царская школа? Царская школа воспитывала в детях покорность, преданность царю и церкви и т. д. Худяков идет вразрез со всем этим. Сопоставление пословиц из «Самоучителя» Худякова с пословицами из «Полного курса русского правописания» В. Пожарского, выдержавшего более 20 изданий, подтверждает сказанное.

Худяков:

Не обижай голыша, у голыша та же душа.

Не много читай, да побольше разумей.

Что есть — вместе, чего нет — пополам.

Не бойся богатых гроз, а бойся убогих слез.

От ветоши молодой траве ходу нет, и т. д.

Пожарский:

Молись и трудись.

Чтобы вы ни делали, думайте, что Бог вас видит.

Береженого и бог бережет.

Чей хлеб ем, того и песню пою.

Смелым бог владеет.

Люби своего ближнего, как самого себя, и др.

³ «Русская книжка», СПб., 1863.

⁴ «Книжный вестник», 1863, № 24, стр. 438.

⁵ «Русское слово», 1864, № 7, стр. 58.

И фольклорный материал, и рассказы самого Худякова, опубликованные в этой книге, были так значительны, что учили не только азам и буквам, но, как говорил эпиграф к книге: «Сперва аз да буки, а потом науки». Недаром об этой книге с таким восторгом отзывался Герцен в письме к Огареву в феврале 1866 г.: «Читал и объяснял Лизе (его дочери.—Л. П.) «Самоучитель» Худякова — превосходно составленный учебник, т. е. из ряда вон. Очень жалею, что я его не знал прежде»⁶.

В своей последней и самой лучшей книге для народа «Древняя Русь», вышедшей без цензурного разрешения уже во время ссылки в 1867 г., Худяков снова обращается к фольклору. Разбирая широко известную встречу Вольги с Микулой Селяниновичем из былины о Вольге, Худяков так разъясняет смысл былины: «Вся княжеская дружина не может выдернуть из земли мужицкой сохи, а княжеский конь совершенно не может равняться с крестьянским». Кратко характеризуя песни о Степане Разине, Худяков отмечает, что «атаман и удальцы сделались предметом многочисленных песен, народ до сих пор с любовью рассказывает о нем всякие предания». В этом высказывании интересно также и то, что Худяков, в противовес правительственной точке зрения, нигде не зовет Разина и казаков «разбойниками», «бунтовщиками», а всегда «удальцами». Характерно, что и Белинский разбойничьи песни называет «удальцами»; мы вправе и здесь видеть определенную перекличку.

В своей просветительской деятельности Худяков во многом является пионером, открывающим новые пути и методы. Худяков был первым, кто использовал «литературу для народа» в пропагандистских, просветительских целях. До него она была «на откупе» у лубочных авторов и издателей с Никольской улицы или в руках писателей для народа из Московского и Петербургского комитетов грамотности — оплота реакционной царской политики одурманивания народа. Худяков первый умело и со вкусом использовал фольклор для пропагандистской работы. Его подбор пословиц, например, был классово направлен и заострен, он заставлял думать читателя и делать правильный вывод из прочитанного. Некоторые методы работы Худякова были впоследствии развиты народниками. Они не только использовали книжки Худякова в своей пропагандистской работе, но и составляли свои, еще более революционные лубки. Такова, например, широко известная «Сказка о 4-х братьях».

После Худякова возникли целые организации, поставившие своей целью внешкольное образование и просвещение народа. Но между Худяковым и либеральными просветителями лежит глубокая пропасть. Задача либеральных просветителей — дать народу образование в рамках существующего строя. Задача Худякова — не только просветить народ, но и заставить его думать, изменить его миросозерцание. Для либералов их деятельность — самоцель, для Худякова только средство. Нечего говорить о том, что по содержанию своей работы Худяков стоял неизмеримо далеко от беззубого либерального просветительства «меньшого брата».

Деятельность Худякова как этнографа и фольклориста предметом специального исследования еще не была. При жизни его работы вызывали оживленную полемику, с ними спорили или соглашались, но прямо же после ареста о Худякове замолчали. Имя Худякова, его труды постигла та же судьба, что и труды революционных демократов: они были исключены из поля зрения официозной науки. Прошло 40 лет, прежде чем был снят этот запрет: революция 1905 г. вызвала к жизни интерес к русскому революционному прошлому. О Худякове пишут в это время в газетах и журналах (преимущественно сибирских), говорят в общих

⁶ А. И. Герцен, Собр. соч. под ред. Лемке, т. XVIII, Петроград, 1922, стр. 336—337.

чертах о его научной деятельности. Как бы в противовес этому реакционный профессор Е. Бобров посвящает ему три работы, в которых излагает его автобиографию, дает «анализ», по существу дискредитирующий его научную деятельность, и систематизирует библиографию о Худякове, содержащую фактические ошибки, неточности и пропуски. Критикуя Худякова справа, Бобров по сути дела искажает образ последователя великих русских революционеров-демократов. Только советские ученые правильно оценили смысл и значение революционной деятельности Худякова. Но имеющиеся характеристики его как ученого остались противоречивыми. Одни исследователи, рисующие его только как революционера, называют его «болезненным, нервным фанатиком» (А. Тун), «аскетом и фанатиком, упрямо преследующим одну завладевшую им идею» (Г. Лопатин). Другие, знакомые с ним как с ученым, считают, что это — человек чистой науки, случайно замешанный в Каракозовском процессе и невинно пострадавший (Э. Пекарский и др.). В сущности политическая деятельность Худякова насищенно отрывалась от его научной работы. И. А. Худяков был одновременно и революционером и ученым. Из этого надо исходить.

Худяков рано увлекся наукой. 18-летним студентом он уже выпускает свою первую книжку — «Сборник великорусских народных исторических песен», которую предназначал для юношеского чтения. Худяков считал, что для понимания истории его сборник может дать больше, чем сухой учебник. В этом сборнике Худяков напечатал не свои собственные записи, а уже опубликованные ранее. Из 28 текстов сборника 5 посвящены Степану Разину и казакам. Песни о Разине выбраны Худяковым такие, которые сочувственно рисуют его как вождя крестьянской революции. Реакционный рецензент этой книги упрекает Худякова в частности за то, что он не включил в сборник ту песню, где Разин именуется разбойником и чумой. Среди других исторических песен встречаются варианты с острым социальным смыслом. Так, Худяков помещает в сборник историческую песню 1812 г., заканчивающуюся предсмертной просьбой солдата дать ему перо и бумагу: он напишет письмо, как генерал

Много силы издержал,
Уж он пропил, промотал,
Досталь в карты проиграл.

В том же 1860 г. выходит I выпуск сборника «Великорусские сказки». Этот сборник доставил автору широкую известность и прочно вошел в число лучших публикаций русского сказочного эпоса. Даже краткий обзор этого сборника, выходившего в 3 выпусках с 1860 по 1862 г., показывает, какую большую работу проделал Худяков при его составлении. В нем находится 122 сказки, записанные большей частью лично самим Худяковым в центральных губерниях Европейской России — Рязанской, Московской, Тульской, Казанской, Орловской и др. В сборнике есть сказки, записанные в городах — Москве, Казани и т. д., — факт сам по себе замечательный для середины XIX в., когда фольклор в городах почти не записывался.

Сборник Худякова вызвал живой интерес у современников: на сборник было дано 8 рецензий. Являясь живым откликом общественно-политической борьбы той эпохи, рецензии на работу Худякова были двоякие. Одни относились к ней положительно, указывали ее смысл и значение, указывали и на недостатки, но с тем, чтобы улучшить, а не опорочить его труд. Другие рецензии четко отразили отношение консервативных слоев общества к молодому ученыму, в них работа Худякова характеризовалась как лишенная научного значения. Такова

рецензия, помещенная в официальном научном органе — «Известиях Академии Наук»⁷, рецензия А. Филонова⁸ и др.

Худякова обвиняли в том, что он записывает и публикует тексты сказок без соблюдения фонетических особенностей, обычным литературным языком, что это не подлинные сказки, а пересказы сказок, в которых много позднейших вставок. Действительно, Худяков фонетических особенностей языка не отмечал, но это вовсе не значит, что он их обрабатывал. В своей автобиографии он писал, что «считал текст сказок неприкосновенным наравне с текстом священного писания».

Паспортизация сказок Худякова стоит на уровне того времени, т. е. указана географическая локализация сказки, но нет никаких сведений о сказочниках. Следует особо отметить интерес Худякова к сказке литературного происхождения. Он записал сказки о Бове, о Соломоне, об Аполлоне, и его записи являются одним из главных источников для изучения бытования сказки книжного происхождения в то время. Комментарий к сказкам Худяков собирался дать дважды, но так и не дал. По цензурным условиям ему не удалось опубликовать и многих записанных им сказок, в которых особенно четко выступали социальные моменты. Эти сказки были отобраны у Худякова при аресте.

Худяков был собирателем и издателем не только сказок, но и загадок. Надо указать, что о Худякове — собирателе и исследователе загадок — почти забыли, а между тем он сам собрал и извлек из печатных источников и систематизировал около двух с половиной тысяч загадок, которые и опубликовал в двух сборниках «Великорусские загадки».

Один из них вышел отдельным изданием в 1861 г., другой вошел в VI том «Этнографического сборника». Худяков применил новый, очень удобный для пользования метод расположения загадок по алфавиту разгадок (Садовников впоследствии, однако, отказался от этого метода и вернулся к старому тематическому расположению загадок).

Второй свой сборник Худяков составил по поручению Этнографического отдела РГО, на основе хранящихся там собраний. Работа Худякова заслужила полное признание. Действительный член общества Н. В. Калачев дал ей положительный отзыв; Худякову была присуждена серебряная медаль РГО.

Изданием сборников сказок и загадок Худяков сделал немалый вклад в науку. После этих сборников он не опубликовал уже больше никаких фольклорных сборников, но широко использовал тексты народного творчества, включая их в свои исследовательские работы. Худяков — исследователь — неотделим от Худякова — публикатора фольклора. Эта связь может быть прослежена уже в его последнем сборнике загадок, которому он предпослал большую вступительную статью исследовательского характера. Значительное место в его работах занимают рецензии на те или иные публикации других ученых. В этих рецензиях Худяков часто высказывает свою точку зрения на принципы публикации фольклорных произведений. Такова его первая рецензия «По поводу двух выпусков песен П. В. Киреевского»⁹, которую он написал 19-летним студентом, и особенно рецензия, которую исследователи творчества Худякова по каким-то причинам выпустили из поля зрения, на 2-ю часть «Песен, собранных Рыбниковым»¹⁰. Рецензия эта примечательна не только интересными сибирскими вариантами к песням Рыбникова, но и теоретическими положениями Худякова. Указав на значение сборника, Худяков правильно говорит о связи былины о Соломоне со сказкой о нем, — для 60-х гг. XIX в., когда о связи былинного и сказочного эпосов только начинали догадываться, это замечание свидетельствует о

⁷ Известия АН по отдел. русск. яз. и словесн., 1861, IX, вып. 4, стр. 249—251

⁸ «Журн. Мин. нар. просв.», 1861, № 7, отд. 3, стр. 29.

⁹ «Московские ведомости», 1861, № 44, стр. 357.

¹⁰ «Время», 1862, № 12, отд. 2, стр. 104—109.

большой прозорливости автора. Худяков протестует против того, чтобы публикаторы сами давали названия произведениям народного творчества, тем более, что они не всегда удачны.

Вторую часть своей рецензии Худяков посвящает полемике с Бессоновым. В ней он спорит с произвольными толкованиями и натяжками, которые допускает Бессонов, требует соблюдения пропорций между вступительной статьей и публикацией текста, говорит о необходимости удешевить издание. Рецензия в целом свидетельствует не только о большой начитанности молодого фольклориста, но и о ясном понимании задач собирателя и исследователя фольклора.

Большую часть исследовательских работ Худякова составляют статьи по сказковедению. Сказкам Худяков уделял основное свое внимание, а в 1862 г. задумал даже издавать повременное издание «Сказочный мир». Б. П. Козьмин отыскал прошение Худякова и программу предполагавшегося журнала¹¹, который был, однако, запрещен министром внутренних дел Валуевым. Подготовленные к 1-му выпуску тексты Худяков издал в 1863 г. отдельной книжкой под заглавием «Материалы для изучения народной словесности». Она состоит в основном из публикации болгарских, сербских и финских сказок, полученных от Григоровича и Буслаева; здесь же опубликованы некоторые записи Г. Н. Потанина и небольшое исследование самого Худякова «Смерть Святогора и Ильи Муромца». Различным проблемам сказковедения посвящены и еще две его статьи: «Основной элемент народных сказок»¹² (каковым, по его мнению, является миф) и «Народные исторические сказки»¹³. Последняя из них сохранила свое значение до наших дней. Она была сильно урезана цензурой, но и в дошедшем до нас виде хорошо характеризует взгляды Худякова на народное творчество. Худяков говорит в своей статье, что сказки отразили в своем содержании не только мифы, но и историческую действительность. Он один из первых фольклористов обратился к летописи и указал на большое число входящих в нее сказочно-легендарных преданий с языческим (а не христианским) колоритом. Худяков сожалеет, что «наши сведения еще так малы, что мы не можем представить ни одного преданья о более поздних временах, например, хоть о Пугачеве... О нем, наверное, есть не мало всяких преданий... Недаром же чуваши и черемисы ведут от него летоисчисление. Их старики считают свои годы и определяют хронологию разных народных событий от пугачевщины...»¹⁴. Статья заканчивается анализом сказок о Петре I и Иване Грозном, в котором Худяков подчеркивает сближение Петра с народом и «товарищеское с ним обращение».

Во введении к своей статье Худяков писал: «По некоторым обстоятельствам мы считаем неудобным в настоящее время представить полный очерк народного взгляда на свою историю»¹⁵. Такой очерк он дал в уже упоминавшейся выше книге «Древняя Русь».

Статьей «Народные исторические сказки» заканчивается первый период научной деятельности Худякова. За это время он издал 6 книжек и опубликовал несколько статей в периодической печати. Оставив научную работу ради революционной деятельности, Худяков возвращается к собиранию и изучению фольклора в ссылке. Первое время он упорно и плодотворно работает и за первые два года, изучив якутский язык, составляет русско-якутский словарь, якутскую грамматику, переводит на якутский язык библию, записывает якутские песни, сказки, загадки и пословицы, пишет несколько статей исторического и этнографического

¹¹ М. Клевенский, И. А. Худяков-революционер и ученый, М., 1927, стр. 29.

¹² «Библиотека для чтения», 1863, № 12, стр. 38—45.

¹³ «Журн. Мин. нар. просв.», 1864, № 3, стр. 43—69.

¹⁴ Там же, стр. 45—46.

¹⁵ Там же, стр. 45.

содержания, которые затерялись в дебрях губернаторских архивов. Из всей этой самоотверженной, можно сказать, подвижнической работы до нас дошли лишь часть записей якутского и русского фольклора да сведения об одной рукописи под названием «Краткое описание Верхоянского округа». Ее видел в 1913 г. И. Я. Миронов; он сообщил и ее содержание: 1) Физико-географический очерк Верхоянского округа, 2) Растительность, животные, пища, 3) Русские, 4) Ламуты, 5) Исторические предания якутов, 6) Обычаи и общежития, 7) Игры, 8) Свадебные обычаи, 9) Семья, роды, 10) Новоселье, 11) Обычаи на промыслах, 12) Конный и рогатый скот, 13) Исыэх, 14) Мифология, 15) Колдовство и шаманство, 16) Умственное развитие. Рукопись содержала 174 страницы убористого текста и имела еще дополнение, включавшее: 1) Пути сообщения, станции и повозки, 2) Метеорологические наблюдения, 3) Шаманы, покойники, 4) Список якутских богов и дьяволов, 5) Словарь якутских названий животных, 6) Словарь якутских имен, 7) Дополнение к якутско-русскому словарю, 8) Чаргахан (общеизвестная сказка)¹⁶. Ничего, кроме этого, нам о рукописи не известно, а между тем это единственная работа, в которой он выступает в качестве исследователя не только духовной, но и материальной культуры народа. Судя по оглавлению, эти исследования были очень полны и относились к тому периоду жизни якутов, от которого до нас почти не дошло сведений. Худяков в своей работе, видимо, совсем не коснулся некоторых сторон быта. Так, он ничего не говорит об одежде и жилище якутов, предметах и орудиях, об оружии, предметах культа, о якутском орнаменте и т. д. Гораздо полнее Худяков охватил духовную культуру (обряды, игры, верования, обычаи, предания и т. д.).

Основным трудом, по которому мы судим о научной деятельности Худякова в Верхоянске, являются его записи якутского фольклора. Они были сохранены верхоянской мещанкой Х. Гороховой и после долгих мытарств попали в Восточно-Сибирский отдел РГО, который и опубликовал их в 1899 г. в своих записках (т. I, в. 3) под названием «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым».

Худяков записывал якутский фольклор на якутском же языке с параллельным переводом на русский. «Верхоянский сборник» содержит только русский перевод. Якутские тексты были изданы еще позднее Э. Пекарским на якутском языке¹⁷. Это издание обычно не учитывается библиографами и исследователями творчества Худякова.

У нас нет никаких сведений, которые говорили бы о том, что Худяков сам подготовил свой труд к печати, поэтому мы не вправе рассматривать «Верхоянский сборник» как публикацию самого Худякова. Но анализ этого сборника может дать интересные сведения о работе Худякова-собирателя. Этот анализ дает возможность представить себе более или менее полный образ собирателя-разночинца.

Худяков собирал не только в деревне (как этого требовали славянофилы), но и в городах. Он стремился к полноте и точности записи, никогда и ничего не добавляя от себя. Если в начале своей научной деятельности Худяков записывал тексты литературным языком, то записи «Верхоянского сборника» свидетельствуют о том, что Худяков начал придерживаться фонетического принципа (см. его записи русских сказок от уроженца села Русское Устье, в которых сохранены и лексические и фонетические особенности языка).

¹⁶ См. статью И. Я. Миронова «Ценная рукопись И. А. Худякова» в «Сибирском архиве» за 1913 г., № 4, стр. 222—223.

¹⁷ «Образцы народной литературы якутов», изд. псл ред. Э. К. Пекарского, вып. 1, СПб., 1913; вып. 2, Петроград, 1918.

В ссылке он записывал не только текст произведения, но и отмечал его связь с другими жанрами народного творчества, условия его исполнения. В позднейших записях Худякова мы видим стремление записать фольклорное произведение в момент его исполнения. Так, Худяков записал замечательную песню-импровизацию девушки-якутки, отметив в те реплики, которые делали слушатели. По записям былин «Верхоянского сборника» также можно предположить, что он их записывал голоса, так как он не успел записать весь стих до конца, а записал только половину стиха (стр. 309).

Таков краткий очерк работы Худякова — собирателя фольклора, публикатора и исследователя фольклора. Какие общие выводы можно сделать из анализа его научной деятельности?

Прежде всего требует объяснения бросающаяся в глаза мифологичность взглядов Худякова, которую реакционные исследователи творчества Худякова считали признаком принадлежности его к мифологической школе и объясняли тем, что учителями Худякова были Варенцов и Буслаев. Худяков в работе о загадках и в статье «Основной элемент народных сказок», действительно, пытается установить связи фольклора с мифами. Но значит ли это, что Худяков принадлежал к мифологической школе фольклористов? Надо помнить, что экскурсы в область мифологии встречаются в работах самых различных ученых: есть такие проблемы этнографии, при решении которых ученые исследуют мифы и в наши дни, но это вовсе еще не значит, что они «мифологи». Мы встречаем признание роли мифа в истории искусства в «Полемических красотах» Чернышевского, но никто не причислит его к числу сторонников мифологической школы. Не нужно забывать того что в начале 60-х гг., когда писал свои статьи Худяков, наука еще часто только искала пути для объяснения многих этнографических явлений. Лучшие ученые того времени только начинали догадываться об ошибочности мифологической школы; это выражалось главным образом в их критике ее основных положений. Одновременно Добролюбов и Чернышевский развернули борьбу с ней, вскрыв ее реакционную сущность.

Худяков в своих ранних работах действительно доверчиво относился ко всеобъемлющей теории мифологической школы. Но по мере того как Худяков ближе знакомился с Буслаевым, с Сухомлиновым и со Срезневским в нем возникало и углублялось сомнение в правильности позиций мифологов (или, как их называл Худяков, «археологов»). Единство научной и общественной деятельности Худякова позволило ему понять реакционный смысл взглядов «археологов». Худяков записал, например, циничное признание Ф. И. Буслаева, сделанное им в откровенном разговоре: «Я не дурак... мне своя голова дорога. Если одержат верх революционеры, придут ко мне: «Да помилуйте, господа, — скажу я, — вот так и так, я всегда держал вашу сторону». Если одержит верх правительство, опять скажу: «Да ведь я всегда был с вами, господа!»¹⁸ Возмущение беспринципностью и реакционностью буржуазных ученых все более усиливалось и стало особенно заметным у Худякова после польских волнений 1863 г.

Худяков так описывает в своей биографии свои встречи с «археологами»: «В то же время археологи возмущали меня своим равнодушием к насущным потребностям народа. Мало того, некоторые из них прямо брали на себя обязанности III отделения. На археологических вечерах у И. И. Срезневского постоянно можно было слышать о политическом настроении молодежи.

— Что Чернышевский! — Вот в наше время Сенковский был!

¹⁸ И. А. Худяков, Записки каракозовца. М.—Л., 1930, стр. 54.

— Они там в «Современнике» хотят революцию сделать! — вопиял Срезневский.

— Я думаю, все честные люди должны собраться и сделать контрреволюцию и крестовый поход против невежества.

Понятно, что такие выходки в связи с мелочностью личных интересов археологов отвлекали меня от общения с ними совершенно в другую сторону»¹⁹.

Этой другой стороной был лагерь революционных демократов «Современника», просветительская и революционная работа. «Насущные потребности народа» — вот что волновало Худякова, и он откликнулся на них изданием просветительских книжек. Но не только в этой области сказалось изменение взглядов Худякова. Оно произошло в его научном мировоззрении. Вокруг Худякова шла ожесточенная борьба. «Археологи» направляли его на путь «чистой науки». «Современник» упорно во всех рецензиях на труды Худякова разоблачал мифологов и призывал заняться современностью. Показательна в этом плане рецензия в «Современнике» на VI том «Этнографического сборника», в котором, как известно, были помещены «Великорусские загадки» Худякова. В этой рецензии дается прежде всего общее понимание этнографии «Современником», которое значительно разнится от официальной трактовки этой науки. «Область этнографии весьма обширна,— пишет неизвестный рецензент,— в нее входит не только то, чем собственно и ограничивалась обыкновенно наша этнография — сказки, песни, пословицы, свадебные обряды, поверья и т. п., т. е. не только археологическая и внешняя сторона народного быта, но и его современная общественная и экономическая действительность, общественные и религиозные понятия и вообще нынешнее содержание народного образа мыслей... Этнография наша значительно могла бы выиграть, если бы дала больше места... современным бытовым вопросам»²⁰. (Подчеркнуто везде мной.— Л. П.).

Переходя к разбору работы Худякова, рецензент предостерегает его от увлечения крайностями мифологической теории. «Мы заметили бы только автору, что напрасно он прилагает излишнее усердие к отысканию мифического смысла в таких загадках, где этого смысла никак невозможно доказать»²¹. Автор рецензии предлагает Худякову предоставить заботиться о мифическом «небесном керебце» г. Буслаеву.

Худяков всегда учитывал пожелания рецензентов прогрессивных журналов («Современника», «Отечественных записок», «Книжного вестника»). Он, например, прислушиваясь к рецензиям, вносил исправления в свои книжки для народа. В изменении его научной деятельности несомненно сыграли роль работы революционных демократов и статьи передовой журналистики того времени. Под влиянием революционно-демократической науки Худяков все дальше и дальше отходил от мифологической школы. Его последняя работа об исторических сказках ясно свидетельствует о том, что Худяков преодолевал мифологическую теорию и старался найти свои, новые пути, объяснения и толкования сказок. И то, что Худяков обратился к истории,— показательно и закономерно. Исторического подхода к анализу современных явлений быта и явлений прошлого требовали революционные демократы. Историческими проблемами особенно в этот период интересуется «Современник».

Преодоление Худяковым в середине 60-х годов основ мифологической теории естественно завершило критическое отношение к ней, начавшееся в его работах с самого начала научной деятельности и выражавшееся прежде всего в своеобразии сориентации им фольклора.

¹⁹ Там же, стр. 76—77.

²⁰ «Современник», 1864, № 10, стр. 192.

²¹ Там же, стр. 196.

В противовес мифологам, он собирает не только в деревне, но и в городе. Не внимая рецензентам мифологического толка, он продолжает собирать и записывать сказки книжного происхождения. Он записывал не только полные, хорошо сохранившиеся богатырские и фантастические сказки, но и короткие сказки,— это особенно хорошо видно на примере его записей в Верхоянске. Но самое главное— это оценка фольклора Худяковым как факта социального значения. Для мифологов фольклорные памятники — это осколки более или менее сохранившихся мифов. Чем древнее памятник, чем дальше от современности, тем он «чище», тем с большей охотой занимаются им мифологи. Для Худякова фольклор — это не столько осколок мифа, сколько живая современность, свидетельство социально-общественных отношений. Худяков занимается древностью не потому, что его к ней очень тянет, а потому, что цензура не дает возможности заняться Разиным и Пугачевым, не говоря уже о крестьянских волнениях XIX века. И чем старше становится Худяков, тем сознательнее он делает упор не на мифологической трактовке фольклора, а на выяснении исторических реалий, классово-общественных отношений в песне, сказке, пословице и т. д. Прямо он не мог сказать об этом, но его подбор пословиц и загадок, песен и поговорок в книгах для народа ясно свидетельствует об изменившемся отношении к фольклору.

Худяков — ученый широкого кругозора, чуткий общественный деятель, стойкий борец за народ. Для него не существовало науки ради науки, он понимал ее как одно из средств общественно-революционной деятельности. Профессор Бобров соболезновал: «Нельзя не пожалеть, что при своих дарованиях Худяков не отдался науке всецело без разделя...» А Худяков — революционер и ученый — никогда не отделял «научных» работ от книг для народа. Характерно, что и в популярных изданиях Худяков был строго научен; он не допускал вульгаризации и упрощенчества. Отношение Худякова к фольклору в целом резко отделяет его от реакционной мифологической школы с ее романтико-идеалистическим возвеличением прошлого, с ее искажением облика трудового народа. Фольклор для Худякова — это не убежище от современной бурной жизни, это верный спутник в борьбе, не знающее отказа оружие. Недаром в своей автобиографии, рассказывая о судьбе революционера, попавшего в руки III отделения, он сравнивает его со сказочными героями-богатырями. Какой мифолог рискнул бы сравнить богатыря русских сказок с революционером 60-х гг.?

Вся научная работа Худякова находится в глубокой диалектической связи с его просветительством, с его революционной деятельностью, являясь преддверием этой деятельности и ее необходимой частью. Осознанное противопоставление разночинно-демократического понимания фольклора официальной трактовке его заставляет связать собирательскую и исследовательскую деятельность Худякова со славной традицией революционных демократов, для которых научное поприще было делом революционной пропаганды, а революционное просветительство было глубоко научно.

Можно привести достаточно данных, подтверждающих влияние работ революционных демократов на труды Худякова и своеобразную преемственность во взглядах на фольклор, в понимании идейной сущности фольклора. Вот несколько ярких примеров. В своей замечательной для того времени статье «Народные исторические сказки» Худяков призывал к собиранию преданий о Пугачеве и Разине, ратуя за широкую демократизацию науки, за поддержку местных этнографов и фольклористов²². Эти требования Худякова надо связать с той широкой программой демократизации науки, которую проводили в своих работах и

²² «Журн. Мин-ва нар. просв.», 1864, № 3, стр. 46.

Белинский, и Добролюбов, и Чернышевский, и руководимый ими «Современник». Едь это к местным любителям обращался Добролюбов с призывом собирать народную поэзию на новых основаниях. На страницах «Современника» появляются рецензии Добролюбова и Чернышевского на провинциальные этнографические издания. Добролюбовскую традицию продолжает Худяков, когда постоянно помещает в своих изданиях сибирские записи Г. Н. Потанина, зарайские С. И. Бочарникова, анализирует сказки самарского учителя Карлина и т. д. Та же преемственность видна во взглядах Худякова на народ и на его историю. Но не только в своих мировоззренческих позициях Худяков исходил из принципов революционного демократизма. В своей конкретной собирательской деятельности Худяков также следует учению Белинского — Добролюбова. Худяков стремился записывать все, что он слышал и что являлось действительным выражением народного миропонимания. Надо в связи с этим напомнить, что еще в 1857 г. Добролюбов в споре с И. И. Срезневским по поводу материалов вятского этнографа Осокина утверждал, что этнограф обязан изучать все (под этим подцензурным выражением, как это выясняется ниже, Добролюбов понимал «непосредственное отношение к умственной и нравственной жизни народа»), а «позднейший исследователь отделит, что составляет сущность, что случайность».

Худяков не печатался в «Современнике», но основные положения его научных и популярных работ с примечательной последовательностью следуют за основной линией общественно-исторических взглядов журнала, свидетельствуя о близости этого ученого революционно-демократическому направлению. Вот один из показательных фактов. Как известно, женский вопрос в «Современнике» конца 50-х и начала 60-х гг. XIX в. был одним из самых злободневных. На эту тему дискутировали многие журналы, вышли книги и статьи, посвященные положению женщины в древней Руси (среди них нужно выделить известную работу Буслаева и книгу В. Шульгина «О состоянии женщины в России до Петра Великого», 1857), появились более или менее пространные рецензии на них. Было высказано два противоположных взгляда на положение женщины в древней Руси. Реакционные и консервативные исследователи идеализировали древнерусскую женщину и переводили всю проблему в план узко-научного сугубо-отвлеченного решения. Прогрессивные передовые деятели, наоборот, в анализе древнерусского материала искали пути освещения современных проблем. Отклинулся на эту тему и Худяков. По какому пути он пошел? Безусловно, не по пути Ф. И. Буслаева, который, как правильно отметил «Современник», «отыскивает читателю застарелые идеалы Юлианий и тому подобных древностей — этим дело оканчивается»²³. Худяков рассказывает о высоком и прекрасном образе женщины в русских песнях и сказках и о бесправном, тяжелом положении женщины в быту. «Женщина допетровской Руси», — как назвал свой очерк Худяков, — это не княгиня, не дворянка, не царица — это женщина из народа. Особо останавливается Худяков на положении женщины в Новгороде, ее относительной свободе и политических правах, рассказывает о Марфе Борецкой. Автор не только не идеализирует древнюю Русь, но убедительно показывает, какие зверства и бесправия нес с собой «Домострой», умело раскрывает перед читателем «бедственные черты того времени» — голод, мор, бескультурье и т. д.²⁴

Почти одновременно с работой Худякова выходит «историческое исследование» А. Добрякова «Русская женщина в до-монгольский пери-

²³ «Современник», 1864, № 10, стр. 172.

²⁴ «Модный магазин», 1863, № 20—22.

од» (СПб., 1864), которое представляет собой полнейшую противоположность очерку Худякова, хотя материал обоих авторов один: летописи, былины, сказания и т. д. Книга вызвала суровую отповедь «Современника», показавшего ложность исторического метода Добрякова, некритический подход к источникам, преднамеренность в оценке и т. д. Сопоставление содержания двух этих книг ясно показывает, куда шел Худяков, чьих взглядов он придерживался, какие идеи он прививал читательницам «Модного магазина».

Но, решив один вопрос о принадлежности Худякова к мифологической школе, следует ответить и на другой, сам собой напрашивающийся: а кем же был Худяков, если не мифологом? Можно ли его считать революционным демократом 60-х гг.?

Речь идет, конечно, не о личных отношениях (Худяков сам пишет в автобиографии, что прибыл в Петербург и не застал там общего «либерализма: это было уже после ареста Чернышевского), а о том, какое влияние на него могли оказать и действительно оказали труды великих просветителей-демократов.

Не приходится сомневаться в том, что Худяков хорошо знал работы Белинского, Добролюбова и Чернышевского. В своей первой печатной работе — в сборнике исторических песен — Худяков опирается на авторитет Белинского, когда говорит в предисловии о необходимости для юношеской исторического чтения. Из громадного числа стихотворений, имевшихся в его распоряжении, он выбрал для своего «Самоучителя» лишь два: «Сеятель» Никитина и «Жалобу ребенка» Добролюбова. В своей автобиографии он очень сочувственно говорит о Чернышевском, о его громадной популярности в 60-е гг. и о связанном с ним подъеме «либерализма». Но уже анализ его взглядов на фольклор, на народ показал, что связь Худякова с революционными демократами нуждается не в ссылках и сносках на их труды: Худяков не мог по цензурным условиям открыто высказать свою точку зрения, свои симпатии и антипатии. Вся деятельность Худякова, за короткий отрезок времени сумевшего добиться многое, ясно свидетельствует, к какому лагерю принадлежал этот незаурядный человек. В его лице мы видим крупного деятеля пропагандистской, просветительной литературы. Он пошел по пути использования фольклора для пропаганды революции; он продолжил борьбу, начатую еще Белинским, с «триединой» формулой православия, самодержавия и народности оружием своего врага — древнерусским материалом (книга «Древняя Русь»).

Вопрос о том, кем был Худяков, требует своего разрешения еще и потому, что в советской научной литературе есть тенденция к стиранию грани между Худяковым и Добролюбовым. А между тем полных оснований для того, чтобы считать Худякова революционным демократом, у нас нет. В нем были заложены многие черты революционного демократизма, но, быть может, из-за внешних причин они не получили полного развития. Вполне вероятно, что Худяков в конце концов стал бы настоящим боевым революционным демократом. Однако в том объеме его революционной, просветительской и научной деятельности, который ныне известен, еще многое недостает для того, чтобы причислить его к славной плеяде революционных демократов. В самом деле, мы не найдем у Худякова глубоких теоретических обобщений ни в области политики, ни в области науки. Он не был страстным публицистом, на статьи которого воспитывались бы последующие поколения молодых людей. Его политические идеалы ограничивались буржуазной конституцией, «революцией сверху». Вопросы эстетики и философии, столь характерные для всех революционных демократов, были чужды Худякову и т. д.

Худякову нехватало той глубины и остроты мысли, которые такие характеристики были для его учителей. Он — несомненный ученик Белинского и Добролюбова, верный и талантливый последователь их учения,

умелый и инициативный пропагандист их теоретических положений, но он не революционный демократ в том смысле слова, в котором мы сейчас понимаем его.

Значит ли из этого, что исследование его научного наследства не имеет для нас значения? Безусловно, нет. Худяков дорог и ценен нам уже теми трудами, которые он оставил нам. Мы с удовлетворением отмечаем в его творчестве, в его практической собирательской работе интерес к современности в фольклоре, к актуальным задачам науки того времени. Мы видим, что в своей собирательской и исследовательской практике Худяков шел за революционными демократами, пропагандировал и развивал их теоретические положения. Своими сборниками, статьями и популярными книгами Худяков много сделал для того, чтобы учение революционных демократов не осталось неизвестным широким слоем читающей публики и «местным любителям» фольклора. В этом смысле его деятельности, в этом его почетное положение по следователя революционных демократов.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Труды И. А. Худякова и рецензии на них

- Худяков И. А., Великорусские загадки, М., 1861.
- Худяков И. А., Великорусские загадки, «Этнографический сборник», 1864, вып. VI, № 6, стр. 2—128. Рец.: 1) Полевой П. Н., Новые книги. Фельетон, «СПб. Ведомости», 1864, № 286, стр. 1125; 2) Без автора. «Современник», 1864, № 10, стр. 192—202; 3) Садовников Д., Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач, СПб., 1876, предисловие.
- Худяков И. А., Великорусские сказки, вып. 1—3, М. СПб., 1860—1862. Рец.: 1) К-ий В., Великорусские сказки И. А. Худякова, «Русское слово», 1861, № 1, стр. 65—77; 2) Филюнов А., Русская народная песня, «Журн. Мин. нар. просв.», 1861, № 7, стр. 29; 3) Без автора. «Библиографические записки», 1861, № 3, стр. 95; 4) Без автора. «Век», 1861, № 1, стр. 38; 5) Без автора. «Время», 1861, № 4, стр. 163—181; 6) Без автора. Изв. Академии Наук по отделению русского языка и словесности, 1861, т. IX, вып. 4, столб. 249—251; 7) Без автора. «Книжный вестник», 1861, № 7—8, стр. 106; 8) Без автора. «Отечественные записки», 1861, № 2, стр. 110.
- Худяков И. А., «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым», Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии, Иркутск, 1890, т. I, вып. 3. Рец.: 1) А. В. (А. Н. Пыпин), Верхоянский сборник И. А. Худякова, «Вестник Европы», 1890, № 9, стр. 396—398; 2) Пекарский Эд., Заметки по поводу редакции «Верхоянского сборника И. А. Худякова», Изв. Восточно-Сибирского отдела РГО, 1895, т. XXVI, № 4—5, стр. 197—207.
- Худяков И. А., Древняя Русь, СПб., 1867. Без цензурного разрешения. Печатано в типографии Куколь-Яснопольского.
- Худяков И. А., Женщина допетровской Руси, «Модный магазин», 1863, № 20—22.
- Худяков И. А., «Жизнь природы и человека», Женева, 1867.
- Худяков И. А., Записки каракозовца, Молодая гвардия, М.—Л., 1930.
- Худяков И. А., Материалы для изучения народной словесности, СПб., 1863. Рец.: «Отечественные записки», 1863, № 9, отд. II, стр. 39—40.
- Худяков И. А., Материалы для истории цензуры при Александре II (Извлечение из бумаг И. А. Худякова), «Общее дело», Женева, 1877, № 1, стр. 15—16.
- Худяков И. А., Народные исторические сказки, «Журн. Мин. нар. просв.», 1864, № 3, стр. 43—69.
- Худяков И. А., Образцы народной литературы якутов, ч. I. Тексты. Образцы народной литературы якутов, изд. под ред. Э. К. Пекарского, т. II, вып. II, Птгр., 1918; вып. I, СПб., 1913.
- Худяков И., Основной элемент народных сказок, «Библиотека для чтения», 1863, № 12, стр. 38—45.
- Худяков И., По поводу двух выпусков песен П. В. Киреевского, «Московские ведомости», 1861, № 44, стр. 357—359.
- (Худяков И. А.) Рассказы о великих людях средних и новых времен, изд. П. А. Гайдебурова, СПб., 1866; 2-е изд., СПб., 1871.
- Худяков И. А., Рассказы о старинных людях, вып. 1—4: 1) Древние индийцы и египтяне, СПб., 1864; 2) Древние финикияне, ассирияне и персы, 1865; 3) Древние греки, СПб., 1865; 4) Древние римляне, СПб., 1865. Рец.: 1) «Рассказы о старинных людях», вып. 1, «Книжный вестник», 1864, № 9, стр. 167; вып. 2—4, «Книжный вестник», 1865, № 7, стр. 132; 2) «Рассказы о старинных людях»,

- вып. 1, «Журнал для родителей и наставников», 1864, № 15, стр. 27—30; 3) «Рассказы о старинных людях», «Отечественные записки», 1865, № 6, кн. 2, стр. 287—289; 4) «Рассказы о старинных людях», «Современник», 1865, № 2, стр. 311—314. Худяков И., Рецензия на «Песни, собранные П. И. Рыбниковым», ч. II, М., 1862. «Время», 1862, № 12, отд. II, стр. 104—109.
- Худяков И., Русская книжка. I. Сказки, пословицы, загадки, песни. Русские города. Былины. II. Стихотворения, рассказы, басни. Народный месяцеслов. СПб. О. И. Бакст, 1863. Рец.: 1) Бобров Е., Две книжки для народа в шестидесятые годы, «Варшавские университетские известия», 1911, № 1, стр. 12—20; 2) К. Б., Библиографический листок, «Русское слово», 1864, № 7, стр. 58—59; 3) «Русская книжка» (речь на нее), «Книжный вестник», 1863, № 24, стр. 437—438.
- (Худяков И. А.) «Самоучитель для начинающих обучаться грамоте», СПб., 1865, изд. Е. П., ц. 25 коп. Рец.: «Книжный вестник», 1866, № 17, стр. 323—324.
- Худяков И., Сборник великорусских народных исторических песен, М., 1860.

II. Основные работы об И. А. Худякове

- Азадовский М. К., Добролюбов и русская фольклористика, Литература и фольклор, Л., 1938, стр. 154—195.
- Белозерский, Иван Александрович Худяков. «Сибирская мысль», 1907, № 130, 133, и «Сибирская жизнь», 1907, № 3.
- Белый Я., Три года в Верхоянске, «Каторга и ссылка», 1925, № 1 (кн. 14), стр. 205—219. О Худякове, стр. 211—213.
- Бобров Е. А. Из биографии И. А. Худякова, Известия ОРЯС, 1910, т. XV, кн. 1, стр. 89—90.
- Бобров Е. А. Мелочи из истории русской литературы, XX, Труды И. А. Худякова в области русской словесности и фольклора, «Русский филол. вестник», 1908, № 4, стр. 361—363.
- Бобров Е. А. Научно-литературная деятельность Ивана Александровича Худякова, «Журн. Мин. нар. просв.», 1908, № 8, стр. 193—240.
- Богучарский В., Активное народничество 70-х годов, М., 1912, стр. 54 и сл.
- Богучарский. Общественное движение 60-х годов, «Голос минувшего», 1915, № 4, стр. 207—209.
- Брагинский М. А. (ред.), В якутской неволе, Сб. материалов и воспоминаний, М., 1927, О Худякове — стр. 15, 183, 186, 203.
- Бух Н. К., Воспоминания, М., 1928, стр. 52.
- Ветринский, Н. Г. Чернышевский и Каракозовцы, «Русская мысль», 1913, № 2, стр. 102—107.
- Волховский Ф., Друзья среди врагов (Из воспоминаний старого революционера), СПб., 1906, стр. 4.
- Гернет М. Н., История царской тюрьмы, т. II, М., 1946. О Худякове, стр. 314, 320, 321, 324.
- Глинский Б. Б. Революционный период русской истории (1861—1881), ч. I, СПб., 1913, стр. 308 и сл.
- Дубровский К., Забытый этнограф-фольклорист, «Сибирские записки», 1916, № 2, стр. 147—157.
- Дубровский К., Рожденные в стране изгнания, Птгр., 1916.
- Евгеньев В., Дело Каракозова и редакция «Современника», «Заветы», 1914, № 6, стр. 76—98.
- Есипович (сенатор). Записки сенатора Есиповича, «Русская старина», 1909, № 1—5 (№ 3, стр. 557).
- «Зашита государственного порядка», «Вперед», 1873, т. I, отд. II, стр. 77 и сл.
- Земфир Ралли-Арборе, Сергей Геннадьевич Нечаев (из моих воспоминаний), «Былое», 1906, № 7, стр. 136—146; Из Иркутска, «Вперед», т. II, 1874, стр. 112. Из Петербурга, «Колокол», л. 221, 1866, стр. 1806.
- «Календарь «Народной воли» на 1883 г.», Женева, 1883, стр. 150.
- Каспревич Э. Л. (изд.), Белый террор или выстрел 4 апреля 1865 г. Рассказ одного из сосланных под надзор полиции, Лейпциг, 1875, стр. 36, 44.
- Клевенский М., «Европейский революционный комитет» в деле Каракозова. Революционное движение 60-х годов, М., 1932, стр. 22, 139—141, 145, 147, 149—151, 154—167.
- Клевенский М. М., Ишутинский кружок и покушение Каракозова. 2-е изд., М., 1928. Рецензия: Козьмин Б., М. М. Клевенский, Ишутинский кружок и покушение Каракозова, 2-е изд., М., 1928, «Историк-марксист», 1928, т. 10, стр. 251.
- Клевенский М., Материалы об И. А. Худякове, «Каторга и ссылка», 1928, № 8—9, стр. 221—231.
- Клевенский М. М., Котельников К. Г., Покушение Каракозова. Стенографический отчет по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Ишутина и др., т. 1—2, М., 1928—1930. Дознание Худякова, т. I, стр. 34—61.
- Клевенский М. М., И. А. Худяков революционер и ученьи, М., 1929. Рецензия: «Летописи марксизма», 1929, № 9—10, стр. 170—171.

- Козьмин Б. П., Революционное подполье в эпоху «белого террора», М., 1929, стр. 121—122.
- Козьмин Б. П., Современник о Каракозовском процессе (письма М. И. Семеновского), «Былое», 1925, № 6 (34), стр. 42—45.
- Колосов Е. Е., Н. К. Михайловский в деле Каракозова, «Былое», 1924, № 23, стр. 44—75.
- Колосов Е., Спорный вопрос каракозовского дела, «Каторга и ссылка», 1924, № 3 (10), стр. 65—88.
- Кротов М., Якутская ссылка 70—80-х годов. Исторический очерк, М., 1925, О Худякове — стр. 226—227.
- Кубалов Б. И. А. Худяков в ссылке (к пятидесятилетию со дня смерти), «Каторга и ссылка», 1926, кн. 28—29, стр. 166—192.
- Кузьмин Дм., Как не надо изучать историю, «Каторга и ссылка», 1926, № 3, стр. 251—260. О Худякове — стр. 257—258.
- Кульчицкий Л., История русского революционного движения, т. I (1801—1870), СПб., 1908, стр. 377 и сл.
- Лавров П. Л., Народники-пропагандисты, Л., 1925. О Худякове стр. 37, 210.
- Лемке М., Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк к десятилетию со дня кончины, СПб., 1904, стр. 36.
- Лион С. Е., Морской побег, М., 1926. О Худякове — стр. 59—61.
- Лопатин Г. А., Воспоминания об И. А. Худякове. — Шилов А. А. Герман Александрович Лопатин, Птгр., 1922, стр. 135—142.
- Лурье Г., Пионер якутского краеведения И. А. Худяков (к 60-летию со дня смерти 1842—1876), «Советское краеведение», 1936, № 11, стр. 107—108.
- Майнов Л. И., Население Якутии, Сб. «Якутия», Л., 1929, стр. 323—420, 385.
- Майдель Гергардт, Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 гг. Пер. с нем. В. Л. Бианки. Прилож. к 74 т. записок ИАН, № 3, СПб., 1874, стр. 1—599. О Худякове — стр. 43—44.
- Миронов И. Я., Ценная рукопись И. А. Худякова, «Сибирский архив», 1913, № 4, стр. 222—223.
- Михайловский Н. К. Полное собрание сочинений, т. VII, СПб., 1909, Елисеев Г. З. (стр. 406—490). О Худякове стр. 466—477.
- Некролог. «Смерть И. А. Худякова», «Вперед», Лондон, 1876, № 46, стр. 724.
- Никифоров Г., Правительство и молодое поколение, Женева, 1866.
- Николаев В., Ссылка и краеведение, Сб. «Сибирская ссылка», М., 1927, О Худякове — стр. 97, 106.
- Ногин В., На полюсе холода, М., 1919. О Худякове — стр. 150—151.
- Отчет императорского русского географического общества за 1863 г., СПб., 1864. Мнение действительного члена Н. В. Калачева о трудах г. Худякова — стр. 97—98.
- Маленская заметка об И. Ал. Худякове, «Каторга и ссылка», 1928, № 8—9, стр. 218—220 (Историко-революц. вестник, кн. 45—46).
- Пантелеев Л. Ф., Из воспоминаний прошлого, СПб., 1905. О Худякове — стр. 311—312.
- Пекарский Э. И. А. Худяков и ученый обозреватель его трудов, «Сибирские вопросы», 1908, № 31—32, стр. 50—55.
- (Э. Пекарский). К статьям г. Е. Боброва о Худякове, «Живая старина», вып. 1, 1909, стр. 105.
- Попов И. И. А. Худяков, «Русские ведомости», 1911, № 301, стр. 3.
- Попов И. И., Минувшее и пережитое, Воспоминания за 50 лет, ч. I, Детство и годы борьбы, Л., 1924. О Худякове — стр. 211.
- Прокламации 60-х гг., «Былое». Сборник по истории русского освободительного движения, Лондон, 1906, вып. VI, стр. 11.
- Пыпин А. Н., История русской этнографии, т. I—IV, СПб., 1890—1892. О Худякове: I, 34; II, 255, 326; IV, 164, 462. На стр. 225 — краткая биограф. справка.
- Розеноэр С. М., Ледяная тюрьма, М., 1934. О Худякове — стр. 45.
- Савченко С. В., Русская народная сказка (История собирания и изучения), Киев, 1914. О Худякове: стр. 9, 23, 39—42, 54, 142, 144—146, 148—150, 151, 175, 245—246, 249, 298, 439, 464, 529.
- Сажин П. М. (Арман Росс), Воспоминания 1860—1880 гг., М., 1925, стр. 25.
- Серошевский В. Л., Якуты, т. I, СПб., 1896.
- Синегуб С. С., Воспоминания чайковца, «Былое», 1906, № 9, стр. 90—128. О Худякове — стр. 113—114.
- Соколов Ю. М. Русский фольклор, М., 1941. О Худякове — стр. 99, 100, 297.
- Стасов Д. В., Каракозовский процесс (некоторые сведения и воспоминания), «Былое», 1906, № 4, стр. 276—298.
- Стож М. Е., Словарь сибирских писателей, поэтов и ученых, Иркутск, б/г. О Худякове — стр. 15.
- Тун А., История революционного движения в России, Птгр., 1917. О Худякове — стр. 43.
- Хороших П. П., Якуты. Опыт указателя историко-этнографической литературы о якутской народности, Иркутск, 1924. О Худякове — стр. 17 (Отд. оттиск из Известий ВСОРГО, т. XLVIII, вып. 1).

- Черевин П. А., Записки П. А. Черевина (Новые материалы по делу Каракозовых), Библиотека обществ. движ. в России XIX—XX вв., вып. I, Кострома, 1918. (Черкезов). И. А. Худяков, «Вперед», Лондон, 1876, № 46, стр. 750—752.
- Шилов А. А., Покушение Каракозова 4 апреля 1866, «Красный архив», 1926, т. IV (17), стр. 91—137.
- Шишко Л. Э., Собрание сочинений, т. IV (статьи по истории русской общественности), Птгр.—М., 1918. Статья «К характеристике движения начала 70-х годов».
- Штакеншнейдер Е. А., Из дневников Е. А. Штакеншнейдер, «Голос минувшего», 1916, № 4, стр. 63.
- Эргис Г. У., Спутник якутского фольклориста, Якутск, 1945, стр. 92.
- Эргис Г. У., Собирание и изучение якутского фольклора в советский период, Ученые записки якутск. гос. пед. ин-та 1944, вып. 1, стр. 129—159.
- Ян Д., И. А. Худяков, «Московское обозрение», 1876, № 7, стр. 95—96.
- «Якутский фольклор», Советский писатель, 1936. Вступительная статья акад. А. Н. Самойловича, стр. 9.
- Ястребский С. В., Образцы народной литературы якутов. Груды комиссии по изучению Якутск. АССР, т. VII, Л., 1929. Предисл. С. Малова, стр. 1.

III. Сведения об И. А. Худякове в библиографических словарях

- М. К. (М. М. Клевенский), И. А. Худяков, БСЭ, т. 60, М., 1934, стр. 275.
- Худяков И. А. Деятели революционного движения в России, Библиографический словарь, т. I, ч. II, М., 1928, стр. 439—440.
- Худяков, Большая энциклопедия, т. 19, СПб., б/г (1896?), стр. 664.
- Худяков, Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона, т. 37-а, СПб., 1903, стр. 773—774.
- Попов И., Худяков, Энциклопедический словарь «Гранат», т. 45, ч. 3, 7-е изд., б/г.
- Р. М., Худяков. Русский биографический словарь, т. 21, СПб., 1901, стр. 447—448.
- Необходимое дополнительное приложение к настольному словарю Ф. Толля, под его же редакцию составленное, СПб., 1866, стр. 540 (1354).

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

А. П. ПРУСАКОВ

СОВРЕМЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ*

Современный рабочий фольклор — одна из наиболее актуальных тем, разрабатываемых советскими фольклористами.

В данной работе делается попытка обзора рабочего фольклора, собранного на московских фабриках и заводах рабкорами, ликкружковцами, работниками многотиражек и художественной самодеятельности. Разнообразный тематически и различный по своим художественным достоинствам материал дает возможность сделать выводы о состоянии фабрично-заводской массовой поэзии, определить дальнейшие пути работы в области фольклора и литературной самодеятельности на фабриках и заводах.

Новые московские рабочие песни и сказы, припевки и пословицы выражают высокое общественное сознание трудящегося человека страны победившего социализма. Вместе взятые, они являются как бы художественной летописью рабочей Москвы, ее ведущих предприятий. В то же время — это живой народный отклик на все грандиозные события в стране и прямой ответ на тот или иной исторический призыв и важнейшие решения большевистской партии в области производства, обороны и построения социалистического общества.

В Москве за годы пятилеток и в дни войны записано со слов старых рабочих — носителей фольклора — свыше трехсот дооктябрьских пролетарских песен: варианты общизвестных революционных песен, песни о тяжелом труде при царизме, а также лирические, плясовые и застольные. В числе их — «Гужонов ад», «Измученный, истерзанный наш брат мастеровой», «Текла речка по песку во матушку во Москву», «Загляните в кварталы невзрачные», «Вечер вечереет, наборщики идут», «По карманам ветер дует», «Площадь Красная гудит», «У старушки у старой я снимал каморку», «Я на фабрике живал», «Мы фабричные ребята», «Гуляй дитято», «Наливочки», «Добрый хозяин, ты у нас в честь» и пр. От старых рабочих собрано немало прежних фабрично-заводских припевок, пословиц и поговорок («На заводе ад, а кругом смрад», «Чтобы в лямке ходить, можно неграмотным быть» и многие другие). От них же и от рабочего молодняка записаны и новые советские рабочие песни, припевки, пословицы, сказы: о В. И. Ленине и И. В. Сталине — вдохновителях и организаторах геройического труда московских рабочих, об ударничестве и стахановском движении в столице, о Великой Отечественной войне и послевоенной пятилетке, о строительстве Сталинской Москвы — знаменосце новой советской эпохи.

Из общего количества собранных в Москве произведений рабочего фольклора наших дней (начиная с 1929 г.) для настоящей статьи отобраны наиболее популярные фабрично-заводские песни, припевки, пословицы и поговорки. Все они публикуются впервые, за весьма немногими исключениями. Эти произведения наполнены горячим патриотическим чувством и свидетельствуют о высокой политической зрелости и социалистической сознательности их коллективного рабочего автора. Это — показатель силы и собственного достоинства нашего рабочего класса. Жизненутверждающая идеяная направленность его устного творчества ярка и поучительна.

Массовую поэзию фабрик и заводов можно с полным правом назвать устной летописью, отразившей процесс индустриализации нашей страны.

Первый год первой пятилетки товарищ Сталин назвал «годом великого перелома» на всех фронтах социалистического строительства.

Москва быстро превращалась в огромный индустриальный центр. Росла и ширилась волна ударничества, как выражение патриотизма советских тружеников. Мол-

* Автореферат работы, представленный в фольклорный сектор Института этнографии.

сковские рабочие, защитив в огне гражданской войны великие завоевания Октября и подняв разрушенное войной хозяйство, вели под руководством партии Ленина — Сталина коренную реконструкцию своих предприятий и новое гигантское строительство.

Бывший завод француза Гужона перестраивался в металлургический гигант «Серп и молот». На месте старинного полукустарного английского «Бромлея» возникал первенец советского станкостроения — завод «Красный пролетарий». Расширялись: завод «Динамо», завод им. Владимира Ильича (бывший Михельсона); реконструировались Трехгорка.

В старой Симоновке рос на глазах и в 1931 г. был пущен автогигант имени Сталина, оснащенный передовой техникой. В Бауманском районе строился электрозвод. У городской черты вырастали Первый подшипниковый завод, завод «Фрезер», Инструментальный завод, станкозавод им. Орджоникидзе и ряд других новых больших предприятий небывалых еще в Москве отраслей промышленности. Создавалась крупная механизированная обувная промышленность.

В этот период в жизни столицы и возникают рабочие песни и припевки, пословицы и сказы о новом облике великого города, о родных фабриках и заводах.

Пафос строительства, труд, ставший «делом чести, доблести и геройства», массовое движение ударничества отражены фольклором того времени. Старой революционной песне о тяжести подневольного рабочего труда противополагается новая — песнь о свободном труде.

Много песен слыхал на своем я веку,
Но такая мне песнь не встречалась.
Эта песня нам бодрость и силы дает,
С нею радость и счастье примчалось!

(Из новых песен, записанных на обувной фабрике «Парижская Коммуна» от старого кадровика рабочего-сказителя И. Я. Корешева).

В этих песнях выражено сознание человека, победившего в гражданской войне, завоевавшего свою свободу, ставшего подлинным хозяином родной страны. Заводы, на которых раньше рабочий гнул спину, работал на хозяев, теперь стали достоянием народа. Рабочие помнят о прошлом, помнят о боях за молодую республику Советов.

Песня рабочих станкозавода «Красный пролетарий», «Нам не забыть», говорит:

Нас в бой водило ленинское знамя,
Прогнав врага, мы встали за станки;
Пошли за Сталиным великими путями
Ударников московские полки.

В условиях мирного строительства, в годы сталинских пятилеток рождалась песня победителей — песня свободного труда. Тема социалистического труда становится основной, определяющей содержание фабрично-заводского фольклора. Образы ударников производства входят в песню как центральные образы поэзии, воплощающие представление о новом советском человеке. Нередко прототипами поэтического героя рабочего фольклора были известные на фабрике или на заводе ударники. Наряду с этим создавался обобщающий образ героя социалистического труда. Среди таких произведений характерна песня рабочих железнодорожного депо Москва — Курская «Девушка-кузнец», рассказывающая об овладении женщиной отраслью производства, в которой женский труд ранее не применялся. Признание трудового подвига девушки звучит в словах песни:

Хороша моя подруга —
Об ударнице такой,
Об ударнице такой
Ходит слава за Москвой...

Дальнейшее развитие форм соревнования и культуры труда породило песни о стахановском движении. Среди них можно отметить песню «О творцах металла» (завода «Серп и молот»), песни станкостроителей — «Вейся, стружка», электриков завода «Динамо» — «Кировская», метростроевцев — «Метростроевская оборонная» и «Песня маркишайдеров», марш «Знамена Трехгорки» с припевом-вспоминанием о прошлых революционных боях:

В баррикадных боях за свободу
Бились в прошлом трехгорцы не раз.
Дал Октябрь свободу народу —
Новой жизни заря занялась.

В этом цикле песен характерна песня стахановцев вновь возникшего в те годы завода «Станколит» — «Первомайская станколитовская», в которой говорилось о достигнутых успехах в улучшении советского станка:

Как рук золотых у нас много!
Труд лучших людей на виду,
И песня взлетает высоко
В рабочем сплоченном ряду.

Та же тематика, те же идеи и образы, какие типичны для современной массовой поэзии рабочих, характеризуют и частушечное творчество, издавна распространенное на фабриках и заводах.

Уже в годы первой сталинской пятилетки был распространен тип частушек, включавших в свой текст призывы партии. Многие образцы их можно найти в стенных газетах как общезаводских, так и цеховых. Такого рода стихотворные призывы, отражавшие важнейшие решения большевистской партии, пользовались широкой популярностью и нередко исполнялись заводскими коллективами художественной самодеятельности. На клубных сценах не только пелись уже известные частушки, но и создавались новые.

Наряду с «частушками-лозунгами» были популярны частушки, изображавшие минувшую тяжелую жизнь рабочих «в кварталах «невзрачных» капиталистической Москвы, противопоставляя ей и новую, светлую жизнь в благоустроенной социалистической столице, неизвестную изменившейся за годы советской власти.

Каждое крупное явление в жизни столицы находило отклик в заводском частушечном творчестве. Так, в связи с пуском московского метро (15 мая 1935 г.) среди рабочих московских предприятий были зафиксированы новые припевки:

Подошел и день такой —
Покатили под Москвой,
Безо всякой канители,
В новом метрополитене.

Много было тогда в рабочих припевках откликов на исторические выступления товарища Сталина 4 мая 1935 г. на выпуске академиков Красной Армии («Кадры решают все») и 17 ноября того же года — на первом всесоюзном совещании стахановцев. Вот одна из таких припевок, записанная в 1-й Образцовой типографии, а затем среди рабочих и других предприятий Кировского района Москвы:

Всех ценней из капиталов —
Это кадров капитал.
Всех сильней из всех закалов —
Это сталинский закал...

Летом 1937 г., когда было завершено в рекордный срок сооружение канала Москва — Волга, столичные рабочие немедленно отозвались в своих припевках и на это грандиозное строительство:

Нет таких каналов в мире.
Не вокзал стоит — дворец.
Наш народ умеет строить
Сталин наш всему творец...

(Из материалов, записанных на обувной фабрике, «Парижская Коммуна»).

Особой популярностью среди рабочих пользуются многие народные пословицы, поговорки и крылатые выражения, использованные В. И. Лениным и И. В. Сталиным в их классических работах («Правда глаза колет», «Лучше меньше, да лучше», «Ни богу свечка, ни чорту кочергах и др.». Образный народный язык все время обогащается новыми рабочими пословицами и поговорками. Можно среди этих произведений указать следующие, имевшие особую популярность в годы первой сталинской пятилетки:

Рабочий человек всему хозяин.—Сталинское слово дороже золота.—От желанья к исполнению приложи уменье.—Упустишь минуту — потеряешь часы.—Каков запуск — таков и выпуск.—Запорешь деталь — загубишь целое.—Уголёк красив, не уголь — чернослив.—Отливки — что сливки.—Не чугун — творог.

Новые явления жизни в годы второй пятилетки породили новые народные пословицы:

Стахановское движение — народное радение.—Машину поймешь — далеко пойдешь.—Машина любит ласку, чистоту и смазку.—Кто труда не боится, того и лень сторонится.—Советский хлопок краше золотых раскопок.

Накануне Великой Отечественной войны, в годы третьей сталинской пятилетки, приобрели известность многие новые пословицы и поговорки:

Без наук, как без рук.—К делу ловчись, строить учись.—С ремеслом спеши дружить — в коллективе легче жить.—Научишься слесарить — будешь и токарить.—С малых лет орудий молотом, развивай силенки с молоду.

Стахановское движение, отраженное народным творчеством, обогатило его, породило новые образы. Новый подъем в устном творчестве рабочих вызвала Стalinская Конституция. Радостная песня рвалась из души человека, видевшего в основном законе Союза Советских Социалистических республик воплощение мечты и закрепление всех завоеваний и достижений. И песней Советского Союза назвали Конституцию рабочие.

В нашей песне — простор, в нашей песне — размах,
С этой песней всем лучше живется,
Эта песня бодрит, эта песнь веселит,—
Конституцией песня зовется.

За годы стalinских пятилеток расцвела вся страна. Выросла и изменила свой облик ее столица — Москва. Рабочий фольклор, создававшийся в ходе строительства социализма, воспел социалистические методы труда; он славит вдохновителя побед — И. В. Сталина, славит Стalinскую Конституцию. К 20-летию Великого Октября советский рабочий фольклор сформировался как народное творчество нового качества, отражающее созидательный творческий труд свободного человека.

В связи со всенародным обсуждением и принятием новой Стalinской Конституции и первыми выборами на ее основе возник целый поток рабочих припевок. Отвечая на стalinские слова «Жить стало лучше, жить стало веселей», металлурги завода «Серп и молот» сложили в те дни припевки о культурной и радостной жизни рабочих, от которых «и стар, и млад пляшет». В других припевках говорилось о правах рабочего на труд и отдых.

Гордое сознание советского рабочего — строителя социализма — наложило отпечаток на фольклорные произведения, исполнявшиеся в дни выборов в Верховный и местные Советы. С эстрады рабочих клубов звучала, например, такая частушка:

Нет возврата к рабству —
Сгинуло оно;
Знамя прав добытых
Держим высоко...

(Записано на 1-й Ситценабивной фабрике от старого слесаря-сказителя В. А. Смирнова).

Весело звенела частушка, передавая чувства и настроения советского человека:

Как не петь, не веселиться,
Как не петь и не играть,—
Другу Сталину родному
Как спасибо не сказать?

С 1940 г. в СССР была введена система государственной подготовки трудовых резервов. Это немедленно нашло отражение в фольклоре. Рабочие-подростки создали свои песни:

...Вперед, трудовые резервы!
Кто в мире счастливее нас?
Со стalinской лаской безмерной
Растем мы любимцами масс.

(Записана от Костецкого в 12-м ремесленном училище Москвы).

Эти первые поэтические опыты были технически несовершенны. Но тем не менее они интересны своей направленностью и юношеским задором. Они как бы отвечали высказываниям товарища И. В. Сталина о роли молодого рабочего в советском обществе. Был тогда известен нескольким «ремесленным училищам» столицы один из вариантов песни «Резерв трудовой» неизвестного автора. В ней высказаны сокровенные мысли советских рабочих-подростков, что они «...учиться пришли в мастерские», чтобы скорее стать «энзатоками машин» и «украшать трудовую семью», и что: «...От мечты к ремеслу — путь немалый».

Великая Отечественная война, навязанная фашистами, породила новые произведения рабочих, присвященные, наполненные гневом к врагу. Учащиеся ремесленных училищ заняли места у заводских станков, заменив отцов, ушедших на фронт. Кадровники-старики встали на вахту самоотверженного труда, заявив в своих песнях:

Мы нашего солнца затмить не позволим,
Готовы на подвиг любой!
Мы крылья стервятников все переломим.
Вперед, в сокрушительный бой!

Рабочие — мастера ремесленных училищ — вместе со своими юными учениками дали слово «сберечь родную землю от любого врага». Они заверяли Родину:

И слово свое оправдаем делами,
Чеканными цифрами новых побед.
Лети, наша песня! Мужай вместе с нами!
Как мы, закаляйся в борьбе!

Рабочие призывали друг друга «работать лучше, чем вчера, а завтра лучше, чем сегодня!», понимая свою исключительную ответственность перед Родиной и фронтом в такие минуты.

В связи с войной и в ремесленных училищах Москвы появились новые песни военного содержания. Хор 61-го московского ремесленного училища в 1944 г. создал свою «Всевую ремесленную» песню. Ее коллективный автор — группа юных слесарей. Песня заверяет родную страну и народ, что «ремесленник, идя на завод, не сплошает на фронте трудовым», так как

...Каждый помнит, каждый знает:
Всем нужна как никогда
Наша сила молодая,
Наша армия труда.

В суровые дни Великой Отечественной войны московские рабочие сложили новые песни. Среди них заслуживает внимания песня молодых работниц Трехгорки — «Трехгорная комсомольская», изображающая напряженную обстановку военного времени на производстве:

Песнь-быль о военной Трехгорке
Днем и ночью поют членки,
Ткань армейскую ткут комсомолки,
Будто шаг отбивают станки.

Широкую известность среди рабочих в годы войны получили песни: «Песня становок» (Первого подшипникового завода), «Автозаводская», «Рабочий марш» (московских железнодорожников), «Девушкам Красной Пресни» (хоровой коллектив при ситценабивной фабрике Трехгорки).

В цехах заводов слагались припевки, объединенные общими названиями: «В ногу с фронтом», — В труде, как в бою», «Мы фашистов разобьем». Эти припевки и поговорки помещались в стенных газетах в виде «веселых страниц», носивших названия «Наждак», «Под резец», «Веселая шлифовка», «Горячая промывка».

Припевки, записанные в дни Великой Отечественной войны, ярко выражают напряженную обстановку незабываемых дней в столице, особенно в осенне-зимние месяцы 1941—1942 гг. Вот для примера несколько таких припевок:

Не боится сталевар,
Что жара иссушит.
Знает он, что варит сталь
Для советских пушек.
Поспешай, станочек мой,—
Крепнет битва под Москвой.
Разорвет фашиста в ключья
Нашей миною минометчик.
В дисциплине наша сила.
Банду черную сметем:
Ты винтовкой боевую,
Я — стахановским трудом.
Гебельс сам себя хвалил,
Что Москву дотла спалил,
Он «палил» ее раз дцести,
А она — стоит на месте.

Значительно пополнилась речь трудящихся пословицами и поговорками в военное время:

Смелому — слава, трусу — позор; таков у рабочих людей приговор.— Лучше биться орлом, чем жить зайцем.— Он мал телом, да велик делом (об учениках ремесленных училищ, выполнявших военные заказы).— Немец боек, да москвич стоек.— Оброс Гебельс подвохом, как щука мохом.— «Замерзающему немцу и тряпка — шапка и юбка —

шубка.— Вышла фос Боку московская битва боком.— Немец шел на нашу власть, да в сырой земле увяз.— Мчался Гитлер на парах, разлетелся Гитлер в прах.

В дни победы и послевоенного возрождения многие рабочие пословицы и поговорки весеннего времени исчезают, возобновляются и приобретают новые смысловые оттенки пословицы и поговорки мирного труда и творчества.

Победоносное окончание Великой Отечественной войны отражено произведениями рабочих. Так, металлсты Замоскворечья, бывшие фронтовиками, по возвращении на родной завод сложили песню «От Москвы и до Берлина», которая звучала приветом победителей своей столице.

Здравствуй, мой завод столичный.
Помнил я тебя в строю:
В каждом выстреле отличном,
В каждом доблестном бою.
Нас ничто не разлучало:
Ни Кавказ, ни Ленинград,
Ни Московское начало,
Ни бессмертный Сталинград.
...От Москвы и до Берлина
Гнали немца мастаки:
Люди с Лены, с Сахалина,
Мы с тобой с Москва-реки.

Отлично работает многотысячная армия москвичей по выполнению послевоенной пятилетки в четыре года. Это значительное событие в жизни советского народа и его столицы уже отражается в устном рабочем творчестве: в новых припевках и пословицах, в новых «мафшах веселых цехов». Таковы, например, новая «Автозаводская песня» на заводе им. Сталина, «Песня стаканстроителей» на заводе «Красный пролетарий», варианты «Песни текстильщиц» на Комбинате трехгорной мануфактуры и другие.

В своей новой песне автозаводцы говорят:

Песня звонкая несется
По цехам автозаводцев.
В этой песне наша слава, наша быль.
Посмотри, как плавно мчится
И сверкает по столице
ЗИС-110 — легковой автомобиль.

А у краснопролетарцев в «Песне стаканстроителей» говорится:

Стаканстроители, вперед, вперед!
К победам новым Родина зовет.
В труде проверенный, шагай уверенно
Орденоносный наш завод!

И трехгорцы выражают свою достойную трудовую гордость за отличную работу для Родины:

Мы фабричных цехов мастерицы,
Мы подруги высоких побед,
За шелка, за чудесные ситцы
Нам везде и почет и привет...

Есть у трехгорцев свои «Юбилейные припевки», в связи с исполняющимся в текущем году 150-летием существования этого старейшего столичного предприятия.

В начале 1949 г. на Краснохолмском камвольном комбинате возник новый патристический почин: соревнование за звание бригады отличного качества, за высокую честь фабричной марки. Инициатор почина,— помощник мастера Александр Чутких. И об этом на фабрике имеется припевка:

За Российским мы сейчас
Пробуем угнаться,
Мастер Чутких кличет нас
За добротность драться.

Есть на I Государственном подшипниковом заводе и на фабрике «Парижская Коммуна» припевки, отвечающие на решения IX московской областной и VIII городской

объединенной партийной конференции об ускорении обрачиваемости оборотных средств и создании внеплановых накоплений. Вот пример:

Миллиард казне дадим,
Обязуемся налечь
Оборот в цехах прибавим,
Чтобы средства уберечь.

Это — горячий отклик на одно из важнейших событий последнего времени на московских заводах и фабриках.

Современный фольклор московских рабочих о героическом труде и творческом энтузиазме — замечательное явление наших дней. Это один из ярких показателей моральной силы советского народа. Изучение этого фольклора дает богатый материал для понимания той обстановки, в которой возникали и распространялись те или иные устные произведения рабочих о труде: их песни, припевки, пословицы-лозунги, автобиографические сказы.

Рабочий фольклор столицы свидетельствует о творческом отношении к жизни и искусству строителей социализма. Значение его, прежде всего, заключается в его идеологической целостности. В нем отражается сознание советского человека, воспитанного годами борьбы и строительства социалистического общества. Рабочий фольклор обширен и разнообразен. Он сохраняет традиционные произведения; он откликается на события современности новыми. Песня и припевка полрежнему занимают в нем первое место. Сказ получает все более широкое распространение. Фельетонный характер плясовых куплетов не отживает, а наоборот, постепенно развивается и совершенствуется. Распространенный в первом десятилетии советской власти раешник изменяется, — он или превращается в стихотворный сатирический сказ, или свертывается в прибаутку.

Творчество рабочих отличается идейной насыщенностью и роль его как средства политического и эстетического воспитания огромна. Лучшие рабочие песни и сказы публицистичны, повествовательны и лиричны. Массовое поэтическое и музыкальное творчество рабочих наших дней отражает непрерывный культурно-политический рост рабочих сказителей и песельников.

Создатели рабочего фольклора черпают темы и образы из жизни. А. М. Горький говорил: «Никогда еще жизнь не была так глубоко поучительна, а человек так интересен, как в наши дни»¹, которые являются «...колossalной Всесоюзной школой, воспитывающей новых людей»². Жизнь вдохновляет советских людей на подвиги и неодолимо влечет к созданию поэтических образов, отражающих нашу действительность. Рабочий фольклор — одна из областей художественного творчества строителей коммунизма. Работа по сорбианию и изучению поэтического и музыкального творчества рабочих должна быть широко развернута. В этой области — богатое поле для деятельности сорбирателей и исследователей. Изложенные сведения о фольклоре московских рабочих дают всего лишь образы собранных материалов. Но эти образцы показывают, как много ценностей найдет исследователь, обратившийся к современному рабочему фольклору.

¹ А. М. Горький, Литературно-критические статьи, Гослитиздат, 1937, стр. 433.

² А. М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, Гослитиздат, 1941, стр. 524.

ХРОНИКА

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ РАБОТ 1948 г.

В опубликованном в нашем журнале обзоре экспедиционных исследований Института этнографии в 1948 г.¹ приведены краткие сведения о работе отдельных экспедиций и отмечено, что принятая Институтом программа исследований в 1948 г. поставила центральной задачей изучение современной культуры и быта народов нашей страны. Если и раньше в программах экспедиционных работ Института последних лет изучение современности занимало значительное место, то все же это изучение отставало от насущных задач нашей науки; в работе ряда этнографов сильно скрывалась старая традиция — ограничивать область этнографического исследования архаичными формами, пережитками в культуре и быте народов. Эта традиция, восходящая к ложному определению самих задач этнографической науки, отражает антиисторические, формалистические по существу установки буржуазной этнографии, означает отказ от важнейшего положения марксистского исследования — изучать каждое явление не в отрыве от других, а в его различных связях и опосредствованиях. Только всестороннее, досведенное до современности изучение культуры и быта народа дает возможность вскрыть диалектику процесса развития отдельных явлений, осветить их происхождение, правильно понять сущность так называемых этнографических пережитков. Перед советскими этнографами стоит огромной важности задача изучить и показать те грандиозные сдвиги в культурно-бытовом укладе народов нашей страны, которые связаны с социалистическим переустройством хозяйства, показать на конкретном материале этнографии создание новой, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры этих народов.

В качестве основной темы полевых работ 1948 г. Институтом было принято монографическое изучение национальных колхозов СССР. Итогам этих работ была посвящена традиционная годичная сессия Института, происходившая 28—31 марта 1949 г. в Москве и 21—22 апреля в Ленинграде.

На сессии, которую открыл вступительным словом директор Института этнографии проф. С. П. Толстов, были заслушаны следующие доклады: В. Ю. Крупянской «Сталинградская фольклорная экспедиция (Фольклор колхозной станицы)»; Г. С. Масловой «Опыт этнографического изучения быта русских колхозов Архангельской области»; И. Ф. Симоненко «Колхозное строительство в Закарпатье»; Ю. В. Ивановой «Албанцы Приазовского района»; С. М. Абрамзона «Этнографические исследования в колхозах киргизов Тянь-Шаня»; Н. А. Кислякова «Научная командировка в Пенджикент»; Л. Ф. Моногаровой «Язгулемцы Памира (Новый колхозный быт)»; И. В. Захаровой «Этнографическая работа среди уйголов Ферганской долины (уйгурские колхозы)»; Г. П. Васильевой «Туркменский колхоз «Большевик», Куяя-Ургенчского района Ташаузской области»; К. Л. Задыхиной «Культура и быт узбеков дельты Аму-Дарьи»; М. В. Сазоновой «Культура и быт узбеков Южного Хорезма»; Т. А. Жданко «Культура и быт каракалпакского колхозного аула»; В. Н. Белицер «Этнографическая работа в колхозах Коми-пермяцкого национального округа»; Б. О. Долгих «Этнографические исследования среди энцев»; В. В. Храмовой «Заболотные» татары (Тобольский район); Г. М. Василевич «Эвенкийская экспедиция»; К. В. Вяткиной «Этнографическая работа Монгольской экспедиции». В дни сессии была организована выставка экспедиционных материалов. Часть докладов сопровождалась демонстрацией заинятых в экспедиции кинофильмов.

При обсуждении итогов сессии на заключительном заседании все выступавшие отмечали большое значение проведенной Институтом в истекшем году экспедиционной работы. Сессия показала правильность пути, на который встал Институт в деле разработки современной этнографической тематики. Как отметил Л. П. Потапов, заслушанные на сессии доклады дали яркую документальную картину того, что происходит сейчас в национальных колхозах всей советской страны, даже на таких в прошлом созвершенно забытых и мало обжитых окраинах, как, например, район, за-

¹ См. М. Г. Левин, Полевые исследования Института этнографии в 1948 г., «Советская этнография», 1949 № 2.

селенный так называемыми «заболотными» татарами, о которых в литературе почти ничего нет. Доклады показали, насколько широко и глубоко развернулось культурное строительство среди многочисленных национальностей необъятной советской страны. Полевые исследования, проведенные в истекшем году, показывают дальнейшее направление этнографической работы, огромные перспективы ее развития, ее общегосударственное значение, ибо советские этнографы по самой тематике своей работы являются пропагандистами тех великих достижений, которыми гордится советская страна.

В ряде выступлений на заключительном заседании обсуждался вопрос об объеме использования экономического материала при этнографическом изучении колхозов. С. П. Толстов, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов указывали на обязательность для этнографа привлечения всех источников исследования, следовательно, и детального изучения экономики обследуемого объекта. Однако при этом нельзя ограничиваться приведением тех или иных показателей из области хозяйственной жизни колхоза, а необходимо использовать собранный статистико-экономический материал для научного анализа и обобщений. Так, например, указал П. И. Кушнер, чрезвычайно важное значение для характеристики сдвигов в быте колхозников имеет вопрос о количестве выработанных трудодней, но конкретное содержание этого термина необходимо в каждом данном случае раскрыть. Ибо по-разному трудодни начисляются в различных по техническим и иным условиям колхозах, различную стоимость имеют трудодни в зерновом, хлопководческом или скотоводческом районе и т. д. Большое значение имеет исследование приходного и расходного бюджета колхозной семьи, позволяющее выявить не только ее экономическую базу, но и внутрисемейные отношения, рост культурных запросов и т. д. Изучение организаций труда в колхозе позволяет выявить специфику новых общественных отношений, показать, что в этой области еще имеется от старого и как это старое изживается. П. И. Кушнер указал далее на необходимость изучения колхоза не изолированно, а с учетом той помощи, которую оказывает ему советское государство, промышленность, социалистический город. Сюда относятся МТС, различные культурные учреждения — школа, библиотека, больница и т. д., создаваемые советской властью на местах, а не колхозом как таковым. Следует помнить, что хотя колхоз как производственная ячейка социалистического общества дает определенное направление развития, тем не менее многие стороны жизни колхозников определяются не только колхозом, но советским строем в целом, и нельзя ставить знак равенства между колхозом и всеми советскими учреждениями, существующими на территории данного колхоза. С другой стороны, необходимо помнить, что колхоз представляет собой специфическую форму организации, в которой обобществление основных средств производства сочетается с индивидуальным хозяйством; поэтому надо изучать оба сектора в их взаимодействии и во всем их своеобразии, присущем национальной специфике данного народа. Что касается методики исследования, то П. И. Кушнер считает основным метод личного наблюдения, метод же опроса в большинстве случаев должен играть подсобную роль, и материалы, полученные путем опроса, подлежат тщательной проверке.

Многие из выступавших (Л. Н. Пушкирев, П. И. Кушнер, М. О. Косвен) обращали внимание на необходимость теснее увязывать работу экспедиций с местными культурными организациями, оказывать им помощь путем докладов, снабжения литературой и т. п., привлекать к этнографической работе местную интеллигентию, разработать методические пособия по сбору этнографических и фольклорных материалов и т. д.

Проф. С. П. Толстов в своем заключительном слове констатировал, что данная сессия раз навсегда покончила с вредной космополитической теорией об отмирании этнографии и исчезновении национальных культур. Этнографическим исследованием в истекшем году было охвачено свыше 20 национальностей. Заслушанные доклады продемонстрировали, что во всех уголках великого многонационального Советского Союза — и в горных ущельях Памира, и в стране «заболотных» татар, и в каракалпакском ауле, и на далеком Таймырском севере — везде имеет место замечательный расцвет национальных культур. Докладчиками охвачены народы, развивавшиеся в совершенно различных исторических и естественно-исторических условиях. В докладах ярко выявлено, как в условиях советского государства, осуществляющего ленинско-сталинскую национальную политику, преодолеваются горные преграды и огромные пространства, преодолено тяжелое наследие исторического прошлого отдельных народов, ушли в забвение вековая отсталость, патриархальщина, и все народы нашего Союза с помощью великого русского народа, руководимые могучей партией Ленина — Сталина, строят свою национальную культуру. Во всех докладах видно, что в различных конкретных исторических и географических условиях действует одна и та же закономерность — закономерность развития советского социалистического строя, ведущая роль партии, ведущая роль советского государства. Вместе с тем заслушанные доклады показали правильность избранного Институтом этнографии направления экспедиционной работы и ее отправной точки — монографического изучения культуры и быта колхозов, ибо только такой принцип дает возможность проникнуть в те глубокие изменения, которые произошли и происходят в жизни различных народов. Как чрезвычайно положительное явление проф. Толстов отметил строго исторический подход к материалу в большинстве заслушанных докладов. Правильно сказал Л. П. Потапов, что дело не в простом

сравнений того, что есть, с тем что было, хотя и такой прием противопоставления имеет очень большое значение для показа широким массам величественных успехов социалистического государства. Но задача научного исследования заключается не в том, чтобы противопоставить разорванно взятое прошлое и настоящее, а в том, чтобы показать тот путь, по которому прошли народы Советского Союза и по которому они идут дальше к коммунистическому будущему. В докладах показаны замечательные советские люди различных национальностей, ставшие героями нашей социалистической современности, стартовавшие в деле строительства социализма с разных отправных точек в отношении культурного уровня, например, народ такои старой культуры, как узбеки, и такие забытые, оторванные в прошлом народности, как языглемцы горных селений Памира или энцы далекого севера. И все они дают нам образцы героизма, патриотизма, социалистического отношения к труду, новаторства, всюду мы находим образ советского человека, одаренного теми чертами, которые дали нам победу над гитлеровскими ордами, образы человека, строящего коммунизм. В заключение проф. Толстов указал, что работа по изучению культуры колхозов народов СССР будет продолжена и расширена экспедициями Института этнографии в 1949 году.

O. Корб

ДИСКУССИЯ ПО ВОПРОСАМ АНТРОПОГЕНЕЗА

28—29 апреля 1949 г. в Институте этнографии АН СССР состоялась дискуссия по вопросам происхождения *Homo sapiens*, организованная сектором антропологии и группой общей этнографии Института. М. Г. Левин в своем вступительном слове остановился на методологическом и идеологическом значении данной проблемы в свете борьбы советской антропологии с расистскими теориями, имеющими хождение на Западе. Далее М. Г. Левин наметил узловые вопросы, требующие обсуждения, охарактеризовал сущность различных мнений, высказываемых советскими антропологами по отдельным вопросам обсуждаемой проблемы. В дискуссии приняли участие П. И. Борисковский, В. В. Бунак, В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебец, М. Ф. Неструев, М. С. Плисецкий, Я. Я. Рогинский, Г. В. Соболева, С. П. Толстов, Т. А. Трофимова, В. П. Якемов. Основное внимание выступавших было сосредоточено на таких вопросах, как факторы становления *Homo sapiens*, проблема преемственности между *Homo sapiens* и неандертальцем, соотношение биологических и социальных факторов на различных этапах становления гоминид, область становления *Homo sapiens* и т. д.

Материалы совещания намечено опубликовать в специальном выпуске «Кратких сообщений» Института этнографии.

И. Золотаревская

ОБСУЖДЕНИЕ ИЗДАНИЯ «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ»

17 мая 1949 г. на совместном заседании секторов славяно-русской этнографии и фольклора и сектора Европы Института этнографии состоялось обсуждение книги «История культуры древней Руси», изданной в 1948 г. авторским коллективом со трудников Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Помимо сотрудников Института этнографии в обсуждении приняли участие и сотрудники ИИМК — Н. Н. Воронин, С. В. Киселев, Б. А. Рыбаков, Г. Б. Федоров. Во вступительном слове Н. Н. Воронин — один из редакторов обсуждаемой книги — сообщила, что она является лишь первым томом большого труда, посвященного истории русской культуры. Этот том включает описание материальной культуры с IX до начала XIII в. Сюда входят главы: «Исторический очерк» (автор В. В. Мавродин), «Сельское хозяйство и промыслы» (П. Н. Третьяков), «Ремесло» (Б. А. Рыбаков), «Поселение» и «Жилище» (Н. Н. Воронин), «Одежда» (А. В. Арциховский), «Торговля и торговые пути» (Б. А. Рыбаков) и др.

В выступлениях была отмечена большая ценность этого огромного сводного труда, обобщающего результаты многолетних археологических работ. Вместе с тем выступавшие (В. В. Богданов, С. А. Токарев, В. И. Чичеров и другие) указывали на имеющиеся в книге существенные недочеты — слабое использование этнографических материалов, преувеличение культуры господствующих классов и принижение культуры трудового народа, затушевывание культуры деревни и выдвижение на первый план культуры города и т. д. Был сделан также ряд замечаний по частным вопросам. Г. С. Маслова указала, что в главе об одежде имеется ряд неточностей, как, например, недостаточно обоснованное утверждение об отсутствии пояса в женском костюме, исходящее из того, что таковой не обнаружен раскопками. И. Ф. Симоненко, разбирая главы о поселении и жилище, отметил, что исследование этих сторон материальной культуры не связано с вопросами общественного строя, с процессом разложения патриархальной общини. С. А. Токарев показал, что недостаточное ис-

пользование этнографического материала привело к ряду ошибочных положений в разделах о жилище, сельском хозяйстве и др. Ж. Н. Вожарова подчеркнула большое значение обсуждаемой работы не только для Советского Союза, но и для стран народной демократии, отметив, однако, что ряд глав (жилище, сельское хозяйство, промыслы и др.) не удовлетворяет полностью, так как материал использован недостаточно глубоко. В ряде выступлений (В. В. Богданова, В. И. Чичерова и др.) отмечались недостатки вводной статьи В. В. Мавродина, которую трудно рассматривать как введение к истории культуры древней Руси. Г. Б. Федоров указал, что эта ценная в целом книга в ряде глав имеет пробелы; так, в главе о деньгах нет сведений о технике чеканки, в разделе о средствах передвижения ничего не сказано о лыжах. Заместитель директора ИИМК проф. С. В. Киселев приветствовал инициативу Института этнографии, организовавшего обсуждение книги, так как товарищеские замечания могут оказать существенную помощь в работе над дальнейшими томами. Он подчеркнул, что обсуждаемая книга является первым опытом обобщения собранного археологического материала и что недостаточное использование этнографических материалов объясняется отсутствием обобщающих этнографических трудов. Этот упрек вызвал ряд возражений со стороны присутствовавших этнографов, указавших, что имеется достаточно сводных этнографических работ, как опубликованных, так и хранящихся в архивах рукописей. Отводя упрек некоторым из выступавших, С. В. Киселев указал, что подчеркнуть роль городов древней Руси было необходимо, но признал правильным указание на недостаточное описание древнерусской деревни. В. И. Чичеров в своем выступлении подчеркнул необходимость исследования русской культуры как культуры трудового народа, создавшего материальные и духовные ценности и высказал мнение, что в главе о ремеслах следует ввести рассмотрение изготавляемых предметов как произведений народного искусства. При показе городской культуры также должен быть сделан упор на культуру масс, результатами труда которых широко пользовались господствующие классы. Б. А. Рыбаков признал необходимость возможно более широкого использования этнографического материала, но не согласился с В. И. Чичеровым, отстаивая обязательность разделения в исследовании ремесла и искусства.

В своем заключительном слове Н. Н. Воронин, возражая на некоторые выступления по частным вопросам, заявил, что ряд высказанных замечаний представляются ему весьма ценными и будут учтены при работе над следующими томами, предварительное и широкое обсуждение которых необходимо провести.

Н. Листова

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В КАЗАХСТАНЕ

Работа проводится сектором этнографии Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Казахской ССР, состоящим из заведующего сектором и двух младших научных сотрудников. За время своей работы (с января 1946 г.) сектор организовал две этнографические экспедиции: в Восточно-Казахстанскую и Семипалатинскую области (в 1946 г.) и в Алма-Атинскую и Талды-Кургансскую области (в 1947 г.); последняя организована совместно с Институтом этнографии Академии Наук СССР.

В результате работы экспедиций собран большой материал, характеризующий культуру и быт казахов (жилище, одежда, пища, предметы домашнего обихода, народные обычаи и обряды, материалы фольклорного характера). В настоящее время идет научная обработка собранных материалов.

В порядке плановой работы сектор занимался сбором материалов по казахским народным играм, чтобы выяснить их значение для физического развития молодежи и показать их роль в качестве народного развлечения. Описано 155 игр.

Значительную работу проделал сектор по выпуску в свет двух библиографических указателей материалов о жизни и деятельности казахского поэта Абая Кунанбаева и казахского батыра Амангельды Иманова (оба указателя выпущены в свет в 1946 г.) и двух библиографических указателей по истории и литературе Казахстана по дореволюционным источникам (вышли в 1947—1948 гг.).

С марта 1947 г. сектор занимается составлением указателя материалов по этнографии Казахстана. В 1948 г. сектором составлена и подготовлена к печати монография «Мактебы и медресе у казахов в прошлом» (историко-педагогический очерк).

В плане сектора на 1949 г. предусмотрена монография «Культура и быт казахского колхозного аула»; в ней будет показан новый быт казахов как результат хозяйственной и культурной революции за годы сталинских пятилеток.

Н. Сабитов

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ЛИСТОПАДОВ

14 февраля 1949 г. в Ростове-на-Дону после продолжительной болезни скончался старейший собиратель и исследователь песенного творчества донских казаков Александр Михайлович Листопадов.

А. М. Листопадов родился в 1873 г. в станице Екатерининской на Донце, в семье народного учителя и, получив среднее образование, сам стал учителем хуторской школы. С разных лет Александр Михайлович питал горячую любознательность и глубокий интерес к родному и близкому для него народному песенному творчеству донского казачества. С течением времени у него созрело стремление заняться систематическим собиранием и изучением богатейшего фольклора донских казаков и, начиная с 1894 г., он приступает к записи казачьих былин и песен.

Прекрасный слух и острое музыкальное чутье, незаурядные композиторские данные, умение точно фиксировать фонетические и другие особенности текста песен и их музыкальные мотивы с самого начала выгодно отличали работу Александра Михайловича от dilettantских начинаний различных любителей казачьего фольклора. Неслучайно поэтому доклад А. М. Листопадова о донских казачьих песнях, сделанный им в 1902 г. на одном из заседаний Московской музыкально-этнографической комиссии, привлек к себе должное и заслуженное внимание. В 1902—1903 гг. он стал во главе первой донской песенной экспедиции, собравшей обширный и ценный материал, послуживший основой для дальнейших его плодотворных изысканий в области песенного творчества донских казаков, являющегося своеобразным и ярким ответвлением общерусской народной песни.

Желая получить систематическое музыкальное образование, А. М. Листопадов поступил в Московскую консерваторию и был близок к ее успешному окончанию, но за три месяца до выпускных испытаний он как участник революционного движения был выслан из Москвы, а затем и из пределов родного Донского края. Однако ни репрессии, ни материальные лишения не заставили его прекратить любимую работу.

В 1911 г. вышел из печати составленный А. М. Листопадовым сборник «Песни донских казаков», содержащий в себе 100 песен с текстами и музыкальными напевами. За этот серьезный и выдающийся по своему времени труд Александр Михайлович был удостоен золотой медали «В память международных конгрессов по антропологии и доисторической археологии». Тем не менее равнодушие местных властей и учреждений к работе по собиранию донского фольклора в сочетании с репутацией Александра Михайловича как политически неблагонадежного человека привели к тому, что в дореволюционный период времени он с трудом смог напечатать всего лишь четыре свои работы.

Полное признание заслуг А. М. Листопадова и наиболее широкое развитие его неутомимой и плодотворной деятельности пришло лишь с установлением советской власти. Возвратившись на Дон, Александр Михайлович снова занялся сбором и изучением донского фольклора — делом, составлявшим цель и смысл его творческой жизни. Окруженный вниманием и поддержкой советской общественности, А. М. Листопадов сумел значительно приумножить свои обширные фольклорные собрания и продолжить исследовательские наблюдения над донской казачьей песней. Много внимания уделял он сбору и изучению былин и песен, отражавших участие донского казачества в народных движениях XVII—XVIII веков, связанных с именами Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачева. Живо интересовался Александр Михайлович и новым, советским песнетворчеством колхозного Дона. Много и упорно работал он над донскими былинами и выяснением их своеобразия.

Огромный запас знаний и богатый опыт А. М. Листопадова принесли ему широкую известность в качестве крупнейшего знатока песенного творчества донских казаков. Он немало сделал для популяризации донского фольклора среди широких масс трудящихся. Его текстовые и музыкальные записи донских казачьих песен были широко использованы в репертуаре государственного ансамбля песни и пляски донских казаков, Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии и др. Многие из записанных им песен вошли в состав различных сборников русской народной песни¹.

¹ Ср., например, «Сборник русских народных песен», вып. 2, Военгиз, М., 1936 (10 песен Листопадова); вып. 3, М., 1937 (15 песен Листопадова), сборник И. Шишкова и С. Богуславского «Песни донских и кубанских казаков», М., 1937 (25 песен Листопадова), Сборник «Песни донского казачества», Стalingрад, 1938 (10 песен Листопадова), сборник «Фольклор Дона и Кубани», вып. 1, Ростиздат, Ростов-на-Дону, 1938, и др.

В последние годы Ростовское областное книгоиздательство выпустило в свет три работы А. М. Листопадова: «Донские былины» (1945, 91 стр.), «Донские исторические песни» (1946, 144 стр.), «Старинная казачья свадьба» (1947, 64 стр.). Все эти работы Александра Михайловича получили положительную оценку в ряде рецензий, опубликованных на страницах местной и центральной прессы (журналы «Советская книга», 1947, № 5, стр. 92—97; «Советская этнография» и др.).

Невзирая на старость и нездоровье, Александр Михайлович неустанно трудился на благородном поприще изучения устного и музыкального творчества русского народа. Его трудолюбие и энтузиазм достойны быть примером для молодого поколения советских фольклористов.

Нам вспоминается эпизод, относящийся к зиме 1938 г. Ростовская областная фольклорная комиссия снаряжала тогда экспедицию для сбора и записи в донских станицах образцов старых и новых народных песен, былин, сказов и частушек. Стояли суворые морозы, но понадобилось немало труда убедить Александра Михайловича отложить свое участие в экспедиции. Он уже обзавелся валенками и настойчиво требовал помочь достать ему полушубок, уверяя, что за любимым занятием он скорее преодолеет свое нездоровье. Внимая настоятельным уговорам жены и врачей, А. М. обещал не принимать участия в экспедиции, но в назначенный час отъезда перед ее участниками предстала маленькая, закутанная в башлык фигура старого исследователя, и только с вокзала, уже перед самым отъездом, Александра Михайловича, больного, тяжело дышащего, с высокой температурой, удалось вернуть домой.

Своими неустанными трудами А. М. Листопадов сделал крупный вклад в отечественную науку о песенном творчестве русского народа и заслужил право на добрую и долгую память. Собранные и обработанные им материалы долго будут служить ценным и незаменимым источником для всех изучающих песенное творчество донского казачества, а одновременно и для композиторов, создающих произведения на темы народных мелодий.

Следует отметить, что, по инициативе Академии Наук СССР, Музгиз еще в 1938 г. принял к изданию пятитомный труд А. М. Листопадова «Песенное наследие донского казачества»². Выход в свет этого капитального труда, несомненно, был бы значительным событием в музыкальной жизни страны Советов. Издание «Песенного наследия донского казачества» явилось бы также достойным и лучшим памятником самому Александру Михайловичу.

Непременным долгом Ростовских областных отделений Союза советских писателей и Союза советских композиторов, Ростовского государственного университета им. В. М. Молотова и других местных учреждений и организаций является также за борьба о том, чтобы научное наследие Александра Михайловича было тщательно сохранено, изучено и подготовлено к изданию.

Смерть А. М. Листопадова — тяжелая утрата для советской фольклористики. Ростовским собирателям фольклора и композиторам следует с еще большей энергией и размахом продолжать почетное и нужное дело изучения произведений народного творчества на территории советского Дона, дело, которому покойный А. М. Листопадов отдал свыше 50 лет своей жизни.

Б. Лунин

² См. об этом труде «Информационный сборник Союза Советских композиторов». М., 1945, № 9—10.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

М. О. Косвен, *Матриархат. История проблемы*, Институт этнографии Академии Наук СССР, отв. редактор проф. С. П. Толстов. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 239, тир. 4000 экз., печ. л. 20^{3/4}, цена 22 руб.

Автор рецензируемой книги известен советскому читателю рядом специальных работ по истории первобытного общества, в частности работ в области историографии, научной биографии выдающихся представителей науки о первобытном обществе, а также в области изучения отдельных общественных институтов первобытно-общинного строя и проблем, связанных с ним. Одной из таких проблем, притом наиболее важных в науке о первобытном обществе, является проблема матриархата, которой автор, по его собственным словам (стр. 319), занимается уже в течение 20 лет. Вопрос о матриархате неоднократно трактовался в печати М. О. Косвеном как наряду с другими вопросами в отдельных его статьях, так и в специальных работах, посвященных в основном описанию конкретных матриархальных обществ различных стран и частей света. Таким образом, автор только что вышедшей из печати работы о матриархате является крупнейшим знатоком трактуемого вопроса.

Как видно из подзаголовка, книга посвящена истории проблемы матриархата и, помимо краткого введения, разделена на три большие, давные по своему объему части, носящие следующие названия: 1. От античности до середины XIX в., 2. От Бахофена до Маркса и Энгельса и 3. От Маркса и Энгельса до наших дней. Каждая из указанных частей содержит по шести отдельных глав, большая часть которых заключается кратким резюме.

В первой части книги, охватывающей историю проблемы матриархата на протяжении свыше двух десятков столетий, автор останавливается на представлениях древних о первобытности, отдельных отрывочных сведениях, имевшихся в распоряжении античных авторов по вопросу о матриархальных порядках у некоторых народов, а также на зарождении «воинствующей антитезы учения о матриархате» (стр. 18)—матриархальной теории, нераздельно господствовавшей затем на всем протяжении средних веков. Далее автор показывает постепенное, сначала медленное, а затем все ускоряющееся накопление материала о матриархальных порядках, сначала у народов Востока, а затем, начиная с эпохи великих открытий, в Америке и других частях света. Параллельно с приводимыми детальными сведениями о накоплении фактического материала автор приводит высказывания различных выдающихся представителей науки и философии XVII—XVIII веков. Среди них он справедливо выделяет двух исследователей: Лифто, нашедшего у ирокезов и гуронов матриархальный порядок и впервые сопоставившего его с «гинекократией», или господством женщин у народов древности, а затем Миллара, первого исследователя, признавшего матриархат в качестве хотя и не универсального, но вполне определенного порядка для прошлого человечества.

Значительное место во второй части книги автор посвятил творцу учения о матриархате — Бахофену, рассмотрению его концепции, вопросу о значении, которое имеет Бахофен в истории науки, а также судьбе его трудов, замалчивавшихся буржуазной наукой. Далее автор достаточно подробно излагает концепции Мак-Ленниана и создателя нового учения о первобытном обществе Л. Г. Моргана, а также взгляды ряда последующих исследователей, как сторонников учения о матриархате, так и противников этого учения.

Третья часть книги посвящена периоду, начинающемуся с середины 80-х гг. прошлого века — времени появления гениального труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» и заканчивающемуся современностью. Здесь автор детально останавливается на влиянии этого труда, а также всего марксистского учения на разработку вопросов первобытной истории вообще и про-

блемы матриархата, в частности, признании большинством исследователей в 90-х гг. прошлого века учения о матриархате, сменившегося позднее новым оживлением реакционных теорий в буржуазной науке. В последних главах книги автор характеризует новые направления в реакционной буржуазной этнографии — экономизм, теорию культурных кругов, культурно-историческую школу и их отношение к проблеме матриархата, а также упадок буржуазной этнографии, наряду с безраздельным господством реакционных взглядов и теорий в буржуазных странах, особенно в США, после второй мировой войны. В заключение дается краткий обзор успехов советской этнографии за 30 лет и приводятся материалы о разработке советскими учеными проблемы матриархата. С необычайной тщательностью и добросовестностью автор шаг за шагом прослеживает развитие проблемы матриархата, подробно разбирая взгляды каждого исследователя, в той или иной мере, хотя бы даже попутно при трактовке других проблем, писавшего или выступавшего по вопросу о матриархате. Многочисленные ссылки на литературу, приводимые с такой же тщательностью, с указанием на существование нескольких изданий или переводов, в частности переводов на русский язык, свидетельствуют об огромной работе, проделанной М. О. Косвеном по подготовке данного труда, а также об его большой эрудции.

Естественно, что автор книги не мог рассматривать проблему матриархата изолированно, вне связи ее с другими коренными вопросами истории первобытного общества, каковы, например, вопрос о роде, которому он посвятил отдельную главу, вопрос о промискуите и групповом браке, об авункулате, дуальной организации, кузенном браке и т. п. Наряду с высказываниями крупнейших исследователей истории первобытного общества по вопросу о матриархате М. О. Косвен сплошь да рядом в кратких чертах излагает и всю концепцию в целом того или другого ученого, а иногда даже возвращается к нему несколько раз в связи с эволюцией его взглядов на протяжении ряда десятилетий (Э. Тэйлор, М. М. Ковалевский). В результате можно отметить, что книга М. О. Косвена выходит далеко за рамки проблемы матриархата и излагает до известной степени историю развития всего учения о первобытном обществе. Это обстоятельство еще более увеличивает значение данной работы и ее пользу для читателя.

М. О. Косвену ярко и наглядно удалось показать в своей работе, что прогрессивное учение о матриархате на протяжении многих десятилетий неизменно отрицалось или замалчивалось буржуазной наукой, что буржуазные ученые создавали самые разнообразные теории, призванные опровергнуть универсальность матриархата как общественного порядка, свойственного ранним ступеням развития человечества. Там, где не удавалось замолчать или опровергнуть многочисленный, все более и более накапливавшийся фактический материал, буржуазные фальсификаторы истории пытались свести сущность матриархата к одной матрилингвистической филиации да кое-каким этнографическим «кульбезам» или доказать, что матриархат свойственен лишь некоторым народам современности или варварским народам античности; наконец, ограниченно связать его с определенной формой хозяйственной деятельности. После краха всех подобных попыток фальсификации первобытной истории буржуазные ученые нашли новый «выход из положения». Деятели культурно-исторической школы декларировали существование различных типов культуры, в частности для разбираемой проблемы наличие типов матриархальной и матриархальной, допуская последнюю лишь для некоторых, преимущественно отсталых народов, а наличие элементов матриархата у народов другой культуры объясняя заимствованием.

Наряду с этим автор весьма убедительно показал приоритет русской науки и прогрессивность идей русских ученых в вопросах первобытной истории и, в частности, в вопросе о матриархате. Некоторые русские историки еще до Бахофена, в середине XIX в., высказали ряд оригинальных, и прогрессивных мыслей по вопросу о высоком положении женщин в древнем обществе, в частности славянской женщины. Вместе с тем и самое учение Бахофена о матриархате, незаслуженно замолченное и забытое в Западной Европе, нашло отклик в России и было принято целой плеядой прогрессивных русских ученых и публицистов 70—80-х гг. прошлого века, которые своими трудами внесли значительный вклад в науку о первобытном обществе.

С большим интересом читаются те места книги, где автор останавливается на трудах К. Маркса и Ф. Энгельса в области первобытной истории. Здесь М. О. Косвеном приводятся любопытные факты, показывающие, например, что молодой Маркс еще в 1852 г. ознакомился с работой Миллара о матриархате и в этом отношении на двадцать лет опередил такого специалиста в первобытной истории, как Мак-Ленна (стр. 211—212). Автором приводятся также замечательные высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина о матриархате (стр. 316—317).

Существенным недостатком рецензируемой работы является отсутствие четко сформулированного самим автором определения матриархата. Совершенно ясно, что понятие о матриархате, данное автором в начале введения (стр. 3), не является полным и не может удовлетворить читателя. В связи с этим у читателя-неспециалиста должны вызвать недоумение многие критические замечания автора в отношении трактовки тем или другим исследователем различных сторон матриархата. Возьмем хотя бы вопрос о положении женщины и мужчины в эпоху матриархата. Автор критикует Жиро Телона (стр. 156), Ковалевского (стр. 258), Риверса (стр. 282) и многих других исследователей (стр. 308—309) за их тезис о главенстве в эпоху матриархата муж-

чины, в частности брата матери; с другой же стороны, он обвиняет «интерпретаторов» Бахофена, которые «выставляли дело так, будто бахофенов матриархат был эпохой обязательного и притом полного общественного или даже политического господства женщины, «власти» женщины и т. д.» (стр. 173). Невольно хочется спросить, какова же точка зрения самого М. О. Коссена по этому вопросу. Мы взяли здесь лишь один, наиболее характерный пример, но такие же замечания могут быть сделаны и в отношении других сторон проблемы матриархата.

В заключение следует отметить, что рецензируемая книга М. О. Коссена заслуживает всяческого внимания, является весьма ценным вкладом в советскую науку о первобытном обществе и несомненно будет служить необходимым пособием для всякого, занимающегося вопросами первобытной истории. Приходится только пожалеть, что книга не снабжена именным и предметным указателями.

Н. Кисляков

ЛОРД РАГЛАН — ТЕОРЕТИК РЕАКЦИОННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ¹

В 1947 г. в английском журнале «Folk-lore» был опубликован доклад лорда Раглана, вновь поднимающий на щит реакционную теорию творческого бесплодия трудового народа. Старая, знакомая теория реакционеров разных мастей и толков! В различных вариациях она проявлялась уже в начале XIX в. и к концу его расцвела на основе позитивистской методологии. Ее тесная связь с компаративистской совершенно очевидна. Вс. Ф. Миллер в первый период своей научной деятельности, будучи убежденным сторонником так называемой теории заимствования, в книге 1892 г. «Экскурсы в область русского народного эпоса» прямо заявил о создании былин господствующими классами,—на долю же народа он отнес забвение и искашение художественных эпических песен. На этой основе позднее выросла вся концепция его школы (так называемой «исторической»), утверждавшей аристократическое происхождение исторического эпоса и шире — фольклора в целом (ср. работы С. К. Шамбинаго, В. А. Келтуяла, акад. Владимирацова и др.). Философские основы этой «теории» достаточно ясны. Предельно четко они выражены в статьях Фр. Ницше, посвященных греческому эпосу. Теория создания фольклора господствующими классами по существу сводила на нет творчество народа, вычеркивала народ из истории культуры; тезис — народы подбирают и перепевают бродячие сюжеты — видоизменился в положение: народ питается тем, что к нему «спускается» (с большим опозданием!) «из образованных кругов общества». Буржуазные ученые в период становления империализма изобразили народ дикой, тупой, не способной к созидательной деятельности массой, карикатурно перенимающей «моду» вне зависимости от ее национальных очертаний и только тогда, когда она уже выходит из употребления в среде господствующих классов. Так, Джон Мейер писал о том, что народ только подхватывает и перепевает произведения «образованных и культурных кругов общества» или профессионалов, выполняющих «социальный заказ» феодальной аристократии и буржуазии, как только они выходит из моды в создавшей их среде. Подобные же нелепости провозглашались и некоторыми другими представителями «науки» утверждавшегося империализма. Взгляды на народное искусство, на материальную и духовную культуру народа находились в полном соответствии с теорией и практикой империалистических хищников. Теория сниженной культуры зачеркивает национальное творчество народов и выдвигает основой основ «творчество» господствовавших классов — ныне реакционной буржуазии.

Подлинная сущность теории сниженной культуры раскрылась в книгах Ганса Наумана. В Германии накануне прихода Гитлера к власти Науман проповедывал реакционные идеи снижения культуры и обесценивания ее в среде трудового народа. Это именно он писал о народе, питающемъя объедками, упавшими с барского стола; это он с захватом фашистами власти в Германии посыпал свой очередной «труд» Гитлеру.

Советская наука и общественность еще в 1936 г. вскрыли смысл и значение этой реакционной теории, нашедшей в буржуазной науке Запада наиболее четкое выражение, дали ей политическую оценку. В ряде статей центрального органа ВКП(б) газеты «Правда», в статьях научных и научно-популярных журналов была со всей очевидностью установлена обрисовавшаяся в 30-х г. связь теории Наумана с политикой германского фашизма, фальсификация им и его сподвижниками народного творчества.

И вот теперь, так же как накануне Великой отечественной войны в Германии 30-х гг., в Англии с трибуны научного общества звучит та же теория. Лорд Раглан как бы повторяет Наумана. В своем докладе лорд Раглан напомнил слушателям, что в 1934 г. Люис прочитал в фольклорном обществе статью «Участие народа в созда-

¹ Raglan Lord. The Origin of Folk-Culture. Presidential Address delivered before the Society on the Annual Meeting of March 5-th 1947. «Folk-Lore», vol. LVIII, June, 1947.

ии фольклора» (*The Part of the Folk in the Making of Folklore*). Люис доказывал, что народ не принимал никакого участия в творческой работе, в создании фольклора. Раглан подчеркивает, что в настоещее время этот вывод ему представляется «вполне обоснованным», и считает необходимым в данный момент опровергнуть предрассудок (*supersition*) о том, что народ был создателем фольклора. На эти опровержения ученого лорда вдохновила книга его французского коллеги проф. Альберта Доза (Albert Dauzat) «Деревня и крестьянин Франции» (*Le village et le paysan de France*). В исследователе Доза Раглан видит своего союзника — Доза, как и Люис, утверждает, что большая часть элементов крестьянской культуры принесена в деревню из Парижа и провинциальных городов (повидимому, тоже в результате запаздывающей из-за некультурности деревни «парижской моды»). Характеризуя типы построек, распространенные в различных провинциях Франции, Доза в своей книге заявляет, что строительные материалы и типы построек не зависят от тех или иных географических и экономических условий, а обусловлены влиянием городской цивилизации.

Полностью одобряя взгляды проф. Альберта Доза, лорд Раглан весьма недоволен другим исследователем-французом — Сесилем Шарпом (Cecil Sharp). Сесиль Шарп утверждает тезис об оригинальности народных мелодий. В докладе, прочитанном на заседании Фольклорного общества (Folk-Lore Society) в 1908 г., Шарп изложил две теории народного песенного творчества. Первая из них отрицает своеобразие народной песни и доказывает, что она не народна по своему происхождению, вторая подчеркивает своеобразие двух видов музыкального искусства и признает безусловную оригинальность народной музыки. Шарп стоит на позициях второй теории и близок по своим взглядам к английскому фольклористу Dupleley Hussey, который считает, что народные мелодии являются спонтанным выражением музыкального чувства народа. Лорд Раглан, излагая взгляды Dupleley Hussey и Сесиля Шарпа, возмущается тем, что опровергаемое им утверждение о создании произведений искусства народом поддерживается некоторыми музыкодедами. Раглан для подкрепления и обоснования своего возмущения «невежеством» исследователей обращается за помощью к тому же Доза и сообщает, что Доза выводил большую часть песен из Парижа. От себя Раглан добавляет, что иначе и быть не может, — ведь городские английские песни, *«Tippeggy»*, *«Roll out the barrel»* популярны в крестьянской среде; это, по его мнению, доказывает, что песни, популярные в верхушке феодального общества, при дворе, спускались оттуда в деревню.

Аналогично лорд Раглан расправляется и с народными танцами. Раглан считает общепризнанным, что танцы, которые в настоещее время носят название народных, исполнялись в прошлом в придворной среде. Предполагать, говорит Раглан, что умелые танцоры могли учиться новым движениям у «деревенщины» (*yokel*), так же абсурдно, как предполагать, что профессора могут обращаться к ученикам четвертого класса за новыми идеями для своих книг.

В том же духе лорд Раглан высказался в этом докладе на ученом заседании в Англии в 1947 г. о народных пословицах, народной одежде, народной медицине. Во всем звучала «старая погудка на новый лад».

Считая порочной даже постановку вопроса о народности и коллективности творчества, Раглан заявил, что попытка некоторых ученых представить народную культуру, народное искусство в их своеобразии, а не отражением культуры господствующих классов, является «ненаучным», «субъективным» предположением отдельных фольклористов. По его концепции, центрами средневековой деревни были помещичий дом и церковь; музыканты, певцы, актеры помещиков, церковные певцы были проводниками художественной культуры, переносили ее в деревню. Не было и не могло быть самостоятельного крестьянского искусства! — патетически твердит титулованый «ученый муж». Его, заявляет он, не могло быть потому, что хорошее, полноценное искусство всегда является результатом усиленной работы, — народ же к этому, по мнению Раглана, не способен.

До подобного цинизма утверждений можно было докатиться только ненависти, боясь и презирая трудовой народ. Такое отношение к своему народу и к народу других стран характерно для лорда Раглана — типичного представителя реакционной англо-американской буржуазии.

В. Чичеров, Н. Элиаш

НАРОДЫ СССР

Б. А. Рыбаков, *Ремесло древней Руси*, Изд-во АН СССР, 1948, 732 стр.

Развитие ремесла в древней Руси до недавнего времени было изучено нашей исторической наукой лишь в небольшой степени. Единственная, специально посвященная этой важной проблеме монография — книга Н. Аристова «Промышленность древней Руси» — вышла почти сто лет назад, в 1866 г. Нужно ли говорить, что она давно и безнадежно устарела как по своей методологии, так и по характеру фак-

тических материалов, из которых исходил автор? Выходившие с тех пор отдельные статьи и главы в общих работах, посвященных экономике древней Руси, ставя и разрешая иногда очень важные частные вопросы, не могли, разумеется, охватить проблемы в целом.

То обстоятельство, что древнерусское ремесло оставалось мало изученным, несмотря на то, что историческая наука в России прошла (в особенности за последние два столетия) огромный путь, находит себе объяснение в общей направленности русской досоветской исторической науки. С легкой руки некоторых историков, занимавшихся историей России в начале XVIII в., установилось мнение о том, что роль самого русского народа в историческом процессе создания русского государства была пассивной, что не только «начала государственности», но и основные производственные навыки, а следовательно, — и культурные ценности — не были созданы самим русским народом, но были привнесены на Русь извне. Население древней Руси представлялось историками в виде каких-то бродячих полудикарей, не знавших долгое время ни земледелия, ни ремесла, перемещавшихся в поисках пропитания из одного района обширной русской равнины в другой, добывая средства к существованию охотой, бортничеством и изредка беспокоя своих «культурных» соседей грабительскими набегами. В том или ином виде этот взгляд на историю русского народа мы находим у подавляющего большинства буржуазных русских ученых, среди которых были и такие крупные исследователи, как С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др. Нет ничего удивительного в том, что при такой общей установке исследователей они не обращали должного внимания на изучение русского ремесла. Между тем изучение письменных, а позднее и археологических источников привело к накоплению большого материала, свидетельствующего против такой предвзятой точки зрения. И С. М. Соловьеву и еще в большей мере В. О. Ключевскому, конечно, было прекрасно известно, что Русь совсем не была такой дикой страной, какой она представлялась их предшественникам, что на Руси существовало множество больших городов, да и сельское население находилось не на таком плачевно низком уровне развития. Однако эти известные им факты они освещали неправильно. В. О. Ключевский объяснял развитие городов исключительно транзитной торговлей и, перенося существовавшие в его время капиталистические отношения в далекое прошлое, объявил, например, новгородских бояр капиталистами. М. Н. Покровский, считавший себя марксистом, по сути дела лишь несколько видоизменил основные положения своего учителя В. О. Ключевского и, развивая его концепцию, «сконструировал» для древней Руси пресловутый «торговый капитализм». Как в общих курсах русской истории, тэк и при разработке частных исторических проблем не было и не могло быть правильного освещения накопившегося обильного фактического материала до тех пор, пока исследователи искали причин исторических закономерностей в сфере обращения, а не в сфере производства.

Общая установка историков приводила к недостаточно внимательному изучению основ древнерусской экономики — сельского хозяйства и ремесла, а недостаточная изученность этих вопросов порождала в свою очередь порочные исторические концепции. Для объяснения происхождения прекрасных, высокохудожественных образцов продукции русских ремесленников, сохранившихся в наших древлехранилищах или найденных при археологических раскопках, прибегали к искусственно притянутой «теории», согласно которой все лучшие вещи либо были привезены к нам из-за границы, либо принадлежали иноземцам-завоевателям, либо, наконец, хотя и были сделаны русскими мастерами (то признавалось с величайшей неохотой и почти исключительно в тех случаях, когда имелись прямые указания на русское имя мастера), но отражали опять-таки чужеземное влияние, так как мастера эти были якобы только робкими и неумелыми учениками иноземцев. Было бы, конечно, неправильно говорить, что все исследователи стояли на такой позиции. Но и те из них, которые, как И. Е. Забелин, своими работами доказывали самобытность русского ремесла, не будучи марксистами, не могли создать концепции, которая могла бы быть успешно противопоставлена изложенным выше положениям большинства их современников.

Только последовательное применение в исторических исследованиях марксистско-ленинской методологии могло помочь преодолеть порочные концепции буржуазных ученых, направить работы историков на правильный путь и, превратив историю в науку точную, выяснить действительное состояние древнерусской экономики и закономерности ее развития. Результаты этой работы мы видим в вышедших в последние годы и удостоенных Сталинской премии трудах советских ученых историков. Один из таких трудов, посвященный истории развития русского ремесла это — книга проф. Б. А. Рыбакова «Ремесло древней Руси».

«Ремесло древней Руси» является результатом многолетнего упорного и кропотливого труда. Автор изучил огромный археологический материал, сопоставил его с рядом письменных источников, дополнил этнографическими наблюдениями и критически переработанными данными имеющейся литературы. В результате получилась яркая картина развития ремесла в древней Руси, убедительно доказывающая, что еще в древнейший период ремесло было важнейшей частью «того хозяйственного фундамента, на котором строилась блестящая культура Киевской Руси, а впоследствии создавалось русское национальное государство» (стр. 3).

Исходя из основного положения В. И. Ленина о том, что «первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е.

производство изделий по заказу потребителя...¹» и что, «будучи необходимой составной частью городского быта, ремесло распространено в значительной степени и в деревне,— служа дополнением крестьянского хозяйства»². Б. А. Рыбаков подверг рассмотрению не только материалы, связанные с историей древнерусского города, но не менее тщательно исследовал и источники, относящиеся к деревне, в результате чего ему удалось выявить и описать различные стадии развития городского и сельского ремесла. Полученные в итоге этой колоссальной работы, в процессе которой были учтены все исследования советских археологов в области древней Руси, выводы оказались, как и следовало ожидать, чрезвычайно важными не только для ряда частных проблем, не только для проблемы изучения древнерусских ремесел, но и для русской истории в целом. Уже сам по себе основной вывод Б. А. Рыбакова о высоком развитии древнерусского ремесла имеет колоссальное значение в деле борьбы с пережитками укоренившихся в буржуазной русской и особенно в зарубежной исторической науке порочных взглядов, о которых говорилось выше. Сделать эти выводы Б. А. Рыбакову позволила марксистско-ленинская методология.

Особого внимания заслуживает чрезвычайно тонко разработанная автором методика работы. Привлекая для разрешения поставленных перед собой задач поистине огромный археологический материал наших музеев, Б. А. Рыбаков сумел восстановить на основании кропотливого анализа многих тысяч вещей все детали техники их производства. Он исходил при этом не только из небольшого сравнительно числа сохранившихся от тех отдаленных времен инструментов и остатков производственных сооружений (гончарных и металлургических печей, мастерских сапожников, камнерезов, ювелиров и т. п.), но главным образом из анализа тех следов, которые производственный процесс оставлял на самой вещи, созданной в его результате. Этот метод сам по себе не нов. Археологи давно научились на основании подобного рода признаков определять основные черты процесса производства. Так, например, посуда, изготовленная на гончарном круге, легко отличалась от лепной. Но Б. А. Рыбакову принадлежит честь разработки методики, которая позволила не только делать сравнительно грубые определения, но с документальной точностью находить вещи тождественные, изготовленные в одной литьей форме, одним мастером. Скрупулезная работа по детальному сличению сотен и даже тысяч сходных предметов привела к тому, что Б. А. Рыбакову удалось, пользуясь признаками, на первый взгляд незначительными,—отражением на готовой вещи дефекта литьей формы или дефекта инструмента мастера или, наконец, едва заметной особенности восковой модели, по которой сделана форма для вещи,—выявить комплексы вещей, сделанных в одной мастерской. Для этого требовалось проделать чрезвычайно трудоемкую работу. Так, для изучения одних только семилопастных височных колец, являющихся характерной частью племенного женского наряда славян — вятской, автору пришлось сделать для 483 экземпляров колец 116 403 сопоставления (стр. 29).

Этот метод сопоставления или, как он сам называет,— метод тождественности (стр. 30) — Б. А. Рыбаков сочетал с широким применением картографирования. Если метод тождественности позволил ему найти вещи, сделанные одним мастером в один сравнительно короткий отрезок времени, то картографирование археологических данных дало еще более интересные результаты, развившие успех, достигнутый при помощи первого метода. Так, картограммы производственного сырья показали важность для развития русского ремесла болотных, озерных и дерновых железных руд, запасы которых были на Руси во многих местах (стр. 39) и имели большое значение для железоделательного производства, что совершенно не учитывалось прежними исследователями, отрицавшими наличие местного сырья (стр. 123). Картографирование находок вещей, сделанных одним мастером, позволило выявить районы сбыта продукции деревенских и городских ремесленников (стр. 461) и показать, что если деревенские ремесленники обслуживали сравнительно небольшой замкнутый район, включавший лишь несколько соседних селений, и работали в большинстве случаев на заказ, то городские ремесленники уже в XI—XIII вв. обслуживали своими изделиями пункты, отстоящие друг от друга на сотни, а иногда — на тысячи километров, и работали уже не на заказ, а на широкий рынок (стр. 446, 460). Картографирование распространения шиферных прядиль, стеклянных браслетов и некоторых других вещей позволило Б. А. Рыбакову не только подтвердить новыми данными высказанное ранее Осовским предложение о распространении изделий из розового шифера по всей Руси из одного небольшого района (Овруча на Волыни), где имелись зажиги этого материала, но и проследить пути корабелников, разносивших эти прядильца вместе со стеклянными браслетами и некоторыми другими предметами женского домашнего обихода. Наметились и пути экспорта шиферных прядиль в Волжскую Болгарию и Западную Европу (стр. 125, 469). Так, при помощи методов тождественности и картографирования Б. А. Рыбаков дал ряд блестящих иллюстраций к известному положению В. И. Ленина о сети «мелких местных рынков, связывающих крохотные группы мелких производителей, раздробленных и своим обособленным хозяйстванием и массой средневековых перегородок между ними»³, и наряду

¹ Ленин, Соч., 4-е изд., т. III, стр. 285—286.

² Там же, стр. 286.

³ Там же, стр. 331.

с этим показать, как в силу тех или иных конкретных исторических обстоятельств отдельные категории вещей могли иметь очень широкое распространение.

Работа Б. А. Рыбакова построена на привлечении в широком масштабе не только письменных и вещественных источников, но и данных этнографических. Техника и социальная организация кустарной промышленности была тщательно изучена автором и это помогло ему расшифровать археологические материалы. Таковы, например, этнографические данные о совместном соседском владении гончарным горном и об устройстве современных горнов, которые помогли объяснить конструкцию древнерусского горна, раскопанного Б. А. Рыбаковым во Вещиже, и факт нахождения в нем посуды, сделанной различными мастерами (стр. 342—351, 364). Автор широко привлекает для иллюстрации своих положений диалектологический и фольклорный материал — наименования тех или иных терминов в различных славянских языках, некоторые поверья и былины (стр. 27). Так, сочетание фольклорных материалов — легенд о кузнецах-богатырях, сведений о празднике в честь Кузьмы и Демьяна с данными о постройке и бытования церквей Кузьмы и Демьяна в кузнечных слободах (стр. 748—760) позволяет Б. А. Рыбакову сделать далеко идущий вывод об организации ремесленников-кузнецов.

Мы видим, таким образом, что труд Б. А. Рыбакова создан на основе марксистско-ленинской методологии, что он суммирует все достижения, которые сделаны за последнее время в различных отраслях советской исторической науки и прежде всего многочисленные исследования самого автора.

Хронологические рамки, охватываемые книгой, чрезвычайно широки. Б. А. Рыбаков начинает свое исследование с истории развития технических навыков в начале нашей эры и, рассмотрев довольно скучный и мало до него разработанный археологический материал того времени, приходит к выводу, что уже в IV в. н. э. можно говорить о выделении у восточных славян специалистов-ремесленников. Попутно он убедительно доказывает несостоительность господствовавшей ранее теории, приписывавшей распространение на юге России целого ряда вещей культурному влиянию готов, которые якобы стояли на более высоком уровне, чем славяне. Анализ так называемых «пальчатых» фибул с выемчатыми эмалями, приписывавшихся ранее готовам, и ряда других вещей, привел Б. А. Рыбакова к выводу, что «готский мир Южного Крыма не имел никакого соответствия в античных краях» (стр. 66), что вещи, приписываемые готовам, были продукцией ремесленников славян — венедов (стр. 70). Так, скрупулезный анализ археологического материала, выявивший технику производства ряда вещей, помог опровергнуть чрезвычайно вредную «теорию» о готском влиянии на славян, за которую столь упорно хватались фашистующие «историки», видевшие здесь всемирно-историческую роль «высшей расы».

Так же попутно автор делает ряд чрезвычайно ценных частных историко-этнографических наблюдений. Например, анализ мартыновского клада (VI в.) и сопоставление его с рядом более поздних находок подтверждают глубокую древность некоторых элементов мужской одежды: «Рубаха с широкой вышитой вставкой является характерной для населения Приднепровья на протяжении нескольких столетий» (стр. 82—83).

Изучение раннего периода в истории ремесла древней Руси (до IX в.) Б. А. Рыбаков завершает чрезвычайно важным для всей нашей исторической науки выводом о том, что расцвет русской культуры в эпоху Киевской Руси был подготовлен всем процессом развития местного ремесла в течение предшествующих нескольких столетий: «Никакого перелома в развитии культуры (и, в частности, ремесла) в связи с появлением варяжских отрядов в Приднепровье не произошло» (стр. 115). Это положение Б. А. Рыбакова наносит еще один удар норманистским концепциям, вреде которых достаточно уже сказано в нашей литературе.

Рассматривая затем период IX—XIII вв., Б. А. Рыбаков вполне справедливо отделяет деревенское ремесло от городского. Археологический материал позволяет ему выделить не только изделия, изготовленные деревенскими и городскими ремесленниками, но и установить, что проникновение изделий городского ремесла в деревню связано прежде всего с наличием в деревнях представителей «молодшей» дружины (стр. 21). Особого внимания в разделе деревенского ремесла заслуживает разбор Б. А. Рыбаковым процесса варки железа. Материалы археологических раскопок служат ему для выяснения конструкции печей для варки железа и восстановления технологии производства, а анализ фольклорных материалов (в частности, Калевалы) (стр. 126) позволяет установить распределение процесса варки железа и обработки его по временам года. Сочетание использования археологических и этнографических материалов мы видим и в блестящем анализе техники производства различных кузнечных изделий и применения различных инструментов (стр. 135—138).

На основе рассмотрения процесса производства тех или иных видов изделий Б. А. Рыбаков в ряде случаев дает своеобразные перечни признаков, по которым можно на готовых изделиях определить следы производственного процесса, в результате которого получена данная вещь. Так, на стр. 157—158 он перечисляет признаки на готовых литьих изделиях, позволяющие определить технику литья, на стр. 160 — признаки, которые оставляют на чеканных изделиях инструменты чеканщика — пuhanсоны, зубчатые колесики и т. п., на стр. 212—217 — следы обработки зибилилом, напильником и т. д., на стр. 169—170 признаки изготовления сосуда на

ручном (легкого или тяжелого типа) и на ножном гончарном круге. Такого рода перечни чрезвычайно ценные для практической работы археологов и этнографов. Особенно следует отметить то, что Б. А. Рыбаков сумел выделить признаки, характерные для сосудов, изготовленных на ручном круге тяжелого типа (стр. 169). Предшественники его в исследовании этого вопроса, в том числе и М. В. Воеводский, отмечая по этнографическим материалам эту переходную форму гончарного круга, не могли, однако, указать признаки, по которым археолог мог бы установить бытование такого круга тяжелого типа в древности. Точно так же большое значение для практической работы археологов имеет составленный Б. А. Рыбаковым каталог гончарных клемм, выдержки из которого сведены им в таблицу на стр. 179 и убедительно доказывают наследственность гончарного ремесла.

Центральной главой «Ремесла древней Руси» как по объему (231 стр., т. е. около 30% всей книги), так и по значению является глава III, посвященная городскому ремеслу IX—XIII вв. Здесь рассмотрены кузнецко-слесарное и оружейное дело, обработка меди, серебра и золота, литейное дело, ковка и чеканка, тиснение и штамповка серебра и золота, чернь, позолота и инкрустация, филигрань и зернь, волочение проволоки, эмаль, гончарное дело, производство стекла, кожевенное производство, ткачество и портняжничество, обработка дерева и кости, обработка камня и художественная резьба, строительное дело и, наконец, переписка, иллюстрация и отделка книг. Уже из одного перечня производств, рассмотренных в этой главе, яствует, что автор постарался охватить все стороны жизни древнерусского города, отраженные в продукции его ремесленного населения. Буквально в каждом разделе главы мы встречаем не только детальное рассмотрение соответствующего процесса производства, но и вытекающие из этого важные исторические выводы. Так, на стр. 232—234 Б. А. Рыбаков выделяет из русских курганных древностей шлемы и кольчуги русской работы и делает вывод, что уже в IX—X вв. кольчуги русских воинов были в основном не привозные с Востока, а местного производства. Так устанавливается присоритет русских бронников перед их западноевропейскими сородичами. Аналогичный вывод делает Б. А. Рыбаков и из анализа техники золочения, применявшийся древнерусскими ювелирами, которые «обогнали своих цареградских, итальянских и рейнских современников, создав новый вид техники золочения» (стр. 330).

Особый интерес представляет вопрос о так называемых имитационных формах. Автор выделяет большую группу вещей, до мельчайших деталей схожих с другими такими же вещами, но гораздо более грубых, и устанавливает, что вещи эти отлиты в особых формах, предназначенных для воспроизведения путем простого литья тончайших ювелирных приемов, например, тиснения, скани, зерни. Он устанавливает далее путем картографирования находок, что такого рода формы применялись мастерами, жившими в ремесленном районе Киева на Фроловской горе, а изготовленные в них вещи шли на широкий рынок. Верхушка же киевского общества не употребляла этого рода сравнительно дешевых изделий, пользуясь дорогими вещами с подлинной сканью, зерни и т. п. «Появление имитационных форм,— пишет Б. А. Рыбаков,— знаменует интересный перелом в истории ремесла — одновременное существование двух технических систем» (стр. 271), одна из которых, пользуясь сравнительно дешевыми инструментами, путем кропотливой работы создает дорогостоящие шедевры ювелирного искусства, другая же, изготовляя чрезвычайно сложные формы для имитации этих шедевров, создает потом с большой легкостью несколько худшие по качеству дешевые вещи, в точности подражающие первым. «Центр тяжести переносится на изготовление оборудования мастерской, на производство средств производства» (стр. 271).

В новгородской софийской ризнице хранятся два чрезвычайно схожих чеканных сосуда — кратиры с подписями сделавших их мастеров Кости и Братилы на днищах. Ранее считалось, что оба кратира сделаны для одного лица — новгородского посадника Петрилы Микульчича и примерно в одно время. Б. А. Рыбаков после детального анализа обоих сосудов с документальной точностью установил, что только один из них (с подписью мастера Братилы) мог действительно принадлежать этому посаднику и был сделан в конце XI — начале XII в. Другой же сосуд (с подписью мастера Кости) был сделан почти на целое столетие позже в подражание первому. Этот факт позволяет Б. А. Рыбакову выдвинуть чрезвычайно плодотворную гипотезу — не является ли второй сосуд «урочным изделием», изготовленным на получение звания мастера, как это было в обычаях в городах с развитым цеховым строем (стр. 299)?

Блестящий анализ техники изготовления перегородчатых эмалей (стр. 374—397) опровергает тенденциозное толкование буржуазным русским ученым Кондаковым русских эмалей лишь как огрубленного варианта греческого мастерства. Б. А. Рыбаков приводит слова современника киевских мастеров, некоего Теофила, автора специального трактата о ремеслах: «Если ты внимательно изучишь (трактат.—М. Р.), то помрешь тогда..., что в тщательности эмалей и в разнообразии черни открыла Россия» (стр. 393).

Так, шаг за шагом раскрывая высокий уровень развития ремесла в Киевской Руси, Б. А. Рыбаков констатирует, что «культура русских княжеств XII—XIII вв. предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блещущей изобретательской мыслью, быстро совершенствующей свою технику» (стр. 432). В противовес господ-

ствозавшим в буржуазной науке представлениям о том, что все вещи сколько-нибудь хорошей работы не являлись произведениями русских ремесленников, но были завезены на Русь из Византии или «более культурных» стран Запада, Б. А. Рыбаков устанавливает не только факт экспорта изделий русского ремесла в Швецию, славянские страны Запада (Поморье, Чехию, Польшу и т. п.) и даже в Византию, где, например, русскую резьбу по кости сравнивали с уменьем легендарного Дедала (стр. 474—475), но прослеживает даже пути, по которым шла экспортная торговля.

Особая глава «Ремесла древней Руси» посвящена выяснению категорий ремесленников Киевской Руси — сельских, вотчинных, монастырских, городских — и роли последних в жизни древнерусского города. Указав на данные раскопок многих русских городов, для которых «характерно то, что почти каждый городской дом является жилищем (или одновременно и мастерской) ремесленника» (стр. 205), автор затем, пользуясь весьма остроумными соображениями, почерпнутыми из анализа техники производства каждого ремесла, опровергает гипотезу А. А. Мансурова о том, что одни и те же ремесленники занимались одновременно разными ремеслами (например, гончарством и металлургией). Приводимые Б. А. Рыбаковым перечни материалов и инструментов, употреблявшихся ремесленниками таких узко специализированных профессий, как седельник, тульник, лучник, щитник, убедительно доказывают, что нахождение в одном жилище комплекса различных на первый взгляд инструментов отнюдь не подтверждает гипотезы Мансурова о слабой дифференциации ремесла, напротив, при достаточно внимательном анализе позволяет установить чрезвычайно развитую дифференциацию ремесла и узкую специализацию ремесленников (стр. 503 и 505). И внутри одной профессии можно проследить социальную дифференциацию ремесленников. В некоторых указаниях летописи мы можем видеть упоминания подмастерьев (стр. 513), и разобранный выше пример с сосудом мастера Кости, может быть, говорит о цеховых экзаменах. Сопоставляя эти наблюдения с летописными сведениями о борьбе ремесленников за участие в городском управлении, в которой они (в особенности в Новгороде) добиваются иногда серьезных успехов, Б. А. Рыбаков делает вывод, что в рассматриваемый период «история русских ремесленных городов в своих общих чертах совпадает с историей передовых городов Запада» (стр. 515).

Феодализация Киевского государства не сказалась отрицательно на развитии ремесла. «Наоборот, культура растет, охватывая новые области и изобретая новые технические приемы...» (стр. 521). «Перед русским ремеслом открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом североитальянских городов той же эпохи. Монгольские завоеватели растоптали и расхитили эту цветущую культуру в момент ее наивысшего подъема» (стр. 522).

Этому вопросу — о разрушительном действии на русскую культуру татарского нашествия — Б. А. Рыбаков уделяет самое серьезное внимание. Важность его станет нам понятна, если мы вспомним, что некоторые историки — и прежде всего историки «школы» Покровского — преуменьшали губительное влияние на Русь татарского нашествия и считали татарское иго едва ли не фактором дальнейшего прогресса русской земли. И вот, начиная вторую часть своей книги, посвященную развитию ремесла в период с середины XIII до середины XV в., Б. А. Рыбаков рядом убедительных аргументов доказывает губительность монгольского нашествия. Особенно показателен пример распространения крестов — энколпионов, сделанных в одной форме, при изготовлении которой надпись («святая богородица, помогай») по ошибке резчика была вырезана неправильно и на готовом изделии получилась обратной. Кресты эти, как доказывает автор, делались в Киеве накануне разгрома его татарами в 1240 г. Они найдены в землянке ремесленника, разрушенной при взятии Киева, и на теле киевлянина, погибшего при падении десятинной церкви в то же время. Они находили широкий сбыт в окрестностях Киева примерно на 100 км от города. И вот эти же кресты находят в районах татарских кочевий, куда было уведено множество людей из завоеванных татарами областей. «По целому ряду производств, — пишет Б. А. Рыбаков, — мы можем проследить падение или даже полное забвение сложной техники, огрубление и опрощение ремесленной промышленности во второй половине XIII в.» (стр. 534). И те же кресты с обратной надписью отражают этот упадок ремесла. Б. А. Рыбаков сумел выявить экземпляры крестов, сделанных после татарского разгрома в формах, полученных путем оттиска в глине этих более древних энколпионов (стр. 615), т. е. изделия более грубые.

Вторая часть книги значительно беднее по материалу, чем первая. Это объясняется прежде всего тем, что археологически период XIII—XV в. гораздо хуже изучен, чем предыдущий (и это — вина наших археологов). Но зато письменные источники, которых для этого периода несколько больше, позволяют автору иногда компенсировать отсутствие археологических материалов. Б. А. Рыбаков остроумно привлекает и письменные источники, относящиеся к более поздним периодам, — писцовые и лавочные книги (стр. 558—582, 836 и др.), акты (например, псковскую судную грамоту) (стр. 705), духовные и договорные грамоты (стр. 584), наконец, дипломатическую переписку (стр. 599, 660). И здесь он рассматривает отдельно сельское, вотчинное и городское ремесло. Как и в первой части, анализу ремесла сопутствует ряд ценнейших исторических выводов, например, вывод о росте имущественного и правового положения городских ремесленников, которым разорившиеся уделевые князья после смерти нередко оставались должны крупные суммы (стр. 591). Русские города

оправляются постепенно от татарского нашествия, и вот, в конце XV в. крымский хан Менгли-Гирей, который, конечно, мог получать лучшие доспехи, изготовленные прославленными в то время мастерами Дамаска, Стамбула, Багдада или Милана, каждый год просит московского великого князя Ивана III о присыпке оружия и доспехов русской работы, очевидно ценя их выше сирийских, турецких и итальянских (стр. 599).

Еще в середине XV в., задолго до приезда на Русь Аристотеля Фиоравонти, в Твери славился мастер-пушечник Микула Кречетников (стр. 603) и множество мастеров, отливавших колокола.

Разбирая развитие техники различных ремесел в городах Руси XIV—XV вв., Б. А. Рыбаков приходит к выводу, что «не пассивная подверженность всяческим влияниям, а творческое восприятие опыта соседей, включение, по мере возможности, в общую культурную жизнь, стремление возврдить разрушенное татарами — вот что характерно для русских городов XIV в.» (стр. 699).

Совершенно исключительный интерес представляет последняя, X глава книги, трактующая об организации городских ремесленников. До настоящего времени эта проблема, весьма важная для истории русского города не может считаться разрешенной. Цеховая организация, так хорошо прослеженная историками в западноевропейских городах, и в меньшей степени в городах Востока, на Руси, как будто бы не оставила никаких следов. Это давало повод многим историкам, в числе которых были и такие серьезные исследователи, как А. И. Никитский и Н. А. Рожков, отрицать существование цехов в русских городах. Противники этой точки зрения (например, М. В. Довнар-Запольский) могли противопоставить ей только общие соображения или сведения, относящиеся к сравнительно поздним периодам. Только в недавнее время М. Н. Тихомиров, опираясь на указания Маркса и Энгельса о характерной для всякого средневекового города корпоративной собственности, вызывавшей феодальную организацию ремесла в цехи, пересмотрел письменные источники и пришел к выводу, что древнерусские ряды и сотни представляли собой объединения ремесленников того же типа, который отмечен и в западноевропейских городах⁴.

Б. А. Рыбаков стоит на той же точке зрения и аргументирует ее свежим материалом археологических, письменных и этнографических источников. Указав на то, что и в западноевропейских городах не на всех стадиях их развития цеховая организация ремесленников была одинаково ярко выражена (стр. 737), он собирает отрывочные сведения о культе Кузьмы и Демьяна, связанного с кузнецами, о пирак-братчинах во Пскове, получивших отражение в псковской судной грамоте, об изготавлении урочных вещей в Новгороде, об экзаменах на звание мастера, практиковавшихся в Астрахани еще в XVII в., об участии ремесленников, и в частности кузьмодемьянского братства кузнецов, в борьбе за власть в Новгороде и приходит к выводу, что «улицы», «ряды», «сотни», «обчины» и «братчины» были формами корпоративных организаций XIV—XV вв.» (стр. 781). «...Русское ремесло подчинялось общим историческим законам, обязательным для Запада и для Востока, но в то же время оно шло своим самостоятельным путем, создавая ценности, носящие зоркий отпечаток творчества русского народа» (стр. 783).

Заканчивая обзор книги Б. А. Рыбакова, нужно отметить, что, как и всякое крупное исследование по кардинально важному и малоизученному вопросу, она не свободна от некоторых спорных положений, композиционных и литературных недостатков. Не со всеми положениями автора можно безоговорочно согласиться. Есть вопросы, которые заслуживают более подробного освещения.

Так, если хронологический рубеж между I и II частями исследования — татарское нашествие — не вызывает, с нашей точки зрения, никаких сомнений, так как автору удалось чрезвычайно убедительно доказать значение этого события в истории русского ремесла, то ограничение всей книги 1462 годом — годом вступления на престол Ивана III — представляется несколько искусственным. Автор, очевидно, и сам это чувствует, так как неоднократно привлекает для доказательства своих положений материалы, относящиеся к самому концу XV столетия (например, упомянутую выше переписку Ивана III с Менгли Гиреем, писцовые книги и т. п.). Нам представляется, что, может быть, было бы правильнее включить в рамки исследования весь XV век, так как тогда книга охватывала бы весь период до ликвидации феодальной раздробленности. Объединение русских земель — рубеж, гораздо более понятный, чем дата вступления на престол.

Нельзя согласиться с мнением автора о том, что в X—XI вв. на Руси был выработан особый тип меча — с опущенными книзу концами перекрестья и поднятыми нижними концами навершия, приспособленный для рубки с коня (стр. 225). Этот тип меча, определяемый Б. А. Рыбаковым как специфически русский, на самом деле распространен в это время и в других странах Европы. С нашей точки зрения, он представляет собой один из вариантов мечей так называемого «каролингского» типа; такие мечи производились, очевидно, и русскими и иноземными мастерами, и не представляли характерной особенности только русского производства. Нам уже слу-чалось разбирать способ употребления в бою «каролингских» мечей, широко распро-

⁴ М. Н. Тихомиров, Древнерусские города, М., 1946, стр. 162—163.

стремленных в ту эпоху на Руси и в Западной Европе⁵. «Каролингский» меч с тупым концом клинка был вообще приспособлен для рубки. Колоть им было нельзя. Поэтому он был для пешего боя неудобен и применялся, независимо от формы рукояти, для рубки с коня.

На стр. 525—538 и 695 Б. А. Рыбаков касается вопроса об упадке ремесла в Новгороде Великом в связи с татарским нашествием. Этот вопрос заслуживает более подробного освещения. Ведь Новгород не подвергся непосредственному разорению татарами. О массовом уводе новгородских ремесленников в татарский полон у нас также нет сведений. Стало быть, задержка развития культуры в Новгороде должна быть объяснена какими-то более глубокими причинами, может быть,—сужением после татарского погрома рынка сбыта продукции новгородских ремесленников в результате общего обнищания населения Руси. На стр. 190 Б. А. Рыбаков утверждает, что нельзя говорить о производстве шиферных пряслиц в самом Киеве. Между тем, Е. Н. Мельник говорит о наличии в Киеве на Фроловской горе мастерской пряслиц, подобной овручским, но гораздо больших размеров⁶. Если сообщаемые Мельник сведения неверны, это обстоятельство следовало бы особо отметить.

На стр. 106 автор разбирает происхождение семилопастных и семилучевых височных колец. Здесь следовало бы учсть гипотезу П. Н. Третьякова, считающего предшественником этих колец височные украшения из длинных курганов в виде дужки с пластинкой внизу и трапециевидными привесками⁷. С точки зрения структуры книги вызывает некоторое недоумение расположение разделов главы III. Здесь в разделы, трактующие об обработке металла и ювелирном деле (чернь, позолота, инкрустация, вложение проволоки, филигрань и зернь), вклинивается большой раздел — «Гончарное дело», затем идет опять отрасль ювелирного дела — «Эмаль», а потом — производство стекла. Было бы целесообразнее поменять местами разделы «Эмаль» и «Гончарное дело». Глава от этого еще выиграла бы в стройности.

Из мелких неточностей выражений укажу, что вряд ли можно называть квадратных кирпич размером 19 × 27 см (стр. 357).

Книга издана хорошо; иллюстрации достаточно ясны. Однако было бы желательно, чтобы столь важная археологическая работа была еще богаче иллюстрирована. Ведь 144 иллюстрации на 783 страницы текста — совсем не так много. При таком значительном объеме книги следовало бы снабдить ее указателями — именным, предметным и географическим. Несмотря на хорошее качество набора, в тексте имеется несколько досадных опечаток, перечислять которые здесь не место.

Можно было бы указать еще некоторые мелкие упущения автора и издательства, но уже из приведенного выше видно, что наши замечания носят частный характер. Недостатки книги незначительны и вызваны в подавляющем большинстве неизбежными трудностями издания большого обобщающего труда, а достоинства ее огромны. Книга Б. А. Рыбакова вполне заслуженно вошла в золотой фонд произведений советских ученых, отмеченных высшей наградой нашей страны — присуждением премии имени товарища Сталина. Долг советских ученых — историков, этнографов, археологов — продолжать работу над проблемами истории ремесла, углубляя разработку отдельных вопросов, которые по состоянию источников оказались хуже освещенными Б. А. Рыбаковым, и расширять хронологические рамки изучения ремесла. Особенно важно изучение развития русского ремесла в XV—XVII вв., когда экономическое развитие молодого русского государства пошло вперед поистине семимильными шагами.

М. Г. Рабинович

Л. Данилевич, *Музыка на фронтах Великой Отечественной войны*, Музгиз, М.—Л., 1948.

Великая Отечественная война мобилизовала все моральные и духовные силы советского народа на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. В этой борьбе широко было использовано советское искусство. Рецензируемая книга посвящена определению роли и места музыкального искусства в минувшей войне. Задача книги, по определению самого автора, состоит в том, чтобы показать формы музыкально-агитационной работы на фронте, условия, ей сопутствующие, и ее результаты. Автор не претендует на исчерпывающее освещение темы — музыка на фронтах Великой Отечественной войны, справедливо полагая, что полное раскрытие ее под силу только коллективу исследователей.

Работа Л. Данилевича представляет большой интерес не только для музыковедов, но также и для этнографов и фольклористов: последние найдут в ней весьма ценные сведения о развитии и бытования музыкального фольклора на фронте, о роли и значении его в жизни советских бойцов. Ценность данной книги повышается тем,

⁵ М. Г. Рабинович, Вооружение новгородского войска, «Известия АН СССР, Серия истории и философии», т. III, вып. 6, М., 1946, стр. 555—556, рис. 2.

⁶ Е. Мельник, Отдел первобытных древностей. Каталог выставки XI археологич. съезда, Киев, 1898.

⁷ П. Н. Третьяков, Северные восточно-славянские племена, Материалы по истории и археологии СССР, № 6, М.—Л., 1941.

что автор ее, музыковед-фронтовик, имел возможность наблюдать условия бытования музыкального фольклора на Южном, Северокавказском, Воронежском и Первом Украинском фронтах, а до настоящего времени мы располагаем еще далеко не достаточными сведениями о жизни фольклора на фронте¹.

Рецензируемая книга представляет собой ряд научно-популярных очерков, освещающих музыкальное творчество военных лет и музыкальную работу на фронте. В первых четырех очерках автор вскрывает идеиное содержание музыкальных произведений, созданных во время войны, а также освещает деятельность ряда советских композиторов в Действующей армии и во флоте. Наибольший интерес для фольклориста и этнографа представляют последние три очерка, посвященные изучению роли песни на фронте, деятельности военных оркестров и фронтовых концертных коллективов.

Л. Данилевич отмечает ту огромную роль, которую играла песня в военном быту, и приводит фронтовую пословицу: «в ночи песня — свет, в жару — тень, в мороз — телогрейка», характеризующую отношение к ней самих фронтовиков. На волнующих примерах из пережитого автор показывает, как песня облегчала трудности военных походов и воодушевляла на новые подвиги. Говоря об изменениях, внесенных войной в песенный репертуар, автор подробно останавливается на проблеме использования ранее известных мелодий при создании новых песен (стр. 44—45). Автор приводит ряд удачных примеров такого использования популярных песенных мелодий («Катюши», «Кочегара», «Каховки»). Это бывает, как правило, в тех случаях, когда новый литературный текст внутренне отвечает характеру музыки. Одновременно он указывает на явное несоответствие в иных случаях музыки и текста друг другу. В качестве примеров приведена самодеятельная песня «Метелица» на новый лад, неудачно соединившая антилитеровский текст с мелодией любимой русской лирической песни, а также пародия «Рыжие фрицы», исполнявшаяся на мотив народной песни «Будьте здоровы». К вопросу единства стиля музыки и текста автор возвращается еще раз (на стр. 54) при разборе произведений фронтовых композиторов. Недостаточная музыкальная культурность многих композиторов непрофессионалов проявилась в их творчестве, в частности, сочетанием мелодий опереточно-джазового, эстрадного стиля с серьезным, иногда даже глубоко трагическим текстом.

Интересные сведения об идеинно-воспитательной и художественно-просветительской работе военных оркестров найдет читатель в книге Л. Данилевича. Масштабы работы оркестров на фронте огромны. Отсюда и те высокие требования, которые следует предъявлять военным дирижерам². Военный дирижер должен быть не только хорошим музыкантом, но и опытным массовиком, способным руководить армейской самодеятельностью. Много внимания уделяет автор принципиально важной проблеме руководства армейской самодеятельностью. Политорганы Советской Армии повседневно руководят работой фронтовых коллективов. Новые идеинно и художественно полноценные произведения создавались именно там, где было обеспечено партийное руководство самодеятельностью.

В книге Л. Данилевича содержится ценный материал о выступлениях на фронте артистов-профессионалов, о концертах фронтовых ансамблей песни и пляски и красноармейской художественной самодеятельности. Тема фронтовой художественной самодеятельности очень мало изучена. Материалы, изложенные в настоящей работе, многое раскрывают в вопросе взаимосвязи фронтового фольклора с армейской самодеятельностью, в вопросе влияния профессионального искусства (выступлений артистов-профессионалов) на фронтовую художественную самодеятельность, однако сам автор этих вопросов совсем не коснулся.

Рецензируемая книга не свободна от ряда ошибок. Так, автор, говоря о том, что в начале войны многие из старых песен пелись с новым литературным текстом, пытается объяснить это явление тем, что, «когда совершаются большие события, искусство не всегда поспевает за жизнью» (стр. 43). Этот неверный тезис может привести к серьезным методологическим ошибкам, и сам автор убедительно опровергает его в настоящей работе, приводя целый ряд значительных музыкальных произведений, созданных советскими композиторами в первые же дни войны.

Неверна по существу употребляемая автором в отношении многих фронтовых песен терминология «варианты», «переделки». Обильно собранные советскими фольклористами произведения фронтового и партизанского фольклора позволяют говорить об этих песнях как о произведениях новых, вызванных к жизни фактами исторической действительности.

На стр. 46 автор справедливо отмечает, что степень популярности некоторых песен

¹ Из работ этого типа можно указать только на две печатающиеся в настоящее время работы фольклористов-фронтовиков — Л. Пушкирева и Н. Новикова, доложенные ими в декабре 1947 г. в Институте этнографии АН СССР на совещании по вопросам сабрирания, изучения и издания фольклора Великой Отечественной войны.

² Для подготовки квалифицированных кадров военных дирижеров в 1944 г. на базе военного факультета Московской государственной консерватории было создано первое в мире военно-музыкальное высшее учебное заведение — Высшее училище военных дирижеров Советской Армии (ВУД СА). Рецензируемая книга написана по плану научно-исследовательской работы этого училища.

советских композиторов не всегда соответствовала их художественным достоинствам. Он объясняет это особенностями художественного восприятия в фронтовой обстановке. Однако эта ссылка на специфику восприятия отнюдь не снимает вопрос об объективной ценности произведений советского искусства, которые обязаны, говорят А. А. Жданов, «развивать вкусы народа, поднимать выше его требования, обогащать его новыми идеями, вести народ вперед»³. К сожалению, автор недостаточно заостряет внимание на этом вопросе.

Серьезным недостатком настоящей работы является то, что автор мало внимания уделяет в ней музыкальному анализу фронтовых песен. Так, лишь вскользь затронул автор интересный вопрос переинтонирования композиторских песен в процессе их фронтового бытования; ничего не говорит автор об изменениях в музыкальном звучании лирической песни при переходе ее в строевую (явление, как известно, очень распространенное в свое время на фронте). Если бы автор полнее осветил ряд специальных музико-важных проблем, это сделало бы книгу более интересной и полезной.

Несмотря на указанные недостатки, книга Л. Данилевича, в которой даются известные обобщения личных наблюдений, представляет значительный интерес. Фольклористы и этнографы почерпнут в ней много полезного для своей работы по изучению фольклора Великой Отечественной войны.

Б. Гершкович

Л. П. Потапов, *Очерки по истории алтайцев*, Новосибгиз. 1948, стр. 504.

В своей статье «Советская школа в этнографии» С. П. Толстов указывал, что «основной формой обобщающего этнографического труда постепенно становится историко-этнографическая монография. Прекрасным примером таких нового типа историко-этнографических монографий является серия трудов известного исследователя народов Алтая и Южной Сибири Л. П. Потапова, в особенности «Очерки по истории Шории» и еще неопубликованная докторская диссертация «Алтайцы»¹.

Рецензируемый труд, принадлежащий перу того же автора, представляет собой солидную монографию, посвященную истории алтайских племен с древности до настоящего времени.

«Введение» излагает общие данные о расселении и самоизваниях отдельных групп алтайцев и дает краткие сведения об источниках книги, а также критический обзор истории изучения Алтая. Особо выделен параграф, посвященный изучению алтайцев за советский период. Первая часть книги (гл. I—IV) исследует историю Алтая с древнейших времен (о палеолите) до господства ойротских ханов включительно, т. е. до XVII в. Вторая часть начинается с включения алтайцев в состав русского государства (гл. I). Если первая часть делится соответственно основным историческим этапам, то во второй части наряду с историческим материалом имеются содержательные главы собственно этнографического характера об экономике (гл. V), родовом быте (гл. VI), общественном строе алтайцев (гл. VII). Последняя особенно тщательно разработана. Затем следуют разделы, анализирующие колониальную политику царизма (гл. VIII) и порожденные ею элементы капитализма (гл. IX); освещены особенности быта алтайцев того времени (гл. X—XII). Все это завершается XIII главой второй части «Значение периода пребывания алтайцев в составе русского государства для их истории». Монография заканчивается главой «Алтайцы в советскую эпоху».

Как видно из этого беглого перечня, рецензируемая монография дает стройное и последовательное изложение истории Алтая. В отличие от двух предшествующих работ того же автора, имеющих аналогичные названия — «Очерки истории Ойротии» и «Очерки по истории Шории»², данная монография не ограничена периодом русской колонизации, как первая, или собственно этнографическими сюжетами, как вторая.

Л. П. Потапов не впервые и не только в порядке привлечения аналогий обращается к историческим материалам для своих исследований. Известны его работы собственно исторического характера, например, глава об уйгурском ханстве в макете книги «История СССР»³ или статья «Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период»⁴. Однако упомянутые работы все же не отличаются тем широким использованием собственно исторических данных, которые привлечены в рецензируе-

³ Доклад тов. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Сокращенная и обобщенная стенограмма докладов тов. Жданова на собрании партийного актива и на собрании писателей в Ленинграде, Госполитиздат, 1946, стр. 28.

¹ С. П. Толстов, Советская школа в этнографии, «Сов. этнография», 1947, № 4, стр. 21.

² Л. П. Потапов, Очерк истории Ойротии, Новосибирск, 1933; его же, Очерки по истории Шории, М.—Л., 1936.

³ Ч. III—IV, М.—Л., 1940.

⁴ «Изв. Всесоюзного географического об.-ва», 1946, № 2.

мой монографии. В ней отмечено все главное, характеризующее особенности отдельных этапов истории Алтая.

Л. П. Потапов перечисляет и дает краткую характеристику основных исторических этапов истории Алтая, связывая ее с историей племенных государств Центральной Азии (см. гл. III). Признавая правильной основную периодизацию автора, я все же считаю не совсем точным подведение под рубрику «племенных государств» тюрков Алтая, уйгур, кыргызов, кидаев и найманов и, наконец, империи Чингисхана, как и включение кыргызов Енисея в состав племенных государств Центральной Азии.

Л. П. Потапов справедливо, но не всегда в достаточной мере, обращает внимание на исторические события, протекавшие на Енисее и в Семиречье. Между тем теперь все более вырисовываются активные связи Алтая с Семиречьем, проявляющиеся особенно в эпоху бронзы и ранних кочевников не только в одностороннем влиянии Алтая на быт и культуру кочевников Семиречья,— эта связь была обоюдной. Характерен, например, такой факт, что в могильнике Кудурге наряду с китайскими монетами эпохи не только Хань, но и Тан, времени «кай-юань» (713—742), была найдена тюргешская монета Мохэ Дагана⁵. Находкой этой монеты типично семиреченского чекана далеко не исчерпывается документация западных связей, явно шедших из Семиречья⁶. Пример этот взят лишь как характерный штрих в противовес господствовавшим в старой науке представлениям об одностороннем воздействии только с юга Монголии или Китая. Автор рецензируемой работы наметил правильный путь, но отсутствие достаточных сводок по этим важным для него районам не дало ему возможности учесть все необходимые материалы.

Трудность составления истории для бесписьменных в прошлом народов исключительно велика, например, для составления истории якутского народа, где эти трудности преодолеваются главным образом на основе археологического материала⁷. Там, где и этого материала нет, вопросы древности неизбежно остаются неосвещенными⁸.

Л. П. Потапов, опираясь на труды археологов-алтаеведов, на труды по истории смежных районов, воссоздает полную историю древнего Алтая, и читатель порой забывает, что многое здесь построено на отрывках из письменных источников и на отдельных фразах, обогащенных сопоставлением с вещественными данными. В этом большая заслуга автора, и здесь им сделано много. Но поскольку Л. П. Потапов избрал этот тяжелый путь, постольку рецензент не может удержаться, чтобы не указать на некоторые пропуски в этой части. Укажу, что в китайских источниках, даже в переводе того же Иакинфа Бичурина, имеется больше данных об Алтае, скрытом иногда от читателя — не-синолога под именем страны «Цзинь-шань», т. е. «Золотых гор». В качестве примера укажу, что с Цзинь-шанем, т. е. Алтаем, связаны племена гаэгой — древние уйгуры, которые у автора выступают главным образом с VIII в. (а не с V в., когда следует выделять гаэгой) и лишь как внешнее явление по отношению к Алтаю. Не подчеркнуто Л. П. Потаповым в достаточной мере, что тюрский каганат Монголии VI—VIII вв. — алтайского происхождения, в связи с чем его историю следует рассматривать несколько в ином аспекте, особенно по отношению к истории Алтая. В деле возрождения II тюркской династии Алтай также играл выдающуюся роль (восстание Чеби Кагана)⁹. Я не отмечаю других данных, но несомненно, что еще в гуннскую пору на Алтае существовали большие племенные группы типа синли (? или цайли), цзюеше (кыпчаков) и другие; особенно выявляется если брать Алтай в широком плане, включая Западный (напомню, например, племена северные чешы).

Прочтя этот раздел работы Л. П. Потапова, историк и археолог получат большую пользу для интерпретации своих материалов, особенно в части реконструкции быта древних кочевников (ср., например, стр. 80 и сл.). Удачно сопоставлено изображение на камне из Кудурге с руническими текстами (стр. 112).

Заслуживают большого внимания выводы автора о противоречии родовых и имущественных отношений. Я целиком разделяю вывод автора о причинах застойности исторического процесса на Алтае, развернутый им на стр. 122 и следующих. Позволю себе процитировать этот абзац. «Основная масса кочевого населения продолжала

⁵ С. И. Руденко, Алтайская экспедиция, Сборник «Этнографические экспедиции 1924—1925 гг.», стр. 76, рис. 1. Монета автором неправильно названа уйгурской. См: об этих типах монет в моей работе «Тюргешские монеты», Труды Отдела востоковедения Гос. Эрмитажа, т. II.

⁶ Ср., например, находки византийских монет на Алтае, — С. В. Киселев, «Вестник древней истории», 1940, 3—4.

⁷ См. А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии, Якутск, 1943; ср. особенно его докторскую диссертацию, еще не опубликованную. Тезисы диссертации «Очерки по истории Якутии — от палеолита до присоединения к русскому государству», Лен. гос. ордена Ленина университет, 1947.

⁸ См. аналогичное положение в интересной и содержательной работе Н. А. Кислякова, Очерки по истории Карагеяна, Сталинабад — Ленинград, 1941.

⁹ Иакинф Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, СПб., 1851, стр. 317 и сл.

живь обычной для них жизнью. Простота производственной структуры этих кочевых племен-общин, построенных по племенному и родовому признаку, приводила, очевидно, к тому, что эти кочевые общины постоянно воспроизводили себя в одной и той же форме. Являясь самодовлеющими, производящими самостоятельно все, что было необходимо для их несложного кочевого хозяйства, они — эти кочевые объединения — проявляли большую устойчивость и жизнеспособность; будучи разгромлены и рассеяны при очередном нашествии или набеге враждебной коалиции племен, они довольно быстро возникали вновь, часто на том же месте, под теми же племенными и родовыми названиями, или же, быстро оправившись от удара, входили в новую комбинацию таких объединений. Их устойчивость и неизменность находят объяснение именно в простоте структуры экономических элементов. Различные политические комбинации отдельных удачливых или неудачливых ханов-вождей, борющихся между собой за власть и влияние, не затрагивали основы хозяйственной жизни этих кочевых объединений» (стр. 122—123). Именно в этих экономических условиях, правильно вскрытых Л. П. Потаповым, кроется суть последующих за варваризацией процессов, восстанавливавших первобытные формы и консервирующих на многие сотни лет родоплеменные отношения.

В отдельных случаях могу указать на несогласие с автором, например, в отношении Кудурге к VII в. (стр. 106), в трактовке комплекса находок из кургана, раскопанного В. В. Радловым на р. Табажек, к послемонгольскому времени (стр. 129—130), в употреблении термина «алтайские феодалы» по отношению к VI—VIII вв. (стр. 165) и т. п. Следует отметить и явные ошибки и слишком частые опечатки, главным образом в сносках и, конечно, в иностранном тексте. Так, В. Томсен умер в 1927 г., и новый перевод на немецкий язык древнетюркских надписей издал Шедер в 1924 г., а не в 1921, как указано в сноске 2 на стр. 23. Попутно отмечу, что «Атлас древностей Монголии» имел четыре выпуска, а не два (стр. 23, сл. 1), и т. д. К сожалению, эти неточности иногда вкрадывались и в текст, из-за чего Рубрук попал в Семиречье на 40 лет раньше, чем это было в действительности (1213 г. вместо 1253 г.), а монеты Галдана получили тюркские легенды наряду с монгольскими (стр. 137), хотя на них тюркских текстов и нет.

Но все это — мелочи, не учтенные слишком кратким списком опечаток. Важнее отметить следующую существенную ошибку. Автор пишет: «Честь дешифровки енисейско-орхонских рунических текстов принадлежит датскому ученому В. Томсену, который опубликовал в 1893 г. ключ к их чтению. Пользуясь этим ключом и совершенствуя его, русские ученые быстро стали переводить и издавать эти камнеописные памятники и заняли ведущее место в их исследовании» (стр. 23). Это совершенно неверно. Не зная еще дешифровки В. Томсена (15 декабря 1893 г.), русский ученый В. В. Радлов, независимо от него, раскрыл тайну рунического письма. В. В. Радлову принадлежит честь первого перевода основного текста Кюльтегина, уже доложенного на заседании Русской Академии Наук 19 января 1894 г. и в том же году изданного в России¹⁰. В. Томсен только через два года (в 1896 г.), опираясь на В. Радлова, издал свои первые переводы (а не «четверть века спустя», как у Л. П. Потапова), причем сам В. Томсен писал: «Что касается толкования и перевода самих надписей, то я только сожалею, что я не Радлов»¹¹.

Уже в конце первой части Л. П. Потапов дает новый материал, не известный ранее исторической науке; мы имеем в виду привлечение архивных материалов Барнаула (стр. 139). Еще шире эта практика исследований применена автором во второй части его труда, нарастаая по мере приближения к современности. Если на 139 стр. выступили первые оригинальные архивные материалы, извлеченные лично автором, то с 144 стр. впервые появляются в массовом количестве историко-этнографические наблюдения, не считая, конечно, тех, которые были использованы для интерпретации археологического материала.

Во второй части автор рисует все стороны экономики и быта алтайского населения с XVII в. до нашего времени, являясь хозяином богатейшего исторического материала. Здесь Л. П. Потапов выступает научным новатором, обогащающим наши знания как извлечениями из архивных сводок, так и своими шестнадцатилетними сборами этнографического материала (1925—1941). Передать все богатство этих глав в краткой рецензии совершенно невозможно. Позволю себе отметить лишь то, что мне представляется наиболее ценным и актуальным.

Л. П. Потапов, основываясь на известных указаниях И. В. Сталина, правильно трактует соотношение патриархально-родового быта и патриархально-феодальных отношений у алтайцев. Из многих формулировок по этому вопросу (стр. 332 и сл.) отмечу одно из заключений автора: «Феодальные отношения алтайцев обычно были облечены в родовой костюм, с целью маскировки эксплоататорской сущности этих отношений» (стр. 333). Этот тезис подкреплен не только отдельными фактами, но составляет лейтмотив работы, выявляя тем самым ее политическую актуальность.

¹⁰ Л. Бернштам, Социально-экономический строй орхено-енисейских тюрков VI—VIII вв., стр. 18.

¹¹ См. «Сборник памяти В. Томсена», Л., 1928, стр. 19.

Другой заслугой автора является лишенное упрощенства, детальное и всестороннее рассмотрение влияния русской культуры и русского народа на алтайцев. Автор четко различает две культуры: народа и эксплоататоров, русского крестьянства и «августейшего» помещика. Уже в историографическом введении, последовательно рассматривая в историческом аспекте роль русской науки в изучении алтайцев, Л. П. Потапов сумел показать прогрессивные и отрицательные черты учёных того времени и выявить должное отношение советского учёного к их трудам. Аналогичные позиции он справедливо занял и в оценке роли духовной миссии на Алтае. Огромный материал, изложенный на 277 страницах, дал автору право написать краткую главу «Значение периода пребывания алтайцев в составе русского государства для их истории» (стр. 439—442) и начать ее заявлением: «Период пребывания алтайцев в составе царской России, несмотря на гнет колониального режима, дополнившегося еще угнетением собственной эксплоататорской верхушки, был все же для истории алтайцев прогрессивным по сравнению с прошлыми периодами» (стр. 439). Далее читаем: «Главной причиной столь значительного культурного прогресса алтайцев было непосредственное широкое общение алтайцев с русской народной средой. Совместная жизнь алтайцев с русским трудовым народом оказала глубоко положительное влияние на развитие их культуры» (стр. 440).

Заключая книгу, автор дал раздел об алтайцах в советскую эпоху, где наряду с краткой исторической справкой о борьбе за власть Советов на Алтае, он обрисовал те экономические и культурные достижения, которые алтайцы получили в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Глубоко прав автор, когда на примере бывшей батрачки у баа, ныне заслуженной артистки РСФСР А. П. Алтырковой, он обращает внимание читателя на эти колоссальные достижения. Л. П. Потапов призывает «вдуматься в такой факт, что артистка-алтайка поет романсы Рахманинова на алтайском языке, что ей внимаю и бурно аплодирует алтайская же аудитория, что артистка-алтайка свободно поет например, дуэт Лизы и Полины из Пиковой Дамы Чайковского в партии с русской артисткой, что артистка-алтайка выступает соло или с русским партнером в характерном или классическом танце. Понять все это почти волшебное превращение людей, еще четверть века тому назад не имевших понятия о печатном слове, не знаяших вкуса печёного хлеба, живших в первобытном корыевом шалаше, призывающих по всякому случаю жизни шамана, осмысливать и объяснять все это можно только при помощи ленинско-сталинской национальной политики, составляющей национальную гордость советского народа» (стр. 495).

Из отдельных, частных неточностей и неправильностей отмечу некоторые. Мне кажется неверным ставить на одну плоскость джунгарских и киргизских «феодалэв» XVII в. (см. 171—184). Относительно киргизских «князков» это вообще весьма условный термин. С другой стороны, несмотря на то, что они действительно являлись «организаторами» восстаний против царских воевод, их князь Иренак в результате долгой борьбы за независимость счел все же нужным ити не под власть Алтынхана и ему подобных, а отправил послов в Москву с просьбой принять его с людьми в русское подданство. Просьба Иренака была удовлетворена.

Автор и в этой части пользуется сравнительным материалом, особенно при анализе социальных отношений, беря примеры из близких к Алтаю народов (например, казахов).

Укажу, что полыши (стр. 298) и отчасти тен-улеш следовало бы сопоставить с сауном казахов. Айбы-күн напоминает ювар у туркмен. Непонятно, почему Л. П. Потапов считает родовых старейшин всегда носителями родового «демократизма» (стр. 319). Родовые старейшины при известных условиях могли превращаться (и превращались) в эксплоататорскую верхушку. Для многих явлений можно было бы привести аналогии из древней истории родственных алтайцам народов. Например, «строгая дифференциация в терминологии родства по возрасту» (стр. 266) уже была отмечена мной для VI—VII вв. у тюрок¹². Аналогично было в то же время и положение раба «кул» и закрепощенных типа «айбычы». Последний тип зависимости получил, видимо, особенное развитие при монголах. Не следует ли айбычы сравнивать с монгольскими албату, подобно тому как алтайских кодекс с могольскими же нукерами? Учитывая вхождение алтайцев в систему упоминаемых государств (орхолские тюрки, монголы), эти сопоставления можно было бы считать уместными и исторически оправданными, а для выяснения генезиса и сущности явлений — необходимыми. В этой связи особый интерес представляют сеоки (роды) кыпчак, найман, кыргыз (стр. 255). Для Алтая характерна не просто этнонимика государств, кои владели Алтазем, а этнонимика реальных племенных соседей, независимо от их вхождения в состав того или иного центральноазиатского государства. Кыргызы были ближайшими соседями алтайцев. Я даже допускаю, что в VIII—IX вв. Алтай составлял часть кыргызского государства Енисея. Об этом имеются свидетельства в китайских источниках (Таншу), а также косвенные данные в литературе на арабском и персидском языках (например, Худут-ал-Алам — Хв. Гардизи — XI в., Марвази — XII в.) и др.

¹² См. «Родовой строй тугю», Изв. ГАИМК, вып. 100; ср. соответственную главу в моей книге «Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок».

Найманы, я полагаю, были омонголенные «секиз огузы» рунических текстов, а, судя по Селенгинскому тексту, они жили в непосредственной близости от Алтая, как и древние кыпчаки, которые, как я пытался показать в своих печатных работах¹³, были жителями Алтая («о-го-западного?», по крайней мере с конца III в. до н. э. до VIII в. н. э.

Вообще, изучению алтайской топонимии и особенно этнонимике, как и эпосу, следует уделить серьезное внимание, ибо после работ Н. Аристова никто не возвращался как следует к этим вопросам.

Мы не можем останавливаться на других интересных вопросах, решенных или поставленных работой Л. П. Потапова, например, на его анализе богатого статистического материала для выяснения роли капиталистических элементов в алтайской экономике (стр. 376 и сл.), на блестящих характеристиках в связи с этим баев Кульджина и Тобокова (стр. 382 и сл.), на содержательной главе о бурханизме и т. п. Кстати отмечу, что японская фашистская «научная» печать еще недавно в своих языковых «классификациях» уделяла Алтая немалое место, приспособливая в своих интересах «урало-алтайскую» теорию. Приведенные автором материалы, разоблачающие прояпонскую ориентацию вождей бурханизма, имеют большую ценность.

Новосибгиз, издав приемлемую по формату и шрифту книгу, недостаточно хорошо справился с техникой и корректурой. Мы уже отмечали многочисленные опечатки. Очень различны по качеству исполнения клише и особенно их печать, раздражает иногда верстка и неравномерность полос. Очень жаль, что книга не имеет указателей. Встречаются повторения в тексте, особенно в конце книги, например, о зайсанах. Однако эти промахи ни в какой мере не влияют на общую высокую оценку книги, которая с удовольствием и пользой будет прочитана широким кругом историков. Труд Л. П. Потапова — несомненная удача исследователя, полезная и нужная книга. Немаловажным ее достоинством является ясное и простое изложение.

А. Н. Бернштам

НАРОДЫ ОКЕАНИИ

E. J. B. Foxcroft. *Australian native policy*, Melbourne and London, 1941, стр. 168.

Центральная тема книги — трагическая история австралийских племен, проживавших в штате Виктория. Попутно более кратко рассказывается об участии австралийцев других штатов. К сожалению, автор книги не ставит перед собой задачи просто и более или менее объективно изложить суть дела. Его задача состоит в том, чтобы изобразить колонизаторов как «добрых» и «мягкосердечных» людей, которые очень «хотели помочь туземцам, но «не знали», как это сделать. «Желание было, — пишет автор, — но знания не было» (стр. 27). Если верить автору, то англичане травили, убивали, морили голодом туземцев только потому, что «не знали», что это приносит им «ущерб». «Хотя мы знаем теперь (только теперь! — Н. Б.) об ущербе, причиненном туземным расам, — пишет автор, — но это знание пришло к нам только после столетнего опыта» (стр. 20). Истребление туземцев и изгнание их с принадлежащих им территорий автор описывает в чрезвычайно деликатной форме. Занятие страны англичанами, пишет он, «возможно (!), вызвало конфликт (!) между туземцами и вторгшимися белыми... Поселение белых, очень возможно (!!), согнало племена с их собственных территорий» (стр. 19). Об охотах на туземцев с огнестрельным оружием, о массовых отравлениях их ядом и т. д. и т. д. автор упоминает только потому, что об этом просто нельзя не упомянуть, слишком уж это всем известно. Он так и пишет: «Нельзя не упомянуть (impossible to overlook) о карательных экспедициях, официальных и неофициальных, примеры которых имеются в истории каждого штата» (стр. 28). Автор, однако, не приводит этих примеров, он совершенно не раскрывает черных страниц «белой» Австралии. Он описывает в своей книге только попытки миссионеров и протекторов «защитить» туземцев, «цивилизовать» их. Но если присмотреться поближе к этим, по мнению автора, «белым» страницам, то нетрудно увидеть, что и они густо забрызганы туземной кровью.

В Австралии до открытия золотых месторождений почти совершенно не было белых поселенцев. Приходилось поэтому искать рабочую силу среди туземцев. Задача миссий и протекторатов состояла в том, чтобы приучить туземцев к оседлой жизни, к послушанию колонизаторам, привить им веру в бога, обучить их немногого грамоте, чтобы после этого их можно было использовать как рабочую силу. Бартон в 1835 г.

¹³ См. «Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии», сборн. «Советская этнография», VI—VII, 1946.

предлагал «поселить туземцев в деревнях, попытаться привить им вкус к удовольствиям... и заставить их работать». Грей писал в том же году: «В наиболее цивилизованных частях колонии туземцы должны быть собраны в массы и наняты на масштабную работу. Работа должна быть продуктивной, чтобы никто не мог пожаловаться на то, что терпит убытки» (стр. 26). Грей даже формулировал «теорию», согласно которой «цивилизация туземцев может быть достигнута только путем использования их в качестве наемных рабочих». Как ни пытался поэтому автор изобразить организацию миссий и протекторатов как филантропический акт, он не может скрыть, что деньги на организацию миссий и протекторатов давали люди, отнюдь не желавшие «терпеть убытки». Как только в Австралии появилось достаточное количество белых поселенцев, финансовая «поддержка» миссий и протекторатов со стороны этих людей прекратилась, и на этом окончилось их недолговременное (менее 20 лет) и бесславное существование. Более того. Люди, дававшие деньги, не только не желали «терпеть убытки», но претендовали на немедленное получение прибыли. Поэтому миссионеры и протекторы, расселив туземцев по деревням, сразу же приуждали их работать «за пищу и одежду» (стр. 40). Однако еще быстрее, чем эта хваленая «цивилизация», шел процесс зверского истребления туземцев. В 1832 г. миссионер Трель-кельд получил от правительства большую территорию для организации миссии. «В 1842 г. он отказался от этого проекта в связи с тем фактом, что большинство туземцев его района умерло» (стр. 31). Другой миссионер писал, что туземцы «ужасно быстро» вымирают, «благодаря контакту с европейцами», и что к тому времени, когда он выучит их язык, все туземцы, вероятно, исчезнут (стр. 83). Этот миссионер весьма красноречиво пишет «о смертельном влиянии безбожных европейцев» на туземцев.

История попыток «цивилизовать» туземцев в районе Порта Филипп (Виктория) сводится, по описаниям автора, к следующему. В 1835 г. возникла «ассоциация», имеющая целью «заселение» Виктории. Представитель «ассоциации» Батман прибыл в Порт Филипп, встретил, если верить ему, 55 туземцев и «купил» у их «вождей» землю. Эту покупку автор сам характеризует, как «чревоноядное надувательство» (стр. 33). Автору понадобился «столетний опыт», чтобы это понять, а современнику Батмана, Веджу, уже тогда все было ясно. Он писал в «ассоциацию», что у туземцев даже не было вождей, которые могли бы продать Батману землю. Письмо Веджа, однако, прошло через руки Батмана, и он сообщил Веджу, что он это письмо «послал с некоторыми изменениями; вы не должны были говорить, что там нет вождей» (стр. 34). Таково начало. «Ассоциация» получила, конечно, разрешение «заселить землю» и сразу же позаботилась пригласить миссионера и одеть 80—100 туземцев в европейское платье. Губернатор Артур (организатор «черной погони» тасманийцев в 1830 г.) был «в высшей степени удовлетворен» действиями (стр. 38). Кроме того, «ассоциация» организовала полицейскую магистратуру. Таким образом, в районе Порта Филипп одновременно стали функционировать миссионер Ланхорн и капитан Лонсдейль; причем миссионер выполнял распоряжения капитана и отчитывался перед ним. Лонсдейль послал Ланхорна устроить постоянное поселение туземцев и кормить их «в награду за труд». Туземцы, однако, очень скоро сбежали из деревни, а дети — из школы. Ланхорн признал, что обе цели миссии — наем туземцев на работы и воспитание детей — не были достигнуты. Лонсдейль решил действовать сам и организовал туземный полицейский корпус. Автор рассматривает это мероприятие, как «второй правительственный эксперимент», вторую попытку «цивилизации» туземцев. Лонсдейль собрал 15 туземцев из разных племен, одел их в военную форму, но и из этого ничего не получилось. Несколько позднее эта попытка была повторена, и корпус удалось организовать при помощи Биллибеллари, влиятельного туземца одного из австралийских племен. Но затем этот туземец сбежал, «увидев, что корпус использовали для того, чтобы арестовывать и даже убивать других туземцев», а остальные туземцы закончили свою полицейскую карьеру «горькими пьяницами» (стр. 88, 89). К этому времени в Новом Южном Уэльсе был создан протекторат, но его действия ограничились районом Порта Филипп (Виктория тогда входила еще в Новый Южный Уэльс). Главным протектором был назначен печально известный Робинсон, «хотя его разрешение тасманийской туземной проблемы... уже привело, фактически, к их полному исчезновению» (стр. 58). Робинсон послал одного из своих ассистентов, Дреджа, в район Порта Филипп, где тот построил дом и поселил в нем туземцев, но Робинсон дал ему очень мало съестных припасов, разъяснив в последнем письме, что кормить нужно только детей, стариков и больных, остальные пусть работают без «награды за труд». Туземцы, конечно, ушли от Дреджа, и Дредж послал Робинсону письмо с весьма едкими замечаниями «по поводу этой несчастной системы, называемой протекторатом». Этим, однако, дело не кончилось. Автор подробно рассказывает и о других «экспериментах», которые все окончились неудачей: англичанин — хороший колонизатор, но плохой цивилизатор. Наконец, в 1849 г. был создан комитет с целью выяснить причины неудачи протектората в Порте Филипп. Комитет пришел к весьма знаменательному выводу: нужно, оказывается, сначала цивилизовать самих «цивилизаторов», «повысить интерес к религии и воспитанию среди белого населения», что, как правильно было отмечено, будет «к выгоде для туземцев» (стр. 74).

Сразу же, как только было открыто золото и в Австралию хлынул поток белых поселенцев, протектораты, миссии, туземные школы прекратили свое существование.

Появились в избытке белые рабочие руки, и сразу же был сделан следующий вывод: «Для чистокровных туземцев нельзя ничего сделать, разве только облегчить неизбежный процесс вымирания, насколько это возможно. Легкая смерть была, фактически, целью туземной политики в Виктории с 1850 года» (стр. 101). В результате такой бесчеловечной «политики» к 1935 г. в Виктории оставалось всего 55 человек туземного населения. Предоставляем читателю судить, насколько нагло звучат слова официального доклада 1938 г.: «Виктория обращается удовлетворительно со своим туземным населением. Проблема в этом штате стоит не так остро, как на Северной территории или в Западной Австралии и Квинсленде. Виктория опередила эти штаты в разрешении туземной проблемы» (Мельбурнский «Argus», 7/II 1938 г.). Даже автор, рьяный адвокат колонизаторов, не может не заметить, что Виктория только в одном отношении опередила другие штаты: «она продвинула (!) дальше исчезновение туземцев, чем те штаты» (стр. 108).

Книга, задуманная автором как оправдание колониальной политики, в действительности разоблачает зверства колонизаторов по отношению к туземному населению.

Н. Бутиков

СОДЕРЖАНИЕ

В. К. Соколова. Пушкин и народное творчество	3
Вопросы этногенеза	
С. А. Токарев. К постановке проблем этногенеза	12
Т. А. Трофимова. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры	37
Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР	
В. Ю. Крупянская и Л. А. Старцева. Фольклор колхозной станицы (По материалам Ставропольской фольклорной экспедиции)	74
Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы западного Памира (По материалам 1947—1948 гг.)	89
А. Н. Рейнсон-Правдин. Игра и игрушка народов Обского севера	109
С. И. Руденко. Древнейшая «скифская» татуировка	133
Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран	
П. Е. Терлецкий. О методах анализа и корректирования данных переписей об этническом составе населения зарубежной Европы	144
Д. А. Ольдерогге. Хамитская проблема в африканистике	156
Н. А. Петров. Китайский народный театр на пути к реализму	171
Из истории этнографии и антропологии	
М. С. Плисецкий. Об антропологических взглядах А. Н. Радищева	178
Л. Н. Пушкин. Из истории революционно-демократической этнографии. И. А. Худяков.	183
Заметки. Сообщения. Рефераты	
А. П. Прусаков. Современный фольклор московских рабочих	201
Хроника	
О. Корбе. Сессия, посвященная итогам экспедиционных работ 1948 года	208
И. Золотаревская. Дискуссия по вопросам антропогенеза	210
Н. Листова. Обсуждение издания «История культуры древней Руси», т. I	210
Н. Сабитов. Этнографическая работа в Казахстане	211
Б. Луини. [Александр Михайлович Листопадов]	212
Критика и библиография	
Общая этнография и антропология	
Н. Кисляков. <i>M. O. Косвен</i> . Матриархат	214
В. Чичеров, Н. Элиаш. Лорд Раглан — теоретик реакционной фольклористики	216
Народы СССР	
М. Г. Рабинович. <i>Б. А. Рыбаков</i> . Ремесло древней Руси	217
Б. Гершкович. <i>Л. Данилевич</i> . Музыка на фронтах Великой Отечественной войны	224
А. Н. Бернштам. <i>Л. П. Потапов</i> . Очерки по истории алтайцев	226
Народы Океании	
Н. Бутинов. <i>E. J. B. Foxcroft</i> . Australian native policy	230